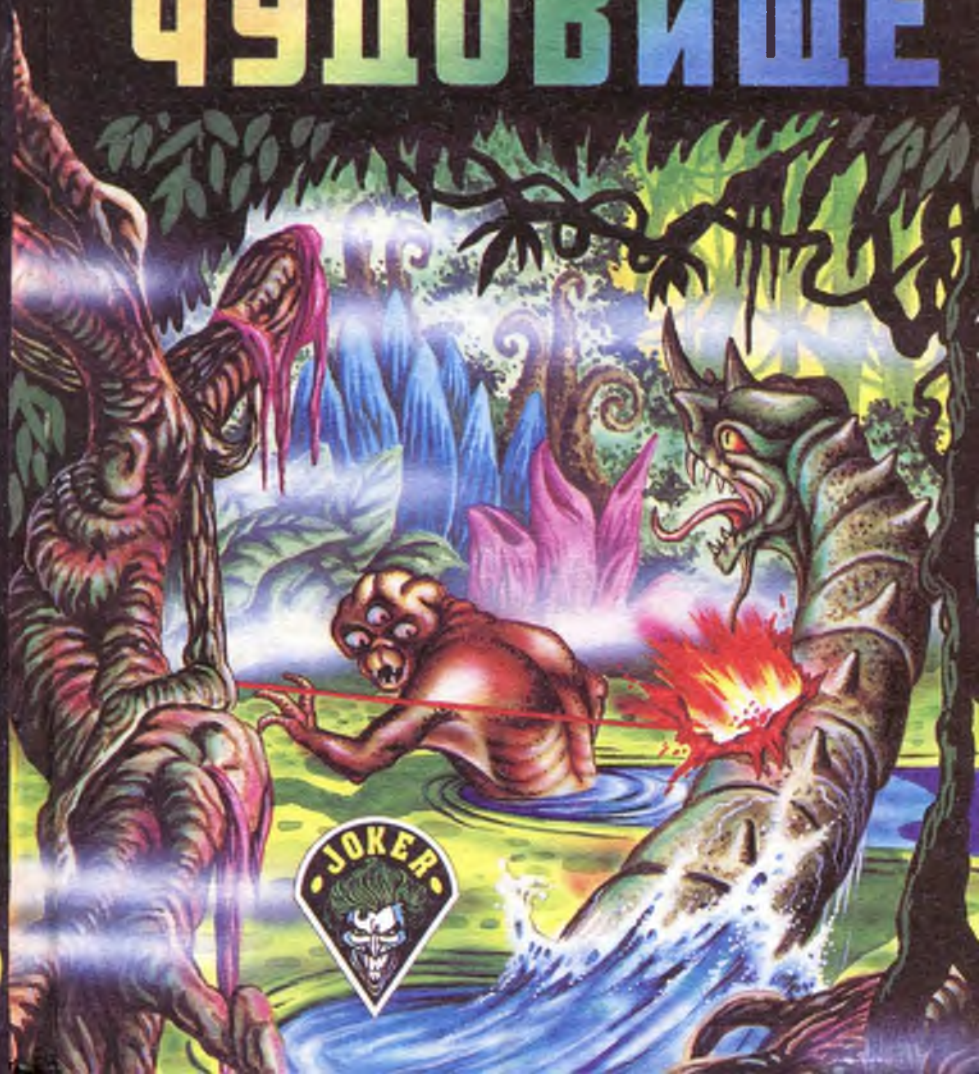

JOKE
BOOK

АЛЬФРЕД ВАН ВОГТ ЧУДОВИЩЕ

АЛЬФРЕД ВАН ВОГТ

АЛЬФРЕД ВАН ВОГТ

ЧУДОВИЩЕ

РИПОЛ
Джoker
1993

ББК 84.7 США
В 12

Серия «ДЖОКЕР»
Сбраник фантастических произведений

Автор и составитель серии
Андронкин Кирилл Юрьевич

Главный художник
Атрошенко Сергей Петрович

Главный редактор
Молчанова Ирина Давидовна

Редакторы
Залесов К.А.
Рудакова С.М.

Художники
Атрошенко С.П.
Хромов А.А.

Корректоры
Зубина К.И.
Плющ В.Г.

Технический редактор
Дырын Ш.Ш.

Компьютерный набор
Рожкова В.Б.

Произведения фантаста Альфреда Ван Вогта, получившего заслуженное признание во всем мире, отличаются увлекательными сюжетами, в которых есть все: захватывающие поединки между представителями разных миров, удивительные приключения на малоисследованных планетах, предательство, разоблачение и взаимовыручка. Словом, трудно оторваться от книги, тем более когда рассказывается о нелегкой борьбе землян с враждебными цивилизациями.

В 4703040100-024 без объявл.
070219-93

ISBN 5-87012-024-4

© РИПОЛ, Джокер, 1993
© Перевод В. Курганова, 1993
© Обложка С. Атрошенко, 1993
© Внутреннее оформление А. Хромова, 1993
© Составление серии К. Андронкина, 1993

ВОЙНА ПРОТИВ РУЛЛ

Когда звездолет исчез в клубящемся тумане атмосферы Эристана-II, Джемисон достал бластер. Его мутило, голова кружилась от болтанки. Чувство опасности не покидало его, несмотря на прочность тросов, которыми он был прикреплен к антигравитационной платформе, тихо раскачивающейся над ним.

Прищурившись, Джемисон рассматривал эзвала, который в свою очередь пристально разглядывал его с края платформы. Он смотрел на Джемисона своими тремя серыми, как сталь, глазами, и его огромная голубая голова, настороженно выглядывающая из-за края платформы, была готова — Джемисон знал это — мгновенно отпрыгнуть, едва прочитав мысль о выстреле.

— Ну, — резко сказал Джемисон, — вот мы и здесь, вдвоем, в тысячу световых лет от наших планет. Под нами пекло, которого вы, судя по тому, в какой изоляции живет ваша раса на планете Карсона, и представить себе не можете, хотя вы и читаете мои мысли. Даже 6000-фунтовому эзвалу не выжить там внизу в одиночку.

Огромная когтистая лапа высунулась из-за края платформы и дернула один из трех тросов, на которых висел Джемисон. Раздался резкий металлический щелчок, и трос лопнул. Джемисона по инерции подбросило на несколько футов. Затем он снова упал и начал раскачиваться на двух оставшихся тросах, как на качелях. Подняв бластер, он приготовился к защите.

Но эзвал больше не принимал попыток нападения, и по-прежнему над платформой возвышалась лишь его голова с тремя глазами, разглядывающая Джемисона. Внезапно Тревор Джемисон ощутил мысль, холодную и неспешную:

«Сейчас меня беспокоит только одно. Из сотни с лишним человек экипажа в живых остались только вы. И только вы из всей человеческой расы знаете, что эзвалы с планеты, которую вы называете планетой Карсона, не примитивные животные, а разумные существа. Ваше правительство испытывает огромные трудности с колонизацией нашей планеты именно потому, что нас принимают за животных, за природное зло, опасное, но неизбежное. Это убеждение мы хотим сохранить. Ведь как только вы поймете, что мы разумны, то поведете против нас безжалостную войну. А это помешает нашей цели — выдворению из нашего мира всех пришельцев. Вы знаете нашу тайну, и потому, чтобы не дать удрать вам

вниз, в джунгли, я прыгнул на эту платформу, как только вы выбрались из люка».

— Неужели вы думаете, — спросил Джемисон, — что если отделаетесь от меня, то и делу конец? А не забыли вы про второй корабль с детенышем эзвалов на борту? Он благополучно ускользнул от крейсера рулл и теперь находится на пути к Земле.

— Я не забыл, — презрительно возразил эзвал. — Я помню выражение лица командира корабля, которому вы намекнули на то, что эзвалы, возможно, разумны. Те, кого вы поймали, не предадут свою расу.

— Ну, не такие уж они альтруисты, как вы меня уверяете, — цинично ответил Джемисон. — Да вы и сами спасли себе жизнь, прыгнув на платформу. Вы не умеете ею управлять, так что мы находимся в одинаково бедственном положении, и я сомневаюсь, что ДАЖЕ ЭЗВАЛ способен...

Его голос оборвался на полуслове. Эзвал вскинул вверх свою чудовищную лапу со странными когтями и схватил огромную птицу. Отчаянно взмахнув неуклюжими парусообразными крыльями, птица метнулась вниз. Но ей это не удалось. Джемисон на мгновение увидел ее выпученные глаза и серпообразные когти, занесенные для удара.

От этого удара платформа закачалась, как лодочка в бурю. Джемисона кидало на его тросах из стороны в сторону. Порывы ветра и грохот крыльев создавали впечатление, будто вокруг него свирепствует буря. Задышавшись, он вскинул бластер. Белое пламя ударило в одно из крыльев и выжгло там черную дыру. Удары крыльев ослабели, и вскоре эзвал скинул птицу с платформы. Та медленно падала вниз, пока не затерялась на фоне джунглей.

Джемисон поднял голову. Эзвал, качаясь, стоял на краю платформы, четыре его лапы беспомощно хватали воздух, а оставшиеся две вцепились в металлические пластинки на поверхности платформы в отчаянной попытке удержаться. И он удержался. Огромное тело опустилось, и вновь только голова торчала над платформой. Джемисон опустил бластер и усмехнулся.

— Ну вот, — сказал он, — даже с птицей вам не справиться в одиночку. Я вас легко мог пристрелить, но вы мне нужны, так же, как и я вам. Ситуация такова: корабль погиб над островом в двадцати милях от материка, они разделены проливом Дьявола. Мы выбрались из корабля вовремя — минутой позже это стало бы невозможно. Однако, чтобы спастись, нам снова надо найти корабль. В нем запасы воды и еды, и он защитит нас от наиболее смертоносных существ, открытых человеком. Кроме того, я, наверное, смогу почи-

нить субпространственный передатчик, а может, даже и спасательный бот.

Но для этого каждый из нас должен приложить усилия, максимум усилий. Надо будет преодолеть 15-20 миль джунглей, чтобы выйти к проливу Дьявола. Затем построить плот, чтобы нам обоим переправиться на материк, плот, который защитит нас от морских чудовищ, каждое из которых может проглотить нас целиком. Ваша сила, телепатические способности, моя ловкость и мое оружие — вот наша ставка в борьбе за жизнь. Ну, что вы на это скажете?

Но ответа не было. Джемисон сунул бластер в кобуру. Вероятно, этого не следовало делать. Джемисон мог теперь надеяться лишь на то, что эзвал оценит разумность его предложения. Теплый влажный ветер овеивал его, принося первый слабый запах земли. Платформа была еще достаточно высока, так что можно было различить сквозь туман пятна джунглей и морей на поверхности планеты. Со временем картина становилась все грандиознее. Стали видны грива лесов, спутанные колыхающиеся растения, тянущиеся к северу, насколько хватало глаз. Где-то там, внизу, лежал пролив Дьявола.

— По вашему молчанию я должен предположить, что вы хотите идти в одиночку. Учтите, что существование вашей расы стало возможным только благодаря естественному отбору, который и создал ваше племя. Пока мы, люди, тряслись в пещерах, добывая огонь, отчаянно изобретали оружие всегда на волосок от гибели — все эти сотни веков вы бродили по своим владениям, бесстрашные, непревзойденные в силе и разуме, не нуждающиеся ни в одежде, ни в убежище, ни в огне, ни в оружии, ни...

— В приспособлении к среде, — холодно оборвал его эзвал, — главной задаче разумных существ. Человечество не создало того, что называется цивилизацией, — материальный барьер между собой и средой. Этот барьер настолько сложен, громоздок, что попросту препятствует развитию. Собственно, человек — это раб, всю жизнь пресмыкающийся перед техникой и погибающий от малейшей неполадки в своем болезненном теле. Но его высокомерие в сочетании с ненасытной жадой власти — величайшая опасность для других рас Вселенной.

Джемисон усмехнулся.

— Неужели же раса, успешно борющаяся против своих врагов, овладевшая знанием Вселенной, достигшая звезд, не достойна ни малейшей похвалы?

— Чепуха! — раздраженно откликнулся эзвал. — Человек с его идеями — это злокачественная опухоль. Ну вот, вы уже пять минут подряд изощряетесь в попытках убедить меня

в своем превосходстве и в то же время взывает к моей помощи. Это ли не пример человеческого коварства! Остальное очевидно. Скоро мы приземлимся. Учтите, я не причиню вам вреда, несмотря на то, что мог сделать это в любой момент. Я достаточно силен — вы этого не отрицаете. И пусть внизу есть звери сильнее меня — разница в силе покрывается разумом. Неужели эти примитивные твари одновременно и сильнее и умнее меня?

— Ну, таких тварей там нет, — медленно сказал Джеми-сон, встревоженный тем, что его аргументы не произвели нужного действия. — Поймите, ваша родная планета — необитаемый остров по сравнению с этой. Даже до зубов вооруженный солдат бессилен против толпы.

Ответ последовал мгновенно:

— Тогда тут и двое бессильны. Особенно если один наследственный урод, калека и больше мешает, чем помогает второму. Несмотря на свое оружие, которым он так гордится и на которое так надеется.

— Я не переоцениваю своего оружия, хотя мощь его на самом деле велика. И столь важная вещь...

— Как ваш могучий разум, надо понимать, — подсказал ему эзвал. — Тот, который принуждает вас высказывать эти бессмысленные аргументы.

— Не мой разум, — продолжал Джеми-сон упрямо, — а ваш. Я имею в виду то преимущество...

— Не важно, что вы там имеете в виду. Вы меня упорно убеждали в том, что не сможете в одиночку выбраться с этого острова. Ну что ж...

В то же время две огромные лапы сделали быстрое движение. Два оставшихся троса лопнули, словно струны. Удар был так силен, что Джеми-сона подбросило вверх, и он описал стофуттовую дугу, прежде чем начал падение в густом влажном воздухе.

Холодная, полная иронии мысль настигла его:

«Вы запасливый человек, Тревор Джеми-сон. У вас есть не только аварийный запас за спиной, но и парашют. Теперь вы и сами достигнете земли. С этого момента вы можете продемонстрировать свои разрушительные способности на всех обитателях джунглей, которых вам посчастливится встретить. Прощайте!»

Джеми-сон дернул вытяжной трос парашюта и замер в ожидании. Время шло, но его падение не замедлялось. Он завертелся, пытаясь выяснить, что произошло с парашютом, не запутался ли он в тросах, оборванных эзвалом. Но первый же взгляд принес облегчение. Парашют медленно выползал из мешка. Он тормозился из-за большой скорости, и — когда

он раскрылся, прошло несколько секунд, прежде чем падение закончилось. Джемисон отстегнул ненужные теперь тросы и выбросил их. Он медленно летел теперь сквозь плотный воздух и предполагал, что скоро он будет на уровне моря.

Но под ним было отнюдь не море. Всего лишь несколько луж да заросли. Нечто вроде вырубки, но только это была наверняка не вырубка. Поверхность имела серый отталкивающий вид. Догадка молнией пронзила Джемисона и бросила его в жар. Болото! Бездонное море склизкой, чавкающей грязи. В отчаянии он задергал стропы парашюта, как будто с помощью этого мог очутиться в джунглях, которые были так близко и в то же время так далеко (по его подсчетам, примерно в четверти мили). Он застонал и сжался в ожидании.

Предчувствие близкой гибели заставило его напрячь все силы. Джемисон подтянул стропы парашюта так, чтобы его сносило в сторону. Но деревья были слишком далеко, в 500 футах к северу, столько же было и до земли. Чтобы достичь деревьев, нужно было падать под углом в 45 градусов, что невозможно без ветра. Когда он думал об этом, он чувствовал дуновение бриза, теперь же и тот стих. Но это уже не имело значения.

Развязка была близка. До земли 200 футов, 100, 50... и вот его ноги провалились в серо-зеленую жидкую грязь. Джемисон забарахтался, вытаскивая ноги и дергая за стропы у самого пояса. С большим трудом, обмотав стропы вокруг пальцев, он протаскил себя на несколько футов. Слишком мало. До ближайшего участка твердой почвы было 30 футов.

Он распластался на податливой поверхности, раскинув ноги, руки, чтобы распределить свой вес равномерно. Но лежа в грязи, он задыхался. Джемисон размахнулся и бросил несколько строп что есть силы вперед. Это был его последний шанс.

Фортуна его еще не покинула. Стropы запутались в кустарнике. Он подергал, они держали. Рванув еще несколько раз для проверки, Джемисон потянул изо всех сил. Он продвинулся немного вперед и вверх. Двигаться стало легче. Но внезапно раздался треск рвущейся материи, и стропы ослабли. Джемисон выбрал слабинку и снова бросил стропы вперед. После нескольких попыток болото выпустило его из своих тисков. Джемисон подтягивался, перебирая стропы до тех пор, пока не ощутил в руках корень куста. Он рванул из последних сил и влетел в кустарник, ломая ветки. Кусты, качаясь, согнулись вдвое под его тяжестью.

Несколько минут он лежал ничком, не зная даже, где находится. Когда он пришел в себя, то почувствовал сильное разочарование.

Он находился на маленьком острове в сотне футов от основного массива. Остров был шириной в двадцать, а длиной —

в тридцать футов, на нем росло пять деревьев, максимум в 30 футов высотой, неизвестно как ведущих жалкое существование на столь непрочной почве.

Но разочарование сменила надежда. Общая длина деревьев превышала 100 футов. Этого было бы достаточно, но тут Джемисон вспомнил, что у него есть только маленький топорик. Он представил себе, что должен свалить им деревья, обтесать их, потом перенести на берег. Жуткая работенка.

Джемисон сел. Только теперь он почувствовал, как печет солнце. Оно было почти в зените. Он знал, что планета вращается медленно, значит, до захода еще часов двенадцать. Можно подождать с реализацией плана и отдохнуть.

Он разыскал укромное местечко в кустах — он помнил еще о той птичке, которую ему недавно пришлось пристрелить. Джемисон блаженно вытянулся на мягкой почве и накрылся лиственным покрывалом.

Здесь было прохладно, меньше пекло. Небо было чистым.

Сияние звезды жгло глаза, и Джемисон закрыл их.

Когда он проснулся, солнце заметно склонилось к горизонту. Он проспал несколько часов. Джемисон встал, потянулся и почувствовал себя бодрее. Внезапно он замер, увидев нечто невероятное.

Мост из бревен, более толстых и прочных, чем любое дерево на его острове, пролегал между ним и противоположным берегом. Это было похоже на то, что кто-то выставил из джунглей колоссальную ногу. Мозг Джемисона бешено заработал. Но пока догадка лишь оформлялась в его голове, он уже увидел поднимающееся из кустов голубое ящерицеобразное тело эзвала. Прямо перед ним появились три знакомых серых глаза.

— Не бойтесь, Джемисон. Подумав, я решил, что вы правы. Я помогу вам...

Джемисон прервал его со смехом.

— Ха, то, что вы прибежали ко мне, означает ваше поражение. Что ж, я еще подумаю над этим.

Он вскрикнул, надел на плечи рюкзак и шагнул на мост.

— Путь будет долог.

2

В футах в 50 от эзвала, почти перешедшего мост, из леса выползла гигантская змея. Первым колыхание высокой фиолетовой травы заметил Джемисон, балансирующий на середине моста. Из травы поднялась широкая уродливая голова, венчавшая восьмиметровое пиявкообразное тело поч-

ти с метр толщиной. Голова уставилась на него своими поросыми глазами. Джемисон чертыхнулся, проклиная свою судьбу, подсунувшую ему эту тварь в столь не подходящий момент. Он был парализован сверкающими глазками, сковавшими каждый мускул. Это его и спасло. Страшная голова отвернулась и сконцентрировала свое внимание на эзвале. Джемисон расслабился, страх уступил место гневу. Он мысленно обратился к эзвалу:

— А я-то думал, что вы чувствуете приближение опасных животных по мыслям.

Эзвал не откликнулся. Чудовищная змея тихо скользнула в безмолвии, плоская голова раскачивалась над длинным извивающимся телом. Эзвал медленно пятился назад, признавая свое бессилие.

— Может, вам будет интересно узнать: как эксперт Межзвездной Военной Комиссии, я недавно подал рапорт об Эристане-II. Там я писал, что использование этой планеты в качестве военной базы весьма сомнительно. Это объясняется двумя причинами: здесь самые прожорливые во Вселенной растения-людоеды и вот эти милые существа. Их миллионы. Они чрезвычайно плодовиты, и их численность регулируется лишь количеством пищи, которой на этой планете может служить почти все. Поэтому их невозможно истребить. Самые крупные змеи достигают 100 футов длины и веса порядка 3 тонн. В отличие от других хищников они охотятся днем.

Эзвал продолжал отступать. Змея была в метрах десяти от него. Он коротко ответил:

— Она меня врасплох не застала. В ее мыслях есть еще что-то, кроме жажды убийства. Впрочем, это неважно. Меня ей не убить. Вся проблема в вас.

Джемисон поморщился.

— Ну, не будьте так уверены в своей безопасности. Если потребуется, эта тварь может растянуться на сотни футов.

В ответе эзвала скользила самоуверенность.

— Я пробегу 400 футов, прежде чем вы сосчитаете до десяти.

— В этих-то джунглях? Да там сплошные лианы, а не нормальный лес. Вы прорветесь, но вряд ли быстрее, чем змея. Такую маленькую добычу, как я, она может упустить, а вот вас...

— Неужели, — прервал его эзвал, — вы считаете, меня таким глупым и ожидаете, что я буду прорываться сквозь джунгли? Я могу обогнуть их с краю.

— И попадете в ловушку. Насколько мне известно, джун-

гли дальше суживаются, закрывая проход. Змея воспользуется этим.

Эзвал помолчал, а потом спросил:

— Что же вы не примените свой хваленый бластер?

— Чтобы обратить на себя ее внимание? Невозможно с первого раза поразить ее мозг, а эти твари полжизни проводят в болотах и движутся там так же быстро, как и на суше. Спасибо за совет.

Несколько секунд прошло в молчании. Надо было что-то делать, и в первую очередь эзвалу. Джемисон услышал его недовольный голос:

— Что ж, приказывайте и БЫСТРЕЕ!

Джемисон был доволен, что эзвал попросил его помощи без всякого договора. Но времени для торжества не было, и он приказал:

— Действовать будем вместе. Сначала змея попытается вас загипнотизировать, это стандартный прием рептилий. В это время она ослабит внимание, и я этим воспользуюсь. Я выжгу ей глаза, а вы быстро прыгнете ей на спину. Режьте ее позади этого большого рога. Я буду отвлекать ее огнем. Начали!

Голова змеи качнулась. Джемисон, медленно умирив дрожь в руке, поднял бластер и спустил предохранитель.

Змея рванулась в атаку, в свою последнюю атаку... Через несколько секунд ее дымящиеся останки, продолжавшие извиваться, были сброшены в болото. Джемисон устало соскочил с моста и рухнул на землю. Эзвал подждал его впереди. Он пристально посмотрел на Джемисона, но тот выдержал его взгляд:

— Где платформа? — спросил он.

— В 30 ваших милях к северу...

Джемисон помолчал, потом сказал:

— Мы должны к ней вернуться. Я почти израсходовал аккумулятор бластера, нужно его подзарядить. Вернуться необходимо.

Эзвал молчал. Джемисон выдержал паузу, затем решительно продолжил:

— Было бы неплохо, если бы вы перенесли меня на своей спине. Из парашютных строп можно сделать упряжь. Нужно добраться до платформы как можно быстрее.

Прошло немало времени, прежде чем гордый эзвал неохотно согласился.

— Да, — сказал он с презрением. — Лучшего способа транспортирования столь беспомощного существа не придумаешь. Я согласен.

Джемисон подошел к эзвалу и расстелил на земле пара-

шют. Вблизи эзвал оказался даже больше, чем он предполагал: расстояние и легкость движения скрадывали размеры. Джемисон по сравнению с ним выглядел пигмеем.

Каждый раз, касаясь тела эзвала, Джемисон чувствовал волну отвращения.

— Это необходимо, — сказал он, как бы извиняясь, обматывал стропы и пропустил их между лапами, чтобы не стеснить движений, а сверху положил кусок материи. Переброшенные через шею обрывки строп образовали примитивные стремяна. Наконец, он взгромоздился на свою лошадь.

— Почему бы вам не изменить свое отношение ко мне, — начал он мягко, — мне кажется...

От первого толчка он подлетел в воздух, и потом ему оставалось лишь приложить все силы, чтобы не вылететь из седла. Эзвал со своей стороны ничего не делал, чтобы облегчить ему дорогу. Джемисон, однако, скоро приспособился к причудливому аллюру своей шестиногой лошади и даже стал находить удовольствие в этой бешеной скачке. Слева от него проносилась стена деревьев, похожих на гигантский тростник, смыкающий вверху свои кроны.

Внезапно Джемисон услышал команду:

— Держитесь!

Он мгновенно натянул поводья и упал на шею эзвалу, изо всех сил вцепившись в стропы. Эзвал пошел боком, потом снова вышел на прямую.

Когда ритм скачки возобновился, Джемисон оглянулся. Мельком он увидел двух больших четвероногих животных, похожих на огромных гиен. Они не преследовали их. «Что, впрочем, весьма мудро с их стороны — подумал он. — С эзвалом им не совладать.» Что-то заставило его взглянуть вверх. В небе двигалась какая-то точка, в которой, присмотревшись, он узнал звездолет. Боевой звездолет рулл!

Он мог бы узнать его с первого раза. Тем временем огромный корабль, напоминавший чем-то меч-рыбу, опустился в чашу джунглей и пропал из виду. Нечего было и думать скрыть этот сюрприз от эзвала. Гибель была неотвратима.

Он воспринял торжествующую мысль эзвала:

— Джемисон, вы предпочитаете застрелиться, лишь бы не попасть в лапы рулл, которые выбьют из нас все наши секреты. Такой героизм я видал у обеих сторон: у рулл и у землян. Но вам этого не удастся. Не вздумайте прикасаться к бластеру, иначе я приму меры.

У Джемисона застрял в горле ком. Надо же было такому случиться.

Делать было нечего. Пришлось подчиниться.

— Безумец, — произнес он, наконец, безжизненным го-

лосом. — Неужели вы думаете, что руллы вас отблагодарят? — Тема была довольно заезженной, а вопрос столь очевидным, что Джемисон даже не изощрялся в красноречии. Но зато он осторожно напрягся, наблюдая за местностью. Факты скажут сами за себя. — руллы вероломны и нетерпимы у кромки воды.

Эзвал спросил как ни в чем не бывало:

— Насколько я понял вас, они засекли излучение платформы?

Когда Джемисону удалось восстановить дыхание, он ответил:

— Скорее всего. Если вы не остановили реактор, как я на звездолете...

— Вот почему они сели. Но если они зафиксировали огонь бластера во время стычки, то они знают, что кто-то выжил. Мне лучше самому сдаться им, пока и меня не приняли за врага.

— Глупец! — воскликнул Джемисон. — Все равно они убьют вас. Мы их враги только потому, что мы не руллы. Неужели нельзя понять...

— Правильно, правильно, — сардонически заметил эзвал, так и продолжайте. Но я им кое-чем обязан. Во-первых, тем, что они подбили ваш корабль, и я выпал из клетки. Во-вторых, они отвлекли команду, и я мог перебить людей. Недумаю, что они отвергнут мое предложение выгнать людей с планеты Карсона. И сведения, которые мы извлечем из вас, помогут нам в этом.

Внутри Джемисона бушевала черная ненависть. Лишь гигантским усилием воли он сумел подавить ее. Необходимо убедить эзвала в бессмысленности его плана. Он не вправе отступать.

— И что же, когда вы выполните все это, вы думаете, что руллы уберутся восвояси и дадут вам наслаждаться свободой?

— Пускай остаются.

Джемисону опять стоило большого труда подавить раздражение, вызванное этим самонадеянным замечанием. В сущности, сказал он себе, эзвал — дитя не технической цивилизации и не знает, что творит. И он продолжал:

— Вероятно, вам известно, что всего несколько лет назад люди разбили рулл вблизи нашей планеты. В то время, как мы выбивались из сил, защищая планету Карсона от самых жестоких созданий, когда-либо обитаемых на Галактике, вы сделали все, чтобы помешать нам закрепиться на планете, создать базу. Вы знаете, что наши корабли примерно равны по мощности. Но руллы превосходят нас в некоторых отношениях. Их цивилизация, а следовательно, и техника, стар-

ше. Вдобавок они могут принимать любой облик и улавливать электромагнитные волны с помощью особых органов, унаследованных ими от своих предков — хамелеонообразных червей. Поэтому они становятся отличными шпионами. Никогда нам еще не удалось захватить планету, служащую опорным пунктом рулл. Наоборот, они в первый же год вышибли нас с трех важнейших баз, это было сто лет назад. А вы их собираетесь взять в союзники, чтобы победить людей.

— Теперь да, — последовал ответ, тем более ошеломительный, потому что Джемисон верил в убедительность своих аргументов.

Время уговоров прошло. Все дальнейшее произошло настолько быстро, что Джемисон не успел ничего подумать. Это и способствовало успеху. Он выхватил свой бластер и разрядил в спину эзвала. Белое пламя вылетело из дула, но ничего не встретило на своем пути. Секундой позже он почувствовал, что летит в воздухе.

Джемисон с треском врезался в заросли. Жесткие ветки рвали его одежду, царапали лицо и руки. Джунглям доставалось все: клочки материи, куски кожи, вещи, все, кроме бластера, который Джемисон держал мертвой хваткой.

Он упал в траву и покатился, мгновенно выкинув вперед руку с оружием, изготовленным к бою. Эзвал, мчавшийся на него, затормозил в трех шагах от бластера с гримасой удивления на широкой морде, прыгнул в сторону и исчез в джунглях.

Израненный и чуть живой от потрясений, Джемисон сел и принялся размышлять над плюсами и минусами своей победы.

3

Вокруг стояли странные причудливые деревья чужих джунглей — да и не деревья вовсе, а пестрые желто-коричневые грибы, вытянувшиеся на десятки футов вверх, пробив сплетения лиан, лишайников и красноватой травы. Эзвалу они были ни о чем, но для человека, у которого разряжен бластер, это было неодолимое препятствие. К тому же эзвал сменил направление, видимо, для того, чтобы сократить путь, и не ясно было, куда идти.

Одно лишь было неплохо — его, по крайней мере, не волкли к руллам. Руллы! Джемисон вскочил на ноги. Предательски мягкий покров спружинил под ним. Он перескочил на твердую почву. Джемисон знал, что где-то недалеко,

скрытый буйными красками джунглей, прячется эзвал, который слышит каждую его мысль:

«Времени нет. Руллы, несомненно, засеки выстрелы и будут здесь с минуты на минуту. Вы еще можете передумать. Это безумно — брать в союзники рулл. Учтите, наши разведчики, которым удалось вернуться с занятой противником территории, доносят, что ни на одной из планет, на которых они были, нет никого, кроме рулл. Я имею в виду достаточно разумных существ. Но ведь они были там! ГДЕ ЖЕ ОНИ?»

Джемисон сделал паузу, чтобы эзвал мог осмыслить вопрос, затем продолжил:

«Несколько раз нам приходилось встречать враждебные цивилизации. Что же мы делали в этих случаях? Объявляли карантин, организуя защиту планеты от рулл, тратили уйму времени на то, что, по мнению рулл, не стоило выведенного яйца: пытались установить мирные отношения с туземцами. Изучали их культуру и психологию, пытаясь найти корни конфликта. Если же это оказывалось бесполезным, мы самым бескровным путем свержали их правительство, а потом осторожно улучшали их культуру, очищая ее от элементов нетерпимости. После этого восстанавливалась автономия, и они могли сделать выбор: присоединиться ли им к федерации, насчитывающей около 5000 планет, или нет. И не было случая, чтобы эта огромная кропотливая работа пошла впустую. Можете теперь сами представить, какова разница в методах людей и рулл. Нам не требуется совершать переворот на планете Карсона. Вы достаточно разумны, чтобы понять, кто ваш друг. Лично вы здесь и сейчас сможете сделать свой настоящий первый шаг».

Больше ему нечего было сказать. Некоторое время он стоял и ждал, однако ответа не последовало. Джемисон удрученно пожал плечами. Был уже вечер, солнце проникало сквозь нижние ветви «деревьев» и лиан. Вдруг он понял, что его почти безнадежное положение могло стать еще хуже.

Через два часа выйдут на охоту ночные хищники, днем скрывающиеся в своих убежищах. Против них ему не устоять. Если бы только найти НАСТОЯЩЕЕ дерево с прочными ветвями.

Джемисон двинулся вперед, избегая больших кустов, где мог спрятаться эзвал. Это была трудная работа: всего лишь через несколько сотен метров он едва мог шевелить руками и ногами. И тут он услышал первый отклик эзвала:

— Кто-то летает надо мной. Он меня видит. Какое-то насекомое, крылья у него совсем прозрачные. Я его слышу, но мысли... бессмысленны... я...

— Не бессмысленны, — прервал его Джемисон, — чуж-

ды, вот подходящее слово. Руллы больше отличаются от нас обоих, чем мы друг от друга. Существует, правда, недоказанная теория, что они совсем из другой Галактики. Не удивлюсь, если вы не сможете читать их мысли.

Джемисон медленно двигался через джунгли, держа бластер наизготовку.

— Руллы пользуются антигравитационной машиной, в их изготовлении они достигли совершенства. То, что вы принимаете за крылья, — это аура, световые волны. Вам выпала столь редкая, сколько же и опасная возможность видеть рулла в его естественном состоянии. Не многим это удалось и почти никто не выжил после этого. Видимо, он думает, что вы дикий зверь, — может быть, вы и уцелеете. Впрочем — нет, на вас же упряжь.

В ответе звала сквозило отвращение:

— Эту вещь я сбросил сразу же.

Джемисон кивнул сам себе.

— Ну, превосходно. Ведите себя, как зверь, рычите на него, даже кидайтесь, но уносите ноги, как только он выдвинет сбоку сетчатый отросток.

Эзвал не ответил. Джемисон напряженно пытался уловить какие-нибудь отзвуки того, что происходит где-то в чаще. Может быть, эзвал старается установить контакт с руллом без телепатии? Хуже всего, если он вернется к этой идиотской мысли о сексе. Джемисон содрогнулся, представив себе, что произойдет в этом случае на планете Карсона. Он вслушивался в происходящее в джунглях и слышал отовсюду слабые шорохи: далекий треск растений, ломавшихся под тяжелым громоздким телом, прерывистый низкий вопль где-то совсем близко. Он втиснулся в заросли, осторожно выглядывая оттуда. Он знал, что случилось: эзвал поступил по его совету. Джемисон спросил:

— Он преследует вас?

— Да, — последовал быстрый ответ, — он хочет меня изучить. Стойте на месте, у меня есть план.

Джемисон устроился поудобнее.

— Ну, я вас слушаю.

— Я приведу его к вам. Вы его убьете, а за это я помогу вам добраться до корабля.

Джемисон вскочил на ноги. Несомненно, эзвал отказался от союза с руллами. Неважно, из-за его ли аргументов или сам почувствовал, насколько руллы ему чужды. Важно то, что эзвал на его стороне. Но, может, это всего лишь хитрость?

— Сейчас я с вами, Джемисон, но берегитесь! Все-таки мы заключили союз с руллами против главного врага — человека. Не знаю, как отреагируют на это соплеменники, мно-

гие будут против... Впрочем, будьте готовы, скоро я буду у вас.

Слева от него послышался треск. Джемисон прицелился. На мгновение он успел увидеть сверкающие глаза эзвала, мчавшегося в пятидесяти футах от него. Над ним неслась плоская темная тень.

— Поздно, не двигайтесь, не шумите. Их уже дюжина надо мною, и...

Ослепительная вспышка прервала его мысль. Ослепленный, Джемисон опустился на траву и приготовился к смерти. Но... прошла минута, и ничего не произошло. Когда он прозрел, то понял, что его спас туман, совсем уже непрозрачный. Раз или два над ним мелькнули какие-то тени. Эзвала не было слышно. Что могло так быстро и без шума обезвредить его? Скорее всего, его парализовали с помощью вспышки света. Руллы применяли этот метод для поражения животных и примитивных форм разума, не привыкших к подобным вещам. Ничто иное не могло парализовать эзвала так быстро, так как он, несмотря на свой разум, был близок к животному, и потому очень чувствителен к механическим формам гипноза. Да, скорее всего, они приняли эзвала за зверя, иначе они не вели бы себя столь неосторожно. Они поймали эзвала, чтобы выяснить, как он здесь очутился, ведь на Эристане-II эзвалы не водились.

Планета была в сфере человеческого влияния, но доступна для рулл, которые, видимо, побывали тут не однажды. Джемисон усмехнулся. Руллы тоже думают, что эзвал всего лишь животное — тем хуже для них. Если эзвал сумел уничтожить человеческий корабль, то чем лучше звездолет рулл?

На севере в мутном небе что-то вспыхнуло, и через несколько секунд Джемисон услышал раскаты грома. Он вскочил на ноги. Это была не буря. Это были стодюймовые пушки человеческого линкора!

Линкор! Скорее всего он прилетел с базы на Криптере-4 или заметил вспышки боя при патрулировании района.

Ответные вспышки были куда слабее. Крейсеру рулл очень повезет, если он сумеет убраться с планеты.

Но лично для него это ничего не меняло. Ночь со всеми ее ужасами ему предстоит провести здесь. Если патрульный корабль вернется, Джемисон не сумеет подать ему сигнал, пока не зарядит бластер. Но руллы, по крайней мере, ему не грозят.

Джемисон уже ничего не видел, и опасность возрастала с каждой секундой. Единственное спасение — бластер. Но надолго ли его хватит?

Джемисон напряженно всматривался во тьму. Того и гля-

ди, наткнешься на какое-нибудь чудовище. Смочив палец и определив направление ветра, он стал продираться сквозь заросли, вскоре поняв, что если днем по джунглям ходить трудно, то ночью совсем невозможно. Через каждые несколько ярдов приходилось заново ориентироваться. От его движения по джунглям шел такой треск, что Джемисон подумывал над тем, стоит ли вообще двигаться. Но перспектива окончательно остаться здесь, во тьме, была в тысячу раз хуже. Тут он споткнулся, и его пальцы наткнулись на что-то твердое и шероховатое. ДЕРЕВО!

4

Огромная тварь топталась внизу, алчно рассматривая Джемисона огненными глазами. Семь раз вот такие твари бросались на дерево, визжа и пуская слюни и каждый раз бластер Джемисона выплевывал тонкий луч всесокрушающей энергии, и зверь шлепался на землю.

Прошло около восьми часов. Если так пойдет дальше, завтра не хватит до утра, не то что на следующую ночь. И ведь не известно, сколько раз ему придется ночевать в джунглях, пока он будет искать платформу, и найдет ли он ее вообще?

Сколько минут он проживет после того, как иссякнет заряд?

А ведь победа была так близка... Опять кто-то топтался под деревом... Гигантские когти терзали кору, потом два сверкающих глаза, на секунду отдалившись, понеслись к нему с невероятной скоростью. Сначала Джемисон схватился за бластер, но, передумав, быстро полез вверх, к тонким ветвям. Каждую секунду можно было ожидать, что ветки обломятся и он полетит вниз, прямо в пасть к зверю, но еще больше он боялся, что челюсти вцепятся ему в пятки. Зверь почти настиг его, когда снизу послышался еще более ужасный рев, и на дерево полез еще кто-то. Схватка происходила в абсолютной тьме и закончилась внизу, в кругу таких же тварей. Внезапно появился какой-то длинношей монстр с шестифутовыми челюстями и, как таран, врезался в клубок дерущихся убийц. Он оттащил свою добычу в сторону и сожрал в мгновение ока, после чего удалился. К утру Джемисон остался совсем один. Он уже не надеялся дожить до вечера.

Если бы эзвал не припер его тогда к стенке в контрольном отсеке, он сумел бы запастись пилюлями против сна, патронами, часами. Он даже улыбнулся при мысли, что у него могла бы быть спасательная шлюпка. Слава богу, что удалось

захватить питательных пилюль на месяц. Джемисон подкрепился и слез с дерева. Насколько он мог судить по скорости эзвала, платформа была в десяти милях к северу. Учитывая болота и джунгли, до нее не менее дня пути. Кроме того, пройдя эти десять миль, платформу придется разыскивать, прочесывая лес кругом. Да и что он получит, найдя ее? Только полный заряд бластера. Платформа сама по себе была лишь сверхпарашютом, способным лишь поднимать и опускать тяжести. Ему предстояло осмотрительно, с одним лишь бластером, преодолеть сто миль моря, болот, джунглей, кишаших хищниками, которые лежали между ним и кораблем.

Но другого пути не было. Он двинулся вперед.

К полудню Джемисону удалось пройти, по его подсчетам, не более трех миль. Белое пятно на небе не позволяло определить время точнее. Он решил немного отдохнуть, тем более что поблизости он увидел дерево. Джемисон привязался к ветке, и... крошечная тьма окутала его.

Когда он проснулся, под деревом завывала стая ночных хищников. Неизвестно, сколько времени прошло, но, видимо, ночь только началась.

Гигантская лапа ударила по стволу, и дерево дрогнуло. Джемисон отвязался и вскарабкался выше, зная уже, как много значат несколько футов.

Сквозь туманную полосу этой атмосферы не было видно звезд, и поэтому ночь растягивалась вдвое. Нескольким кошкообразным тварям удалось довольно близко подобраться к Джемисону, но только однажды ему пришлось применить бластер. Луч был тонок, и сердце у него екнуло. Но животное, дернув лапами, свалилось вниз, где его немедленно разорвали на части.

Рассвет наступал так медленно, что, казалось, ночи не будет конца. Джемисон увидал внизу несколько гиенообразных тварей, копошащихся над грудой костей. Внезапно в тишине из кустов вынырнула огромная рогатая голова с двенадцатиметровым толстым туловищем змеи, и ближайшая «гиена», коротко взвизгнув, превратилась в кусок мяса. Остальные растаяли во мгле. Змея спокойно занялась пожиранием своей пищи, а потом улеглась на траве, пока вздутие на теле медленно передвигалось к хвосту. Джемисон сидел на дереве ни жив, ни мертв. Кто знает, может, ей ничего не стоит добраться до него, и тогда никакой бластер не спасет. Прележав у дерева длинейший час в жизни Джемисона, змея убиралась восвояси. Прошло несколько минут, прежде чем он спустился пониже, убедившись, что охота закончилась. День только начинался, и солнце, вероятно, не достигло зенита. Он проверил направление и продолжил свой путь.

За этот день он продвинулся немного дальше, в основном за счет отдыха. Он сильно устал, но перспектива перенести еще одну ночь на дереве с бездействующим бластером заставила его прочесывать лес.

Некоторое время он изучал окрестности, чтобы запомнить отправной пункт. Радиус первого круга был 50 футов. Это оптимальный вариант — найти металлический предмет размером в платформу. Конечно, много времени он потратил впустую, но другого пути не было.

Через четыре часа он брел сквозь заросли, заканчивая пятый круг. Темнело. Поиски ничего не дали, надо было вернуться, чтобы переждать еще одну кошмарную ночь.

С такими мыслями он закончил пятый круг. Глупо было надеяться найти платформу сегодня. Джунгли кончались лишь через несколько миль, и чтобы прочесать эту площадь, нужна была, как минимум, неделя. Но он все еще шел вперед, хотя опасность нападения продолжала увеличиваться с каждой минутой. Неожиданно джунгли расступились, и Джеми-сон вышел на поляну диаметром в 250 ярдов. Почва здесь поросла кустарником, сгущавшимся к центру. Едва он сделал несколько шагов по поляне, как из зарослей с противоположной стороны вылетел косматый зверь с горящими глазами и бросился к нему. Оцепенев, Джеми-сон стоял на месте.

Но зверь не успел добежать. Его ноги запутались в кустарнике, и он не смог, несмотря на все свои усилия, выбраться. Джеми-сон понял, что произошло. Веревкообразные ветви спутали зверя, а веретенообразные, как шприцы, отростки впились в него. Громадное тело вздрогнуло, задержалось и рухнуло на землю. Ветви все глубже и глубже вонзались в него.

Это был ритт — кустарник, который вкупе со змеями делал планету непригодной для цивилизации. Правда, он рос не везде. Джеми-сон содрогнулся, представив себе, сколько таких кустов он миновал за последний час.

Был уже поздний вечер, время, когда хищники выходили на охоту. Дневная тишина кончилась. Джеми-сон поспешно направился к дереву, которое виднелось в туманной дымке.

— Не туда, Тревор Джеми-сон, левее, — услышал он мысль. — Я вас жду. Помогите мне.

Джеми-сон остановился в недоумении. Ведь эзвала поймали руллы. Значит, ловушка? Но зачем?

— Руллы мертвы. Их машина неведима, но я не могу ею управлять. Помогите мне. Только быстрее, пока между нами никого нет!

Резко повернувшись, Джеми-сон бросился к поляне. Вся ясно: корабль рулл так торопился убраться, что бросил разведчиков. Эзвал их уничтожил. Остальное очевидно...

— Я их не убивал, — прервал его эзвал. — Это было ни к чему. Сейчас вы сами поймете.

Джемисон, наконец, выбрался из джунглей. Перед ним на одном конце поляны стояла стофутровая шлюпка рулл, на другом — теперь ненужная платформа. Между ними среди серого кустарника была разбросаны трупы дружины рулл. Отростки кустарника протянулись к шлюпке, а некоторые даже заползли в открытый люк, как бы чувствуя, откуда могут появиться новые жертвы.

Джемисон сразу понял, что произошло.

— Медленно рассуждаете, Джемисон, хотя в логике вам не откажешь. Правильно, хотя в рубке меня спасла дверь. Надеюсь, вы сожжете растения и освободите меня.

Джемисон прожег в кустах проход и поднялся на платформу, сдвинул крышку двигателя и вынул из бластера маленькую капсулу. Без нее бластер был бесполезным куском металла. Подняв еще одну крышку, он сунул капсулу в специальное гнездо. Теперь нужно ждать, пока капсула не зарядится энергией. Вообще — то зарядка длится не менее десяти минут, но ему хватит и трех.

Джемисон прислонился к платформе с таким расчетом, чтобы при малейшей опасности выхватить капсулу и вставить в бластер (хотя это было невозможно). Пока он сидел так, вглядываясь в чернеющие тени на поляне, эзвал молчал. Потом он заговорил сам.

— Значит, руллы не знают о ритте. Оно и не удивительно: таких растений немного. Но как же они поступили так неосторожно, ведь никто не спасся. Может, вы объясните?

«В сознание я пришел при погружении в шлюпку. Но я им это не показал, у всех было оружие, я притворился спящим, пока меня не поместили в хранилище. Там я разобрал путы и стал ждать подходящего момента для бегства. Внезапно раздался взрыв, и они покинули судно. Потом я взломал дверь, и так как я вижу в темноте, то понял, что они мертвы».

Джемисону почудилось какое-то волнение не поляне. Может, это охотятся на него? Три минуты прошли давно, больше ждать нельзя. Взяв себя в руки, он вынул капсулу и вставил в бластер. Все.

Он пристально посмотрел туда, где видел тень. Все спокойно. Вероятно, почудилось... Но все же следует быть осторожным. Он произнес:

— Ну что же, вы рассказали достаточно. Я могу продолжить. Увидев, что руллы мертвы, вы остались на шлюпке, ведь если вы и боитесь чего-то на этой планете, то именно кустарника. Вероятно, вы от него спаслись с большим трудом и прекрасно знаете, что чем дальше в джунгли, тем его боль-

ше. Тут вы трусили и поняли, что без меня, без моего бластера вам не обойтись. Вы вернулись...

Кустарник был светлее земли, Джемисон закрыл глаза рукой и нажал спуск. Послышался треск горячей земли. Бластер был заряжен полностью. Джемисон повел дуло из стороны в сторону, потом открыл глаза. Он стоял на краю черного пятна, следующая заросль была в двадцати футах от него.

— Значит, вы уже два дня в шлюпке, — сказал Джемисон, сделав шаг вперед. — В первый день вы, скорее всего, возились с механизмом двери и проникли в рубку только вчера. И на другом ее конце увидели отросток кустарника. Держу пари, что вы задвинули все двери на засовы. Конечно, сквозь металл кустарнику не проникнуть. Вас он может поразить в сотне мест сразу, но перед дверью он бессилен. Только поэтому вы и уцелели.

Джемисон сжег второй куст. Теперь ему осталось сжечь последний, убивший рулл. Он продолжал в том же тоне:

— Два дня вы пытались разобраться в механизме пульта, но потерпели поражение. Ели бы вы поняли механизм управления, то давно бы уже удрали. Но вы не поняли... Появился я, и ситуация изменилась.

Он остановился в ожидании ответа эзвала. Тому нечего было возразить, и он молчал. Джемисон продолжил себе путь дальше. Оставались лишь щупальца, проникшие в корабль. Он уменьшил мощность, чтобы не повредить обшивку.

— Сейчас я уничтожу последние отростки. После этого я поставлю бластер так, что он уничтожит вас, если вы сделаете хоть шаг из камеры. Думаю, вы будете благоразумны. До ближайшей базы две недели лета, а там мы доберемся до планеты Карсона, где я вас выпущу. Не знаю, правда, найдете ли вы что-нибудь съедобное в камере. Но утешайтесь тем, что не будь астрогации и гиперпутешествий, вы бы наверняка умерли с голоду, не добрались до родины. Вы проиграли. Но не беспокойтесь, пока я не открою тайны вашей разумности. Пока. А теперь отойдите от двери подальше — будет очень жарко.

5

Через два дня Джемисон сумел связаться с крейсером дружественной людям расы и через него подать сигнал бедствия на ближайшую земную базу. Но еще целую неделю они блуждали в космосе, прежде чем их подобрал земной корабль. Командир согласился доставить их на планету Карсона. Он ничего не знал о сложившейся ситуации и, проверив

удостоверение личности Джемисона, поверил, что тот сопровождающий при эзвале.

Джемисон добился, чтобы корабль сначала сел в необитаемом районе. Здесь состоялся последний разговор с эзвалом.

Планета была богатым миром. Бескрайний лес простирался к западу, на востоке сверкала река.

Эзвал легко соскочил на землю и оглянулся. Джемисон стоял у люка.

— Ну как, вы еще не передумали?

— Убирайтесь с нашей планеты вместе с вашими сородичами! — злобно ответил эзвал.

— Только когда у вас будет машинная цивилизация, способная противостоять руллам.

— Эзвалы никогда не станут рабами машин!

Джемисон лишь кивнул на это головой. Он разработал другую концепцию. Взрослого эзвала ему не убедить. Он слишком устойчив.

— Просто вы индивидуалист и хотите жить для себя.

— Да. Только от вас я узнал, что есть расы, живущие коллективно. Эзвалы лишь сотрудничают во имя общей цели. Но мы свободны. Почему-то, я не понимаю — почему, вы считаете это слабостью.

— Слабым местом. Мы на земле ничего бы не достигли без общества. Кстати, у вас ведь нет имени.

В ответе эзвала сквозило отвращение:

— Телепаты не нуждаются в кличках. Вы зря думаете, — продолжал он яростно, — что можете сделать из нас себе подобных с помощью имен.

Ярость сменилась презрением.

— Впрочем, сейчас ваша задача, показать нашу разумность. Тут я вас покину.

Эзвал повернулся и побежал в лес. Джемисон окликнул его.

— Вы спасли мне жизнь и доказали, что между нами все-таки возможно сотрудничество. Благодарю вас за это!

— Мне не нужна благодарность человека. Прощайте и не попадайтесь мне больше!

— Прощайте, — ответил Джемисон.

Как только люк захлопнулся, огромный корабль взлетел.

Перед отлетом на Землю Джемисон представил свой доклад Военному Совету. Председатель оборвал его сразу же, едва стала ясна основная мысль:

— Мистер Джемисон, в этой комнате, да и на всей планете вы не найдете человека, не пережившего горечи утрат, понесенных по вине этих чудовищ.

Джемисона это не касалось.

— Если верно то, что вы утверждаете, мы должны истребить их немедленно. Бывают случаи, когда человек не может проявить милосердия к другой расе, и трудно от нас ожидать милосердия к эзвалам.

Послышался одобрительный ропот членов Совета. Джемисон обвел взглядом их лица и понял, что председатель прав. Планета была слишком лакомым куском. В истории человечества лишь несколько раз встречались расы, столь ненавидевшие людей, как эзвалы. И надо же было этому случиться, ведь их планета была одной из трех баз, на которых держалась оборона Галактики. Ее нельзя было оставить ни при каких обстоятельствах. В принципе возможно даже полное уничтожение эзвалов.

Но эзвалов можно было уничтожить, только зная, что они телепаты, с других сторон они были неуязвимы. Они всегда первыми обнаруживали человека, поэтому их нельзя было застать врасплох. Зная эту их способность, ученые легко могли их уничтожить, создав машины, излучающие мысли. И с расой эзвалов будет покончено.

Джемисон понял, что рассказывать им о своих приключениях на Эристане-II было бы преступлением. Пусть думают, что это всего лишь теория.

— Леди и джентльмены, — он поклонился трем женщинам, входившим в состав Совета, — мне остается лишь выразить благодарность Галактической конвенции, пославшей меня, чтобы разрешить эту проблему. Я вынужден буду просить ее о проведении плебисцита по этому вопросу.

— Я считаю это оскорблением, — холодно сказал председатель.

— Я не имел намерения оскорбить вас, но думаю, что члены Совета слишком пристрастны, чтобы решать вопрос о жизни и смерти расы. Благодарю за внимание.

Джемисон сел. Последовавший банкет прошел в полном молчании.

После него к Джемисону подошел вице-председатель Совета, сопровождаемый молодой девушкой. Ей над вид было лет тридцать. Прекрасные голубые глаза и стройная фигура делали ее привлекательной, но неженская решительность в ее облике немного портила это впечатление.

— Миссис Уитмен хотела познакомиться с вами, доктор Джемисон, — вежливо произнес вице-председатель Совета и быстро ушел, представив их друг другу, словно в этом и заключалась его миссия.

Джемисон внимательно рассматривал женщину.

— Вы ведь доктор наук, мистер Джеμισон? — спросила она.

— Да, я физик, но специализируюсь в небесной механике и космических исследованиях.

— Так я и думала. А я вот осталась вдовой после гибели мужа. Меня всегда восхищали его познания, — сказала Уитмен и потом добавила как бы в раздумье. — Его убил эзвал.

«Видимо, у ее мужа были глубокие познания, если она вращается в высших кругах Совета», — подумал Джеμισон, а вслух сказал:

— Сочувствую вам.

— Я очень рада, что вы остались еще на несколько дней, и я могу предложить вам другое решение проблемы, от которого зависит судьба планеты. Вы знаете, что у нас есть спутник?

— Вы хотите создать на нем базу, — медленно произнес Джеμισон, видевший его из корабля.

— Не только.

«Что ж, этим стоит заняться, — подумал Джеμισон, — в потоке бумаг, в водовороте мелких проблем это решение могло затеряться, а бюрократы неохотно пересматривали решения». Правда, он сильно сомневался, что это действительно решение, но в создавшейся ситуации любой компромисс был бы предпочтительней открытой вражды.

— Пойдемте, — сказала миссис Уитмен.

Джеμισон в уме прикинул, что зафрахтованный корабль с эзвалами прибудет на Землю лишь через несколько недель, и он может уделить немного времени миссис Уитмен.

— Прекрасно, я согласен. А вы, как я понимаю, будете моим гидом?

Она рассмеялась, обнажив великолепные белые зубы.

— Но ведь больше с вами никто не станет разговаривать, не так ли?

Но сколько горечи вызвал ее вопрос у Джеμισона!

6

Блеск космического скафандра гида то и дело грозил затеряться в звездном небе, и Джеμισону приходилось непрерывно следить за ним, чтобы не остаться одному.

Он уже раскаивался, что согласился на этот полет. На пути к спутнику он просмотрел относившуюся к нему заметку в Космической Энциклопедии. С первого взгляда было ясно,

что на спутнике было невозможно разместить миллионы людей.

Казалось, женщина нарочно старалась отвлечь его внимание, не дать размышлять, ее трудно было рассмотреть на фоне солнца.

Милей внизу на поверхности спутника виднелись островки леса, выщербленные скалы, редкие участки травы, коричневой и пожухлой.

Джемисон не мог рассмотреть спидометр, вмонтированный в наружный шлем, так как свет дробился на стеклах и искажал картину на циферблате. Но что-то возбудило его подозрения. Он напряженно выглядывался в диск, и то, что он увидел, заставило его сжать губы в прямую линию. Он включил радио:

— Миссис Уитмен!

— Да, доктор Джемисон, — слово «доктор», она произнесла как-то насмешливо и даже враждебно. — Слушаю вас, доктор!

— Вы сказали мне, что мы должны пролететь 521 милю или...

— Или около того! — смягчился голос, но враждебность даже усилилась.

— Итак, 521 милю. Цифра достаточно определенная, чтобы быть точной. Тем не менее мы уже пролетели 629 миль и все еще продолжаем лететь! С тех пор, как мы покинули пять городов, прошло два часа...

— Ну, и что же, — прервала его женщина, — это не так страшно, доктор Тревор Джемисон.

Джемисон молчал, размышляя, чем это ему грозит. Сначала он ей хотел ответить так же высокомерно, но мозг, ставший внезапно кристально ясным, подавил это намерение в зародыше. Здесь крылась смертельная опасность. И, как всегда в таких случаях, мозг работал быстро и точно. Он всегда выходил победителем, это придавало ему силу.

Джемисон начал снижать скорость. Времени было слишком мало, а опасность слишком близко. Но пока скорость была велика, ничего нельзя было сделать.

Он спокойно спросил:

— Скажите, убийство предпринято по приказу Совета или это ваша личная инициатива?

— Что ж, теперь это неважно, — ответила женщина. — Мы не предполагали, что вы решитесь на плебисцит. Конечно, мы давно знали, что спутник не годится для базы.

Джемисон рассмеялся, чтобы скрыть свое снижение. Перегрузка была так велика, что он едва сдержал стон. Теперь он остался один. Сверкающий скафандр сопровождающего

исчез вдали. Скорее всего, она даже не обернулась... Стараясь скрыть это неприятное для него открытие как можно дольше, Джемисон спросил ее:

— И как же вы меня убьете?

— Через десять секунд ваш двигатель... — она осеклась. — О, да вас тут нет... Хотите приземляться? Все равно я найду вас!

До скалы оставалось 60 футов, когда двигатель остановился. Пламя охватило его, жгучая боль пронзила все тело, он ударился о землю, непроизвольно сворачиваясь в клубок, и потерял сознание.

Пятнистая скала, кружащаяся и качающаяся, — вот что он увидел, очнувшись. Скафандра на нем не было, остался лишь костюм с электроподогревом. Он почувствовал на себе чей-то взгляд. Джемисон обернулся, за ним стояла Барбара Уитмен.

— Вам повезло, вы вовремя выключили двигатель, вам обожгло только ноги. Я уже вылечила их. Вы можете даже идти.

Джемисон посмотрел по сторонам, затем вопросительно взглянул на нее. Она поняла его мысли.

— Быть может, не стоило быть столь щепетильной по отношению к смертнику, но я не могу убить даже собаки, не дав ей шанса выжить. У вас тоже есть шанс.

Джемисон сел, не отрывая от нее взгляда. Он встречал жестоких женщин и до того, но ни одна из них не была столь честна и искренна в своих намерениях, как эта.

— Где ваш скафандр? — спросил он.

Она кивнула на небо.

— Видите черное пятно, справа от солнца? Я заложила в него мину, через 300 часов остатки упадут на солнце.

— Что-то не верится, что вы решили умереть вместе со мной. Люди умирают лишь за свою веру. Во что верите вы? У вас-то, скорее всего, есть шанс?

Лицо женщины потемнело от гнева.

— У нас нет ни одного шанса. Мы умрем вместе, ведь нам не дойти пешком до Пяти Городов, а до платиновых рудников — тем более.

— Жалкая бравада. Во-первых, это доказывает, что вы глупы, а во-вторых, мне никогда не нравились авантюристки. Тем не менее я благодарен вам за лечение и... за общество.

Джемисон попрыгал на ногах, испытывая легкую боль.

— М-мм, не больно, но еще плохо сгибаются... К ночи это пройдет...

— Однако вы спокойны, — язвительно сказала Уитмен.

Он кивнул.

— Конечно. Ведь я жив, и у меня есть время убедить вас в своей правоте!

Она рассмеялась.

— Вы не понимаете положения дел. Нам нужно идти две недели, делая по шестьдесят миль ежедневно, а это невозможно. Температура ночью падает до ста градусов ниже нуля, а иногда и до ста семидесяти — в зависимости от близости к раскаленному ядру спутника, благодаря которому здесь вообще невозможна жизнь. Что вы на это скажете?

— Что надо идти, — ответил Джемисон, не колеблясь.

— Нас сожрет первый же попавшийся грипп-кровосос, если мы не замерзнем. Запах крови, который они чувствуют на расстоянии, приводит их в бешенство. Им ничего не стоит сожрать человека целиком. Они способны рыть туннели в этих скалах. Единственная защита против них — бластер, а у меня остался лишь охотничий нож. Единственная пища на этом спутнике — огромные травоядные, удирающие быстрее лани при виде человека, но способные прикончить дюжину невооруженных людей, если их припереть к стенке. Учтите, что-то в воздухе возбуждает зверский аппетит. Мы приближаемся к смерти с каждой минутой.

— Вы, кажется, этим довольны, — сухо ответил Джемисон.

— Во всяком случае, на Землю вам не вернуться.

— Вы ошибаетесь. Мне только жаль видеть женщину в столь опасной ситуации. Хороши же однако ваши друзья! Но я вернусь.

— Чепуха. Это все равно, что убить грипп голыми руками, — рассмеялась она.

— Не только и не столько руками, а разумом и опытом. Мы дойдем до людей, несмотря ни на что!

Наступило молчание. Джемисон оглядел местность. Насколько хватало глаз, кругом простиралось безжизненное плато. Впрочем, нет! В одной стороне виднелся обрыв. Джемисон задумался на секунду, потом сказал:

— Придется идти к обрыву.

Глубокая тишина окружала их. Молчание было символом, духом этого холодного мира.

— Ну, что же, начнем наше путешествие.

Они побрели через плато. Идти было нетрудно, сказывалось малое притяжение планеты. Женщина спросила:

— Что вы хотели сказать об эзвалах?

— Ничего. Если бы я вам что-нибудь сказал, вы бы их уничтожили.

— Вам надо было привести реальные факты, а не тео-

ретические построения. В Совете — здравомыслящие люди.

— Весьма здравомыслящие, — иронически подхватил Джемисон.

— Я не верю, что у вас есть факты. Хорошо, кончим на этом.

7

Через два часа солнце стояло высоко в небе. Все это время они пробирались по извилистому плато, лавируя между расщелинами, которые вели вниз, в раскаленные недра спутника.

Гигантская пропасть, ранее невидимая в отдалении, теперь предстала во всем своем величии. Она простиралась во все стороны неприступной, отвесной стеной.

Джемисон с трудом произнес:

— Стыдно признаться, но мне ее не одолеть.

— Я ведь вам говорила — это голод. Мы умрем от голода.

Джемисон на секунду задумался и спросил:

— Эти травоядные — они ведь едят молодые побеги деревьев?

— Да, у них длинные шеи. А что?

— И это все, что они едят?

— Еще траву.

— И больше ничего? — Джемисон становился настойчивее.

Барбара вскинула голову:

— Сбавьте тон. Для чего вам все это?

— Извините за тон. Что они пьют?

— Они лижут лед, который скапливается у рек. Там замерзает вода, которая образуется во время таяния снегов. Вспомнила, еще они едят соль. Совсем, как земные травоядные.

— Соль! Это то, что нам нужно! — воскликнул Джемисон. — Давайте вернемся, мы проходили солончаки. Нам нужно набрать соли.

— Вернуться! Вы сошли с ума!

— Послушайте, Барбара. Я сказал, что не смогу спуститься. Но выход на самом деле есть. И от голода я не умру — я достаточно скопил жира на канцелярской работе. Но все-таки нам необходимо убить животное. Для этого нужна соль. Надо вернуться.

Несколько секунд они смотрели друг другу в глаза, потом Барбара отвела взгляд и сказала:

— Не знаю, что вы задумали, но все равно это безумие. Вы никогда не видели здешних травоядных. Они напоминают жирафов, только значительно выше. Зря вы надеетесь приманить их солью и убить. Это вам не удастся. Хорошо, мы вернемся. Не все ли равно, где умирать. Дай бог, чтобы нас учуял грипп. Это лучше и быстрее, чем смерть от голода.

— Нет ничего страшнее женщины, решившей умереть во что бы то ни стало.

— Не думайте, что мне этого хочется!

— А как же ваш ребенок?

По выражению ее лица он понял, что не промахнулся. В ней нужно было пробудить любовь к жизни. Ее помощь была необходима.

От разговора с ней по дороге к солончаку Джемисон, сам того не ожидая, получил большое удовольствие. Он не пытался убедить ее в чем-либо, говорил о проблемах человечества, об освоении чужих миров, о взаимопонимании различных рас, о том, как много решений было принято в результате разумного обсуждения.

— Вот, наконец, и солончаки! — прервала его Барбара.

Джемисон распахнул карманы куски соли, и они побрили обратно. Возвращение проходило в молчании. У Джемисона болел каждый мускул, каждый нерв. Отчаянно хотелось спать, но спать было нельзя, сон означал смерть. Джемисон взглянул вниз, и у него закружилась голова. Помутившимися глазами он посмотрел на женщину, на лице которой читались муки голода.

— Держитесь! — вскрикнул он. — Еще немного!

Они подползли к краю пропасти, слишком глубокой, чтобы они могли спуститься вниз. Казалось, им оставалось только лечь и умирать от голода, глотая ртом живительный воздух. Наконец, Барбара прошептала:

— Что же нам делать? Неужели тут нигде нет спуска?

Но Джемисон уже нашел выход.

— Спуститься мы можем в любой момент. Смотрите, — он подтащил ее к краю, — внизу спасение. Там стадо травоядных.

Слева, немного ниже их, виднелась долина. Спуск в нее был в нескольких сотнях футов от них, он весь порос лесом и вторгался в долину, подобно клину. Около него паслось стадо в сотню голов.

— Они постепенно приближаются к лесу. К ним можно подкрасться.

— А потом выбежать и насыпать им на хвост соли? У нас же ничего нет!

— Сначала, — сказал Джемисон как бы про себя, не оборачиваясь, — нужно подобраться к краю леса, причем так, чтобы животные нас не заметили. Мне потребуется ваш нож.

— Ладно, делайте, как хотите. Вам к ним и на четверть мили не подойти.

— Я и не собираюсь. Если бы вы получше разбирались в жизни, то давно бы поняли, как просто убить зверя. Эта проблема давно решена во всех мирах. Пошли.

— Вы правы. Я тоже считаю, что эта смерть приятнее голодной. Около травоядных всегда околачиваются гриппы, они подбираются к ним вечером, а утром убивают. Кстати, мясо травоядных довольно жестко. Сейчас как раз темнеет, значит, гриппы близко. Скоро они нас учуют, и тогда...

— Если потребуется, мы сами к ним придем. Жаль, что я тут никогда не был раньше, тогда все давно было бы в порядке. Но пока наша цель — лес.

Его внешнее спокойствие было маской. Когда они достигли леса, он качался от усталости и голода и едва держал нож, подкапывая корни высокого коричневого дерева.

— Кажется, этот корень так же тверд, как сталь, и упруг. Его можно свернуть в кольцо, — сказал он. — На земле это дерево используется в промышленности.

— Да, — ответила она. — Если вы делаете лук, то эта трава может служить тетивой.

— Нет, это не лук. К ним ведь нельзя подойти и на четверть мили.

Он выдернул дюймовый корень, отрезал двухфутовый кусок и заострил его концы (с очень большим трудом, так как дерево скользило в его руках).

— Ну, вот... Теперь подержите концы вместе, я их свяжу.

— А-а-а, — протянула она, — теперь я поняла. — Животное заглотнет кольцо, в желудке трава разорвется, и острые концы проткнут желудок.

Он подобрался к поляне и принялся разбрасывать кольца.

— Этот метод известен на сотнях планет, на Земле его применяли эскимосы.

— Мы не можем положиться на одно кольцо, — сказал он.

Мясо было чуть жестким, но все же очень вкусным. Приятно было ощущать, как к телу возвращается энергия. Джемисон проглотил последний кусок и встал, глядя на заходящее солнце.

— Если есть по четыре фунта в день, то шестидесяти фунтов нам хватит. Вообще-то вредно есть одно мясо, но за две

недели вряд ли что-нибудь с нами случиться. Больше охотиться мы не сможем.

Джемисон вырезал филейную часть животного, лежавшего на траве, и упаковал мясо в два тюка, обвязав его травой. Получилось нечто вроде рюкзака. Барбара смотрела на него иронически.

— Вы просто сумасшедший, — сказала она. — Ночь мы как-нибудь переживем в пещере, но когда нас найдет грипп — ему вы тоже скормите деревяшку?

— А почему бы и нет! — резко ответил Джемисон.

— А потому, что зубы у них тверже металла, а когти — алмаза, желудок же не разрезать и ножом. Именно из-за них здесь нет разумной жизни. У нас есть пища, голодная смерть нам не грозит. Что же, пусть нас убьет грипп — это произойдет мгновенно. Выбросьте из головы эту глупую идею — выжить. Грипп настигнет нас в любой пещере, в любой щели и убьет. Естественных пещер здесь нет, все пещеры — это метеоритные воронки, перекрученные движением коры спутника. Нужно найти такую пещеру, чтобы в ней ночью сохранился воздух. Когда подуют холодные ветры, костюмы нам не помогут. Нужен костер.

Деревя вокруг было предостаточно. Они собрали большую кучу веток и стащили ее в пещеру на первый этаж. Потом спустились сами, сначала — Джемисон, а потом, весьма грациозно, — Барбара. Джемисон ухмыльнулся — молодость есть молодость.

Они перетаскали топливо на второй этаж, когда вход в пещеру перекрыла черная тень. Джемисон оглянулся — во тьме блеснули клыки и горящие глаза чудовища. Тонкий красный язык нервно облизывал губы в предвкушении добычи, слюна капала на стоящих внизу людей.

Джемисон почувствовал, как его дернули к провалу, и он очутился на куче веток внизу. Тут же они принялись протаскивать ветки на следующий этаж. Скрежет гигантских когтей, расширявших отверстие, и рев чудовища подгоняли их. Едва они кончили и прыгнули вниз, как увидели в отверстии второго этажа морду чудовища, освещаемую полторафутowymi глазами. Внезапно скрежет прекратился, и наступила тишина.

— В чем дело? — спросил Джемисон.

— Он закупорил вход, ему не добраться до нас за те несколько минут, что остались до сначки, но нам не выйти. Грипп хитер на выдумки. За травоядными он не охотится, только преследует. Просыпается он на несколько минут раньше их и этим пользуется. То же самое он хочет проделать с нами. Ведь выйти мы не сможем, тут нам и конец.

Всю ночь Джемисон не сомкнул глаз. То он засыпал, то ему что-то чудилось, и тогда он вскакивал и метался по пещере. Тьма, как камень, придавила их к земле. Ни малейшего проблеска света. Блеклое искрящееся пламя костра было бес- сильно против этой тьмы и беспомощно против холода.

Сначала появился озноб, потом холод словно сцементи- ровал его тело. Стены покрылись инеем. Скала трескалась, и каждую трещину сопровождал гул, от которого, казалось, вот-вот обрушится потолок. Шум падающих осколков вывел женщину из забытья. Она вскочила на ноги и принялась хо- дить туда-сюда, согревая руку в руке.

— А почему бы нам не поджечь гриппа? — спросил Дже- мисон. — Ведь если бы он...

— Он проснется. К тому же его шкуру не проймешь огнем. Она похожа по свойствам на металлоасбест, не горюча, но проводит тепло.

— И ведь надо было попасть в эту переделку мне — един- ственному человеку, знающему решение проблемы эзвалов. И вы еще вдобавок пытаетесь меня прикончить...

— Пыталась. Что толку в этих разговорах. Бесполезно. Через несколько минут грипп проснется и прикончит нас. Нам его не остановить.

— Вы так думаете? Зверь, конечно страшный, но помните: эта проблема решена давным-давно на всех планетах!

— Безумец! Его даже бластер не берет. Вас уже на свете не будет, прежде чем его шкура начнет испаряться. Что ему нож!

— Кстати, дайте-ка его мне, я его заточу.

Теплело. Иней местами подтаял, озноб прошел. Костер потухал, оставляя пепел, топливо сгорало дотла, и как только он погас, пещеру заполнили клубы дыма, сквозь который ничего не было видно.

Внезапно сверху что-то зашевелилось, послышался треск, протяжный вой. Барбара вскочила с земли.

— Он проснулся.

— Вот мы и дождались своего часа.

— Теперь я вижу, ваша смерть ничего бы не дала. Это безумие.

Между ними упал кусок скалы и с грохотом рухнул вниз, в глубину пещеры. Скрежет когтей был совсем близко.

— Он расширяет проход, — сказала она. — Спрячемся в расщелину, стена может рухнуть.

— Да, нельзя рисковать. Времени у нас мало.

Джемисон расстегнул и снял перчатку, весь содрогнув- шись от холода. Подставил нож под затухающее пламя.

— Черт побери, ну и мороз, градусов под девяносто. Нуж- но нагреть нож, иначе ничего не выйдет.

Он накалил нож, сделал надрез на большом пальце левой руки и растер кровь по лезвию. Посиневшая от злого холода, рука не кровоточила. Он надел перчатку, и когда рука согрелась, боль возобновилась. Он пошел вдоль стены, как бы забыв о следующей за ним женщине.

— Ага! — воскликнул он торжествующе. Но даже ему эта радость показалась слишком искусственной. Он опустил на колени возле тонкой трещины.

— Это как раз то, что нужно, она как раз против прохода, — он взглянул на женщину. — Знаете, почему я вчера не спустился ниже? Потому, что в этой пещере грипп может уместиться целиком. В нем ведь футов тридцать, вместе с хвостом?

— Да.

— Отлично. Он тут свободно разместится, и есть куда укрыться нам, пока он издохнет.

— Пока он издохнет? — эхом откликнулась она. — Из вас мог бы получиться лучший в мире клоун.

Джемисон промолчал. Он вставил в трещину рукоятку ножа и укрепил камнями.

— Ну, кажется, ничего, но нужна двойная гарантия.

— Быстрее нужно спрятаться на следующий этаж, может быть, там есть выход в другую пещеру, — воскликнула Барбара.

— Я обследовал пещеру, пока вы спали, там всего еще два этажа.

— Ради бога, через минуту будет уже поздно.

— Минута мне и нужна. Надо все таки получше закрепить нож.

И он принялся за работу, в то время как она пританцовывала за ним от нетерпения. Наконец, он укрепил камень, с которым мучился, и они спрыгнули вниз, успев увидеть приближающиеся глаза зверя.

Костер высветил неясные очертания темной клыкастой пасты с тонким извивающимся языком и рассыпался искрами, когда на него плюхнулся тяжелый зверь. Больше Джемисон ничего не увидел — он отпустил руки и рухнул с двадцатифутовой высоты. С минуту от боли он ничего не соображал, даже того, что скребущийся звук стих. Вдруг зверь взвыл от боли, потом послышались сосущий звук и довольное хрюканье.

— Что случилось? — недоуменно спросила женщина.

— Сейчас увидите! — прохрипел Джемисон.

Сосущие звуки доносились в течение пяти, десяти, двадцати минут, постепенно затихая. Вместе с ними стихал вой. Наконец, раздался вопль агонии, и наступила тишина.

— Помогите мне, — сказала Барбара. — Нужно посмотреть, что с ним. Кто-то из нас спятил, либо я, либо вы. Ради всего святого, скажите, что случилось.

— Он почуял кровь на ноже, лизнул его, порезал язык и пришел в бешенство, а рот заполнился его собственной кровью. Они ведь обожают кровь. Ну вот, за последние полчаса он ею обожрался. Довольно простенький метод.

— Значит, — странным голосом спросила Барбара с усилием, — теперь нам уже ничего не препятствует дойти до людей?

Джемисон взглянул не нес.

— Ничего, кроме вас.

Молча они взобрались на следующий этаж. Джемисон вытащил нож из трещины.

— Отдайте нож, — резко сказала Барбара.

Джемисон поколебался, но подчинился. Снаружи было бледное утро. Кроме солнца, на небе сиял огромный красный шар, плывущий на западе, — планета Карсона.

Небо было легкое, светлое. Утром даже скалы были не так мертвы и черны. Дул сильный ветер. После ужасов ночи день казался еще светлее, и он возвращал надежду.

— Ложную надежду, — мысленно уточнил Джемисон. — Спаси меня боже от этой женщины. Ого, она нападает.

Нападение было внезапным. Он уловил начала атаки по блеску ее глаз. Нож разорвал рукав его костюма. Джемисон едва устоял на краю пропасти.

— Вы сошли с ума, — пробормотал он. — И не ведаете, что творите.

— Не беспокойтесь об этом. Вы должны умереть, несмотря ни на что. Вы сам дьявол, но и вы умрете.

Она пошла вперед, выставив перед собой нож, и Джемисон ей не препятствовал. Она, по-видимому, не разбиралась в борьбе. Свободной рукой она пыталась схватить его. Этого он и ожидал. Эта дилетантка ничего не смыслила в убийствах. Он схватил ее за руку и рванул на себя, отскочив в сторону. По инерции она пронеслась мимо него и завертелась, как волчок. Теперь она балансировала на краю пропасти, и ей не за что было уцепиться. Джемисон вовремя схватил ее за руки. Он увидел ее глаза, мокрые от слез, и выхватил нож из ее руки. Она снова стала женщиной, а не орудием убийц. На далекой Земле у Джемисона была жена, похожая на Барбару, и по своему опыту он знал, что она сломлена. Теперь она не опасна.

Все утро Джемисон глядел в небо. Он надеялся на помощь. Планета Карсона к этому времени скрылась за горизонтом, ветер стих.

В полдень он увидел в небе долгожданную точку. Она увеличивалась, приближаясь, пока не превратилась в шлюпку, в которой Джемисон узнал шлюпку своего линкора. Из распахнувшегося люка выпрыгнул лейтенант.

— Сэр, мы искали вас всю ночь, но сигнала не обнаружили.

— Несчастный случай, лейтенант, — спокойно произнес Джемисон.

— Вы отправились на урановые рудники — это совсем в противоположную сторону.

— Ничего, все в порядке, — уклонился от ответа Джемисон.

Через несколько минут они уже летели к звездолету.

На борту линкора Джемисон обдумывал план мести за покушение на него. С одной стороны, эти люди слишком жестоки, чтобы оценить милосердие. Они примут его за слабость, с другой стороны...

Наконец, он решил не делать ничего, оставив все как есть, не жаловаться и не обвинять. Это его личное дело. Бюрократы земной администрации вряд ли поймут, что врагами иногда бывают люди, а не руллы. Хотя, скорее всего, это была человеческая слабость. За это не наказывают. Может, и придумают когда-то над ними человеческий суд справедливости. И он обвинит людей в жалости, в горе, в бесстыдстве и в непонимании.

Барбара Уитмен вынесла что-то из всего этого. И может быть, когда-то она встанет на его сторону.

По пути к Земле Джемисон запросил, прибыл ли туда командир Мак-Леннан с эзвалами. Ему ответили, что этот медленный сухогруз еще не прибыл.

Но через неделю, когда до Земли оставался всего день пути, пришло ужасное известие:

«Два часа назад получено сообщение: корабль Мак-Леннана вышел из-под контроля над севером Канады. Предполагается, что животные погибли во время катастрофы. Об экипаже ничего не известно».

— О, господи! — простонал Джемисон, прочитав радиogramму. Листок выпал из его руки и плавно опустился на пол.

8

Командир Мак-Леннан повернулся к двум офицерам. — Весь контроль полетел к черту. Через четверть часа мы грохнемся на Землю где-то возле Аляскинского залива. Мы обшарили весь корабль, но поломки не нашли. Карлинг, прикажите людям покинуть корабль в спасательных шлюпках. Потом сообщите на Алеутскую военную базу, что у нас на борту два эзвала, они могут уцелеть при крушении.

Вспомогательные двигатели еще работают. Пусть определяют место падения и придут туда как можно скорее. Незвестно, сколько людей прикончат эти твари, если уцелеют. Ясно?

— Так точно, сэр! — Карлинг выбежал из каюты.

— Стойте! — остановил его Мак-Леннан. — Немедленно примите меры, чтобы они не вырвались из клеток, если уцелеют, и что бы они пострадали как можно меньше. В них заинтересовано Правительство, и мы должны их довести живыми! Ступайте! Бренсон!

— Да, сэр!

— Возьми пару человек и закройте люки главного трюма, тогда им не выбраться. Даю вам на все пять минут. Идите!

— Есть, сэр! — ответил тот и вышел.

Мак-Леннан сгреб в портфель кучу важных бумаг и пошел к хранилищу спасательных шлюпок. Карлинг, явно нервничая, отдал честь:

— Все люди в безопасности, сэр, кроме Бренсона!

— Где он болтается, черт побери?! Кто еще с ним?

— Скорее всего, никого, сэр. Все остальные здесь.

— Что за черт... Пошлите кого-нибудь, впрочем, я сам.

— Простите, сэр, — со страдальческим выражением лица сказал Карлинг, — но если через две минуты мы не стартуем, будет поздно. Встречный поток сметет нас. А насчет Бренсона... его нельзя было посылать вниз, сэр.

— Почему? — Мак-Леннан впился в него взглядом.

— Его старший брат был разорван в клочки эзвалом.

Детеныш услышал угрожающее рычание матери и ее твердую и ясную мысль:

«Спрячься под меня, скорее! Двуногий пришел, чтобы убить!»

Как молния, выскочил он из своего угла клетки, лишь когти щелкнули по металлическому полу, и вот он уже под ней в теплой темноте тела. Здесь, в ложбине между ее мускулами, он был в безопасности. Он снова услышал ее мысль:

«Помни, что я тебе говорила! Люди должны считать нас зверями. В этом наше спасение. Ты любишь жизнь, но если долг потребует, ты должен будешь умереть.»

Ее глазами он увидел толстые четырехдюймовые решетки и человека за ним.

— Вам больше никого не убить, проклятые чудовища!

Он выхватил металлический предмет и просунул его между прутьями решетки. Блеснуло белое пламя, и контакт с матерью оборвался. Он услышал рев и запах горелого мяса.

Мать бросилась прямо на это беспощадное пламя, бьющее из-за решетки. Человек отскочил. Тьма, застилавшая мозг самки, исчезла.

— Черт возьми! Ну, держитесь!

Детеныш не почувствовал мучительной боли матери — она снова включила контакт. Она носилась по тесной клетке, уворачиваясь от огня. Какая-то часть ее мозга работала по-прежнему, отыскивая путь спасения детеныша. И она нашла этот путь.

Вместе с шипением огнемета был слышен новый, похожий на протяжный вздох, необычный звук, становившийся все выше.

— Дьявол, — выругался человек, — ну и живучи же они. Нужно убираться, иначе будет поздно. Но куда же делся этот чертов детеныш? Не провалился же он сквозь пол?

Его мысли оборвались, когда 6500-фунтовое тело самки обрушилось на него, прорвавшись сквозь расплавленные огнеметом прутья клетки. Детеныш напряг все мускулы, чтобы его не расплющило. Он услышал протяжный вопль застывшего от ужаса человека. Огнемет выпал из его ослабевших пальцев, он рванулся к выходу, непослушные пальцы едва ощущали трап.

В два прыжка самка настигла его, и тут детеныш снова увидел человека, крошечного, и услышал второй вопль, оборванный ударом могучей лапы. И тут же мир погас для него.

Тьма обволакивала его мозг, и невыносимо было чувство потери, вдвойне страшное, так как исчезла не только физическая, но и моральная поддержка матери. Только теперь детеныш понял, как сильно он от нее зависел. Теперь он был одинок, и одиночество было невыносимым. Он жаждал смерти.

Пока он не выбрался из-под останков матери, он понял две вещи: что он с каждой минутой как бы теряет свой вес и что высокий звук превратился в леденящий душу жуткий свист. Корабль с каждой секундой падал все быстрее. Древний рефлекс заставил детеныша выбраться из-под давящей массы. Он свиста у него болели уши, к тому же ему все время казалось, что пол вот-вот вырвется у него из-под ног.

Детеныш подполз к телу матери, подпрыгнул, стараясь попасть на спину, но промахнулся и угодил на пол с другой стороны. Со второй попытки ему удалось приземлиться на спину. И в этот момент все звуки, ощущения потери веса — все исчезло в ужасном сокрушающем ударе.

Прежде всего он почувствовал боль. Болели каждая косточка, каждый мускул, раскалывалась голова. Он снова хотел впасть в беспамятство, но что-то мешало ему, какое-то ощущение... Мысли. Чужие мысли. ОПАСНОСТЬ!

Он лежал на холодном металлическом полу трюма. Он сполз туда со спины матери, еще раз спасшей его. Корабль развалился надвое, и сквозь пролом виднелось сумеречное небо. Земля снаружи почему-то была белой, а сквозь дыру в стене бил резкий леденящий ветер. По белой земле бесшумно двигались к кораблю черные фигуры людей. Сквозь пролом в трюм проник луч света и белым пятном застыл на теле самки. Мгновенно детеныш скользнул под нее, увернувшись от луча света, и замер там.

Голоса людей, искаженные немислимо изогнутыми стенками трюма, ничего не говорили ему, но мысли он понимал:

— Порядок, командир! Они мертвы!

Послышался лязгающий топот.

— Как это они мертвы, — ответил первому другой, — Эй, кто-нибудь, дайте свет.

— Думаете, что детеныш...

— Сами, что ли, не видите. В нем 500 фунтов, это вам не игрушка. Уж лучше я подерусь с матерым тигром.

Лучи света обшаривали трюм.

— Не дай бог, если он отсюда выбрался. Тут есть с дюжину ходов... Карлинг! Прикажите своим людям установить прожектор в проеме. И посмотрите, нет ли следов вокруг. В чем дело, Даниэл?

Эзвал ощутил волну ужаса и отвращения.

— Здесь Брекстон, сэр, вернее, то, что от него осталось. Вот здесь, у лестницы.

Его эмоции мгновенно передались другим. Эзвал съежился от страха в своем убежище.

— Черт побери! Чепуха получается, но... Сэр! А ведь эта тварь подохла не от удара. Она наполовину обожжена.

Последовала довольно правильная догадка о случившемся, а потом:

— Детеныш, наверное, спрятался... он не мог на нее взобраться... С другой стороны... Парнер!

— Да, сэр!

Мысль эта прозвучала почему-то не в мозгу говорившего, а в голове командира.

— Подведите шлюпку к корпусу над трещиной, подцепи-

те зверя тросом за среднюю ногу и поднимите. Карлинг, следы есть?

— Никак нет, сэр!

— Ну, значит он под ней, живой или мертвый. Поставьте людей у каждого входа. Направьте прожектор так, чтобы не было тени. Объявляется боевая готовность! Стреляйте при малейшей опасности!

Воспоминание об огне привело эзвала в трепет, и он еще сильнее вдавился в плоть матери. Но потом он преодолел страх и принялся рассуждать. На его планете он удрал бы сразу, но здесь не было ничего, кроме слепящей белой пустыни. Но у него был шанс — уже почти стемнело. Но надежда пропала, когда он слегка приподнялся: слепящий свет залил все вокруг, а люди стояли с оружием наизготовку. Пятнадцать человек, насколько это было в их силах, постарались не оставить в ловушке выхода. Детеныш закрыл глаза, защищая их от света.

Внезапно закрывавшее его тело матери, дернулось и приподнялось. Он подумал сначала, что она ожила, но это было не так, его залило слепящее море огня. Он изо всех сил вцепился в мать, его захлестнула чудовищная боль, стало трудно дышать, легкие сдавил трос.

Он вспомнил, о чем ему напоминала мать перед смертью: нужно бороться со страхом. Сама она нашла в себе силы броситься сквозь решетку на своего убийцу — и победила. Но здесь много людей и нет решеток.

В следующее мгновение движение прекратилось. Он ощутил перед собой что-то твердое, освободился и бросился к ближайшей группе людей в тридцати ярдах от него. Словно волной ударили его страх и паника многих людей.

«УБИТЬ! УБИТЬ!» Три бластера, направленные на него, были каплей в море спешивших к ним на помощь. Полуослепший эзвал не видел трещины в палубе, откуда туда не угодила его нога. С непостижимой скоростью он свернул в сторону, освободив ногу и влетел в какое-то отверстие.

Это его и спасло. Едва он упал на плиты, оказавшиеся над дырой секции, как воздух над ним запылал, подожженный дюжиной бластеров.

В одном из углов было достаточно большое, чтобы он мог туда пролезть, отверстие. Неизвестно было, куда оно вело: в тупик или на другую палубу. Но выбора не оставалось. Он рванулся в отверстие.

В следующую секунду рядом оказались люди. Эзвал притаился, выжидая, пока первый из них не покажется в отверстии. И этот первый, словно кегля, полетел вниз, а бластер бесполезно разрядился в воздух.

Двое других не ожидали его атаки. Это их и погубило. Одного эзвал превратил в мешок с костями, а другому разорвал в клочья живот и грудь. На секунду он задержался и с хрустом перекусил обоих пополам, а потом бросился к ближайшему отверстию. Едва он успел выскочить и свернуть в сторону, как масса огня вырвалась из дыры.

Снег. Странное, мягкое, белое вещество обожгло ему ноги, наполовину сковав их. Пляшущий луч света, направленный с корабля, наткнулся на эзвала. Длинная тень эзвала метнулась вперед. Но прожектор осветил большой черный валун впереди. Эзвал метнулся на него. Точас передняя часть камня раскололась под ударом бластера. С душераздирающим скрежетом камень разлетелся на куски. Пламя метнулось за эзвалом, свалившимся в какую-то яму. Она была заполнена снегом, затруднявшим движение. Он рискнул пробежать вдоль небольшой каменной насыпи, ограждавшей впадину, оставаясь незамеченным с корабля.

Дважды ему приходилось падать в снег, чтобы его не нашел луч прожектора. Оглянувшись, он увидел несущуюся к нему спасательную шляпку. Силы были не равны. С полдюжины прожекторов на ее днище обшаривали местность, и от них нельзя было скрыться. Ближайшая роща — единственное укрытие — была далеко, судно настигло бы его через несколько секунд.

Футах в двадцати от него была груда наполовину занесенных снегом камней. Собрав все силы, он перемахнул это пространство и очутился на вершине ближайшего валуна. Оттуда он прыгнул в центр груды, спрятал голову в снег, выгнул спину и замер.

Он не видел, как над ним пролетела шляпка, но мысли сидевших в ней людей он понял. Его не заметили. Шляпка постоянно была связана с командиром.

— Разрази меня бог, командир, если я могу понять, куда он делся. Нигде никаких следов.

— Вы уверены, что он не выскакивал из-за насыпи?

— Да, сэр! Снег чист по обе стороны. Он не мог уйти, не оставив следов. Спрятаться негде. О, одну минуту! Тут недалеко есть роща, не думаю, что он там, но...

— Сядьте и обследуйте ее. Только, ради бога, будьте осторожны! Хватит с нас трупов.

Эзвал чуть расслабился. Снег вокруг него подтаял, его шесть лап, очутившись в холодной воде, коченели. В его мире воды почти не было, в худшем случае она была теплой. Как он тосковал по этому миру!

Он насторожился. Люди возвращались.

— Ничего нет, сэр! Мы обшарили каждый фут.

Пауза.

— Хорошо, Паркер. Но все-таки поднимитесь выше и сделайте еще пару кругов. Скоро прибудет вторая шлюпка. Скажите им, чтобы прислали охотничьих собак, как только раненные прибудут в госпиталь. Их должно быть с десяток. С ними мы его живо поймем, есть следы или нет. Уж они его притащат!

Эзвал увидел, как шлюпка, набирая скорость, полетела прочь. Едва она отлетела на безопасное расстояние, он стремглав бросился к роше и скрылся под нависшими ветвями деревьев. Здесь он был в безопасности, пока шлюпка обследовала окрестности.

Через пять минут он стоял на краю долины. Перед ним, насколько хватило глаз, расстился лес. Слева от него небо странно светилось на горизонте. Это могло быть что угодно, но эзвал решил, что там живут люди. Туда путь закрыт. Он прыгнул вниз и понесся к лесу. Снег был довольно плотным, и эзвал не оставлял заметных следов, особенно если огибал сугробы. Теперь его не найти с воздуха. Люди будут ограничены скоростью собак. Он не знал, что такое «собака», но представлял, что они меньше и глупее его, только с таким же нюхом.

10

Серый день медленно занимался над лесистыми холмами, когда эзвал решил отдохнуть. На склоне он нашел себе пещеру. Долгие часы он боролся с непривычным холодом, и его чудесное тело смогло выработать достаточно тепла.

Теперь он поджал под себя ноги, стараясь согреть каменный пол пещеры, где он остановился.

Он слышал какие-то мысли: иногда странные, иногда страшные, а в большинстве они были примитивными. Сначала в полудреме он подумал, что это его подсознание, но потом понял, что это не так, это были чужие мысли. Он открыл глаза.

Неподалеку на склоне пасся олень, шипавший кустики коричневой травы, выглядывавшей из-под снега. Его мысли были смесью страха и голода. Еда? С вождением эзвал рассматривал это существо, прикидывая, как бы его убить. Все зависело от внезапности атаки. Он приготовился к прыжку.

Очевидно, мясо было съедобно, и эзвал сглотнул слюну, представив его вкус. Тут он услышал звук. Лай! Вместе с ним

он услышал мысли. Человеческие мысли. Он понял, что это собаки, и они охотятся за ним! Он выскочил на холм, чтобы лучше видеть. Отсюда он заметил цепочку своих следов, оставленных вчера вечером. Она вела прямо к нему. Он спрыгнул вниз, и тут же над ним пронеслась какая-то тень. Он похолодел. В четверти мили от него пролетел самолет и сел в лесу, оттуда выскочили пять собак. Сначала они разбежались в разные стороны, потом одна из них взяла след и лаем созвала остальных. А через минуту все пять мчались прямо к его убежищу.

Сначала эзвал хотел удирать. Но, подумав, он начал подниматься вверх по склону. Это было тяжело. И каждую минуту он чувствовал — ищейки идут за ним. А следом идут их хозяева. Он еще раз увидел самолет, перенесший собак ближе к нему. Он резко свернул с гряды и понесся вниз по склону, потом поменял направление и по кратчайшему пути направился через долину к дальним горам. Но скрыться ему не удалось. Лай собак то приближался. То удалялся, но не исчезал. Эзвал изнемогал. Но когда, наконец, красноватое солнце закатилось за два далеких пика на горизонте, он решил, что на сегодня он спасен.

Этого он ждал. Собрав все силы, он понесся назад по старому следу. В долине он увидел два самолета и бродящих между ними людей. Невдалеке кормили собак. Похоже, что они решили ночевать.

Горящими глазами эзвал смотрел на этих собак, сбившихся в кучу и ночевавших на снегу.

«Как стая, они опасны, — подумал он, — но если их убить, то пока привезут новых, мне удастся скрыться».

Нужно быть предельно осторожным. Иначе люди раньше времени выскочат из самолетов и убьют его. И он ринулся вниз быстрее, чем поднимаемая им лавина.

Когда первый пес увидел его, эзвал уже был рядом. Он услышал визгливый лай и почувствовал тьму, опустившуюся на мозг собаки, когда он нанес удар. Эзвал резко повернулся и сомкнул челюсти на собаке, прыгнувшей ему на шею. Кровь хлынула ему в пасть, она была отвратительна. Он выплюнул ее, и тут на него ринулась вся свора.

Клыки пса сомкнулись на нем, пытаясь прокусить голую кожу, но эзвал легко увернулся и нанес удар. Собака покатилась по снегу и осталась лежать бездыханной, со сломанной шеей. Эзвал обернулся к стае, та удирала, охваченная ужасом. Он вышел победителем. Рядом кричали люди, зажигались огни, но не это волновало его, — мысли собак. Сомнений нет. Они боятся его и не пойдут по его следу. И эзвал обратился в бегство. Люди, управляющие прожекторами, бы-

ли неопытны и упустили его. Бластеры ударили в то место, где его не было. Он перескочил через хребет.

Эту ночь он спал спокойно, а утром снова был в пути. В полдень вновь слышался лай. Это поразило его, как гром, ведь он думал, что сумел оторваться от преследователей.

Эзвал рванулся вперед. Он слишком устал, устал жить. Сумеет ли он напасть на эту стаю. Когда наступила ночь, он сделал попытку вернуться, но на расстоянии учуял ловушку.

Расстроенный, он улегся на снегу. Становилось все холоднее, по звездному небу мчались облака. Внезапно на него посыпались мягкие хлопья, сначала редко, а потом все гуще и гуще. Всю ночь он боролся с туманом. Но это была безопасность, которой он так ждал. Теперь оставалось как можно дальше оторваться от стаи, к утру следы занесет снегом.

Утром буран стих. Голодный, замерзший эзвал нашел пещеру в скале и решил войти, но остановился на пороге. Внутри был огромный черный зверь.

Удивление было взаимным. Эзвал почуял запах тепла, помета, услышал мысли животного и понял, что застал его спящего.

«Другой медведь... вошел... наглец... проснулся» — таковы были мысли медведя-кодыака. Наконец, животное очнулось от спячки и пришло в бешенство, ринулось на эзвала, страшно рыча.

От его удара эзвал полетел в снег, но тут же его лапы вцепились в землю, а он сам изо всей силы ударил медведя в могучее плечо.

Медведь взревел и схватил эзвала лапами так, что у того сперло дыхание. Эзвал попытался высвободиться, он слишком устал, чтобы драться.

Это было его ошибкой. Медведь испугался и попытался оттолкнуть его и убежать. Но как только эзвал дернулся в сторону, медведь пришел в себя и принялся когтями рвать эзвала.

Медведь взревел в предчувствии победы. Теперь он был полон ярости, стремился к убийству. Освободив одну лапу, он нанес эзвалу страшный удар, от которого тот на мгновение потерял сознание. Но этот же удар привел его в чувство. Он отразил возвращающуюся лапу и движением челюстей перекусил сухожилие. Среднюю лапу он вонзил в живот зверя, разорвав длинными когтями желудок медведя.

Это решило исход битвы. Но медведь уже не помнил себя, он снова сжал эзвала, повторив ошибку. До сих пор ему не приходилось встречать такого противника.

Эзвал медленно поднял средние лапы и так же медленно

ударил ими медведя, внутренности которого вывалились прямо на него.

Страшно удивленный, медведь упал в снег, продолжая сжимать эзвала в своих объятиях, и умер.

Истощенный эзвал продолжал лежать неподвижно, пока не разжались огромные лапы. Наконец, он высвободился и вполз в пещеру.

Запах медведя не испугал его. Он зализал свои раны, свернулся клубком и заснул.

11

Эзвал проснулся с ощущением, что рядом бродят звери. Ощущение было столь острым, что он смог определить их размеры. Зверей было много, но они были меньше медведя. Присутствие зверей успокоило его — значит, поблизости нет людей. Звери пожирали медведя. Эзвал поморщился и снова заснул. Когда он проснулся вновь, большинство волков ушло, остались только четверо, двое из них старались разгрызть толстую кость, один из зверей обнюхивал вход в пещеру.

Эзвал вскочил на ноги, он был полон энергии. Он пошел к выходу как раз тогда, когда волк хотел войти в пещеру. Несколько секунд они рассматривали друг друга.

Волк некоторое время утробно рычал, потом попятился, поджал хвост и исчез. Он не боялся эзвала, но уважал в нем силу. Он был сыт и не расположен к драке с огромным зверем, столь же сильным, как три-четыре волка.

Тут эзвал понял, что раскиданные кости, клочки шкуры, кровавый снег должны быть хорошо видны с воздуха. Он вышел из пещеры.

Два волка стояли у входа, а двое были примерно ярдах в ста от них. Ближайшие яростно посмотрели на эзвала, но отступили, оставив на снегу кости, которые грызли. Не обращая внимания на волков, эзвал закопал кости в снег и попятился в пещеру, заметая за собой снег.

Эту ночь он провел спокойно, но на следующий день его стало тревожить голодное жжение в желудке. После полудня выпал снег. Когда он кончился, эзвал вышел наружу. Он вспомнил, что по дороге к пещере он пересек ручей, подолгом которого копошились какие-то живые существа.

Эзвал проломил лед посреди ручья и замер в ожидании. Из ручья доносились какие-то примитивные мысли, дважды он видел на поверхности какие-то сверкающие существа. Он наблюдал за их движением и повадками.

В третий раз он быстро сунул правую переднюю лапу в ледяную воду и схватил рыбу.

На льду эзвал разжал лапу и рыба плюхнулась на лед. Эзвал съел ее с удовольствием. Она была приятна на вкус, не чета оленю.

В течение часа он поймал около четырех рыб. Не так уж много, но он утолил голод. Когда стемнело, эзвал вернулся в пещеру.

Всю ночь он размышлял. Насущные проблемы были решены как нельзя лучше. У него было надежное убежище, источник пищи. И всего этого он добился сам, собственными силами впервые в жизни. Его мать гордилась бы им, если бы была жива.

Да, вот что беспокоило его — он обеспечил себя, но не отомстил за ее смерть? Он не знал, что надо делать. На всей планете, вероятно, не хватило бы людей. По крайней мере, в этой стране.

Из мыслей преследователей он уловил образы домов и городов. Ему следует добраться до одного из них и примерно подсчитать число жертв, прежде чем начать убивать.

Однако время для этого не пришло. Охота еще не кончилась.

На четвертый день все его планы рухнули.

По дороге к ручью он попал в бобровую ловушку. Как раз больной левой ногой.

Эзвал упал на землю и принялся изучать предмет, поймавший его. Разобравшись в механизме, он нажал на рычаг и освободил ногу, потом на пяти ногах поплелся к ручью. Вернуться в пещеру он не рискнул.

Вопрос был в том, когда они обнаружат ловушку. Но не было ни малейшего сомнения в том, что оставаться здесь опасно.

К рассвету он устроился на отдых под какой-то скалой и проспал весь день. К вечеру он спустился к ручью, проломил тонкий лед и наловил рыбы. В эту и следующую ночь он шел по течению ручья.

На третий день он проснулся от рева реактивных двигателей. На высоте нескольких десятков метров над ним пролетел маленький самолет. Когда он исчез из вида, эзвал услышал мысль:

«Немедленно покиньте ручей. Ваши следы найдены. Вас преследуют. Меня зовут Джемисон. Я хочу сохранить вам жизнь. Немедленно покиньте ручей. Ваши следы найдены».

Скоро мысль ослабла и исчезла. Эзвал напряженно думал:

«Что это за ловушка? Куда его хотят заманить? Кто-то из людей знал, что эзвалы разумны. Его дружба ничем не доказана — она слишком опасна».

Эзвал не хотел сдаваться без боя. Как стрела из лука, он рванулся вверх по течению. Утром он миновал ущелье. Невзирая на боль в ноге, он карабкался все выше и выше, пока не очутился на гребне, на высоте нескольких сотен футов над землей.

Нигде не было видно ни самолетов, ни людей. Облегченно вздохнув, эзвал спустился в ущелье.

С наступлением ночи он пересек холодную, бесконечную пустыню. Над ним светила горбатая луна, и не было видно тех странных огоньков в небе, которые, как он считал, были особенностью этой планеты.

Потом его коснулись первые лучи солнца. Перед ним открылся берег моря с разбросанными кое-где поселками. Эзвал нерешительно топтался на месте. А ведь он нашел то, что ему было нужно... Здесь были люди, которых можно было убить... Но сначала необходимо было скрыться от охотников и залечить ногу.

Он хотел спуститься в долину и отдохнуть, но...

Внезапно из-за ближайшей рощи вынырнул низколетящий самолет и пронесся над ним. Эзвал видел его лишь мгновение, но узнал тот, вчерашний. Теперь самолет преследовал его, повторяя каждое движение.

— Я не причиню вам вреда. Иначе вы были бы уже мертвы. Вас заметили. Весь район оцеплен, и самолеты ищут вас. Остановитесь или вас обнаружат другие.

Эзвал был беспомощен. Но вопрос, что делать — бежать, или остановиться, — решил сам собой — впереди показался поселок и патрулировавшая в миле от него платформа. Эзвал скрылся в ближайших зарослях.

Самолет приземлился в пятидесяти футах от него. Открылся люк, но никто не вышел.

— Я думал, вы в пустыне, но вы оказались здесь. У вас только один выход. Войдите в отсек, и я вас отвезу туда, где вы будете в безопасности. Свободы я вам не гарантирую, но вы останетесь живы. Приближается платформа, люди на ней не знают, что вы разумны, и их не переубедить. Они вас убьют! Торопитесь!

Платформа была в нескольких сотнях метров от них. На ней заметили эзвала. Она повернулась и полетела прямо к нему.

— Быстрее, — услышал он. — Они не должны заметить меня!

Эзвал не хотел расставаться со столь трудно доставшейся ему свободой. Но тут он вспомнил, что сказал Джемисон:

— ЛЮДИ НА НЕЙ НЕ ЗНАЮТ, ЧТО ВЫ РАЗУМНЫ...

Значит, об этом знает только Джемисон. Если его убить, то знание умрет вместе с ним.

12

Прижимаясь к земле и прячась за зарослями, эзвал скользнул в люк. Щелкнула дверь, и отсек погрузился в тьму. Но перед этим он успел заметить, что в помещении нет ничего, кроме двух маленьких вентиляционных отверстий в стене.

Эзвал почему-то не чувствовал досады из-за того, что не мог убить Джемисона, наоборот, он даже обрадовался тому, что теперь не он решает свою судьбу.

Откуда-то снаружи корабля он услышал мысль:

— Доктор Джемисон! Мы тут совсем сбились с ног и ничего не нашли. А вы не видели где-нибудь этого маленького, бедного, недооцененного монстра, а? — Это был голос командира, причем командир явно был враждебно настроен. Ответ Джемисона был полон иронии:

— А я уверен, что он покинул этот район, командир Мак-Леннан.

— Вот как? Ну, что ж, посмотрим. По следу идут шесть собак, след свежий и четкий. Мы не успокоимся, пока не поймаем его. Да-а-а, жаль, что вам не удалось доказать Верховному комиссару, что он совсем безвреден. Ну, ничего, не расстраивайтесь, мы отдадим вам чучело.

Мысли становились все тише — корабль Джемисона набирал скорость. Но скоро Джемисон понял, что платформа настигает его.

— Джемисон! — раздался яростный голос командира. — Немедленно приземляйтесь! Иначе вы будете уничтожены!

Эзвал почувствовал, что Джемисон в раздумье — сесть или приземлиться или все же попытаться уйти. Но эта нерешительность не отразилась на его ответе.

— Что все это значит?

— Знайте меру во лжи, Джемисон! Наш человек в доме на холме видел, как вы кружились над рощей и как забрали зверя. Бог знает, как вам удалось это, наверное, вы положили в отсек приманку. Это неважно. Мы держим вас на мушке, Джемисон! Считаю до трех! Если вы не сдадитесь, мы откроем огонь! Раз, два...

Корабль начал снижаться. Эзвал прочел в мозгу человека серию картин: разбитый корабль, мертвый водитель и убитый зверь. Он почувствовал горечь человека, которому не удалось важнейший план.

Вообще, эзвал заметил, что у этого человека совсем другие мысли, чем у людей, убивших его мать. В них не было желания убивать, уничтожать преследователей. И боялся он не за себя.

— Нет времени вдаваться в подробности, — услышал эзвал, — вот суть. Вы знаете, что эзвалы скрывают свою разумность, потому что боятся, что люди уничтожат их. Это верно, но есть одно «но»: как животные, вы не попадаете под действия межзвездных законов, но, как разумное существо, вы имеете право на защиту.

Силой вам не выгнать людей с планеты Карсона. Но вы можете потребовать, чтобы мы удалились, если докажете, что сможете защищать планету без нас. У вас нет другого выхода.

Чтобы доказать правительству, что вы разумны и нам нужно сотрудничать, а не воевать с вами, я пожертвовал своей репутацией и безопасностью. Но это невозможно без вашего сотрудничества.

В этот момент корабль коснулся земли. Эзвал попробовал стены на прочность, но они не поддались. Вентиляционные отверстия были размером в его коготь.

— Люди на другом судне, — военные, которые шли по вашим следам все это время, чтобы поймать вас — живого или мертвого. Я опоздал к началу охоты, и мне не удалось договориться, чтобы это дело передали мне, так как я настаивал на сохранении вам жизни. Вас рассматривали, как слишком большую угрозу, и тут я был против Мак-Леннана. Он считал, что армия лучше справится с этой задачей.

Эзвал услышал другие мысли, гневные и враждебные. Некоторые относились к Джемисону, — считали, что тот играет не по правилам. Но все были восхищены тем, что Джемисон сделал невозможное.

Через пять минут люди подошли к самолету. Джемисон закончил:

— Ситуация вышла из-под моего контроля. Вы можете помочь нам обоим — сообщайте мне все, что думает Мак-Леннан.

Эзвал сел. Он ничего еще не решил. Он не хотел попасться на удочку людей. Но то, что Мак-Леннан наполовину поверил Джемисону, решило дело: эзвал понял, как ему поступить. Сейчас, или никогда. Джемисон должен умереть, а Мак-Леннан убедиться, что эзвал всего лишь зверь.

Эзвал увидал, что Джемисон вышел из рубки к поджидавшим его людям с бластерами.

Из динамика донесся голос Мак-Леннана:

— Я настолько поражен вашими действиями, доктор, что еще не решил, что с вами сделать. Пройдите вперед.

Джемисон молча прошел, куда было указано.

— Порядок. Действуйте, Карлинг!

Человек с маленьким металлическим цилиндром вошел в рубку. Последовала серия щелчков. Джемисон резко сказал:

— Предупреждаю, командир, если с эзвалом что-нибудь случится, у вас будут неприятности с правительством.

— Не беспокойтесь, Джемисон, с вашим сообщником ничего не случится. Я хочу лишь проверить, годится ли отсек для перевозки. А он уснет на несколько часов.

— Сомневаюсь. Вы его предупредили?

— А, — иронически сказал командир. — Ваша излюбленная теория. Ну, что ж, посмотрим, догадается ли он задержать дыхание на несколько минут. Готовы, Карлинг? Приступайте!

— Есть, сэр!

Эзвал задержал дыхание. Он не знал, сколько это — несколько минут, но решил держаться до последнего.

— Повторяю, командир, если вы надеетесь его обезвредить, вы ошибаетесь.

— Вы хотите сказать, что этот зверь понимает вашу речь?

— Он читает мысли.

Это поколебало уверенность Мак-Леннана. Он медленно сказал:

— Вы это серьезно, доктор?

— Никогда не говорил серьезнее. Эзвалы — единственные в Галактике существа-телепаты, читающие и посылающие мысли.

— Хм, неплохо бы иметь такого на корабле.

— Естественно, но это лишь одно применение из тысячи.

Мак-Леннан приказал:

— Все равно, газ не причинит ему вреда. Карлинг, продолжайте работу еще пять минут. Потом откройте дверь.

— Пять, десять, шестьдесят, — не имеет значения. Эзвалы — амфибии, и вам нужно, по крайней мере, полтора часа, чтобы усыпить его.

Эзвал приготовился действовать. Джемисон незаметно подобрался к машине.

— Командир, я требую прекратить анестезирование. Неизвестно, как подействует газ на эзвала.

— Газ применялся при поимке.

— Нам повезло.

— Ладно, Карлинг. Откройте дверь. Всем отойти.

— Позвольте мне, — Джемисон направился к люку. Такого эзвал не ожидал. Враг сам лез ему в лапы. Он думал сначала прикинуться спящим, а потом наброситься на людей, но теперь... Эзвал встал на ноги и двинулся к выходу.

Эзвал и человек стояли лицом к лицу. Эзвал чувствовал, как напряжены сейчас люди вокруг.

Но странно: несмотря на отсутствие препятствий, он колебался. Раньше он убивал людей без всякой жалости, потому что они относились к нему, как к зверю, и были врагами его расы. Но этот человек был другим. Эзвал смутно чувствовал, что между ними есть какая-то связь, несмотря на их отличия.

Человек говорил негромко и спокойно, и хотя эзвал не всегда понимал слова, он понимал мысли.

— Я ваш друг. А эти люди ваши враги, потому что вы не хотите понять, что они могут быть друзьями. Вы можете меня убить, вы не дорожите своей жизнью. Но поймите, пока мы стоим здесь, люди и эзвалы на планете Карсона убивают друг друга. В нашей власти остановить их. Не думайте, что я предлагаю вам легкий путь к спасению. Это много труднее любого другого выхода. Слишком много людей и эзвалов верят в свою правоту, слишком многие считают животными тех, кто сильно от них отличается. Многие эзвалы будут считать вас предателем, так же, как и меня, люди, потому что они не знают истины, так же, как и эти люди. Это трудная работа, но ее можно сделать с вашей помощью. Давайте же начнем!

Джемисон повернулся к остолбеневшему Мак-Леннану и сказал:

— Командир, прикажите, чтобы принесли сумку с медикаментами. У нашего гостя повреждена нога.

Мак-Леннан повел головой, и один из его людей бросился в рубку.

Эзвал стоял на пороге в нерешительности. Собственно, ничего не делая, он уже проиграл. Они уже поверили, что он разумен. Пришел человек с сумкой и отдал ее Джемисону.

— Если вы ляжете, я смогу осмотреть вашу ногу и помочь вам, — сказал он.

Люди вокруг мысленно ахнули. Эзвал, наконец, принял неизбежное решение. Он лег и облегчено вытянул больную ногу.

Гигантский город выступал из тумана. Город кораблей. Еще с борта самолета Джемисон позвонил жене, она первая узнала о его прибытии. Она мигом съездила в Сад за Диди, и этот трехсторонний разговор заставил Джемисона почувствовать угрызения совести за то, что он не позвонил раньше. Ведь он был в космосе четыре месяца, а, возвратившись, целую неделю потратил на эзвала. Джемисон решил не огорчать этим жену. Таково было бремя века — война с руллами заставила отступить на второй план и любовь, и семью, и детей.

Через час он был дома. Когда прошли первые восторги встречи с семьей, пришли в порядок нервы, и Джемисон снова втянулся в работу. Он мог с закрытыми глазами перечислить все дела, хранившиеся у него. Среди них не последним был вопрос об эзвале.

В силу некоторых обстоятельств этим делом пришлось заниматься ему, Главе Научного Департамента. Во-первых, идея о разумности эзвалов ни в ком не вызывала энтузиазма. И, во-вторых, планета Карсона была одной из трех опорных баз человечества. Поэтому эзвалом занимался лично Джемисон.

Вскоре ему пришлось провести одну встречу на высшем уровне, сыгравшую впоследствии немалую роль!

— Вот здесь! — он ткнул концом зеленой ручки в область на карте. — Именно тут, — повторил он высокому жилистому человеку, стоявшему у стола. — Тут, мистер Клаги, должен быть лагерь.

Айра Клаги наклонился вперед и с неодобрением посмотрел на пятно.

— Почему же именно здесь? — спросил он раздраженно.

— А очень просто, — сказал Джемисон, которого тоже раздражало это занятие. Но война с руллами заставляла администраторов играть и не в такие игры, и он продолжал: — Ведь нам нужна вакцина от молодняка этих тварей с Миры, она нужна как можно скорее и в достаточном количестве. А в лесу молодняка больше всего. Поэтому лагерь должен быть здесь.

Могучие кулаки Клаги сжимались и разжимались. Хорошо, что хоть не получил по носу, мрачно подумал Джемисон. Он понимал состояние звездолетчика, но ничем не мог ему помочь.

— Мистер Джемисон, вам должно быть известно, что нет там никакого леса. В джунглях кишмя кишит этот самый

молодняк, и еще бог знает, что за звери. — Он встал и ткнул пальцем в другое место. — Вот здесь, в горах, можно построить лагерь, там тоже не сладко, но климат получше и от зверья забот поменьше. Результат будет тот же, а обойдется куда дешевле.

«Разумно, — подумал Джеемисон, — если Клагги агент рулл, то агент неплохой». Все его реакции анализировались группой психологов в соседней комнате. В случае ошибки в действиях Клагги перед Джеемисоном загорелась бы красная лампочка. Пока она не светила.

— Видите ли, Клагги, эта вакцина слишком важна для нас, чтобы думать о цене. Она нужна нам немедленно. За скорость вам будет выплачена премия. Теперь...

— К дьяволу ваши деньги! — заорал Клагги. — Не о них речь. Какого черта сотни отличных парней должны сложить головы ни за что ни про что!

— Ну, предположим, им есть за что сложить головы. Кроме того, я несу ответственность за свои решения.

Клагги медленно опустился в кресло. Сквозь загар проступила краска гнева. Но он еще держался.

— Посмотрите, мистер Джеемисон, вот тут в конце джунглей есть большой холм. Я писал о нем в докладе. Это не бог весть что, но лучше, чем джунгли. Если правительству — вернее, вам — нужен лагерь, то мы его там построим. Но это зависит не только от меня, решать будут мои люди.

Джеемисон явно скучал. Он, конечно, понимал, каким дураком выглядит в глазах инженера. Кажется, все-таки Клагги не агент Рулл. Ему было бы все равно, где строить лагерь. Хоть на вулкане, ему бы и в голову не пришло заботиться о безопасности людей.

Джеемисон щелкнул переключателем. На загоревшемся экране появились трое психологов.

— Ну, — сказал Джеемисон, — кажется, это он.

— Да, — улыбнувшись, сказал один из тройки, — характер у него тот же. Бьюсь об заклад, что это он.

— Ну, что же, будем надеяться, что руллы не перехватят его до отлета, — сказал Джеемисон.

В этой войне никому нельзя было верить даже здесь, на Земле. Шпионская сеть рулл раскинулась по всей Галактике, и на Земле была центр.

Как только руллы появились из сгустка тьмы откуда-то вне Галактики, были потеряны тысячи систем, прежде чем гуманоиды смогли стабилизировать свои флоты и остановить противника. Равновесие поддерживалось несколько лет, затем руллы снова двинулись вперед, сражения проигрывались

землянами одно за другим, у рулл как бы имелись все тайные планы землян. Это означало, что происходит утечка сведений, шпионаж.

Сначала даже не предполагалось, что руллы могут принимать любой облик, пока однажды тело «человека», убитого при попытке похитить секретные документы из Исследовательского центра, не превратилось в червеобразное существо с многочисленными отростками. Только тут человечество поняло, какой опасности оно подвергалось.

Через несколько часов полицейские машины блокировали все города на тысячах планетах, и каждый человек прошел проверку.

Только на одной Земле было выявлено и расстреляно около ста тысяч шпионов. Однако руллы довольно быстро сумели адаптироваться, и выявить их стало возможным лишь с помощью сверхсложных детекторов.

И вот теперь руллы, несмотря ни на что, продвигались вперед. Их ничто не брало — ни бактерии, ни вещества, смертельные для человека. Их организм был основан на фтористом обмене. Долгое время велись поиски бактерий, с помощью которых можно было бы вести успешную войну против рулл.

Вакцина из лимф животных Миры-23 и была этим средством. Но об этом не знал даже Клаги. Ему сказали, что вакцина нужна для регенерационных установок на звездолетах. Так что то же самое думали бы и руллы, заполучи они Клаги.

Звякнул коммутатор, прервав его размышления. Джеми-сон извинился перед психологами и включил приемную.

— Мистер Калев Карсон, — сказала секретарша.

— Давайте.

На экране появилось изображение серьезного темноволосого юноши. Калев Карсон был старшим сыном первооткрывателя планеты Карсона и его последователем.

— Получилось, — сказал Карсон.

— Ага, — значит, я был прав! — воскликнул Джеми-сон и снова включил приемную. — Я лечу в Исследовательский центр. Если будет звонить Клаги, соедините меня с ним немедленно.

— Хорошо, сэр.

Джеми-сон поднялся в лифте на крышу, где в ангаре стоял его аэрокар. Два вооруженных охранника проверили его карманы и документы, потом сняли с него отпечатки пальцев — самый надежный метод выявления шпионов. Джеми-сон подошел к аэрокару. И тут ему в глаза бросился странный рисунок на его силиконовой поверхности, раньше его не было.

Джемисон потряс головой и потерял глаза. Рисунок не исчезал. Когда он закрыл глаза, рисунок по-прежнему не исчезал.

Джемисон сел в аэрокар и направил его к одному из зданий. «Что за черт», — подумал он, посадив аэрокар на крышу высокого здания. Механически он выключил мотор и сидел в ожидании, пока ему принесут пропуск. Джемисон не узнал спешившего к нему служащего — вероятно, новый человек. Но тут он увидел нечто более потрясающим — здание не было зданием Исследовательского Центра! Джемисон повернулся к служащему, чтобы выяснить недоразумения. И замер. В протянутой руке был не пропуск, а пистолет. Джемисон почувствовал на лице холодную струю газа, и наступила тьма.

15

Когда Джемисон очнулся, первым его ощущением был причудливый приторный запах гниющих растений. Он оказался лежащим в парусиновой койке, прогيبавшейся под его тяжестью. Что же случилось? Он — жертва... рулл? Или? Конечно, у него на Земле была бездна врагов, да и не только на Земле... Клаги? Что ж, это последний враг. Но похищать правительственного чиновника, чтобы доказать мне свою правоту? Чушь. Джемисон вспомнил: на рисунке в аэрокаре было что-то такое, парализовавшее его мозг. Новый способ гипноза? Однако слишком много вопросов. Так ему ничего путного не узнать.

Джемисон открыл глаза. Над ним сквозь сплетение лиан сияло зелено-голубое небо. Внезапно он почувствовал невыносимую жару. На него нахлынул рев работающих машин. Он сел на койке и огляделся. Койка стояла в конце еще не законченной просеки. Вокруг рычали грейдеры, бульдозеры, лесовозы и прочая техника освоителей. Вдали виднелись пластиковые бараки.

«Если это Мира-23 — здесь действует Клаги. Значит, Клаги? Да, сомнений нет. Ну, дай ему бог, сумеет оправдаться перед Землей!» — подумал Джемисон.

Теперь Джемисон понял, что небо кажется голубоватым из-за энергетического экрана. Поэтому и верхушки деревьев получали слабое сияние. Экран отражал световые волны низких частот, поэтому находившееся в зените красное солнце Миры казалось белым. Мимо Джемисона проехала машина, разбрызгивающая интеркоциды. Джемисон перескочил на необработанный участок почвы. Эти самые интеркоциды были куда более вредней для человека, чем для насекомых.

Перепаханная машиной земля кишела красными мухами Миры, убивающими жертв током и бог знает чем. Джемисон подошел к уже построенному зданию и прочитал вывеску:

**МЭРИДАН КОМПАНИИ
АЙРАКЛАГИ**

Главный инженер

Джемисон вошел в барак. Сидевший за столом юноша лет двадцати с холодным раздражением взглянул на Джемисона.

— Мне нужен Клаги, — без предисловий сказал Джемисон.

— А вы кто такой? Что-то я вас не припоминаю, — отпарировал юноша.

— Меня зовут Тревор Джемисон. Это вам что-нибудь говорит?

Юноша даже не моргнул.

— Имя говорит. Босс, платящий нам деньги. Но вы-то не Джемисон. Ему в этой дыре делать нечего.

— Вы, кажется, Питер Клаги?

— А откуда вы знаете? Впрочем, это еще ни о чем не говорит. Как вы здесь очутились? Последний корабль улетел пять дней назад.

— Пять дней? — повторил пораженный Джемисон.

Юноша кивнул.

«Пять дней, — подумал Джемисон. — И дорога до Миры семь-восемь дней. Неужели Клаги все это время держал меня без сознания?»

— Где ваш дядя?

Питер Клаги покачал головой.

— Сначала нужно установить вашу личность и как вы тут очутились.

Клаги поднял с пульта трубку и нажал на кнопку.

— Вес выше среднего, густые рыжеватые волосы, глаза темные, широкий лоб, лицо выразительное, — описывал он внешность Джемисона. Потом, помолчав, ответил:

— Все-таки пришлите пару человек.

Он положил трубку и повернулся к Джемисону.

— Дядя говорит, что вы похожи на Джемисона, или... на руллу, выглядевшего, как Джемисон.

Джемисон улыбнулся и поднялся. Он шагнул вперед, протягивая руку.

— Но это-то я сумею доказать. Вашу руку, Питер.

Рука Питера Клаги, лежавшая ладонью вниз на столе, приподнялась, чтобы показать, что под ней лежит маленький бластер.

— Ни с места, — сказал он. — У нас еще будет время для доказательств. — Джемисон с минуту смотрел на него, потом пожал плечами и пошел к двери.

— Назад! — крикнул Питер. — Сядьте на место!

Джемисон, не обращая внимания на Клаги, стоял у двери и рассматривал местность.

Холм возвышался на тысячу футов над джунглями, но не круто, а постепенно врезался в них, так что не заслонял величественного леса, простиравшегося во все стороны до туманных гор на горизонте. Холм был уже почти очищен от деревьев.

И тут Джемисон снова почувствовал тот знакомый волнующий трепет восторга, который он всегда ощущал при виде нового мира, новых звезд, таких же сказочных, как эта.

Однако вид трех вооруженных людей вернул его к действительности. Первым шел Айра Клаги. По мере приближения к бараку лицо его все более принимало вид недоумения.

Но он ничего не сказал до тех пор, пока Джемисона бесцеремонно не обыскали.

— Ну, а теперь, мистер Джемисон, напишите здесь свое имя и подпись, чтобы я мог сравнить с документами. Мне бы не потребовалось делать этого, если бы не неожиданное ваше появление здесь.

Джемисон зловеще улыбнулся.

— Как раз этот вопрос я хотел бы задать вам!

Но тут Джемисон понял, что из такой игры ничего не выйдет. Он рассказал Клаги о событиях, происшедших с ним с момента ухода Айры из его кабинета, не утаив, однако, своих подозрений.

Клаги усмехнулся в ответ:

— Дать вам по физиономии я мог бы, но похищения — не мой стиль.

Клаги в свою очередь рассказал, что было с ним. Он пошел в клуб звездолетчиков и приказал своим людям возвращаться. Он как раз топил свою ярость в бокале вина, когда его разыскал правительственный чиновник и объяснил ему всю подоплеку дела. Клаги отменил приказ, а на следующее утро подписал контракт и занялся вербовкой людей и загрузкой техники в корабль. Через два дня он стартовал на Миру.

— Вы можете связаться с Землей и проверить, — сказал он в заключение.

— Связаться с Землей я должен в любом случае, — ответил Джемисон. — Хотя ваш рассказ правдоподобен. Но все равно следует в этом разобраться. Мне будет нужен корабль.

Радиостанция с субпространственной кольцеобразной антенной на ней была неподалеку.

Из-за контрольной панели вынырнул расстроенный оператор.

— Мистер Клаги! А я уже собрался звонить вам. Опять сгорел конденсатор Мак-Лорена.

— Боюсь, Ландерс, мне придется арестовать вас, — жестко сказал Клаги.

Радиооператор был потрясен. Джемисон тоже.

— Видите ли, доктор, — сказал Клаги, — это был наш последний конденсатор. Мы остались без связи до следующего судна, а оно будет через шесть дней.

Это был серьезный проступок. Питер Клаги отдал бластер Джемисону, схватившему его с облегчением, и шагнул к оператору.

— Страхуйте меня, пока я его обыщу.

Позади Джемисона Клаги тоже достал бластер. Оператор протянул руки вперед. Племянник Клаги схватил его за руку и с облегчением повернулся к Джемисону:

— Это человек, сэр!

Обстановка разрядилась. Джемисон спросил, нет ли на планете еще одной станции. Клаги ответил, что есть, в девятистах милях отсюда на урановых рудниках.

— Мы можем вместе слетать туда на аэрокаре.

Питер Клаги бросился к группе стоявших неподалеку аэрокаров и привел один. Через минуту они были в воздухе, в 1000 футов над зеленым покрывалом леса. Корабль вел Питер.

Айра Клаги молча смотрел в окно. Джемисон тоже решил поразмышлять.

«Видимо, руллы хотят помешать нам получить вакцину. Это ключ ко всему, — думал он. — Они устроили ему ловушку с помощью этого дьявольского рисунка на аэрокаре и привезли сюда». Он содрогнулся, представив себе, что неделю провел на корабле рулл.

Но почему они его не убили? Видимо, потому, что если бы был убит администратор, проект бы остался, человека заменить можно. Тут все было хитрее, в интригу вовлекался Клаги, от которого тоже зависел проект.

Значит, присутствие Джемисона на планете нужно по сценарию. Он вздрогнул. Ведь он ведет себя вполне естественно, значит, тоже по сценарию. По сценарию предусмотрено, чтобы они вместе с Клаги очутились здесь, над лесом, на полпути от ближайшего жилья. Так было задумано. Джемисон встал. Нужно немедленно связаться с рудником.

На горизонте сверкнула точка — второй аэрокар, больше и мощнее его собственного. И вооруженный. Он настигал их.

Джемисон повернулся к пультам и замер: перед ним с блас-

тером стоял Питер Клаги. Дуло бластера уперлось Джеми-
сону в живот.

Айра крикнул:

— Питер, ты сошел с ума!

Он вскочил с места и бросился к Питеру. Но тот направил
на него оружие:

— Сдать бластер! Живо!

Джемисон протянул к Айре руку:

— Мне остается надеяться, Клаги, что ваш племянник
еще жив. Это не Питер Клаги, и вообще не человек.

16

Теперь Джемисон все понял. Питер отказался пожать
ему руку, мотивируя это тем, что Джемисон мог ока-
заться руллом. Джемисона с самого начала поразила свежесть
Клаги в этом душном климате. Ясно теперь, откуда она. Те-
перь понятно, кем был радиооператор, чью человечность
удостоверил Клаги рукопожатием, — руллой.

Джемисон внимательно разглядывал «юношу». Его всегда
поражала совершенство маскировки, никогда не разрушаю-
щейся в присутствии людей. Джемисону же всегда виделись
червеобразные многорукие тела рулл.

Айра Клаги очнулся, наконец, от шока.

— Что вы сделали с моим племянником? — он угрожающе
шагнул вперед.

Джемисон схватил его за руку.

— Спокойно, приятель. Ему ведь даже не понадобится
бластер. Он убьет вас излучением.

Рулла молча протянул то, что казалось рукой, к пульту и
шелкнул тумблером. Аэрокар начал падать в чашу леса.

Другое судно, как заметил Джемисон, тоже нырнуло в
лес.

Странно, но второй аэрокар не приземлился. Он завис над
землей на высоте нескольких футов.

Вероятно, он не хотел оставить следов. Из машины выска-
чили двое рулл в человеческом облике и направились к ним.
Джемисон понял, почему они старались не касаться земли:
ведь здесь, в гуще леса, кишмя кишели юные лаймфы.

Может, руллы и не знали цели работ Клаги, может, это
была просто превентивная операция против Земли. Их привели
в замешательство лаймфы. Взрослые лаймфы были безобидны,
они не двигались с места. Молодые же нападали на все, что
двигалось. Стоило же движущемуся предмету остановиться,

как они о нем забывали. Они бросались на все — на падающие листья, на раскачивающиеся деревья, на текущую воду... Миллионы их гибли от атак на мертвые предметы, почему-то двигающиеся. Но некоторым везло, и через два месяца они превращались во взрослых особей. Те представляли собой твердые ульеобразные конструкции, которые не могли двигаться. Эти улья встречались на каждом шагу: на земле, на деревьях, везде, где молодые лаймфы достигали жертву. Взрослая особь жила меньше, но была весьма плодовита. Жила она за счет съестных запасов, приобретенных до превращения. Всю свою короткую жизнь они проводили в непрерывном размножении. Но дети оставались в них. Они развивались в родителях и начинали их пожирать. Это останавливало размножение, но к этому времени детенышей было так много, что они пожирали друг друга. И несмотря на это, какая-то часть ухитрялась спастись.

Один из рулл парализовал Джемисона. Страшная мысль пришла ему в голову: что, если какой-нибудь лаймф впился в него, когда он падал, то теперь этот лаймф пожирает его!

Ослепительная вспышка света осветила уже темнеющие джунгли. Еще одна, еще! Джемисон только мог гадать, что произошло. Шли минуты, вспышки редели. Глаза резало. Он не мог их закрыть. И через секунду он понял, что это хорошо. В поле его зрения появилась уродливая маленькая голова лаймфа, всего в нескольких футах от него. Лаймф посеял на бесчисленных маленьких ножках мимо него.

Внезапно земля ушла из-под него. Он понял, что его подняли. Сначала он испугался, что это руллы — но нет — его нес на своих руках Айра Клагги. Тот помчался к аэрокару и бросил его в люк. Прежде чем люк захлопнулся, Джемисон мельком увидел трех рулл в футах пятнадцати от корабля. Они потеряли свою человеческую форму, и на членистых многоногих телах тут и там блестели шишки излучателей, с помощью которых создавалась видимость людей. И повсюду в их тела внедрялись маленькие лаймфы.

17

— Как, говорите, назвали? — переспросил польщенный Джемисон. Он был в своей каюте, в корабле, летящем с *Миры-23* на Землю.

— Он хотел взять ваше имя, но ему объяснили, что это будет нетактично. Так что его зовут Эфраим.

А в принципе это было из ряда вон выходящее событие.

«Что в имени тебе моем?» — сказал древний поэт. Это была одна из немногих его ошибок. Люди, выйдя в космос, обнаружили много рас, которые не имели имен. Ни одна из них не создала цивилизации. Джемисон понимал, конечно, что за сотни лет понятие «цивилизованность» было искажено до такой степени, когда раса считалась тем «цивилизованней», чем активней она боролась против рулл.

С практической точки зрения другого и не требовалось.

— Эфраим... — повторил он, — а второй?

— Джемисон. — Это было возможно.

— Ха, еще один родственничек.

— Жене сообщили?

— Да, я ей звонил. Но она была слишком расстроена сообщением о вашем исчезновении.

Джемисон был весьма рад, что он уже успел поговорить с Ведой. Поэтому он принялся непринужденно болтать с собеседником. В результате родилась идея: изготовить такой индикатор, который издавал бы мысленные импульсы: «Меня зовут...», и каждому индикатору присвоить свое имя.

Миллионы таких индикаторов необходимо привезти на планету Карсона и там использовать для лечения эзвалов. Делать метки можно из материалов, со временем растворяющихся в крови. Но к этому времени каждый эзвал уже будет знать свое имя. Несомненно, эту идею можно преподнести межзвездному совету.

Затем Джемисон соединился с одним исследовательским институтом и сообщил о том странном рисунке, парализовавшем его.

Через несколько дней он снова был в своем кабинете.

— Вас хотят видеть, — позвонила секретарша.

— Да, включите, — откликнулся Джемисон. На экране появилось взволнованное лицо жены.

— Мне звонили из Сада. Диди ушел искать источник Звука.

— О-о-о... — протянул Джемисон.

Он любовался ее лицом. Она и в самом деле была привлекательна, хотя замужество и материнство все-таки повлияли на нее.

— Веда, тебе не следует волноваться, — сказал он.

— Но ведь он ушел. А кругом кишат эти руллы!

— Ведь в Саду его отпустили. Они знают, что делают.

— Но ведь его не будет всю ночь!

Джемисон медленно кивнул:

— Видишь ли, дорогая, так нужно. Это неотъемлемая часть процесса воспитания, и мы должны подчиниться. Мы этого уже долго ждали...

Он переменял тему разговора.

— Лучше развлекись. Пройдись по магазинам, купи себе что-нибудь, возьми... ну, сколько хочешь денег. До свидания, дорогая, и главное не расстраивайся!

Он встал и подошел к окну. Перед ним было здание бюро. Проспекта и корабля он не мог видеть, они были по другую сторону здания. Дальше до туманного горизонта простирались пригороды. Где-то там внизу его сын искал источник Звука.

Темнело. Диди Джемисон шел по улице. С самого начала всю жизнь он размышлял, что такое Звук. Звук, который никогда не прекращался. Ему говорили, что где-то снаружи его нет. Может быть. Но он был уверен, что это не так. Ведь говорили же ему иногда неправду, чтобы проверить его. Скорее всего, и это было ложью, которую он должен опровергнуть.

Звук был все время. В Саду, в его комнате, говорил ли он или молчал, и даже во сне Звук не прекращался. Звук был привычен. И вот сегодня Диди решил поискать место, где нет Звука. Сначала на одной улице, потом на другой. Скоро он потерял им счет. Он поужинал в маленьком ресторанчике и снова вышел на улицу.

В ста футах от него стоял человек, которого он впервые заметил десять минут назад. Что-то в нем вызвало тревогу. Диди перешел улицу и, надеясь ускользнуть от человека, вышел на другую, более многолюдную улицу. Он еще надеялся, что это не рулла.

Но к первому человеку присоединился второй, и они направились к нему. Диди подавил желание повернуться и убежать. Если это руллы, то ему не убежать.

— Малыш!

Диди остановился и повернулся к этим двоим, как если бы он увидел их впервые.

— Ты что-то поздно гуляешь.

— Это моя ночь, сэр, — ответил Диди.

Человек полез в карман. Странное это было движение — как если бы рука перемещалась отдельно, сама по себе. Наконец, человек вынул руку и протянул значок.

— Мы агенты Бюро, — сказал он. — Ты пойдешь с нами на Проспект. — Он сунул значок в карман.

Соппротивление было бесполезным.

Сразу после обеда раздался звонок в дверь. Джемисон открыл дверь. На площадке стояли два полицейских офицера в штатском.

— Доктор Джемисон? — спросил один из них.

— Да.

— Тревор Джемисон?

Джемисон кивнул.

— Отец Декстера Джемисона, девяти лет?

Джемисон схватился рукой за косяк двери.

— Да.

— Наш долг, согласно закону, сообщить вам, что ваш сын находится в руках у рулл. В течение нескольких часов его жизнь будет находиться в смертельной опасности.

Джемисон ничего не сказал. Офицер рассказал ему вкратце всю историю.

— Мы знаем, что сейчас руллы скапливаются в районе Солнечной Системы. Мы не можем уследить за всеми. Сейчас мы производим лишь подсчет их числа. Вероятно, вы понимаете, что нам важнее узнать конечную цель рулл, чем выловить отдельные группировки. Видимо, сейчас мы имеем дело с особо крупным заговором. Но мы делаем пока первые шаги к разгадке. Нужна ли вам еще какая-нибудь информация?

Джемисон колебался. Веда сейчас мыла в кухне посуду. Она не должна знать, что приходили полицейские. Но он еще не узнал всего.

— Надо вас понимать так, что вы не будете освобождать Диди сейчас?

— Пока у нас нет информации о намерениях рулл. Ситуация должна созреть. Вам не следует вмешиваться. Это все, сэр. Вы можете звонить нам время от времени. Мы вам звонить не будем.

— Благодарю вас, — автоматически сказал Джемисон. Он вернулся в комнату. Веда крикнула из кухни:

— Кто приходил, дорогой?

— Кто-то искал человека по имени Джемисон. Ошибка.

— А-а-а, — ответила Веда.

Она сразу забыла о происшедшем и не вспоминала о нем. Джемисон пошел спать.

18

Диди знал, что не должен сопротивляться. Он должен сорвать планы рулл. Этому его учили в Саду. Нужно сначала выяснить, что за план у рулл. И ждать инструкции.

Пока они притворялись людьми. И Диди покорно шел за ними. Улица становилась светлее. Вдали на черно-синем небе четким контуром выступил корабль.

Здания вдоль проспекта, за день накопившие солнечную энергию, светились. Руллы с Диди на буксире подошли к барьеру проходной. Здесь, около металлической плиты шириной в восемь футов, они остановились, глядя на расположенные под решеткой вентиляторы.

В начале войны охраняемые объекты окружали бетонные заборы с электрозащитой. Но вскоре выяснилось, что ток для рулл не преграда. Колючую проволоку они просто не чувствуют, а бетон крошат своим излучением. А среди ремонтников всегда оказывались шпионы, саботирующие работу путем убийств. Вооруженные патрули слишком часто убивали своих. И в результате несколько лет назад был создан вентиляционный барьер. Он окружил Пригород. Люди его не замечали, но рулл он убивал за три минуты. Конструкция барьера была строго засекречена.

Диди воспользовался нерешительностью своих спутников и сказал:

— Благодарю вас, дальше я могу пойти сам.

Один из шпионов рассмеялся. Его смех с небольшой натяжкой мог сойти за человеческий.

— Слушай, парень, ведь ты, наверное, неплохой спортсмен. Не хочешь ли ты нам помочь ненадолго?

— Помочь?

— Видишь этот барьер?

Диди кивнул.

— Отлично. Мы тебе уже говорили, что служим в тайной полиции — знаешь, против рулл. Ну, и однажды мы с другом говорили о делах и обнаружили путь, который должен пройти рулла через барьер, прежде чем погибнуть. И такой страшный результат получился, что мы решили его проверить, прежде чем докладывать наверх. Сам понимаешь, куда. Коли мы ошибемся, нас засмеют. И мы решили сначала проверить.

«Никто... не должен... пытаться... нарушить... планы рулл». Этот приказ столь часто повторялся Диди, что сейчас, как эхо, откликнулся в его мозгу. Он колебался, он не знал, сказать да или нет. Но годы учебы взяли свое.

— Все, что нужно, — пройти через барьер и вернуться, — сказал рулла.

Диди, не говоря ни слова, выполнил приказ. Секунду он стоял нерешительно: вернуться ему или побежать к зданию в тридцати футах от него. Но тотчас же понял, что руллы убьют его, и он не пробежит этих тридцати футов. И он вернулся.

По улице в направлении к барьеру шла группа людей. Руллы и Диди посторонились, уступая дорогу. «Полиция?» — подумал Диди. Ему отчаянно хотелось, чтобы все шло по

плану. Люди неторопливо перешли барьер и скрылись за зданием.

— Нужно быть осторожным, чтобы нас не заметили, — сказал рулла.

У Диди было свое мнение на этот счет, но он промолчал. Они отошли в тень.

— Протяни руку.

Диди протянул руку. «Сейчас меня убьют», — подумал он. Он чуть не заплакал. Но выдержка, которой его учили в Саду, и тут не изменила ему. Руку пронзила острая боль.

— Мы взяли у тебя кровь, парень. Видишь ли, мы думаем, что тут все дело в бактериях. Они разбрасываются пульверизаторами один раз в несколько секунд, поэтому мы этого не чувствуем. Бактерии смертельны для рулл, но безвредны для человека. Чтобы бактерии не разносились в воздухе, их засасывают обратно вентилятором. Одни и те же бактерии используются во многих циклах. Теперь ты понимаешь?

Диди был потрясен. Ведь там действительно могут быть бактерии, убивающие рулл. Мало кто знает, как устроены бактерии. Неужели руллы узнали это?

Второй рулла делал что-то в тени здания. Там что-то вспыхнуло и тут же погасло. Диди понял, что тот исследует его кровь, пытаясь понять, что там за бактерии.

— Бактерия, попавшая на человека, сразу же умирает. Видимо, используется один вид бактерий, иначе невозможно было бы несколько циклов. Если бы руллы нашли средство иммунитета к этому виду бактерий, они легко бы прошли через барьер, как ты сейчас. И они могут делать внутри все, что угодно. В Пригороде. Понял, как важна наша задача?

Он прервался:

— А, мой друг кончил анализ. Подожди немного.

Он подошел ко второму шпиону. Их разговор длился не более минуты. Рулла вернулся.

— О'кей, парень. Можешь идти. Мы тебя не забудем в случае чего.

Диди не поверил своим ушам.

— Разве это все?

— Все.

Диди вышел из тени здания и пошел к барьеру. Руллы шли за ним, но не пытались задержать его.

— Эй, парень! Смотри, тут еще двое ребят. Вы можете искать Звук вместе!

Диди обернулся. К барьеру бежали двое мальчишек.

— Кто последний добежит, тот рулла! — крикнул один.

Они молнией понеслись к барьеру. Диди последовал за ними.

-- Меня зовут Джеки, — сказал один.

— А меня, — Джил, — добавил второй.

— А я — Диди, — представился Декстер.

У каждого был свой Звук, но искать можно вместе.

К ребятам подкатил кар и остановился, как только его фотоэлементы заметили их. Они сели в него и помчались по Пригороду между кранами и механизмами.

Диди никогда не был ночью на проспекте и в другое время был бы очень взволнован такой поездкой. Но теперь он размышлял. Кто эти ребята? Руллы? Они никогда не забирались так далеко. То, что они пробежали, а не прошли барьер, — это просто случайность. Но что бы ни случилось, он должен сотрудничать с ними. Таков закон. Так его учили.

Он стал искать источник. Но куда бы он ни заходил, в какой бы зал ни заглядывал, Звук не стихал. Они ни разу не пересекали больше барьера. Если здесь и была преграда для рулл, она была невидима. Двери всех зданий были широко раскрыты. Он надеялся, что в какой-либо закрытой комнате будет смертельный для рулл воздух. Но закрытых комнат не было.

Хуже всего было то, что кругом не было ни одной души, никто не мог помочь ему. Только бы узнать, руллы ли его спутники! Если это руллы, то вдруг у них есть какое-то сверхмощное оружие, которое может повредить Корабль?

Они вошли в огромное, площадью полквадратной мили здание. Джил и Джеки не возражали. В здании не было пола — была гигантская пропасть, наполненная какими-то кубическими конструкциями. Вершина ближайшей из них была в четверти мили от пола, сделанного из прочнейшего пластика, прозрачного до такой степени, что сквозь многие мили можно было видеть вспышки гигантских ядерных реакторов.

И в центре этого здания, царства металла и пластика, была женщина. Она кивнула им и спросила дружелюбно:

— Ищите источник? А вы знаете, кто я? Я — Чувствующая.

Джеки и Джил помалкивали, а Диди сказал, что знает. Он слышал в Саду о таких людях. Они каким-то образом, кажется по изменению кальция в крови, могли следить за ходом ядерной реакции. Из-за того, что они могли регулировать количество кальция в крови, она жила очень долго, порядка века.

Диди был разочарован. Женщина явно не могла разрешить его сомнений, она не подала знака. Но, может, она что-то расскажет о Звук? И он спросил:

— А эти реакторы, стоящие внизу, могут издавать Звук?

— Конечно.

— Что-то не верится в это.

— Вы ребята неплохие, и я вам хочу помочь. Я шепну каждому на ухо ключ к разгадке. Ты будешь первым, — она двинулась к Диди.

— Не показывай удивления, — сказала она. Под перекрытием металлического тротуара под Кораблем ты найдешь маленький бластер. Иди вниз по эскалатору номер семь и направо до бруса с надписью «П». Если понял, кивни.

Диди кивнул.

— Спрячь бластер в карман и не применяй без приказа. Счастливого пути!

Она выпрямилась.

— Ну, а дальше ты сам, — она подошла к Джеки. — Теперь ты. — Тот покачал головой. — Мне подсказок не надо. Не люблю шептунов.

— Я тоже, — сказал Джил.

Женщина улыбнулась:

— Ну, ладно. Тогда слушайте: вы знаете, что такое миазмы?

— Туман, дымка, — ответил Джеки.

— Это ключ. А теперь идите — через четыре часа рассвет.

Когда Диди обернулся, женщина снова выглядела, как часть кресла, в своей неподвижности она казалась неживой. Но теперь он знал — Корабль в опасности. И они пошли к выходу.

19

Джемисон проснулся от того, что кто-то теребил его плечо. Он вздрогнул и повернулся на другой бок. О, господи, и тут не дают поспать! Он открыл глаза: на его постели сидела Веда. Джемисон взглянул на часы. Двадцать две минуты третьего. «Черт возьми, — подумал он, — я должен выспаться, наконец».

— Я не могу заснуть, — сказала Веда хныкающим голосом. Она выглядела очень расстроенной. Джемисон проснулся окончательно.

— Милый, — прошептала она. Джемисон пошевелился.

— Любимый.

Он открыл один глаз снова.

— Дорогой, проснись, пожалуйста. Я так волнуюсь.

— Ты хочешь, чтобы я не выспался?

— Извини меня, пожалуйста, я не хотела тебе мешать.

Но было ясно, что все это она говорит для проформы, и эти извинения тут же вылетели у нее из головы.

— Милый.

Он не ответил.

— Мы должны узнать.

Джемисон хотел было совсем не слушать ее, но мозг уже начал анализировать ее желания. И выводы были поражающими.

— Что узнать? — спросил он.

— Сколько их?

— Кого?

— Ребят на улице...

Он ожидал худшего.

— Веда, ведь мне утром на работу.

— Работа! — презрительно сказала Веда. — Работа! Думаешь ли ты еще о чем-нибудь? Остались ли у тебя какие-либо чувства?

Джемисон молчал, но она не уходила; голос ее стал раздражительным.

— Ты и люди, подобные тебе, слишком безчувственны.

Дальше так продолжаться не могло. Он сел и включил свет.

— Если ты думаешь меня оскорбить, то совершенно напрасно.

— Дорогая, ты можешь радоваться. Ты своего добила — я проснулся.

— И вовремя. Если бы не позвонил ты, это сделала бы я. Джемисон щелкнул пальцами.

— Ладно, я позвоню, только не виси у меня над душой. Что обо мне подумают люди? Сиди здесь.

Он вышел из спальни и закрыл за собой дверь. Затем позвонил по указанному адресу. На экране появилось солидное лицо человека в адмиральской форме. Этот человек был знаком Джемисону.

— Дело обстоит так, Тревор. Ваш сын снова в лапах двух рулл, теперь уже других. Они прорвались сквозь барьер в весьма оригинальной форме. Сейчас в Пригороде около сотни рулл в человеческом облике, они стянулись со всей Солнечной системы, видимо, для какой-то важной диверсии. За последние полчаса ни один рулл не пересек барьера — значит, все они там.

— А что с моим сыном? — спросил Джемисон.

— Пока он им нужен. Мы стараемся снабдить его оружием.

Джемисон понял, что адмирал не скажет ему ничего действительно важного.

— И что же вы, преспокойно позволили сотне рулл проникнуть на Проспект, не зная даже, зачем им это нужно?

— Нам нужно узнать, зачем они это сделали. Чего они хотят? Почему пошли на такой риск? Наш долг — дать им высказаться. Мы сделаем все, чтобы спасти жизнь вашему сыну, но обещать я ничего не могу.

Джемисон понял, что для этих людей смерть Диди не более чем прискорбный эпизод. Газеты напишут потом: «Потери минимальны». Впрочем, они даже могут сделать из мальчика сенсацию — на один день.

— Боюсь, — сказал адмирал, — мне придется идти. Сейчас ваш сын спускается к Кораблю. Я должен наблюдать. До свидания.

Джемисон сжал руку в кулак и постарался успокоиться. Он вернулся в спальню и сказал:

— Все в порядке. Можешь быть спокойна.

Она не ответила. Ее голова лежала на подушке, видимо, она прилегла на секунду и уснула. Но спала она тяжело, щеки были мокрыми от слез. И он решил помочь ей, ввел в кровь усыпляющее вещество. Она расслабилась, дыхание стало ровным и спокойным.

Джемисон позвонил Калебу Карсону и попросил его:

— Возьми Эфраима, скажи ему, что он нужен семье. Отвези его в штаб-квартиру Службы Безопасности около Корабля, в хорошем контейнере, чтобы никто не заметил.

Потом Джемисон быстро оделся и сам помчался к зданию Службы. Он знал, что военные будут против привлечения эзвала. Но это было личной привилегией, которую он и тем более Диди заслужили.

— Что она тебе шептала? — спросил Джеки.

— Да то же, что и вам, — ответил Диди. Они спускались по эскалатору под Проспект. Джеки, казалось, задумался о чем-то. Наконец, они достигли тротуара, и Диди увидел не-вдалеке брус буквой «П». Сзади Джеки спросил:

— Но какой же смысл ей было шептать это на ухо, если она потом сказала все это вслух?

Диди вздрогнул, но взял себя в руки:

— А кто ее знает, наверняка решила пошутить.

— Пошутить? — переспросил Джил.

— Что мы тут потеряли? — перебил его Джеки.

— Я устал, — ответил Диди и уселся на тротуар. Двое рулл стояли по другую сторону тротуара. Диди запустил руку под металлическое покрытие и нащупал бластер. Руллы, по всей видимости, говорили между собой или еще с кем-то. Диди незаметно спрятал бластер в карман. Только теперь он заметил, как дрожит под ним тротуар. Эта

дрожь передалась ему. Какова же должна быть вибрация под Кораблем, подумал он. Город был построен из металла. Но все вибрационные покрытия не могли устранить дрожь, порождаемую сконцентрированными на площадке источниками энергии, атомными реакторами, работающими на предельной нагрузке, машинами, способными штамповать стонные плиты.

Восемь с половиной лет назад был построен Город для колоссального Корабля. Каждая семья жила здесь либо потому, что кто-то из родителей был специалистом, необходимым для постройки Корабля, либо потому, что у них был ребенок, который мог на нем улететь. И не было другого пути для людей научиться владеть им, как не расти вместе с Кораблем.

В этом Корабле, высотой в 10 000 футов, был сконцентрирован инженерный гений тысячелетий. Приезжие государственные чиновники лишь ошеломленно качали головами, пораженные этими акрами машин, приборов и инструментов на каждом этаже.

И когда Корабль взлетит — Диди будет на нем! Пока он стоял, потрясенный восторгом предчувствия, за ним появились двое рулл.

— Пошли! — сказал Джеки. — Зря мы тут болтаемся!

Диди спустился на Землю.

— А куда? — спросил он.

— Как куда? Искать! — был ответ.

— Идемте! — не колеблясь, ответил Диди.

Неоновая надпись на здании гласила: «Исследовательский Центр». На площадке перед зданием толпились мальчишки — группами и поодиночке. Среди них были такие, что, казалось, только сегодня они научились ходить. «Может, это руллы? — подумал Джекисон-младший. — А может, все здесь — руллы? Нельзя давать волю таким мыслям», — решил он.

«Исследовательский Центр». Здесь была выведена бактерия, убивающая рулл. Но что здесь нужно руллам? Узнать секреты центра и вывести его из строя? Ликвидировать защиту? О такой опасности его предупредили в Саду.

Все двери Центра в отличие от других зданий были закрыты.

— Открой, Диди! — сказал Джеки.

Тут к ним подошли двое. Один из них окликнул Диди.

— Привет, парень! Мы ведь уже встречались, а?

Диди повернулся к ним. Это были двое агентов Службы Безопасности. Но, может, это не они, а другие? Что, впрочем, несущественно.

— Мы рады тебя видеть. Мы хотим провести другой эк-

сперимент. Войди в дверь. Это поможет нам в борьбе с руллами. Как тебе это подходит?

Диди кивнул. Он чувствовал такую слабость, что речь выдала бы его.

— Войди туда, — сказал рулла, — постой несколько минут, сделай вдох, задержи дыхание и выйди. Только и всего.

Диди вошел в Центр. Дверь автоматически захлопнулась за ним.

Он очутился в большой комнате — но здесь не было ни души. И потому Диди решил не бежать. Но почему же здесь никого нет — ведь все институты Пригорода работали круглосуточно?

Дверь распахнулась. За порогом стояли Джеки, Джил и остальные ребята, молча глядя на него.

— Выходи, — послышался голос, — только сначала вдохни воздух.

Диди вдохнул и вышел. Двери захлопнулись за ним. Один из рулл протянул ему стеклянный сосуд с резиновой пробкой.

— Выдохни, — сказал он.

Что Диди и сделал. Рулла отдал сосуд спутнику, и тот отошел с ним за угол.

— Ты ничего не заметил в здании? — спросил оставшийся рулла.

— Какой-то там странный воздух, густой и тяжелый. А так — больше ничего.

— Мы снова должны взять у тебя кровь. Дай палец.

Диди подчинился.

К ним подошел Джил и спросил с энтузиазмом:

— Что я могу сделать для вас?

— Иди помоги моему другу, — ответил рулла.

Джил со всех ног помчался за угол.

Минуты шли, и вот из-за угла появилась пара рулл. Диди смотрел на них с усмешкой.

Стоящий рядом с ним рулла быстро пошел им навстречу. Может быть, они и разговаривали, но, скорее всего, не звуками. Потом рулла, который всегда разговаривал с Диди, снова подошел к нему.

— Ты нам очень помог, парень. Теперь и мы сможем внести свой вклад в войну. Оказывается, в воздухе примешан газ с фтористыми соединениями. Это само по себе безвредно, даже для рулл. Но рулла не сможет излучать в таком воздухе, так как возникают неустойчивые анионы, убивающие рулл.

Диди не совсем понял это объяснение. Химические реакции и соединения они проходили в Саду, но он мало что понял.

— Да, — сказал «агент» удовлетворенно. — Рулла сам себя убивает. А, ребята, вы, кажется, хотите пройти внутрь?

Ну, что ж, давайте, и я тоже приду, вот только потолкую немного с пареньком. Давай отойдем, — сказал он Диди.

Он отвел Диди в сторону, и «дети» потоком хлынули в здание, чтобы узнать все его секреты.

«Кто-то должен им помешать, — подумал Диди, — и чем быстрее, тем лучше».

— Могу сказать тебе — по секрету, конечно, — ты сделал сегодня важную работу. Мы все время думали про Исследовательский Центр. После полуночи люди отсюда уходят, и два монтера подключают какое-то оборудование и громкоговоритель у двери, который, если бы я был руллой, легко разрушил. Люди слишком надеются на свою бактерию.

Мы подумали вот что. Руллы хотят узнать, чем занимается Центр. Если бы они попали туда, то передать информацию не составляло бы большого труда, а выбрались бы шпионы поодиночке. Это опасно, но возможно. Так уже делалось. Но теперь мы это предотвратим....

— Диди, услышал он шепот сверху, — не подавай виду, что ты меня слышишь.

Диди сначала напрягся, но потом расслабился. Он знал, что руллы не воспринимают шепота по каким-то физиологическим причинам.

— Ты должен войти в здание, стать у двери и ждать инструкций.

Диди понял, где источник голоса, — сверху двери. Рулла ведь говорил ему что-то про оборудование и о громкоговорителе над дверью. Наверно, шепот шел оттуда. Но как же войти внутрь, если рулла мешает? Тот говорил что-то о вознаграждении, но Диди думал только о том, как войти.

— Боже мой, — в отчаянии сказал Диди, — ведь уже наступает рассвет, а я ничего не нашел! Послушайте, лучше я пойду в здание.

— Верно, не будем тратить время. Иди и будь осмотрителем там, понял?

Диди распахнул дверь. Но рулла остановил его.

— Подожди секунду, — сказал он.

Он привстал и дернул за что-то над дверью. Упали какие-то провода.

— Вот теперь можешь идти. Я отключил громкоговоритель. Можешь посмотреть, что делают другие ребята.

Дверь захлопнулась за Диди.

Адмирал огорченно пожал плечами.

— Мне жаль, Тревор, но никакой надежды нет. Они уничтожили связь. Мы бессильны.

— Что он должен был сделать, адмирал?

— Это не подлежит разглашению.

— Хотите связаться с Диди, Джемисон? Я прочел мысли адмирала, — телепатировал из контейнера Эфраим.

— Да, — ответил Джемисон.

Диди сначала был напуган шепчущим голосом.

— Диди, руллы в здании безоружны, на излучение они не могут рассчитывать. Я вижу здесь двоих ребят.

Действительно, в дальнем конце комнаты склонились над столом двое. Диди очень удивился, но голос тут же сказал:

— Диди, возьми бластер и убей их.

Он сунул руку в карман и вынул бластер. Пять лет его готовили к этому моменту, и он был спокоен. Не было такого оружия, которым бы он не владел в совершенстве.

Из дула бластера вырвалась струя голубого пламени — Диди направил ее на рулл. Те съежились, почернели и мягко осели на пол.

— Отличный выстрел, — похвалил эзвал.

Только тут Диди понял, что голос звучит ВНУТРИ него.

Дети в комнате менялись на глазах, собственно, это были уже не дети. Хоть Диди и видел раньше фотографии рулл, но все же он был потрясен происходящим.

— Все двери здания закрыты, — сказал голос внутри него. — Сюда никто не войдет. Снаружи никого нет. Обойди все здание и убивай каждого, кого встретишь. КАЖДОГО! Без всякой жалости. Здесь нет людей, только руллы. Убивай их без пощады!

Через несколько минут эзвал доложил Джемисону:

— Ваш сын уничтожил всех рулл в Исследовательском Центре. Он будет оставаться в здании до тех пор, пока не будут убиты те, кто снаружи.

— Спасибо, — сказал Джемисон, — это было великолепно.

Потом адмирал рассказал Джемисону:

— Да, это была большая победа. Конечно, руллы снаружи пытались сопротивляться, но мы поменяли бактерию в барьерах, и скоро им пришел конец. — Он поколебался и сказал:

— Одного не пойму, как ваш сын догадался, что ему нужно делать?

— Я вынес ответ на этот вопрос в специальный раздел в моем рапорте.

— Как, вы написали рапорт? — спросил ошеломленный адмирал.

— Сами увидите, — ответил Джемисон.

В полутьме Диди сел на вертолет в переулке 2 и полетел

на вершину холма, откуда днем был виден Корабль. Здесь стояли и сидели несколько ребят. Диди не знал, люди они или рулмы, но почти не испытывал в этом сомнения. Руллам не было смысла участвовать в этом ритуале.

Диди уселся под кустом рядом с каким-то мальчиком.

— Как тебя зовут? — спросил он.

— Март, — ответил ему резкий, но громкий голос.

— Ищешь источник?

— Ага!

— И я.

Наступал рассвет, и в его сиянии появился Корабль. Металл его оболочки постепенно запылал отраженным сиянием солнца, которое еще не появилось. Сияние опускалось по металлу все ниже и ниже, пока из-за горизонта не показался край солнца.

И чем выше вставало солнце, тем больше становился Корабль. Стоэтажный небоскреб Административного центра казался рядом с ним всего лишь подпоркой.

С гордостью и восторгом смотрел Диди на Корабль. Тот, казалось, плывал в солнечных лучах, поднимаясь все выше и выше.

«Нет, — подумал Диди, — еще рано. Но день придет. И величайший звездолет, созданный руками человека, устремится в пространство. И тогда война кончится».

Голод заставил Диди спуститься с холма. Он перекусил в ближайшем ресторанчике. А потом полетел домой.

Джемисон был в спальне, когда открылась входная дверь. Он сжал пальцы жены.

— Диди устал, — сказал он, — пусть он отдохнет.

Веда высвободилась и ушла в свою спальню.

Диди прокрался через темную гостиную и включил свет. Одновременно вспыхнули лампочки на панели домашнего учителя-робота.

— Я понял, что такое Звук, — сказал Диди.

— Что?

Диди ответил.

— Ты оправдал мои надежды. Теперь иди спать, — сказал робот.

Скользнув под одеяло, Диди вновь ощутил вибрацию. Он слышал скрип пружин и дрожь пластикового окна. Вместе со всеми вещами дрожал пол.

Диди счастливо улыбнулся. Он не удивился появлению Звука. Это и были «мизамы» Пригорода, туман вибрации.

Теперь Звук останется с ним навсегда, даже когда Корабль будет построен. Это часть его жизни. Так он и заснул.

Проснулся Джемисон, как обычно, сон мгновенно слетел с него при воспоминаниях о событиях прошедшей ночи. Он взглянул на жену и облегченно вдохнул — все-таки она отдохнула. Ей встать не скоро. Джемисон на цыпочках прокрался в ванную, умылся, в одиночества съел завтрак и заодно прикинул варианты — как прошлая ночь повлияет на будущее.

Эзвал его не подкачал.

На работе Джемисон написал рапорт, где назвал происшедшие события не менее важными, чем постройка Корабля.

«Использование телепатии в качестве связи между различными расами — дело дальнейших исследований. Но сам факт существования такой возможности — величайшее событие в истории Галактики».

Он размножил доклад и разослал всем, кто был в нем заинтересован. Первым ответ прислал видный военачальник:

«Интересно знать, были ли приняты предосторожности при общении эзвала с людьми, причастными к временным Исследованиям (это было обозначение «Совершенной секретности»), и не следует ли в этом случае уничтожить эзвала в качестве предосторожности?»

Этот ответ вызвал у Джемисона чувство отвращения. Эти военные всегда трясутся за свои секреты. И ведь это тоже было размножено и разослано.

Джемисон написал ответ, в котором доказывал, что эзвал не имел контакта с людьми, располагающими СЕКРЕТНЫМИ СВЕДЕНИЯМИ. А сам он располагал лишь минимумом фактов, и те же сведения эзвал мог получить от агентов рулл.

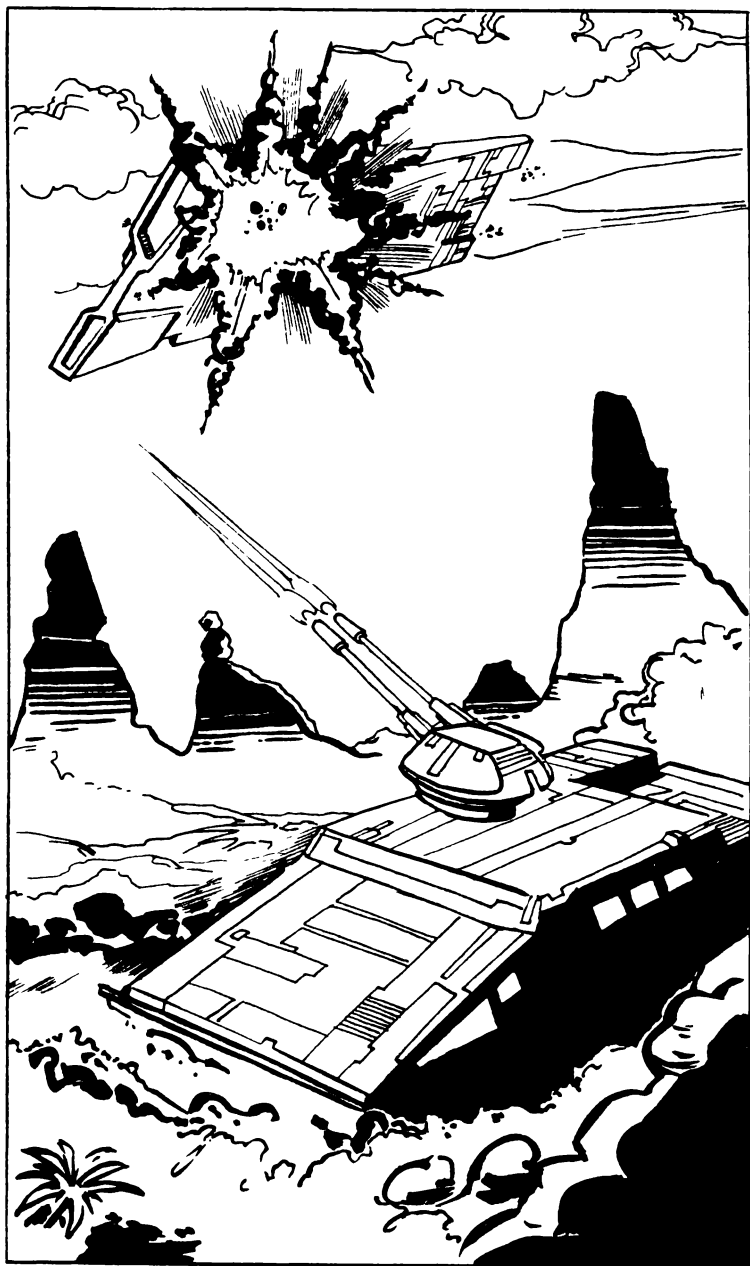
Тут было слабое место — эзвал не умел читать мыслей рулл, но для игры в честность было не время.

«Кроме того, — продолжал он, — не известно, когда сложится аналогичная ситуация, и к нам в руки попадет столь расположенный к сотрудничеству эзвал, не говоря уже о том, что от жизни Эфраима зависят отношения со всей расой эзвалов. Эти отношения будут прерваны навсегда, если они когда-либо узнают о случившемся».

Джемисон и эту бумагу размножил и отправил по адресам. Он перевел эзвала в другой отсек в целях безопасности, мотивировав это тем, что в данном месте эзвал не будет иметь контакта с носителями секретной информации.

До вечера пришло еще несколько откликов — все благоприятные, кроме одного, гласившего:

«Человек... что за чудовище выдал ты за ребенка?».

На этом закончилась неделя.

Джемисон ожидал сообщения из Информационного Центра. Он запросил Центр о расах, с которыми невозможно установить контакт.

Он позвонил Калебу, пригласив его на ленч, и попросил его съездить с ним в Центр.

Карсон был сильно похож на своего деда.

Вокруг него всегда сиял ореол успеха, деятельности, казалось, он все время хранил какую-то тайну, которой ни с кем не имел права делиться.

В «Корабельной каюте», государственном ресторане для высших администраторов, Джемисон посвятил Карсона в свои планы:

— Необходимо совершить с Эфраимом путешествие на какую — либо планету, не поддающуюся контакту, и использовать его в качестве посредника.

Карсон кивнул:

— Это верная мысль. У нас появилась возможность вернуть Галактике целые миры.

Затем они принялись обсуждать детали освобождения эзвала. Покончив с ленчем, они кинули прощальный взгляд на силуэт Корабля за окном и вышли к лифту.

— Неужели на этом Корабле можно будет достичь родины рулл?

Этого говорить не стоило, как сразу Карсон понял по реакции Джемисона.

— Слушайте, бросьте сердиться, давайте задержимся у охранника и пройдем проверку.

Джемисон кивнул:

— Вот именно, нам обоим необходимо это сделать. — С полной серьезностью они прошли процедуру проверки и, естественно, оказались людьми — по крайней мере, на время.

В этот шатком мире, полном шпионов, ясность вообще была понятием относительным. Один неверный вопрос, не так сказанное слово — и человек подвергался проверке. Конечно, желание Карсона пройти проверку говорило само за себя, но порядок есть порядок.

По пути к Центру Карсон сказал:

— Ну, по крайней мере, теперь мы можем быть откровенными. Какими критериями пользуется компьютер при отборе рас?

— Явная несовместимость с человеком и возможность использования в войне с руллами. Необходимы экстремальные условия. У меня уже была осечка.

И он рассказал о неудаче с попыткой прочесть мысли рулл. Видимо, они в самом деле пришли из другой Галактики: в этой Галактике жизненные формы должны были быть чем-то схожи.

Вопрос был весьма важным. Человек посылал звездолеты в глубины Галактики, открывал новые миры, постигал тайны жизни, но так и не смог понять, что же это такое — жизнь. Можно было лишь гадать об этом, а совпадают ли эти догадки с действительностью, — Джемисон не знал.

— А у вас уже есть какая-нибудь планета на примете? — спросил Карсон.

— Нет, все решит компьютер, — был ответ.

Они спустилась в машинный зал. Защелкал перфоратор. Джемисон взглянул на ленту и присвистнул:

— Так я и знал. Конечно, ПЛОЯ. Что же еще?

— Пляне? — нахмурился Карсон, — но ведь это же миф! Существуют ли они в действительности?

— Не знаю. Мы это узнаем.

Джемисон был доволен. Ему были важны не пляне, а идея сотрудничества между расами и с помощью эзвала, и пляне были всего лишь пробным каналом.

Шлюпка Джемисона выскользнула из крейсера и по отлогой траектории скользнула к планете. Осторожно ввел он ее в верхние слои атмосферы, чтобы не сжечь обшивку. Затем установил нормальную скорость на этой высоте — 5000 ф/мин., а в двенадцати милях над поверхностью уменьшил ее до 30 миль в час и перешел в горизонтальный полет.

Открылся и закрылся люк. Джемисон выжидал.

Внезапно стрелки на всех приборах резко скакнули. Скорость падения резко возросла, судно бросало из стороны в сторону. Шлюпка больше не подчинялась Джемисону, бесполезно он нажимал на кнопки. Оставалось ждать.

И вот на высоте 12000 футов судно вошло в заданный режим — качка прекратилась. В действие вступила система управления, основанная не на электросхемах. Все электричество было выключено. Люк был задраен наглухо.

Ракеты вынесли шлюпку в космос. Джемисон осмотрелся. Он не знал точно, почему захлопнут люк. Но, скорее всего, он поймал плянина....

Первая экспедиция высадилась на Плою около ста лет назад. И сразу же произошла катастрофа — все металлические части корабля оказались под напряжением. Очень инте-

ресное с точки зрения науки явление, которое, правда, никогда не заинтересует 81 человека, погибших в первый же миг. В живых осталось 140 человек, не прикасавшихся к металлу, но 22 из них не поняли причины гибели остальных и тоже были убиты.

Прежде всего был выключен ток. Было ясно, что на борт корабля пробралось какое-то существо, замкнувшее энергосистему. Корабль обработан спецсоставом, но это не помогло. Не помогла даже промывка корабля водой, которую перекачали из ближайшей реки. Исследователи не могли даже улететь, так как существо почувствовало это желание, и выключило питание моторов. Системы корабля были под его контролем.

Отчаявшийся экипаж радировал обо всем крейсеру на орбите. Положение было проанализировано, и им ответили:

— Очевидно, аборигены не враждебны человеку, погибли лишь те люди, которые контактировали с энергосистемой. Изучение данной формы жизни следует проводить с помощью специальных электронных приборов, которые будут вам высланы.

На планету была спущена научная экспедиция. Шесть месяцев прошли безрезультатно — контакта не было, не была даже определена форма жизни, вызвавшая катастрофу.

И тогда люди были вывезены на допотопных ракетах, работавших на реактивном топливе. Первая экспедиция на Плоу завершилась.

Обо всем этом Джемисон уже в рубке управления своего крейсера, уносившего его прочь от планеты, только подумал. Делать ему пока было нечего.

Эзвал доложил о присутствии чужого разума, но, кроме чувства страха и отчаяния, ничего определить не мог. Но даже это обрадовало Джемисона, он вообще сомневался вначале в наличии разума на Плое, и вот теперь эзвал докладывал, что разум все-таки существует.

В ста световых годах от Плой Джемисон выключил двигатели и вместе с эзвалом прошел в специально оборудованную каюту с дублирующим пультом управления. Оттуда он открыл дверь шлюпки и предоставил плоянину полную свободу действий.

Эзвал сообщил:

— Вижу картину главной рубки, причем с потолка. Плоянин оценивает обстановку.

Это было разумно. Джемисон представил себя в такой же ситуации. Уж он-то был бы начеку.

— Он в пульте управления, — сказал эзвал.

— Внутри? — изумленно спросил Джемисон. Корабль дернулся, сбился с курса. Курс Джемисона не волновал, но что если плоянин замкнул цепь накоротке... Он представил себе аморфное существо, мечущееся среди массы приборов, проводов, закорачивая контакты реле...

Корабль снова лег на курс. Эзвал сказал:

— Он выбрал направление и будет придерживаться его до конца. О субсветовых скоростях он и понятия не имеет.

Джемисон с сожалением покачал головой. Бедный плоянин! Он в ловушке! Его раса и представить себе не может того расстояния, на которое он удалился.

— Скажи ему, где он сейчас. Объясни ему разницу между движением в пространстве и подпространстве.

— Он в ярости.

— Расскажи ему о механизмах, через которые мы сможем общаться непосредственно. Да, что он ест?

И на этот вопрос они получили первый ответ.

— Он говорит, что умирает с голоду и мы в этом виноваты.

Джемисон узнал, что плояне живут за счет трансформации электромагнитных полей в приемлемую для них энергию.

Когда плояне замыкали контакты энергосистем, то могли питаться за счет поля корабля. Это объясняло все неудачи первой экспедиции. Гибель половины экипажа была побочным эффектом «попойки», устроенной плоянами.

И когда Джемисон включил питание, плоянин начал умирать с голода.

Джемисон запустил газогенератор.

— Скажи ему, пока он не научится работать с коммутатором, есть не получит.

Через некоторое время плоянин стал понимать человеческую речь еще до того, как звуки поступили в коммутатор, и освоил основные команды за один день!

— Да-а, — сказал Джемисон, скорее себе, чем эзвалу, — представляю себе, что у него за коэффициент интеллектуальности, если он так быстро смог выучить язык!

Эзвал ответил, мысленно, конечно:

— Все энергетическое поле, которым он является, пригодно для использования в качестве памяти, и он может расширять ее как угодно.

Пришел вызов с Земли — Калев Карсон сообщил, что политическая обстановка на планете Карсона изменилась к луч-

шему, так что можно даже не требовать вмешательства Совета. Источник информации — миссис Барбара Уитмен.

— Она сказала, что вы поймете, о чем пойдет речь.

— Было время, когда мы здорово не нравились друг другу. Но я уже тогда предвидел перемену и оказался прав, — ответил Джемисон.

Затем последовала весьма категорическая радиограмма:

«Следуйте в 18-й район. Координаты планеты — 128-3-18-2654-. Лично обследуйте ее и доложите. Главнокомандующий Космическими Операциями».

Восемнадцатый район был одним из четырех важнейших пунктов обороны. Естественно, что к нему обратился сам Главнокомандующий.

Джемисону пришлось нарушить свои планы. Карсону он послал радиограмму:

«Ждите меня возле..., — он назвал планету, находящуюся одинаково близко от него и Карсона. — Заберите эзвала и отправьте его на родину, а дальше действуйте в соответствии с планом».

Главнокомандующего он попросил прислать крейсер к месту его встречи с Карсоном и захватить его шлюпку.

Оставался плоянин. Делать было нечего, пришлось взять его с собой. Церемониться было некогда.

— Если вы хотите когда-нибудь увидеть свою планету, выполняйте мои приказы, — сказал он.

И плоянину оставалось лишь согласиться.

22

Когда Джемисон заметил корабль, он сидел в небольшой ложбине недалеко от своей шлюпки, записывая на диктофон свои соображения насчет Лаэрта-3. Планета была так близка к невидимой границе между людьми и руллами, что само по себе ее открытие было уже великим событием в войне.

— С этой планеты, — диктовал он, — можно нанести удар по любому из густо населенных объектов Галактики, руллового или человеческого, поэтому необходимо оборудовать ее оружием по классу АА. Наиболее мощные орудия следует в течении трех недель установить на горе Монолит.

Как раз тут он увидел чужую шлюпку. Что делать? Броситься к люку своего корабля, но его сразу обнаружат. А может, это человеческий корабль?

Так он и сидел в нерешительности на месте, пока корабль

приблизился настолько, что на борту стали различимы рулловские опознавательные знаки. Это был исследовательский бот. Руллы открыли систему Лаэрта. За этим ботом могут стоять эскадры крейсеров — против него одного, ведь его крейсер «Орион» даже не подходил к планете. Джемисон высадился в парсеке от нее, чтобы руллы не заметили крейсер, и теперь ушел к базе за оружием для планеты, и вернется лишь через десять дней.

Десять дней. Конечно, есть шанс, что его шлюпку не заметят, и ему удастся скрыться. Но суть даже не в этом...

До рулловского бота было уже всего сто футов, и он шел прямо на рошу, где находилась шлюпка. Джемисон вскочил с места и нырнул в открытый люк. И только он захлопнулся за ним, как кто-то огромный ударил по потолку, и он прогнулся вниз, а пол, наоборот, вспучился, воздух наполнился дымом. Полуослепленный Джемисон скользнул за пульт управления и включил вентиляторы, и по каюте пошла волна холодного воздуха. Все это так подействовало на Джемисона, и он сначала не сообразил, что двигатели не работают. И шлюпка вместо того, чтобы унести его в небо, осталась лежать на земле.

Он бросил взгляд на экраны. Рулловский бот мелькнул в нижнем углу одного из них и исчез за деревьями в четверти мили от Джемисона. Через несколько секунд донесся грохот падения.

Но слишком гладка была траектория падения. Взрыв не убил рулл! И значит, Джемисону придется вступать с ними в единоборство. Десять дней он будет уповать на то, что люди сумеют отстоять одну из четырех важнейших планет Галактики.

Джемисон вышел из шлюпки. Времени на раздумье не оставалось. Темнело, и он пошел к ближайшему холму в ста футах от него, причем последние футы он прополз на четвереньках. Осторожно он выглянул из-за края: вершина представляла из себя овал ярдов в восемьсот шириной, заросший кустарником и усыпанный камнями. Ничто не нарушало тишины.

Сумерки сгустились. Солнце опустилось за горизонт. Но что такое темнота для рулл? Чем вообще, кроме разума, может похвастаться человек перед руллой? Только по разуму он мог претендовать на равенство. Положение было безнадежным. Если бы он сумел добраться до корабля рулл до полной темноты и попытаться их уничтожить до тех пор, пока они не пришли в себя... Тогда, может быть, у него и были бы шансы на спасение.

Он стал спускаться с холма. То и дело он спотыкался о

кусты, камни, корни, падая на острые грани скал. До сих пор ему не приходилось бегать по столь пересеченной местности. За пять минут он прошел не более 250 ярдов. Он остановился. Дальнейшее продвижение было бесполезным. Но он должен бороться — ведь проигрывает не он один, все человечество!

Стало холодно — в полночь температура падала до нуля. И он отступил. У него оставалось много дел на шлюпке. Всю ночь Джеμισон просидел перед экраном, долгую, долгую ночь. Он не мог, он не имел права заснуть.

Часом позже он сидел перед экранами, вглядываясь в ночь. Что-то двинулось в углу одного из них — Джеμισон схватился за рукоятку управления бластером. Но движение не повторилось. В таком положении и застал его холодный рассвет.

Джеμισон проглотил вторую таблетку против сна, снова нажал на пуск двигателей. Они молчали, как и следовало было ожидать. Починить их можно только на «Орионе». Значит, наверняка придется драться.

Впервые в истории человек и рулла встретятся лицом к лицу. Космические битвы не в счет — там бьются корабли. Пусть даже он и проиграет, важна попытка. Он включил защитный пояс и вышел из корабля.

Судьбой было суждено провести поединок на одной из самых причудливых гор в Галактике — пике Монолит, 3200 футов высотой, отвесно вздымающемся ввысь. На сотнях планет побывал Джеμισон, каждый раз снова уносясь в вечную тьму к голубым, красным, оранжевым, белым огонькам звезд, и вот теперь ему предстоит самая тяжелая схватка в его жизни с самым хитрым и жестоким врагом во Вселенной.

Джеμισон взял себя в руки. Нужно было сделать первый шаг — произвести разведку. И неизвестно, не будет ли это и последним шагом. Но другого выбора не было. Солнце Лаэрта уже поднялось над горой.

Джеμισон взял с собой монитор с бластером, который должен отреагировать на любое движение противника. По дороге к месту падения рулл ничего не произошло, на него никто не напал. Это не понравилось Джеμισону — значит, где-то должна быть ловушка. Вряд ли руллы погибли при падении....

Корабль рулл лежал в долине, уткнувшись носом в стену песчаника. Джеμισон внимательно осмотрел его через объектив монитора. Вокруг никого. Если это ловушка, то весьма искусная.

Тишину долины нарушило жужжание бластера, постепенно переходившее в рев, — бластер набирал мощность. Корпус вражеского корабля задрожал и переменил цвет. И только. Через десять минут Джеμισон выключил бластер.

Техника рулл оказалась на высоте. Неизвестно — вклю-

чилились ли защитные экраны сейчас или после его вчерашнего выстрела. Это-то и было самое плохое — он не знал противника. Даже если руллы мертвы, их оборона превзошла его усилия. Они могли быть ранены и не способны бороться. Может, они оставили где-нибудь гипнотизирующий знак? Джемисон поймал себя на том, что избегает смотреть вокруг.

Еще один вариант — руллы просто дожидаются большого звездолета, из которого вылетел их бот. Это был бы его конец.

Джемисон принялся изучать повреждения корабля. Пробоин нигде не было, только дно вспучилось в нескольких местах. Следовательно, реактор должен был дать течь. Насколько Джемисон разбирался в исследовательских ботах рулл, то впереди была главная рубка, управляющая бластерами, сзади машинный отсек, цейхгаузы, топливный отсек, отсек с запасами пищи и...

Запасы пищи! Этот отсек поврежден больше всех, пища заражена, руллы остались без еды!

Джемисон решил отступить. Он повернулся к скале, за которой скрывался от огня противника. НА ПОВЕРХНОСТИ СКАЛЫ БЫЛ ВЫРЕЗАН ЗНАК! Извилистые линии — результат изучения человеческой психики нечеловеческим разумом. Джемисон замер в ужасе.

«Где я?» — подумал он. После путешествия на Миру-23 он узнал, что эти линии заставляют человека двигаться в определенном направлении. Куда же сейчас?

Джемисон не мог побороть в себе желания смотреть на скалу. Его просто тянуло увидеть их еще раз, и он был бессилен что-либо сделать.

Пять волнистых линий по вертикали и три горизонтальных над ними, указывающих на восток, в пропасть. Джемисон двинулся туда. В отчаянии он попытался по дороге ухватиться руками за выступ скалы, цеплялся за край пропасти. Его воля была парализована, и мысленно, но верно он сполз вниз. Последняя его мысль была: «РУЛЛЫ ВЫЖИЛИ».

Таков был смысл знака. И тогда наступила тьма.

23

Он пришел из далекой Галактики — холодный безжалостный вождь. Вождь вождей. Йели, Мишли, Ниин Риа и прочая и прочая... О, велика была его власть, власть над жизнью и смертью подданных, над кораблями Лирда.

Велика была и его ярость, когда он узнал, что его приказ не исполнен. Давно уже приказал он: «Завоевать еще одну

Галактику». Но те, кто не был так совершенен, преступно медлили. Почему? В чем сила этих двуногих? Бесчисленными звездолетами, неприступными базами, сильными союзниками, остановившими тех, кто обладал более высокой нервной системой.

«Доставить мне живого человека!» — разнесся по всем уголкам Галактики приказ. И человек был доставлен — тупой моряк с захваченного крейсера, с индексом страха 207. После нескольких попыток самоубийства и судорог на лабораторном столе он умер при экспериментах, которые наблюдал сам Йели.

— Это не противник, — сказал он.

— Нам удалось захватить совсем немногих, — был ответ, — они убивают себя так же, как и мы.

— Значит, среда должна быть другой. Пленный не должен чувствовать себя пленным. Приступайте!

Приказ был выполнен. Йели прибыл к звезде, возле которой появился человек, уже наблюдавший семь периодов назад. «Человек в маленькой шлюпке, — рапортовали наблюдатели, — неожиданно появился из-под пространства в районе звезды. Мы считаем, что это идеальная ситуация для эксперимента. Мы не высадили десанта на планету и наше присутствие не обнаружено. Люди уже высаживались на планету. Подопытный высадился на вершине странной горы. Повторяем, что обстановка — идеальная для эксперимента».

Пространство вокруг планеты патрулировалось. Йели спустился в маленьком боте без охраны — он презирал врага. Пролетев над горой, он вывел из строя шлюпку противника, но сам был подбит и выжил чудом. Радио вышло из строя, пища была отравлена.

Эксперимент вышел из-под контроля. Он решил убить человека, завладеть его пищей и выжить до тех пор, пока патруль не спустится за ним.

Сначала он обследовал местность, затем прошелся по периметру, наконец, вернулся к своему кораблю и нарисовал на скале символ, подчиняющий человека. Это его спасло, теперь противник «пойман», «связан». Это великолепно, но... и он был в ловушке. Бластеры человека направлены на автоматический огонь, едва откроется дверь! Он заперт!

Рулла бросился к запасному выходу — но его заклинило! Когда он проверял корабль ночью, выход был свободен, а теперь нет! Что-то случилось с судном. Он не может выйти как раз тогда, когда это более всего необходимо. Вообще говоря, нет необходимости убивать человека сразу. Если рулла получит его пищу, то человека можно оставить в живых. Но

пока человек бессилен, нужно найти выход. Чертов случай! Как не любил Йели неожиданностей.

Корабли Лирда непрерывно раздвигали пространство жизни. Существа, жившие на этих территориях, подлежали уничтожению — необходимость в них отпала, когда было создано высшее существо. Они могли создать угрозу для Риа. Случай — вот что было самое страшное для рулл.

Выход нужно было открыть во что бы то ни стало. Рулла направил в щель луч бластера. Но работать приходилось медленно — то и дело он забирался в защитную камеру и выходил, когда уровень радиации снижался до приемлемого.

Солнце было в зените, когда плита, наконец, поддалась. Весь в пыли, злой и голодный, вышел он наружу. У него пропало желание продолжать эксперимент — нужно было спасти жизнь. Нужно убить человека и съесть его, чтобы выжить до прихода патруля. Дернул его черт так рисковать! Он подполз к обрыву, слез по ступенькам на равнину, но... внизу никого не было. Не было даже следов!

Осторожно соблюдая дистанцию, подполз рулла к кораблю врага. Защитные мониторы были включены, правда, неизвестно, когда, может быть, еще утром. Есть вероятность, что человек свалился в глубокую пропасть и его разбитое тело лежит в сердце горы. Но, скорее всего, он сидит в корабле и поджидает его, Йели. Ведь было же у него время оказаться в безопасности. Теперь рулла ничего не знал о человеке, преимущество было не на его стороне.

Пришлось вернуться на корабль. Голод рос час от часу. Вокруг никого. Так проходили дни.

Джемисон проснулся от боли. Сначала она была всепоглощающей, перекатывалась от головы к ногам, как волна, но постепенно сконцентрировалась в левой ноге.

Джемисон понял, что растянул связку. Это, конечно, было не все, но главное. Когда он открыл глаза, то увидел солнце почти в зените. Долго же он лежал тут.

Сначала он бездумно смотрел на солнце, уходящее за нависающий край обрыва, и только когда на него легла тень скалы, он вспомнил, что смертельная опасность исчезла, и это привело его в сознание. Он лежал на краю пропасти на небольшом выступе. Видимо, при падении его нога запуталась в кустах — и это его спасло. Джемисон приступил к штурму горы: поначалу ему помогла шершавая почка в корнях растений, но когда до края оставалось всего десять футов, дала о себе знать растянутая связка. Он сделал четыре попытки и каждый раз сползал вниз. Но, наконец, ему удалось зацепиться за корень и выползти на плато.

Оно расстиралось перед ним, совершенно пустынное, без

признаков жизни. Только звук его шагов нарушал тишину. На одном его краю виднелась шлюпка. Он направился к ней. Джемисон не знал, что с руллой, и пока нога не заживет, вряд ли это узнает.

Он подошел к шлюпке уже в темноте. И сварливый голос встретил его:

— Когда меня накормят? Когда меня вернут домой?

Это был плоянин с его коронным вопросом о возвращении домой.

Накормив его, Джемисон задумался над давно мучившим его вопросом — как объяснить этому наивному существу суть войны? А тем более их нынешнее положение.

— Не сердись, — наконец, сказал он, — я верну тебя домой. — Этого было достаточно, и плоянин успокоился.

Между тем Джемисон думал над тем, как использовать плоянина против рулл. Но применения не находилось.

24

Джемисон проснулся от биения своего сердца. Подошел к пульту. Радио было мертво, даже фона не прослушивалось. Да и бесполезно оно на таком расстоянии. Он pokrutil ручку настройки, зашел в район рулловских частот. Но и здесь молчание. Он отрезан от мира. А что, подумал он, если провести эксперимент. МЫ ОБА ПЛЕННИКИ. Пленники случая, среды, друг друга. И каждый не обязан совершать самоубийства.

Идеальная среда. Много можно узнать: мотивы действия рулл, почему они уничтожают чужие расы, можно ли ими управлять, зачем бессмысленные жертвы? Мысль о таком эксперименте не оставляла Джемисона, заставляла его думать.

Иногда он садился у пульта и просматривал окрестности — бесплодную пустыню, скалы, пропасти. Тюрьма. И он пойман в нее. Он, Тревор Джемисон, к чьему голосу прислушивается Галактический Совет! Он находился здесь, в разбитой шлюпке, больной. И готовил эксперимент.

На третий день его нога прошла. Он немедленно принялся работать над киноэкраном и закончил его на пятый день. Затем написал сценарий и ввел его в запоминающее устройство. Осушествление же задуманного плана не составляло труда.

Джемисон установил экран в двухстах ярдах от шлюпки позади деревьев, а рядом положил коробку с едой.

Прошел день, шестой по счету, Наступила ночь.

Скользаящей тенью прошмыгнул рулла к экрану, единственной сияющей точке в беззвездной ночи Лаэрта-3. Он чуял пищу и одновременно ловушку.

Шесть дней он был без еды. Это отбросило его на несколько уровней назад. Он почти не разбирал цветов, потерял некоторые способности. Нервная система рулл походила на истощенный аккумулятор, от которого один за другим отключались приборы. Он знал, что если еще промедлить, они никогда снова не подключатся. Он и так превратился в тень. Еще немного, и ему, Верховному Айшу Йели, придется покончить счеты с жизнью.

Он пристально смотрел на экран. На нем разворачивалась картина всего происходящего на планете с момента, как шлюпка Джемисона покинула борт эсминца. Эсминец ушел к базе, шлюпка приземлилась на горе. Затем развернулся бой и так далее. Ситуация казалась безнадежной, но экран показал выход. А потом появился рулла, который подошел к ящику, открыл его и поел. Технология была показана детально. Рулла знал, что это ловушка, — возможно, смертельная, — но делать было нечего. Это был единственный шанс. Известно, сколько будут ждать патрули, до каких пор командиры не посмеют нарушить его приказа. Но они его нарушат, так или иначе. Хотя бы тогда, когда к планете подойдут вражеские корабли. Тогда нарушение будет законным.

И рулла нажал на рычаг, открывающий ящик.

Джемисон проснулся. Ревела сирена. Снаружи была тьма — до рассвета еще три часа. Сирена обозначала, что ящик с пищей открыт. Она гудела минут двадцать, потом оборвалась. Однако он ошибся в том, за сколько рулла может проглотить три фунта еды.

Двадцать с лишним минут рулла подвергался гипнозу, точно так же, как в лаборатории пленные руллы. Но те по пробуждении убивали себя, поэтому не было доказательств о его существовании у рулл. Теперь эти доказательства были.

Джемисон снова лег на койку, улыбаясь. Он был слишком взволнован, чтобы уснуть. Произошло величайшее событие в войне с руллами — его нельзя было не отметить. И Джемисон выпил за удачу.

Каждая раса знала сильные и слабые стороны другой. Но поразному применяли они эти знания: руллы — для истребления всех прочих рас, люди — для установления хороших отношений с союзниками. Но друг с другом они были одинаково жестоки и беспощадны, и постороннему наблюдателю

было трудно отличить их друг от друга. Однако цели людей и рулл разнились, как черное и белое, как тьма от света. И цель оправдывала средства.

Джемисон вернулся в постель и обдумывал еще некоторые детали. Ничто нельзя сбрасывать со счетов, нельзя недооценивать рулла. Наконец, он заснул сном человека, принявшего решение.

Утром он надел костюм с электроподогревом и вышел в зябкий туман. Ледяной ветер дул с востока, но он его не замечал. В это утро решалось многое, нужно быть осторожным.

Захватив монитор и бластер, он направился к экрану, стоявшему на возвышении, так что его было видно отовсюду. Джемисон еще раз проверил автомат спуска, поставил другой ящик с едой. На старом ящике что-то блеснуло — поверхность казалась отполированной.

«Странно», — подумал Джемисон и присмотрелся повнимательнее. Металл был покрыт чем-то вроде лака. Он соскоблил немного субстанции и направился к шлюпке.

«Что же это такое? Где я видел подобное вещество?» — думал он. Так он и стоял в замешательстве у люка, пока не увидел рулла.

Едва насытившись, рулла вспомнил все. Он вспомнил свою цель.

Рулла скользил по краю пропасти, выглядывая иногда вниз. До низа было далеко, очень далеко. С корабля эффект смазывался, пропасть казалась не столь глубокой. Рулла устремился к своему боту, где он почувствовал накануне антигравитационные волны, пульсирующие в одной из плит. Плита крепко была приварена к каркасу. Отсоединить ее было труднее всего. Но он сделал это, и через несколько часов плита со скрежетом отвалилась.

Плита сама по себе была безопасной. Ее мощности не хватило бы даже на то, чтобы подняться над землей. Но все-таки энергия не истощилась до конца. Ее хватит на одну попытку. Рулла не сомневался в успехе.

Теперь он жаждал лишь смерти двуногого. Рулла отнес плиту в заросли и сам притаился там. Он был уверен, что убьет человека — ведь на ящике остался лак. Убить было необходимо — под угрозой была не только его жизнь. Не зря человек кормил его — это входило в какой-то эксперимент. Единственный выход — убить. И рулла ждал.

То, что случилось с Джемисоном, произошло по его вине. Ведь он видел в Службе Безопасности аналогичные вещества. И вот результат: он парализован этим лаком.

Тут-то и появился рулла. Он вылетел из рощи на плите. Джемисон был поражен, ведь в боте не осталось источника гравитации! Там вообще не было никакой энергии! Ошибка! Вот она ошибка! Вон он, рулла!

Движение плиты было основано на вращении планеты — она летела со скоростью около восьмисот миль в час, то есть с той же, с какой планета вращалась вокруг своей оси. Это было достаточно. Рулла несся к нему. Джемисон поднял бластер, и тут — то вступил в действие лак. «Не стреляй», — приказал ему внутренний голос. И он не мог выстрелить. Он был парализован. Медленно, очень медленно он поднял бластер. Рулла был на расстоянии десяти футов. Джемисона спасло лишь то, что рулла не учел давление воздуха под плитой. Как падающий лист, накренившись, она пронеслась над Джемисоном, и он выстрелил, наконец, в нее, расплавив днище. Плита врезалась в кустарник футах в двадцати от него. Джемисон не спешил. Когда он вышел к зарослям, рулла уже скрылся в роще. Джемисон его не преследовал. Он выволок из кустов платформу и осмотрел ее.

Поразительно, как рулла сумел воспользоваться ею, без каких-то приборов. Но раз он все-таки сделал это, подумал Джемисон, почему же он не спустился на ней с горы в лес внизу? Там была пища, и не было людей. Ответ на этот вопрос он получил тотчас, едва прикинул вес плиты. Энергии в ней хватало едва на сто футов полета, а до леса была, по крайней мере, миля. Джемисон сбросил плиту в ближайшую пропасть и вернулся к шлюпке. Так он исследовал пробу лака. Он не был радиоактивен, но превращал свет в радиоманнитные волны такой частоты, на которой работал человеческий мозг. Что же там было записано? Он перевел символы в образы. Они, казалось, вышли из кошмарного сна.

Джемисон снял с полки книгу под названием «Символическая интерпретация подсознательных образов». Он открыл главу: «Запрещающие символы»; найдя там полученные образцы, он прочел:

«Не убивай!»

— Пусть я буду!.. — громко выругался Джемисон. — Надо же было мне попасться!

Он не верил себе. Он ведь и в самом деле не хотел убивать. Но рулла не мог об этом знать. Символы подавляли сопротивление даже при смертельной угрозе. Странное дело...

Осталось надеяться, что это последняя ловушка.

Рисковать он не имел права. Эксперимент следовало отложить до прибытия «Ориона». Иначе рулла угробит Джемисона, его же собственными руками.

В ночь перед возвращением «Ориона» Джемисон не поставил у экрана коробки с едой. Утром он попытался связаться с эсминцем.

Эфир молчал. Наконец, Джемисон прекратил бессмысленные попытки и вышел наружу, чтобы подготовиться к эксперименту. В начале первого он не выдержал и приступил к опыту, нажав кнопку излучателя волн, действию которых рулла подвергался уже четыре ночи, потом вернулся в шлюпку и снова слушал эфир. Тут он заметил выскользнувшего рулла.

Взревела сирена, и одновременно с ней включился зуммер научного радиоприемника:

— Тревор Джемисон, говорит «Орион». Мы вас слышали, но не отвечали, так как в окрестностях планеты курсирует целый флот рулловских звездолетов. Через пять минут мы попробуем вытащить вас отсюда. **БРОСЬТЕ ВСЕ И ПРИГОТОВЬТЕСЬ.**

Краем глаза Джемисон заметил две темные точки в небе. Прямо над ним пронеслись вражеские линкоры. Ураганные ветры повалили Джемисона на землю, и он ухватился за ветви кустов. Линкоры сделали крутой поворот и понеслись прямо на него. Джемисон приготовился к смерти. Но удар был предназначен не ему. Его шлюпка взлетела в воздух и свалилась в пропасть. Ударная волна прижала Джемисона к земле, едва не порвав ему барабанные перепонки.

Появился третий корабль, но не успел Джемисон определить, чей он, корабль снова исчез. Включился научный приемник.

— Мы бессильны. Держитесь. Четыре наших линкора и эскадра дерутся с врагом, пытаясь заманить его к ближайшей звезде Бьянке, где находится наш флот, и тогда, о...

Вспышка далеко в небе оборвала передачу. Прошла минута, прежде чем Джемисон услышал взрыв. Звук постепенно замер. Наступила тишина, в которой таилась угроза.

Джемисон поднялся. Нужно было спастись. Он и не помышлял раньше о таком исходе. Шлюпки не было. Он был один на краю пропасти. Мозг работал на полную мощность. Он понял, что руллы преследовали не его. Они просто сделали разведку и заодно уничтожили шлюпку. Пока они не вернулись, ему надо сделать все, чтобы выжить и выполнить задачу.

Шатаясь и падая, Джемисон побрел к кустам. За ними был рулла. Его рулла обучался тому, чему хотел обучать его Джемисон. Джемисон мог контролировать изображение, от-

брасывая ненужную информацию, — времени было мало. Темп фильма то замедлялся, то ускорялся, рулла то отскакивал, то подползал к экрану.

Идея эксперимента была проста. Еще в XX веке русский ученый Павлов создал теорию рефлексов. В его опытах собака получала пищу по звонку, и вскоре пищеварительная система выделяла желудочный сок тоже по звонку, независимо от того, кормили собаку или нет. Тогда эта теория не могла делать того, что сделал сейчас Джеми-сон, — обучать существо чужой расы. Тем более рулле. Раньше руллы не поддавались обучению. И вот успех, от которого зависела судьба человеческой расы. Но как мало времени было отведено ему! Промедление смерти подобно...

Вперед, назад, назад, вперед — диктовал ритм. Рулла не мог обратиться в бегство, так же, как собаки Павлова не могли не выделять сок по звонку. Джеми-сон диктовал рулле задачу, которую предстояло решить им обоим. Трехмерное изображение руллы сменилось изображением человека. Джеми-сон добился того, что рулла потерял свою агрессивность и не мог убить себя.

Осталась еще одна задача. Хватит ли времени... Но другой такой возможности у него не будет никогда! У Джеми-сона не было выбора. И он успел. Цель была достигнута.

Джеми-сон потратил десять минут на то, чтобы передать по радио свое сообщение. Но ответа не последовало. Сделав все, что было в его силах, Джеми-сон вместе с руллой подбежали к обрыву. Он глянул вниз и содрогнулся. Но... ведь целый флот рулл бродит в окрестностях планеты.

«Быстрее», — приказал он себе.

Он спустил руллу на первый уступ, обвязался веревкой, вбил крюк в край обрыва, и рулла спустил его к себе. Потом Джеми-сон спустил руллу еще ниже, а тот спустил его и так далее. Они были соединены одной веревкой, переброшенной через крюк, который Джеми-сон каждый раз вбивал все ниже.

Начинало темнеть. Джеми-сон устал. Он уже не надеялся спуститься до ночи. Но рулла смотрел на него все пристальней, гипноз терял над ним власть, особенно это было видно на одном уровне.

В четыре часа пополудни Джеми-сон решил сделать привал. Он рухнул на землю. Небо над ним было чисто и безоблачно. Ни за что не поверил бы он, что там, в глубине, развернулась самая крупная битва за последнее десятилетие. Нужно отдать дань пяти земным кораблям — ни один рулловский корабль не спустился на Лаэрт-3 за руллою. Впрочем, возможно, они хотят соблюсти конспирацию.

Джемисон прикинул пройденное расстояние — около двух третей. Рулла смотрел вниз, в долину. Джемисон тоже глянул туда. Там внизу стоял лес, лес без конца, лишь в одном месте рассекаемый рекой.

И снова спуск. В половине седьмого они оказались в 250 футах от поверхности. Это можно было преодолеть разом, но нужно было быть очень осторожным, чтобы самому не пострадать. Джемисон повелительно махнул рукой вниз и взял в правую руку бластер. Рулла спустился и бросился к ближайшим деревьям.

Он немного подождал, потом спустился сам, причем сильно поранил руки о веревку. Пальцы стали какими-то серыми и выглядели в полутьме очень нездоровыми. Он побледнел. Это дело рук руллы!

Острая боль пронзила его тело. Задышавшись, он выхватил бластер, чтобы застрелиться, но не успел. Рука замерла на полпути. Джемисон рухнул на землю и потерял сознание. Канат был отравлен.

Йели скользнул к Джемисону и схватил его бластер. Он ждал за деревьями. И вот он выиграл, все-таки выиграл! Рулла нашел ключ от шлюпки, и через несколько минут мощная радиостанция передала приказ флоту рулл.

Джемисон лежал на столе внутри странной комнаты с отверстиями на уровне пола и нечеловеческой формы дверями. Джемисон понял, что он внутри рулловского звездолета. Он не знал, куда направляется звездолет, но, скорее всего, не к Земле.

Его ничто не привязывало к столу, но двигаться он не мог. Вверху на потолке был расположен источник гравитационных волн, придавливающих его к столу.

Джемисон приготовился умереть. Он представил себе, каким пыткам его подвергнут. Было давно известно, что если вжиться в образ, представить себе пытки наяву, то без особых усилий можно покончить с собой, остановить сердце.

Как раз этим он и занимался, когда над его ухом раздался голос:

— Ну, когда же, наконец, меня вернут домой?

Это снова был пловнин, который уцелел при падении и перебрался в рулловский корабль.

Джемисон спросил тихо:

— Ты можешь сделать кое-что для меня?

— Ну, конечно, — ответил пловнин.

— Войди в этот ящик и замкни энергию на себя.

— Готово.

Источник гравитационных волн был выведен из строя. Джемисон сел.

— Ты ознакомился со звездолетом?

— Да.

— Есть здесь центр, где сходятся все энергоприводы?

— Да.

— Войди туда и снова замкни все на себя. Потом возвращайся.

— Вы так добры ко мне, — ответил плоянин.

Джемисон вскочил на пластмассовый квадрат. 200 000 вольт пронизали корабль.

— Готово, — доложил плоянин.

— Сколько рулл выжило?

— Около ста.

Джемисон объяснил плоянину схему радиорубки и закончил так:

— Замыкай ток каждый раз, как кто-нибудь подойдет к ней. Ясно? Сообщай мне, если кто-нибудь попытается сделать это. И не замыкай ток без моего разрешения, — добавил он.

— Хорошо, — ответил плоянин.

Джемисон имел преимущество перед выжившими руллами — он мог передвигаться по кораблю и знал, когда нельзя прикасаться к металлу. Джемисон прошел в цейхгауз и поработал там резакон. При выходе к нему присоединился плоянин.

— Сюда идут руллы. Нужно уходить.

Они направились к ближайшей шлюпке и через пять минут были в космосе. Главные орудия судна были выведены из строя, оно было беспомощно. Но на борту своего крейсера он очутился лишь через пять дней.

Йели не было на звездолете, который вез Джемисона, — он уцелел. Ему доложили о происшедшем. Свита считала, что виновники подвергнутся суровому наказанию, но Верховный рулла сказал:

— Да, это действительно сильный враг. Он слишком опасен, — он вспомнил неделю позора на Лазерте-3. Кажется, это первый случай, когда Ниин Риа лично посетил линию фронта!

Это было так. Вся Риа с трепетом и ужасом ожидала новостей с передовой.

Верховный рулла продолжил:

— Мне кажется, что мы ошиблись. Враги скрыли многие свои качества и особенности. Война слишком затянулась. Центральный Совет должен пересмотреть стратегический

план. Конечно, постепенно, но все-таки придется свернуть военные действия и перенести внимание на другие Галактики.

А далеко от него Джемисон в свою очередь рапортовал Галактическому Совету:

— Это был, вероятно, очень важный деятель среди рулл. Я добился успеха с помощью гипноза. Мне удалось внушить ему, что руллы нас недооценили и что они должны прекратить войну.

Но прежде чем война кончилась, прошли годы. А пока все были восхищены тем, как эзвал сумел установить контакт с новым союзником — плоянином, оказавшим людям бесценную помощь. Это привело к новым контактам между расами. Решением Конвента, за выдающиеся заслуги перед человечеством Джемисону было присвоено звание: «ПОСОЛ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА». Он вернулся на планету Карсона с неограниченными полномочиями. Впоследствии легенды передали слово «посол» так, словно Джемисон был послом человечества у рулл. Но не это главное; главное то, что галактическая война с руллами была выиграна.

ОРУЖЕЙНЫЕ МАГАЗИНЫ ИШЕРА

ПРОЛОГ

1

« **О**чередной триумф известного гипнотизера 11 июня 1951 года. Теплую встречу подготовили корреспонденты и полиция Миддл-Сити знаменитому гипнотизеру, устроившему недавно большой сеанс и заставившему сотни людей увидеть какое-то странное здание, напоминающее оружейный магазин.

Оно появилось совершенно внезапно на месте закусочной «Ленч у Тетушки Салли» и ателье Паттерсона. Хотя внутри вышеупомянутых заведений находились служащие, никто не пострадал.

Вывеска на здании, всегда смотревшая прямо на вас, независимо от того, где вы находились, еще раз подтверждала, что все это не что иное, как иллюзия. Она гласила:

ЛУЧШЕЕ ОРУЖИЕ ОРУЖИЕ — ЭТО СВОБОДА

На стекле витрины светящимися буквами было написано:

ЛУЧШЕЕ ОРУЖИЕ ВО ВСЕЛЕННОЙ

За ним размещались револьверы самых причудливых форм.

Попытавшийся войти инспектор Клейтон из Службы Расследований обнаружил, что дверь закрыта. Находившийся рядом Крис Макаллистер

(«Газетт-Бюллетень») повторил его попытку и оказался более удачливым. Однако дверь снова закрылась перед инспектором Клейтоном. Видимо, Макаллистер пытался и выйти, так как несколько человек утверждают, что впоследствии видели его вторично. Сразу после этого здание исчезло так же внезапно, как и появилось.

Власти заявили, что не располагают сведениями, каким образом гипнотизеру удалось создать столь убедительную иллюзию, однако они разрешают продолжить показ его шоу.»

ПРИМЕЧАНИЕ АВТОРА. В этой газетной заметке не упоминается о том, что полиции так и не удалось войти в контакт с Макаллистером. Прошло уже две недели, а Ма-

каллистер так и не был обнаружен. Что же случилось с ним после того, как он вошел в магазин?

Какая странная дверь! Она распахнулась, едва он прикоснулся к ней, словно невесомая, и ручка, как живая, выскользила из руки.

Макаллистер остановился в изумлении, поджидая Клейтона. Тот сказал, будто прочитав его мысли:

— Ну-ка, дайте мне войти!

За дверью была темнота, и Макаллистер вдобавок ничего не видел после уличного освещения, полного блеска реклам. Но проклятый репортерский инстинкт заставил его шагнуть во тьму.

Уголком глаза он увидел руку инспектора, пытающуюся нащупать дверную ручку.

«Черта с два я бы здесь очутился, — подумал Макаллистер, — будь на то воля инспектора». И он сделал второй шаг во тьму, все еще глядя на полицейского. Поразительно: дверная ручка прямо на его глазах ускользнула от инспектора! Она прямо-таки танцевала в воздухе, не даваясь тому в руки. Дверь вдруг захлопнулась, легонько стукнув его по пятке, потом толкнула его вперед и захлопнулась окончательно. Прямо чертовщина какая-то!

Макаллистер не помнил, что случилось с ним дальше, но он почувствовал себя полностью отрезанным от внешнего мира. Позади него больше не было ни тьмы, ни инспектора Клейтона, ни толпы зевак, ни освещенной улицы. Вообще НЕ БЫЛО улиц. Он стоял в тихом парке, а на горизонте виднелись контуры огромного города, освещенного полуденным солнцем.

Приятный женский голос за спиной произнес:

— Вам нужно оружие?

Макаллистер непроизвольно обернулся. Мираж города исчез, а вместо него он увидел идущую к нему девушку. Это зрелище настолько сбило его с толку, что он не сумел ничего ответить. И в самом деле, странно было увидеть здесь красивую кареглазую девушку с каштановыми волосами, мило улыбающуюся ему. Одета она была обычно — обычно для этого странного места — в платье и сандалии.

Наконец Макаллистер сумел выдать:

— Э... Мне хотелось бы знать, где полицейский... он шел за мной следом... почему его нет здесь?

Улыбка девушки стала немного извиняющейся.

— Люди часто считают, что мы по глупости раздуваем эту вражду. Точнее, это им внушает официальная пропаганда. Но мы из принципа не пускаем сюда ЕЕ людей.

Она замолчала, как бы ожидая его одобрения. Затем он заметил, что в ее глазах появилось недоумение. ЕЕ ЛЮДИ! Девушка подразумевала под этими словами полицейского, значит, их в магазин не пускали. И она говорила так, как будто это было само собой разумеющимся. Девушка продолжала:

— Разве вы не знаете, что целью создания Организации Оружейников была защита в наше жестокое время простого человека от порабощения его государством. Что оружие...

Она оборвала фразу, все пристальней вглядываясь в него.

— Тут что-то не так... Какая странная у вас одежда... Вы из этого поселка?

Он покачал головой, недовольный своими действиями. Но что он еще мог сделать?

— И потом, с вами был полицейский, а сигнализация не сработала... почему? Не двигайтесь с места. Я сейчас позову отца. Мы не можем рисковать. С вами что-то неладно, — вдруг резко сказала она. В ее голосе послышались металлические нотки.

И тут Макаллистер окончательно пришел в себя. И в самом деле, тут что-то неладно. Откуда взялся этот магазин в 1951 году? Как сам он попал сюда?

В руке девушки очутился пистолет, вернее, оружие в виде пистолета, с тремя кубическими «дулами», выступавшими из полусферической камеры. Макаллистер был поражен тем, как естественно она держала это оружие.

— Бога ради, — нервно сказал он, — уберите эту дьявольскую штуку. Давайте поговорим спокойно.

Не обращая на него внимания, она смотрела куда-то левее него. Он обернулся и обнаружил на стене за своей спиной семь маленьких странных огоньков, непрерывно движущихся по запутанной траектории, создавая причудливую картину. Вдруг они застыли на месте; он повернулся к девушке. К его удивлению, она опустила оружие.

— Не двигайтесь, — холодно произнесла она, — вы под прицелом. Однако, прошу заранее извинить нас, если мы ошибаемся. Кстати, могу показать вам оружие, если вы все же хотите его купить.

«Вот так, — подумал Макаллистер, — я уже на прицеле. Надо полагать, прицел укреплен не на фотокамере. Ну и дела. Нет, мне тут делать больше нечего. Впрочем, девушка убеждена, что я пришел сюда за оружием.» Он поймал себя на мысли, что и в самом деле хочет посмотреть, что это за оружие. Его прямо-таки притягивало к нему. И он сказал:

— Ну конечно, будьте так добры. — Внезапно ему в голо-

ву пришла мысль. — Не сомневаюсь, что ваш отец наблюдает за мной.

Девушка удивленно посмотрела на него.

— Вы, вероятно, не поймете, но вы перевернули всю нашу систему. Огни не должны были останавливаться, пока мой отец оперировал с приборами. Но они остановились! Невероятно. Впрочем, если вы один из НИХ, то как же вы вошли? Неужели ЕЕ ЛЮДИ научились обманывать детектор? Но если вы один из них, то почему пошли на такой риск? Вы поставили себя под удар. Правда, ее власть над глупцами, верящими в нее и в справедливость имперского суда, безгранична, но...

Макаллистер подошел к креслу, стоящему в одном из углов.

— Видите ли, — начал он, — я не знаю ни того, о чем вы говорите, ни того, как я сам здесь очутился. Кое-что в самом деле не мешает выяснить...

Он дошел до кресла и, уже наполовину опустившись в него, вдруг резко поднялся, уставившись на стену за ее спиной.

— Что это, календарь? — прошептал он.

Она удивленно обернулась:

— Да, сегодня 3 июня. А что?

— Я не про день, но эти цифры вверху, что это?

Девушка была поражена. Она хотела что-то сказать, но запнулась, закусив губу и, наконец, выпалила:

— Да что вы, в самом деле! Все верно. Сейчас 4784 год династии Ишер. Все в порядке.

2

Макаллистер осторожно опустился в кресло. «Плохи дела», — подумал он.

Тут он заметил, что девушка спорит с каким-то высоким седым мужчиной, стоящим на пороге двери в склад. Спор становился все жарче, и шепот их оставлял у Макаллистера на душе неприятный осадок. Он ничего не понимал.

Наконец, девушка спросила его:

— Как вас зовут?

Макаллистер ответил.

— А теперь мы хотели бы узнать, из какого года вы пришли?

Седой шагнул вперед.

— Мы не можем сейчас объяснить вам все подробно. Но дело в том, что появился, наконец, человек, жаждущий неограниченной власти, и первым делом он решил уничтожить

нас. Вы как раз являетесь свидетельством тому, что ОНА пустила в ход свое новое секретное оружие. У нас мало времени. Листра, объясни ему ситуацию и что нам угрожает.

Человек повернулся, и дверь бесшумно захлопнулась за ним.

— О какой опасности он говорит? — спросил Макаллистер.

— Я даже не знаю, как объяснить вам это, но попробую. Подойдите к окну.

Макаллистер глубоко вздохнул. Ну, наконец, хоть что-то. Тревога прошла. Насколько он понял, опасность угрожала Оружейникам, а не ему. Он надеялся, что отец Листры сумеет справиться с этой угрозой, а он вернется к себе домой. Он подошел к девушке. Та в ужасе отшатнулась, а когда он в недоумении остановился, невесело улыбнулась и сказала:

— Не удивляйтесь, но вам лучше не прикасаться ни к одному человеку здесь.

Макаллистер похолодел.

— Насколько я понял, мы можем говорить, но не касаться друг друга. Так?

Она кивнула:

— Все остальное сделано из изолирующего материала.

— Вернемся к началу, — сказал он. — Как вы узнали, что я из прошлого?

— Отец сфотографировал вас и содержимое ваших карманов. Сначала мы думали, что энергия, которой вы заряжены, не будет распространяться, но выяснилось, что это не так. Автоматы не сработали, и...

— Заряжен? Энергией? — перебил ее Макаллистер.

— Неужели вы еще не поняли? — воскликнула она. — Вы перешагнули через семь тысяч лет, а время — самая мощная энергия во Вселенной. Вы заряжены триллионами триллионов единиц энергии. Стоит вам отсюда выйти, и вы уничтожите Столицу Империи и все в окрестности 50 миль! Да что там! Вы можете уничтожить Землю!

Зеркало возникло из ничего. Только что на его месте была металлическая стена.

— Вы очень взволнованы, — мягко произнесла девушка, — а свое отражение успокаивает лучше всего.

Он взгляделся в собственное бледное лицо и очень не понравился себе.

— Благодарю вас, — сказал он, повернувшись к девушке, — мне стало лучше.

Она улыбнулась. «Странная девушка, — подумал он. — Не в состоянии выразить словами то, что знает, но прекрасно разбирается в человеческой психологии».

— Значит, — заметил он, — дело в том, чтобы вернуть меня в мое время, иначе я уничтожу Землю в вашем?

Девушка кивнула.

— Отец сказал, что вас можно будет вернуть, но... посмотрите!

Макаллистер не успел даже порадоваться, как она нажала другую кнопку. Зеркало исчезло вместе со стеной, и перед ним оказался тот же парк, в котором он очутился в самом начале. Но теперь горизонт закрывало огромное квадратное здание, черной массой громаздящееся перед окном. До него было около четверти мили, и само оно имело в длину и высоту около четверти мили. Вокруг не было ни одного живого существа, и даже листья деревьев не шевелились.

— Смотрите, — повторила девушка. Она совершила какие-то манипуляции над кнопками на стене. Ни парк, ни здание, ни солнце не изменились. Но парк уже не был пуст.

В нем появилось множество машин и снующих между ними людей. Изумлению Макаллистера не было предела, и тут он понял, кто были эти люди и что это за машины.

— Но ведь это солдаты, а машины...

— Орудия, — сказала девушка. — Этого добра у них хватает. Они легко могут уничтожить нас. Именно поэтому они и подошли так близко — им нужно стрелять в упор, иначе ничего не выйдет. Раньше мы легко засекли бы их, сработала бы сигнализация, невидимость им не помогла бы. Но это раньше. Их новая энергия спутала все планы. Мы бы не узнали об их присутствии, если бы не вы, и они легко уничтожили бы нас!

— Но что же вы собираетесь предпринять? — спросил Макаллистер.

Ее глаза вспыхнули.

— О, мой отец исправит ошибку! Мы тоже можем применить невидимые орудия. Это решит Совет.

Макаллистер молча разглядывал солдат, соединявших орудия толстыми кабелями со зданием. Футовая толщина кабелей говорила о гигантской мощи орудий, готовой обрушиться на маленький магазин. Действительность говорила сама за себя. Он почувствовал себя самым бесполезным человеком здесь. И он хотел уже было сказать это, как вдруг раздался голос отца девушки:

— Ошибаетесь, Макаллистер. Вы самый ВАЖНЫЙ из всех людей. Благодаря вам мы узнали об опасности. Наши враги не знают о вас и, следовательно, не знают и о побочных свойствах своего оружия. Одним словом, вы — «темная лошадка». И мы на вас ставим.

Что-то тревожное было в его лице, когда он сказал, обернувшись к девушке:

— Листра, седьмой номер!

Девушка нажала кнопку, и ее отец снова повернулся к Макаллистеру.

— Верховный Совет настаивает на немедленных действиях. Решение уже находится в процессе выработки... А-а, здравствуйте, джентльмены!

Макаллистер обернулся и увидел, что из стены, как если бы в ней была дверь, один за другим выходили люди. Один, второй, третий... тридцатый! Все эти люди были суровы на вид, кроме одного, который слегка смущенно улыбнулся и сказал:

— Не пугайтесь. Транспортировка в пространстве — наш способ борьбы за существование. Иначе полиция легко бы блокировала нас. Кстати, меня зовут Кадрон. Питер Кадрон!

Макаллистер вежливо кивнул. Он уже ничему не удивлялся. Трудно представить, как могли развиваться наука и техника за такое время. Один из людей рядом с ним заметил:

— Мы пришли потому, что это здание напротив излучает энергию.

Он махнул рукой в сторону окна.

— Его начали строить пять лет назад. А теперь оно излучает энергию, которая сильнее энергии времени. Слава богу, что тут только один магазин. Наверно, ее мощность сильно убывает с расстоянием.

— Слушайте, Дресли, — вмешался еще один из новоприбывших — маленький, тощий человечек с нервным лицом. — Нельзя ли без предисловий? У вас есть конструктивные предложения?

— Да, — колебавшись, сказал Дресли, как-то странно посмотрев на Макаллистера, — выход есть. Но он полностью зависит от нашего друга из прошлого, согласится ли он помочь нам. Помните, что я говорил вам? Это дает выигрыш во времени.

— А? — только и вымолвил Макаллистер, когда глаза всех людей в комнате устремились на него.

3

Он скользнул взглядом по оружейникам, сидящим, стоящим, лежащим посреди коробок с блестящим оружием. Их было даже меньше, чем он думал, — двадцать восемь. А он мог поклясться, что раньше их было тридцать два,

включая девушку. Он посмотрел на дверь склада. Значит, четверо за ней.

Он снова повернулся к Дресли.

— Как я понял, я заряжен энергией. Поэтому не стоит думать о принуждении. Стоит кому-нибудь прикоснуться ко мне и тогда...

— Вы правы, черт побери! — воскликнул Питер и повернулся к Дресли. — А вы потрудитесь думать, прежде чем что-либо сказать. Вы же знаете, что мы должны спасти Макаллистера, и он ждет этого.

— Сами знаете, времени у нас нет, а он может испугаться. Он же интеллигент.

Макаллистер изучал их взглядом. Что-то тут было не то. Он резко оборвал Дресли:

— Не стоит напрасно льстить. Ваши парни — отъявленные головорезы, и сами вы наверняка пристрелили собственную бабушку, а теперь расставили ловушку для меня, потому что в вашем мире это естественно. Что у вас за план?

— Вам дадут изолирующий костюм и отправят в ваше время, — ответил Питер.

— Звучит красиво. Но в чем тут подвох? — задумчиво произнес Макаллистер.

— Никаких подвохов!

— Так почему же вы сразу этого не сделали, черт вас побери?

Юноша мрачно взглянул на Дресли.

— Это все ваши методы.

Он повернулся к репортеру.

— Мы применим метод энергетического рычага. И вы как раз будете грузом на его длинном конце. Вы опуститесь на семь тысяч лет, а здание на коротком конце рычага поднимется на какое-то время в будущее.

— Мы нашли бы и кого-нибудь другого, — вмешался еще один оружейник, — но вы подходите больше всего. Ну как?

Макаллистер медленно прошел к своему креслу. Его мозг бешено работал в поисках выхода, но здесь, в этом далеком непонятном будущем, он был бессилен.

— Принцип рычага — это старая идея. Так можно перевернуть мир, если найти точку опоры, — наконец сказал он.

— Вот именно! Только все во времени. Вы на семь тысяч лет назад, а здание... — сказал Дресли, но замолчал, увидев лицо Макаллистера.

— В чем же подвох? — сказал Макаллистер.

Костюм был непривычен. Его принесли со склада, и Макаллистер был поражен, что его готовили, не зная, согласится ли он на это. Кадрон протянул ему легкий серый костюм и сказал:

— Ну, одевайте же и идите! Это минутное дело! Когда они начнут стрелять... — он заколебался.

В наступившей тишине Макаллистер услышал чей-то голос:

— Прежде всего, нужно выиграть время, чтобы защитить магазин. Мы должны сотрудничать со всеми, кто может помочь нам, прямо или косвенно, и тогда... — голос затих, но Макаллистеру было достаточно. Его блуждающий взгляд упал на девушку, молчаливо стоящую у двери. Он подошел к ней, и, видимо, было в нем что-то такое, от чего она побледнела.

— Послушайте! Я не знаю, в чем тут подвох, но что-то тут явно не то! Что мне делать?

Девушка посерела, став похожей на костюм в руках Питера.

— Возможно трение, и вы попадете не в 1951, а в...

Макаллистер отвернулся. Он подошел к Кадрону.

— Как он надевается?

— Через голову, — ответил отец Листры. — Как только вы наденете его, он станет невидимым. Постороннему будет казаться, что вы одеты как обычно. Костюм полностью автономен. В нем можно жить месяц.

— Неясно, зачем мне его надевать. Ведь вошел я без костюма. Одну секунду, — внезапно его озарила мысль, — а куда денется вся та энергия, которой я заряжен?

Все вокруг застыли, едва он коснулся этой темы.

— Ага! Изоляция не даст мне потерять энергию. Это и есть ваш «вес»! Он, наверно, связан с той машиной в здании. Ну, еще не поздно!

Он рванулся к двери, протянув руку к людям. Но его схватили, а Питер застегнул молнию на костюме.

— Видите, мы тоже в изоляционных костюмах. Вы ничего не сможете нам сделать. То, что нам нужно, не устроит вас. ЭЙ, КТО-НИБУДЬ, ОТКРОЙТЕ ДВЕРЬ, БЫСТРО!

Не сопротивляясь, Макаллистер пошел вперед. И вдруг раздался голос девушки:

— Стойте!

Ее глаза сверкали, а в руке был пистолет, который она раньше наводила на Макаллистера. Люди, тащившие его, замерли. Он подумал, что одна она тут на его стороне.

— Это подло. Вы все — жалкие трусы, вы думаете, что распространение духа свободы состоит в попрании прав человека и убийстве? Я говорю: НЕТ! Мистер Макаллистер имеет право на психологическую обработку. Эта задержка не смертельна.

— Листра! — крикнул ее отец и вдруг шагнул вперед, выхватив у нее пистолет — только он один мог сделать это.

Девушка была в истерике, и ее слезы говорили о том, насколько опасна была ситуация.

Странно, но именно тут он почувствовал надежду. Кадрон отпустил его руку и шагнул вперед.

— Ваша дочь права, сэр, — произнес он. — Мы должны быть выше своего страха и сказать ему: «Будь смел! Тебя не забудут». Мы не знаем, что будет с тобой. Но мы сделаем все, что в наших силах. А теперь мы постараемся избавить тебя от шока, который может убить тебя снаружи...

Слишком поздно Макаллистер заметил, что все прочие не смотрят на эту сцену. Он даже не заметил, кто нажал кнопку.

Вспыхнул ослепительный свет, пронзивший, казалось, его мозг, и голос Питера отпечатался в нем.

— Держи себя в руках, несмотря ни на что. Для собственного же блага ты можешь рассказать все лишь тем ученым и администраторам, которые смогут тебе помочь. Будь счастлив!

Вспышка настолько ослепила его, что он только почувствовал, как кто-то толкнул его.

И он упал.

ГЛАВА 1

Поселок в сумерках был тих и безмятежен. Фара Кларк прогуливался вместе с женой по улице и наслаждался воздухом, как будто напоенным вином. Он рассеянно вспомнил картину одного приезжавшего сюда из Столицы художника, которая, по выражению диктора из телестата, рисовала идиллическую сцену электрического века семитысячелетней давности. «И верно», — подумал он. Этот поселок с домами, спрятавшимися за палисадниками и обслуживаемыми автоматами, с тротуарами и сияющими уличными фонарями казался раем, где остановилось время.

Как гордился он тем, что изображение этой улицы, сделанное великим художником, находится в коллекции Императрицы. Она купила ее, несмотря на то, что художник умолял принять ее в подарок. Что может быть выше чести удос-

тоиться взгляда великой, прекрасной и несравненной Иннелды Ишер, 118-ой в династии Ишер.

Фара повернулся к жене. В неясном свете фонарей ее красивое, еще совсем юное лицо было едва различимо. Он прошептал, стараясь, чтобы голос гармонировал с мягкими красками вечера:

— Императрица сказала, что наш Глэй воплотил всю верность, все благородство ее подданных. Прекрасная мысль, не правда ли, Криль? Как она умна!

Внезапно в сотне футов впереди он увидел нечто, заставившее его прервать фразу.

— Смотри! — воскликнул он.

Он вытянул руку в направлении сияющей вывески:

ЛУЧШЕЕ ОРУЖИЕ ОРУЖИЕ — ЭТО СВОБОДА

Около магазина собрались почти все жители поселка. Наконец, он сумел вымолвить:

— Слышал я про эти магазины. Это оплот мятежников, с которыми борется Императрица. Их изготавливают на подпольных заводах и целиком транспортируют на место, как вызов нашим свободам. Его не было тут час назад.

Его лицо окаменело. Он сказал резко:

— Криль, иди домой!

Но та, к его удивлению, не подчинилась. А ведь покорность была одним из ее лучших качеств, облегчающих семейную жизнь. Она смотрела на него, широко раскрыв глаза.

— Фара, что ты хочешь делать? Не думаешь же ты...

— Домой! — рявкнул он. — Мы не позволим этому дьявольскому отродью осквернять наш поселок. Подумай, — он понизил голос до шепота, — наша прекрасная, с вековыми традициями, община будет обращена в прах этими... этой вешью. Но мы этого не допустим!

Криль прошептала из темноты:

— Фара, не будь опрометчив. Ведь это не первое здание, появившееся в поселке после создания картины.

Фара не ответил. Нужно же ей было напомнить об этом сейчас. Она имела в виду здание небоскреба гигантской компании «Ремонт Атомных Моторов Инкорпорейтед», сокращенно РАМ, которое было возведено вопреки воле совета общины, решившей сохранить поселок таким, каким он запечатлен на картине. РАМ уже отобрала у Фары половину клиентов.

— Это другое дело, — выдавил наконец он. — Люди поймут в конце концов, что там сидят кое-какеры. А этот магазин попирает все законы, которые делают наслаждением

жизнь под властью династии Ишер. Ты посмотри только: Оружие — это... Не-е-ет!

Он оборвал фразу и приказал:

— Домой, Криль! Мы скажем, чтобы они убирались!

Изящная женская тень скользнула назад по улице. Он крикнул ей вслед:

— И если увидишь наше драгоценное чадо, околачивающееся на каком-нибудь углу, пошли его домой. Пора кончать с его похождениями!

Жена не обернулась. Проводив ее взглядом, он резко повернулся и направился к магазину. Вечерний воздух был наполнен гулом все возраставшей толпы. Это было, несомненно, самое крупное событие со времен основания поселка.

Вывеска была необычной. Она читалась под любым углом зрения. Надпись на витрине гласила:

ЛУЧШЕЕ ОРУЖИЕ ВО ВСЕЛЕННОЙ

Искра интереса зажглась в нем. Он как зачарованный смотрел на выставленное оружие всех сортов и размеров, от миниатюрных до гигантских. Оно было отделано узорчатыми, переливающимися пластинами пластика ордин — сплава бериллия с магнезированным металлом и многочисленными добавками. Слишком много оружия для Глэя, где только у двоих были охотничьи ружья.

— Ну и ну, прямо на участок Лэна Гарриса. Славно прищучили этого мерзавца. Ох, и шума будет! — сказал кто-то сзади.

Несколько человек рассмеялись. И в самом деле, оружейный магазин как раз накрыл участок сада старого Гарриса. Фара улыбнулся.

Оружейники мудро поступили, выбрав участок самого не любимого человека в поселке, дав каждому посмеяться над ним. Фара обрадовался, заметив в толпе прямую фигуру майора Мела Дейла. Фара пробился к нему, отсалютовал и спросил:

— А где Джор?

— Да здесь я, — констебль пробился к нему, раздвигая людей крепкими плечами. -- Что делать будем?

— Ясно что. Нужно войти и арестовать их.

Двое переглянулись.

— Дверь заперта. Никто не отвечает.

— Оставим их до утра, — ответил констебль.

— Чушь! — воскликнул Фара, — нужно взять топор и взломать дверь. Медлить — значит дать этим негодяям лиш-

ний шанс. Нельзя им позволять оставаться здесь даже на ночь. Не так ли?

Все одобрительно кивнули в знак согласия. Слишком одобрительно. Фара обвел их взглядом, и они опустили глаза.

«Струсили. И не хотят», — подумал он.

— Вы разве не знаете, что эти двери ничем не прошибешь? — вмешался Джор. Фара понял, что действовать здесь может только он.

— Хорошо, возьми атомный резак из моей мастерской. Как, майор?

Дейл хорошо был виден в свете витрин. Он достал платок и вытер лоб.

— Может, связаться с имперским гарнизоном в Ферде?

— Нет! — Фара понял, что майор тоже уклоняется. Да, только он, и никто другой, должен действовать. — Мы должны действовать сами. Вспомните другие общины. Мы не повторим их ошибок. Итак, начнем!

Майор неохотно кивнул. Но Фаре этого было достаточно. Он обернулся к толпе и увидел среди других юношей своего сына. Фара позвал его:

— Кейл, пойдем, поможешь мне принести резак.

Кейл даже не шевельнулся. Чертов мальчишка. Что-то нехорошее он задумал....

Пламя было беззвучно и бездымно. Оно как бы ласкало дверь. Но шли минуты, а результата не было. Наконец, Фара выключил аппарат.

— Не понимаю, — сказал он, — не существует металла, который не разрезало бы атомное пламя. Даже внутренние стенки атомных котлов, на что уж крепкие, но и те приходится менять каждые несколько месяцев.

— Такие уж они есть, — сказал майор, — поэтому они и распространились по всей Империи. И ОНИ НЕ ПРИЗНАЮТ ИМПЕРАТРИЦУ.

Это не понравилось Фаре. Звучало кощунственно. Чепуха. Не может этого быть. Но прежде чем он успел ответить, кто-то из толпы вставил:

— Я слышал, что дверь откроется перед любым человеком, который не принадлежит к государственному аппарату.

— Ага! Если это так, то мы сейчас схватим их! Мы...

И только тут он увидел, что никто не пытается открыть дверь. Тогда он шагнул вперед и просто толкнул ее. Дверь открылась неестественно легко, причем ручка как бы сама выскочила у него из руки. Вход был открыт.

— Джор, входите! — сказал он.

Констебль сделал мучительное движение, скорее, попыт-

ку движения, чем само движение, вперед. Дверь захлопнулась перед ним.

Фара тупо смотрел на свою руку, держащую воздух. Он попытался взяться за ручку двери, но не тут-то было — она танцевала в воздухе, не даваясь в руки. Толпа смотрела на это с молчаливым ожиданием. Наконец, Фара сумел поймать ручку. Держа ее, он сказал:

— Идите, Джор, я открою. Бесполезно. Дверь не открылась. В толпе кто-то заметил:

— Она передумала тебя впускать.

— Глупости! — воскликнул Фара. — ОНА не раздумала! Что она, живая, что ли?

Но в голосе его прозвучал страх. «Интересно, — подумал он, — что бы на моем месте сделали солдаты?» И внезапно понял: «ничего».

— Ладно, — сказал он, — она открылась один раз, откроется и второй.

Так и вышло. Странная дверь снова подчинилась легчайшему толчку. За порогом было темно. Майор Дейл сзади сказал:

— Не делайте глупостей, Фара. Не входите. Что вам там нужно?

Фара и сам был удивлен, перешагнув порог. Но он обернулся и ответил:

— Как что? Я куплю оружие, разумеется.

Эта блестящая реплика вернула ему расположение духа. И вот он очутился в магазине.

ГЛАВА 2

Магазин выглядел обычно, как и прочие. Фара осторожно ступил на толстый ковер, поглощавший звук шагов. Глаза постепенно привыкали к слабому свету, излучаемому стенами. Он ожидал чего-то сверхъестественного, но привычная обстановка даже успокоила его.

Настороженно следя за дверью, ведущей в склад, Фара осматривал витрины. В каждой находилось три или четыре образца бластеров вместе с кобурами. Он уже прикидывал шансы достать один из них, захватить кого-нибудь из оружейников в плен и сдать Джору, когда сзади раздался мужской голос:

— Вам нужно оружие?

Фара резко обернулся. План разлетелся вдребезги: продавец был седым, благообразным человеком много старше его. Фару учили уважать старость. Поэтому он ответил:

— Да, да, конечно.

— С какой целью? — спокойно спросил старик.

Фара хотел было высказать ему все, что он думает об их банде, но воспитание не позволило оскорблять пожилого человека. Он сказал первое, что пришло ему на ум:

— Для охоты. Да, конечно. К северу есть одно озеро и... — воодушевляясь, продолжал он, — и...

Он замолчал. Так далеко во лжи он не собирался заходить. Поэтому он коротко закончил:

— Для охоты.

Он пришел в себя. Теперь он ненавидел человека, поставившего его в нелепое положение.

Старик открыл одну витрину и достал зеленый карабин.

«Надо же было им послать именно его», — подумал Фара. Чутье, подсказавшее оружейникам лучшее место для магазина — сад Гарриса — не подвело их и в этот раз. Фаре ничего не стоило отобрать у старика карабин, но он не мог этого сделать!

— Прежде чем продать оружие, я должен сообщить вам некоторые условия, — сказал старик.

— У них есть еще и условия! Ловко орудуют!

— Мы — оружейники, — продолжал старик, — создали оружие, способное уничтожить все, что угодно, состоящее из материи. Человеку, вооруженному им, нипочем имперские солдаты. Наше оружие обладает силовым полем, экраннующим нематериальные силы. Оно не оказывает сопротивления снарядам, пулям, камням, но не всякая атомная пушка может пробить его. Такое мощное оружие, конечно, не должно попасть в грязные руки. Ни один проданный нами бластер не может быть использован для нападения или убийства. Если речь идет об охоте, то оно стреляет лишь по немногим видам зверей и птиц. Кроме того, оружие не может быть использовано без нашего разрешения. Вам понятно?

Фара кивнул. Это казалось ему невероятным. Он не знал, то ли ему рассмеяться, то ли просто уйти. Оружие нельзя использовать для агрессии. Нельзя убить любое животное. Ну а если его перепродать, увезти за тысячу миль и перепродать, кто об этом узнает? Он взял карабин, подавив импульсивное желание направить дуло на старика.

— Как оно действует?

— Вы наводите его на цель и нажимаете кнопку. Можете попробовать на мишени, если хотите.

Фара поднял оружие.

— Да, хочу. И моя мишень — вы! Выходите из магазина, быстро. А если кто-либо попытается войти через заднюю дверь,

он об этом пожалеет! — выкрикнул он. — Ну, пошевеливайтесь, или я стреляю!

Старик остался холоден и спокоен.

— Так я и думал. Мы предвидели это, когда впустили вас. Лучше успокойтесь и оглянитесь.

Фара не пошевелился. Он слышал кое-что об оружейных магазинах и о том, что у них есть агенты во всех департаментах и свое жестокое правительство, и что для того, кто попал им в лапы, есть лишь один выход — смерть.

— Кончайте валять дурака, я не попадусь на вашу удочку. Выходите!

Но старик смотрел мимо него. Он спокойно сказал:

— Ну как, Рэд. Все в порядке?

— Достаточно, — ответил юношеский голос позади Фара. — Тип А-7, консерватор. Индекс интеллекта выше среднего, но развитие обычное для провинции. Узколобое мировоззрение, полученное в имперской школе. Необходимо особое обращение. Но пока нет необходимости вмешиваться. Лучше оставить его в покое.

— Если вы думаете, — сказал Фара, — что этот динамик заставит меня оглянуться, вы ошибаетесь. Там нет ничего, кроме глухой стены.

— Спасибо, Рэд. Конечно, мы бы оставили его в покое, но он — местный лидер. Его нужно просветить.

— Мы собьем его с толку. Он потратит остаток жизни на доказательство обратного.

Слушая этот непонятный, но, судя по всему, нелестный для него диалог, Фара совсем забыл об оружии.

— Все-таки, я думаю, следует показать ему хотя бы дворец, — сказал старик.

«Дворец!» При этом слове Фара встрепенулся.

— Вы обманули меня, оружие не заряжено, это... — прокричал он.

Но голос у него пропал, и карабин исчез из рук. Мысли потеряли стройность. Он успел подумать, что кто-то сзади выхватил у него карабин. Значит, там все-таки был человек. Он хотел повернуться, но не смог. Тело его не слушалось. Комната потемнела. Старик исчез. Исчез и магазин....

Он парил над огромным городом. Даже не парил, а будто стоял, прямо на воздухе. Тут он понял, что по-прежнему стоит на полу, а зрелище проецируется прямо ему в глаза.

Фара узнал город. Это был город его мечты — Столица Империи Ишер. С высоты он видел серебристый дворец, имперскую резиденцию. Он неслся к нему с огромной скоростью и совсем не чувствовал страха. «Покажем ему дворец», —

сказали оружейники. Сверкавшая крыша вспыхнула у него перед глазами, и он пролетел сквозь металл.

Он почувствовал себя святотатцем, очутившись в большой комнате, где за столом сидели несколько человек. Во главе стола находилась молодая женщина. Кошунственная камера, для которой не было преград, крупным планом показала ее лицо.

Это красивое лицо сейчас было искажено гримасой гнева. Женщина, наклонившись вперед, кричала. Фара часто слышал этот голос по радио и телестату. Она кричала собравшимся:

— Немедленно уберите этого предателя! К завтрашнему вечеру он должен быть мертв!

Раздался шелчок, и Фара снова очутился в магазине. Некоторое время он привыкал к полутьме. Неужели они думали, что он клюнет на эту приманку? Какая дешевка — обычное кино! Но тут он вспомнил сюжет и заорал:

— Мерзавцы! Как вы посмели изображать Императрицу! Вы...

— Но так все и было, — ответил Рэд.

Фара вздрогнул, увидев перед собой огромного парня. Что этим людям, замахнувшимся на саму Императрицу, какой-то Фара Кларк! Юноша продолжал:

— Конечно, все это произошло не сейчас. Это было два дня назад. Женщина — настоящая Императрица. Человек, которого она приказала убить, — советник двора, не согласившийся с ней. Прошлой ночью он был найден мертвым в своем доме. Его имя вам должно быть известно из последних новостей — Бантом Веккерс. Но мы спешим. Пора кончать с этим представлением.

— Но я еще не закончил, — сказал Фара, — Я в жизни не видел таких преступников. Вы заблуждаетесь, если думаете, что поселок за вас — мы позаботимся, чтобы сюда больше никто не вошел. Мы поставим стражу!..

— Достаточно, — сказал старик, — экзамен окончен. Вы честный человек, Кларк, и, конечно, мы всегда будем рады помочь вам. Теперь прошу вас — вот через эту дверь.

Непонятная сила развернула его к двери. И он оказался в саду перед магазином, где толпились его земляки.

Кошмар кончился. Через полчаса он был дома. Едва он вошел, Криль спросила:

— А где оружие?

— Оружие? — удивился Фара.

— Несколько минут назад по телестату объявили, что ты стал первым покупателем нового магазина.

И Фара вновь вспомнил слова юноши: «Это перевернет всю его жизнь».

«Моя репутация», — в отчаянии подумал он. Пусть он не слишком известная личность, но в поселке его считают порядочным человеком. Его мастерская по ремонту атомных моторов пользуется доброй славой. И вот, сначала его унизили в магазине, а теперь позорят его имя. Ведь не все знают, зачем он пошел туда.

Он вызвал майора Дейла.

— Ничего не поделаешь, Фара, — сказал тот, — свободного времени на телестате не бывает. За выступление придется платить. Они заплатили.

— Они заплатили! — Фара был поражен естественностью этих слов.

— Они заплатили Лэну Гаррису за участок. Старикашка сорвал с них бешеные деньги. Он звонил мне, чтобы я отметил это.

— О! — Мир Фары разваливался на глазах. — И никто ничего! А имперский гарнизон в Ферде?

Майор пробормотал что-то о том, что имперский гарнизон отказался вмешиваться в гражданские дела, но Фара едва расслышал его.

— Гражданские дела, — прорычал он, — значит, они так тут и останутся, хотим мы этого или нет. И будут заставлять нас делать то, что им нужно?! Послушайте, а может, вы и Джора не выставите у магазина?

Толстяк на глазах становился раздражительнее.

— Это решат власти, Фара.

— Но вы поставите Джора?

— Я ведь обещал вам, не так ли? — оскорбился майор. — Значит, так и будет. Теперь вы хотите купить время на телестате? 15 кредитов за минуту. Но поверьте мне, вы швыряете деньги на ветер.

— Я покупаю одну минуту утром и одну вечером, — Фара был непреклонен.

— Отлично. Тогда мы их и опровергнем. Спокойной ночи.

Экран погас. Фара сел. И тут он вспомнил:

— Кейл! Пора, наконец, решить: или он будет работать у меня, или пусть идет на все четыре стороны.

— Просто ты не понимаешь его. Он для тебя еще ребенок. А ведь ты в его 23 года был уже женат, — сказала Криль.

— Я — это другое дело. Я имел в виду... у меня было чувство ответственности. Ты знаешь, что он выкинул только что?

— Нет. Но, наверное, ты начал первым?

— Он отказался мне помочь. На виду у всего поселка. Он совсем отбился от рук.

— Да, это так. Но не так, как ты это думаешь. Он холоден, как сталь, но не так тверд. Он ненавидит даже меня за то, что я всегда становлюсь на твою сторону.

— Что? Ну ладно, хватит об этом. Пошли спать. Мы слишком устали.

Заснул он беспокойно.

ГЛАВА 3

Так получилось, что Фара вел войну против Оружейников в одиночку. Он изменил свой обычный маршрут от дома до мастерской и специально каждый день проходил мимо магазина, останавливаясь на минутку поболтать с констеблем Джором. Но на четвертый день Джора у магазина не оказалось.

Фара немного подождал его, потом пошел в свою мастерскую и позвонил ему домой. Однако жена Джора сказала, что тот ушел на пост. Фара удивился. Впервые в жизни ему захотелось отделаться от заказчиков и позвонить майору Дейлу....

На улице возле оружейного магазина собралась толпа. Фара поспешил подойти. Кто-то крикнул ему:

— Фара, Джор убит!

— Убит? — Фара остановился, смысл сказанного еще не дошел до него. «Теперь солдаты не смогут вмешаться», — мелькнула мысль.

— Где же тело? — спросил он.

— Наверное, внутри.

— Значит, эти... сволочи... — Фара затруднился в выборе более сильного эпитета. Как-то это не вязалось с почтенным продавцом в магазине.

— Значит, эти мерзавцы убили его и затащили тело внутрь?

— Убийства никто не видел. Но Джора нет уже три часа. Майор звонил в оружейный магазин, но те сказали, что ничего не знают, ничего с Джором не делали. Но им теперь не выкрутиться. Майор вызвал из Ферда солдат, — сказал кто-то.

Толпа была настроена агрессивно. Фара ощутил странное в этих условиях чувство гордости за то, что давно предрекал нечто в этом роде.

— Да, теперь солдатам не отвертеться, — сказал он. Фара начал было строить предположения о том, что сделает Императрица, когда узнает, что в результате преступной бездельности армии погиб ее подданный, но тут по толпе прошел шепот.

— Майор приехал! Ой, майор, а где же пушки? Дейл, где солдаты?

Когда выкрики коснулись личности самого майора, тот встал в своей машине, продвигавшейся сквозь толпу, и поднял руку, требуя внимания. К удивлению Фары, толстяк указывал на него. Вокруг Фары образовалось пустое пространство. Дребезжащим голосом майор произнес:

— Вот человек, который заварил эту кашу! Выйди, Фара Кларк, покажись людям! Ты должен поселку 700 кредитов!

Фара от изумления не мог вымолвить ни слова.

— Мы все знали, что бессмысленно бороться с Оружейниками. Империя оставила их в покое. Я тоже так считал, но он... он... Фара Кларк, заставил нас пойти против себя, и вот результат — мы должны платить 700 кредитов...

Вот что случилось: я позвонил командиру гарнизона, но тот только рассмеялся, сказав, что ничего с Джором не случится. И тут позвонил он сам. Он на Марсе. — Майор сделал паузу, чтобы толпа успокоилась. — Он прилетит через четыре недели, и мы должны оплатить перелет. Кларк отвечает за все это!

— И вот вы примчались сюда, чтобы свалить на меня вину? Глупец! — Сказав так, Фара повернулся к толпе спиной и пошел прочь, не слушая разглагольствований майора о том, что оружейный магазин даже выгоден поселку, ибо привлечет туристов из четырех соседних поселков и городов и таким образом принесет прибыль.

Фара, высоко подняв голову, шел к мастерской. Он проигнорировал два или три свистка из толпы. Хуже всего то, что ОНИ пренебрегли им. ОНИ были выше его. Его охватил озноб при мысли, что Джор перенесся на Марс всего за три часа, в то время как звездолеты летят до него 24 дня как минимум.

Встречать Джор Кларк не пошел. Совет старейшин приговорил Джор к уплате четверти стоимости билета под угрозой увольнения. Вечером Фара проскользнул в дом констебля со 175 кредитами. Домой он шел с легкой душой.

На следующий день в мастерскую зашел человек, при виде которого Фара нахмурился. Это был Кестлер, деревенский сплетник. Он довольно ухмылялся.

— Послушай, Фара, а знаешь, из магазина кое-кто вышел. Я думал, тебе будет интересно узнать.

Фара прекратил закручивать болт на основании мотора. Однако Кестлер не торопился с продолжением, ему доставляло удовольствие, когда его расспрашивали. И эта напряженность вынудила Фара спросить:

— Констебль его арестовал?

Он, конечно, не ожидал такого, но всетаки интересно.

— Не его, а ее. Это девушка.

Фара вскинул брови. Это ему не понравилось. Однако, какова хитрость! Та же уловка, что и со стариком. Но если девушка окажется легкого поведения, то они просчитаются — ее быстро арестуют.

— Ну, и что дальше?

— Ничего. Пошла себе спокойно. Красивая девушка.

Завинтив болт, Фара опустил плату в полировальную жидкость и принялся за кропотливый труд по возвращению некогда блестящей поверхности ее первоначального вида. Не поднимая головы, он спросил:

— И никто ничего?

— Да попытался констебль к ней подступиться, но документы у нее в порядке.

— И он ее отпустил? — со скрытым бешенством в голосе спросил Фара. — Хорош, ничего не скажешь. Неужели они не поняли еще, что нельзя им ни дюйма уступить?!

Мельком он заметил усмешку Кестлера. Фара понял, что тот наслаждается его гневом. Но что-то еще было в его усмешке, Кестлер явно не договорил. Фара вынул плату из лака и повернулся к нему.

— Тебе-то, конечно, все равно.

— О, все люди одинаковы. Неизвестно, что вы скажете, узнав ее получше.

— Что ты хочешь этим сказать: «когда я узнаю ее получше»? Да я видеть ее не желаю!

— А если он приведет ее домой?

— Кто приведет домой? Кестлер, послушай, ты... — он остановился, и оскорбление застряло у него в горле. — Ты хочешь сказать... — внезапно догадался он.

— Вот-вот... — торжествуя, сказал Кестлер. — Разве наши парни дадут такой красотке гулять в одиночестве? И ваш сын, конечно, заводила. Сейчас они гуляют по Второй Авеню.

— Убирайся! — прорычал Фара. — И оставь меня в покое! Пошел вон!

Такого Кестлер явно не ожидал. Он побледнел, попятился и скрылся за дверью. Фара несколько секунд стоял неподвижно. Затем он вырубил напряжение и выскочил на улицу.

У него не было определенного плана действий. Просто нужно было что-то предпринять. И все это смешалось с гневом

на Кейла. Каким образом у него, честного, трудолюбивого, верноподданного человека, оказался столь никчемный сын?! Он не удивился бы, что тут сыграла роль наследственность со стороны Криль, но не со стороны ее матери, прекрасной, работающей женщины, оставившей Криль кругленькую сумму, а от отца, который исчез, когда Криль была еще ребенком.

И тут он увидел Кейла с его девицей из оружейного магазина. Они как раз сворачивали за угол Второй Аvenues. Он догнал их и невольно услышал:

— Вы не правы, — говорила девушка, — вы могли бы работать у нас. Ну разве может имперская служба устроить человека ваших способностей и достоинств?

— Кейл! — крикнул Фара.

Парочка обернулась: Кейл нарочито медленно, как бывалый парень со стальными нервами, девушка быстрее, но с достоинством.

— Кейл, ступай домой, — устало сказал Фара.

Его гнев улегся. Он поймал на себе изучающий взгляд девушки. «Бесстыдница», — подумал он. Щеки Кейла вспыхнули румянцем, быстро сменившимся бледностью гнева. Он повернулся к девушке и сказал:

— Это, видишь ли, один старый, выживший из ума придурок, с которым мне приходится каждый раз ругаться. Слава богу, мы редко видимся, даже за обедом. Как он тебе?

Девушка улыбнулась.

— О, мы знаем, что Фара Кларк — опора Императрицы в Глэе.

— Да. Он считает, что мы живем в раю, где она — богиня. Но как глупа эта его суровость!

Они спокойно пошли дальше, а Фара остался стоять на месте. Чудовищность происшедшего вышибла его из колеи. Он ошибся. И только сейчас начал понимать, как. Начинать нужно было с того момента, когда Кейл отказался работать в мастерской. Катастрофа произошла именно тогда, а не теперь.

Весь день Фара думал, что же теперь делать, продолжать ли совместное существование с Кейлом или нет?

Когда он пришел домой, Криль сказала:

— Фара, он хочет, чтобы мы одолжили ему 500 кредитов. Он едет в Столицу.

Фара молча кивнул. Утром он достал деньги и передал их Криль. Она пошла в спальню Кейла.

— Он просил передать тебе привет, — сказала она, вернувшись через минуту.

Вечером Кейла уже не было в доме. Но Фара чувствовал только одно: их беды только начинаются.

ГЛАВА 4

Он словно вырвался из клетки. Его бегство не было обдуманым. Это был мгновенный импульс, без всякой предварительной подготовки. Но сама мысль о побеге давно пропитала его мозг, стала жизненной потребностью. И вот клетка открылась. Не без помощи девушки из оружейного магазина.

Он до сих пор помнил ее голос:

— Ну, конечно, я живу в Столице. Я вернусь туда в среду.

Сегодня она туда возвращается. Он просто не мог больше сидеть здесь, в Глэе. И вот он летит на местном самолете в Ферд, разочарованный немного тем, что ее нет на борту:

И в аэропорту Ферда, ожидая рейс, он все высматривал Люси в толпе. Но не нашел. А потом приземлилась его машина. При виде ее Кейл забыл о девушке. Высотой в 100 футов, она сияла как алмаз с придорожных реклам. Забыв обо всем, Кейл в восхищении ступил на ее борт. И только когда земля превратилась в зеленый ковер далеко внизу, он вспомнил о Люси. Откинувшись в своем удобном кресле, он думал: кто же она, эта девушка? Где живет? Почему она среди мятежников?...

Рядом рассмеялся какой-то мужчина. Женский голос прошептал:

— Ты уверен, дорогой, что межпланетное турне будет нам по карману?

Пара шла по проходу между кресел. Кейл был поражен, как естественно они держались, как привычна была им эта обстановка.

Но постепенно и он стал привыкать. И когда он уже чувствовал себя как дома, за его столик сели трое и начали играть в карты.

Сначала игра шла по маленькой. Одного из игроков звали Сил, других имен он не расслышал. Странное имя. И человек был необычен. Было ему около тридцати. Глаза желтые, как у кота. Волнистые волосы растрепаны, словно у мальчишки, лицо желтоватое. Лацканы пиджака сияли бриллиантовой отделкой, на пальцах — многоцветье перстней. Он повернулся к Кейлу:

— Что, парень, интересно? Хочешь сыграть?

Кейл сразу понял, что это профессиональный игрок, но остальные были непонятны. Кто из них, например, «простак»?

— Занятие веселое, — продолжал Сил.

Кейл вдруг понял, что это одна шайка, и они выбрали его жертвой. Инстинктивно он оглянулся, много ли людей их видят. Но никто даже не смотрел на них.

Они думают, что он будет легкой добычей, подумал Кейл. Ну что ж. Посмотрим.

Улыбаясь, он встал и сказал:

— Я присоединяюсь.

Он сел за столик напротив желтолицего. Сдал себе короля и две сверху, выиграв в этом коне 4 кредита.

Он выиграл еще две партии из восьми, что для него было ниже среднего....

Он был калледетиком, обладал особыми телекинетическими способностями, позволявшими ему влиять на раздачу карт, метание костей и даже на решения, принимаемые людьми. Сам он, конечно, не знал об этом.

Лет пять назад он как-то выиграл у своих сверстников 19 игр из 20, получив 12 кредитов. После этого его слава «счастливого» приняла такие размеры, что никто больше не решался играть с ним.

Однако, несмотря на полосу удач, он не ощущал превосходства. Всю игру вел Сил. Его окружала какая-то атмосфера власти, удачи, силы. И он все больше нравился Кейлу.

— Вы, наверное, повидали мир? — спросил он.

Нет, это было не то, что он хотел сказать. Вопрос был преждевременным. Сил был выше такого подхода. Но тем не менее он ответил:

— Немного, — давая понять, что разговор нежелателен.

Его компаньоны прыснули от смеха. Кейл вспыхнул, но любопытство пересилило гордость, и он продолжал:

— И планеты?

Сил не ответил. Он внимательно изучил карты и увеличил ставку на 14 кредитов. Кейл чувствовал, что сделал глупость, но было поздно.

— Разные вещи про них болтают. Не поймешь, где правда, где ложь. Говорят, что это не рай.

— Слушай, парень, — сказал Сил наконец, — не верь никому. Рай во Вселенной — это Земля. И если кто-нибудь начнет распространяться о прелестях Венеры — пошли его к черту в ад — это она и будет, Венера. Бесконечная пустыня, и температура там — я был тогда в Венусбурге — минус 840 С. Ведь такого тебе не говорили, а?

Кейл согласился.

— У вас есть жена?

Сил расхохотался.

— Конечно, есть. В каждом городе, в который я попадаю. А тебе, я вижу, это не по вкусу.

— Это непорядочно, — произвольно ответил Кейл. В нем сработала мораль, вбитая в него поселком, этика его

матери, хотя он давно уже подозревал, что мир живет не по тем законам, которым его учили.

— Он далеко пойдет в Пресветлом Ишере, а, ребята? — рассмеялся Сил. — Но откуда тебе прет такая карта? — обрattился он уже к Кейлу.

Кейл опять выиграл. У него было уже 45 кредитов выигрыша. Дальше играть опасно.

— Ну, ладно. Извините меня, но у меня есть еще дела, джентльмены, — сказал он. И замер. Тонкое дуло смотрело на него с друго го конца стола. Желтоглазый тихо произнес:

— Думаешь выйти из игры, парень? Ребя та, он хочет нас покинуть! Отпустим его?

Это был чисто риторический вопрос.

— Лично я, — сказал вожак, — считаю, что игра кончена. Мы имеем: бумажник в его нагрудном кармане и пятидесятикредитные бан кноты в кармане куртки. Ну, и деньги, выиг ранные у нас.

Он нагнулся к Кейлу.

— Ты думаешь, мы простые шулеры? Нет, друг мой, наш метод проще. Не отдашь деньги или поднимешь шум — прист-релю. Луч бластера так тонок, что дырки никто не заметит. Ты останешься сидеть, как сидел, словно заснул, и никто не будет тебя будить. Ну, деньги на бочку! Живо! Даю десять секунд.

Вся процедура не заняла этого времени: пустой бумажник и несколько купюр снова легли к нему в карман.

— Немного денег на дорогу мы тебе оставили, — сказал Сил. Бластер исчез под столом, и Сил откинулся в кресле.

— Пожалуешься капитану — мы тебя прикончим. У нас алиби: ты проиграл нам деньги в карты.

Он рассмеялся и встал.

— Ну, пока, парень. В другой раз повезет и тебе.

Остальные тоже встали. Вся троица исчезла в коктейль-баре.

Кейл взглянул на корабельные часы: 15 июля 4784 года династии Ишер. 2. 15 от старта и 1 час до посадки.

ГЛАВА 5

Кейл не смог усидеть на месте и побрел по кораблю. Остановливаясь у каждого энергозеркала, он долго смотрел на себя и думал: «Почему они выбрали именно меня? Чем я им так понравился?»

После третьего зеркала он увидел Люси. Она, не узнавая,

скользнула по нему взглядом. На ней было светлое платье, на загорелой шее — цепочка коричневых жемчужин, и выглядела она так неприступно, что Кейл не решился подойти. Он плюхнулся в ближайшее кресло.

Через проход к столику подсел мужчина в форме полковника армии Ее Императорского Величества. Пьян он был до такой степени, что его самостоятельное прибытие было величайшим исключением из законов равновесия. Он подозрительно посмотрел на Кейла.

— А, ты шпионишь за мной?! ОФИЦИАНТ!

Стюард подскочил мгновенно:

— Да, сэр?

— Лучшего вина мне и моему шпиону!

Стюард исчез. Полковник поманил Кейла.

— Можешь быть спокоен. Поедем вместе. Понимаешь, я немного пьян, — сообщил он доверительным тоном, — и не хочу, чтобы Императрица об этом знала. Она этого не любит.

Он печально покачал головой.

— Нет, не любит. НУ, ЧТО ТЫ СТОИШЬ, иди сюда!

Кейл подошел, проклиная пьяного дурака.

Но тут он ощутил надежду: он вспомнил, что Люси советовала ему вступить в Армию. Если ему удастся получить информацию от этого пьяницы и вступить в Армию, потеря денег не страшна. Он принял решение....

Постепенно ему удалось узнать, что полковника зовут Лорел Медлон. Полковник Лорел Медлон — член свиты Императрицы, начальник налогового департамента.

— Проклятая — ик — работа, понимаешь? А тебе — ик — нравится? — прохрипел он, икая. — Отлично, приходи ко мне завтра, договоримся.

Дальше последовало неразборчивое бормотание....

— да, в твоём возрасте. Мальчишкой я был зеленым! Ик! Ик! Понимаешь, эти сволочные монополии производят разную одежду для каждой области. Вот ты явно из поселка. Я вижу...

Он изрыгнул несколько проклятий монополиям.

«Так вот оно что, — подумал Кейл, — одежда! Какая подлость!» Отец запрещал Кейлу носить одежду, что продавалась в Ферде.

«Разве люди принесут мне ремонтировать машины, если мы будем жить не как все?» — говорил старик и не поддавался на уговоры.

И теперь я ободран как липка из-за того, что старый дурак... Но тут он понял, что неправ. Ведь и Ферд должен был

иметь свою «форму», как и маленький Глэй. Ну что ж, теперь он хоть знает причину.

Полковник пошевелился. Кейл воспользовался возможностью задать вопрос:

— А как вы попали в Армию? Как получили чин?

В ответ пьяный полковник пробормотал что-то насчет Императрицы, дьявольски дерущей налоги, и что-то насчет оружейных магазинов, которые дьявольски мешают. Из следующей реплики Кейл уразумел, что у полковника несколько любовниц. И, наконец, тот ответил:

— Я заплатил 5 тысяч кредитов за производство — это грабеж... Императрица хочет, чтобы звание давали даром... Как бы не так. Кто-то должен получать взятки. Все платят.

— То есть, — перебил его Кейл, — теперь за производство не платят. Так, что ли?

Это было больное место полковника. Он встрепнулся и подозрительно уставился на Кейла.

— Кто ты? Убирайся вон! Боже мой, никуда нельзя поехать, чтобы к тебе не пристал вымогатель. Я тебя арестую!

Кейл вспыхнул и ушел от полковника. Слишком много потрясений испытал он за это короткое время.

Но постепенно он успокаивался. Он подошел к коктейль-бару. Здесь были Сил и его шайка. Их вид заставил его решиться. Они не уйдут безнаказанно. Но сначала ему нужно найти Люси.

Она устроилась в одном из кресел, читая книгу. Кейл объяснил ей ситуацию.

— Не могли бы вы проводить меня к капитану? — попросил он наконец.

Она покачала головой.

— Нет. Капитан и команда получают 40% имущества убитых на корабле. Они предпочли бы видеть твой труп.

Кейл был потрясен. Да, это не спокойная жизнь в поселке.

— А почему они не подошли к тебе? А... ты одета по-городскому, понятно...

Она покачала головой.

— Не только поэтому. Сначала эти люди высматривают, нет ли у человека бластера из оружейного магазина. И если есть — не подходят.

— А вы не могли бы одолжить мне свой? Уж я бы им показал!..

— Это оружие настроено на его владельца. Оно вам не поможет. И его нельзя использовать для нападения, — ответила Люси.

Кейл был в отчаянии. Он бросил взгляд вниз, — под лай-

нером расстилался огромный город, вид которого поверг Кей-ла в уныние.

— А чем еще занимаются Оружейники, кроме продажи оружия?

— У нас есть Информационный Центр, — осторожно начала девушка.

— Что значит информационный?

— Там дают любую информацию. Место рождения человека. Количество денег у него. Преступления, совершенные или совершаемые. Но мы не вмешиваемся.

И тогда Кейл задал вопрос, мучивший его долгие годы:

— Но почему, обладая таким мощным оружием, вы не свергнете правительство?

Люси улыбнулась.

— Организация была основана около двух тысяч лет назад ученым, считавшим, что борьба различных партий за власть незаконна, а гражданские и прочие войны должны быть навсегда прекращены. Именно в это время планету потрясла война, унесшая миллиард жизней, и он легко нашел единомышленников. Он считал, что в конце концов появится правительство, которое нельзя будет свергнуть. А потому должна существовать организация, целью которой будет ограничение власти правительства над индивидуумами. Несправедливо обиженный человек должен был иметь защиту. О, это была великая идея!

По ее волнению было видно, что она безгранично уверена в правоте этой идеи.

— Основатель создал теорию, с помощью которой были построены оружейные магазины с их системой контроля и защиты. Он изобрел оружие, которое можно было использовать лишь для защиты, так, чтобы его не могли применять гангстеры и преступники. Оно лучше правительственного оружия. Оно защищает владельца от других бластеров. Правда, оно не защищает его от пуль, но это несущественно, так как оно срабатывает быстрее, чем пистолет.

— Это все, что вы хотели узнать? — умерив пыл, спросила она.

— А можно стрелять из засады?

— Это не защита. Вы ничего не поняли. Нас не волнует судьба отдельных личностей. Важно то, что миллионы людей знают, что смогут защитить себя и свои семьи. И еще важнее, что это знают люди, стремящиеся поработить их. Они знают, что получают отпор, если перегнут палку. И тогда устанавливается равновесие между правящими и управляемыми.

«Да, последняя надежда рухнула», — с тоской подумал Кейл. Люси не поможет ему.

— Жаль, конечно, но факты именно таковы и таковыми должны быть. Если люди теряют мужество и не могут защитить самих себя от посягательств агрессора — их ничто не спасет. Мы верим, что народ всегда имеет правительство, которого заслуживает, и индивидуумы должны нести бремя свободы на свой страх и риск. Даже ценой собственной жизни. Ну вот, а теперь мне нужно немного подумать. Если я смогу что-либо сделать для вас, я скажу перед посадкой. Хорошо? — закончила она.

Прекрасный предлог отделаться от него. Он вышел в другой салон, а когда вернулся, ее уже не было.

Это добило его. Кейл решительно направился в бар и, подойдя к Силу, молча врезал ему по скуле. Тот слетел с табурета и брякнулся на пол. Второго Кейл ударил ногой в живот. Тот скорчился и застонал. Не глядя больше на них, Кейл бросился к третьему, уже доставшему бластер, и обрушился на него, вложив в удар всю свою силу, а потом вырвал оружие из рук визжавшего от боли, истекающего кровью человека.

Только теперь Кейл обернулся. Сил уже снова стоял на ногах, пошатываясь и придерживая рукой челюсть.

— Гони деньги назад, быстро, — приказал Кейл, — теперь тебе не повезло.

Сил закричал:

— Грабят! На помощь!

Но понял, что взял неверный тон. Он нехотя поднял руки:

— Не стреляй, дурак! Мы ведь не стреляли!

— Гони деньги, — повторил Кейл.

Внезапно их прервали:

— Что здесь происходит? Руки вверх, ты, с бластером!

Кейл повернулся и отскочил к стене. У входа стояли три офицера команды с бластерами наготове. Но Кейл не опустил оружия.

Он объяснил происходящее и отказался сдаться.

— Я не доверяю офицерам корабля, на котором происходят грабежи. Теперь гоните деньги, Сил!

Но ответа не последовало. Он взглянул — Сила не было. Игрок исчез. Исчезли и его компаньоны.

— Отдай оружие, — сказал старший офицер, — и мы все забудем.

— Я выйду через эту дверь. В случае чего я стреляю. — Кейл двинулся вправо.

Офицеры расступились, и Кейл выскочил в коридор. Он

обыскал весь корабль, но Сила не было. В бешенстве он ворвался к капитану.

— Это ты, гад, отправил их в шлюпке, — процедил он холодно.

— Молодой человек! Я вижу, вы убедились в том, что рекламы правы. Путешествие пошло вам на пользу. Впредь будете умней. Вы намного повзрослели за это время.

— Я буду жаловаться вашей фирме.

— Если у вас есть еще лишние деньги, можете даже подать дело в суд.

— Да, вижу, закон на вашей стороне.

— Не я его писал. Я ему всего лишь подчиняюсь.

Кейл вернулся в салон, где последний раз видел Люси. Но и ее там не было. Кейл стал готовиться к приземлению....

Через несколько минут после его ухода Люси закрыла книгу и вошла в кабину телестата. Она закрыла дверь и отключила аппарат от пульта капитанской кабины, сняла одно из своих колец и настроила аппарат на частную сеть. На экране появилось женское лицо, и деловитый голос произнес:

— Информационный Центр слушает.

— Соедините меня с Робертом Хедруком. На экране появился мужчина, скорее суровый, чем приятный на вид. Но лицо его было исполнено силы и гордости и, казалось, исходило аромат власти, исходивший от него.

— Координационный Департамент, — коротко сказал он.

— Я Люси Ралл, опекун Кейла Кларка, одного из Подающих Надежду.

Она объяснила создавшуюся ситуацию:

— Он калледетик, очень сильный. Его продвижение будет столь стремительным, что он сможет помочь нам в борьбе против попыток Императрицы уничтожить нас. Такой шанс нельзя упустить. Надо дать ему денег.

— Согласен. Каков его индекс?

— Средний. Ему придется тяжело в городе. Но он скоро освоится. Этот случай его многому научил. Но ему нужно помочь.

— Да, в подобных случаях даже небольшая сумма может сыграть решающую роль. Дайте ему пятьдесят кредитов и скажите, что это ваши деньги. И только. В дальнейшем пусть надеется на себя. Это все?

— Да.

— Действуйте.

Через минуту аппарат снова включился в государственную сеть.

ГЛАВА 6

Хозяйка первая заметила Кейла и первой подошла к нему, так что выбирал не он. Вероятно, она тоже сразу поняла, что он провинциал. Во всяком случае, вела она себя, как и подобает хозяйке. Комната обошлась Кейлу в 1,25 кредита в день.

Он лег на кровать и подвел итоги. Чувствовал он себя прекрасно. Деньги, занятые у девушки, позволят ему прожить несколько недель. Он в безопасности. Он в Столице. И у него есть девушка, одолжившая ему денег и оставившая свое имя и адрес. Он встал и пошел ужинать.

Внизу, у автомата в углу, сидел человек средних лет в помятой одежде. Кейл взял бифштекс и сел рядом.

— Я здесь впервые, — начал он, — я был бы вам весьма благодарен, если бы вы рассказали мне о городе.

Такая решительность была для него необычна, но любопытство пересилило неуверенность. Ему было необходимо с чего-то начать.

— А, новичок в большом городе? — начал, важно откашлявшись, незнакомец. — И где-нибудь уже был?

— Нет. Только что прибыл.

Мужчина кивнул. В его глазах зажглись искорки интереса. «Прикидывает, как бы меня надуть», — решил Кейл.

— Меня зовут Грегори. Снимаю угол в скайлтеле. Что тебя интересует?

— Где располагаются учреждения? Деловой центр? Кто управляет всем этим?

— Ну, последнее очевидно: Императрица. Ты ее видел?

— Только по теле.

— Это ягненок, играющий роль волка.

Никогда Кейл не слышал ничего подобного. Ему бы это и в голову не пришло. Говорить об Императрице, как о простой женщине!

— Она в ловушке у своры стариков, не желающих расстаться с властью.

Кейл содрогнулся, представив себе это. Судя по лицу Императрицы, она и сама могла править. Ее врагам придется поостеречься.

— Попробуй играть. На Авеню Счастья. Ну, а еще есть театры, рестораны...

Это было неинтересно. Кейл понял свою ошибку — случайное знакомство не принесло ему пользы. Этот горожанин был глуп и нес абсолютную чушь.

— Буду рад вас проводить. Сейчас я уже не тот, но...

Кейл усмехнулся. «Ну вот, снова знакомая мелодия. Всюду одно и то же». Он вежливо отказался.

— Как-нибудь в другой раз. Я устал сегодня — слишком долго летел. Извините.

Он быстро доел бифштекс. Почему-то он чувствовал себя увереннее, хотя разговор не удался. Чем-то Грегори все же пригодился ему.

Он вышел на улицу. Несмотря на поздний час, всюду сновали дети в возрасте примерно от шести до двенадцати лет. Игры у них были такие же, как и у них в Глэе, только с эротической окраской.

«Боже мой, — подумал он, — а ведь меня в поселке считали развратником. Да я просто святой в сравнении с этими детками».

Да, несмотря на то, что осуждая его поступки, не старейшины качали своими седыми головами, он был простым и честным парнем. Единственное, что могло довести его до беды, так это наивность. А он-то находил удовольствие в нарушении поселковых традиций и приличий, считал себя почти горожанином! Ему было необходимо срочно избавиться от недостатка опыта, знаний, замедленной реакции. Он еще не был готов к достижению цели.

Вернувшись с прогулки, он погрузился в сон. Но спал он беспокойно и проснулся в скверном расположении духа. Он спустился вниз, позавтракал и отправился в город на поиски Авеню Счастья. А затем его внимание привлек «Пенни Палас».

Согласно путеводителю, это название было символическим — сюда можно было прийти с одним пенни, а уйти с миллионом, но уже кредитов. Так, во всяком случае, утверждали его хозяева. Реклама не сообщала, сумел ли кто-нибудь сделать это. Кроме того, реклама гласила, что здесь больше всего игровых автоматов с равными шансами выигрыша, и здесь были самые низкие ставки, что особенно привлекало Кейла, не намеревавшегося в первый раз уходить с миллионом. Для начала ему нужно 500 кредитов. А уж потом...

Прежде всего он направился к машине, выбрасывавшей слова «чет» и «нечет». Когда слов набиралось штук десять, происходила реакция, оставлявшая лишь одно из слов.

Это слово приводило в действие механизм выигрыша. Деньги игроков либо исчезали внутри ящика, либо автомат выбрасывал счастливицу кучу монет.

В первый раз он проиграл. Он поставил еще раз и выиграл. Теперь он играл уже на прибыль. Еще щелчок — еще один выигрыш. Этот щелчок ему пришлось услышать еще много

раз в течение полутора часов, несмотря на то, что он играл наугад. Он выиграл 5 кредитов.

Наконец, устав, он пошел в ресторан. Вернувшись в зал, он нашел автомат, в большей степени зависящий от игрока. Это была в сущности прежняя игра, лишь несколько видоизмененная: зажигалась цепочка огней, из которых впоследствии оставался либо красный, либо черный.

Теперь, за два часа, играя достаточно осторожно, он выиграл 78 кредитов. Кейл отправился к одному из баров, подкрепился и обдумал дальнейшие действия. У него было еще много дел: купить костюм, положить деньги в банк и отдать долг. Да, долг! Люси Ралл. Теперь он знал, что делать. С игрой можно было подождать.

Он набрал номер Люси на телестате. Она появилась почти мгновенно.

— Сейчас я на улице, — ответила она на его предложение.

Кейл был в недоумении. По экрану ничего нельзя было понять. Значит, у нее был наручный приемник. Он видел такой у одного парня в Глэе. Ну, что ж...

— Я еду домой. Не приедешь ли ты встретить меня?

— Не приедет ли он!

...Ее квартира состояла из четырех ком-нат, заполненных домашними приборами. Взглянув на них, Кейл понял, что ей, пожалуй, никогда не приходилось заниматься домашней работой. Люси, выйдя из спальни в уличном костюме, лишь пожала плечами в ответ на его вопрос.

— Мы, люди Организации, живем в лучших районах города. Наши квартиры не защищены. Это не нужно. В защите нуждаются лишь магазины, заводы и Информационный Центр.

— Да, — вспомнила она, — ты хотел купить костюм. Если хочешь, я тебе помогу. У меня есть пара часов.

Какое бы задание не выполняла она для Организации, в него не входило это приглашение. Скорее всего, он был просто приятен ей. Кейл принял это к сведению.

Они сели в карплан, и Люси нажала кнопку взлета.

— Куда мы летим? — спросил Кейл.

— Сейчас увидишь, — ответила она.

Через несколько минут в небе появилось искусственное облако, непрерывно меняющее цвет. На нем зажглись буквы:

ВСЕ ДЛЯ МУЖЧИН ДОМ ГАЛАНТЕРЕИ

— Вот оно что, — хмыкнул Кейл. Он видел прошлым вечером, возвращаясь в номер, сияние в небе, множество огней, но тогда не понял, что это такое. Реклама магазина, опове-

щающая, что здесь можно купить любой предмет мужской одежды в любое время дня и ночи на Земле, Марсе, Венере, а также, за особую плату, в любом месте Солнечной Системы.

— Как я рад, что вы помогли мне, — сказал он, повернувшись к Люси. Ему показалось, что Люси это понравилось.

Магазин вблизи был еще более впечатляющим, чем говорили о нем рекламы. Здание имело три секции, каждая по восемьдесят этажей.

— Мы пойдем в центральную часть и купим тебе костюм, — сказала Люси.

Вход был шириной в сотню ярдов и высотой в тридцать этажей. Дверь заменял энергетический экран, беспрепятственно пропустивший Люси и Кейла. Внизу была секция пляжной одежды, но не только: здесь был настоящий пляж длиной в четверть мили, с гладким зеркалом воды, с морем, уходящим к туманному горизонту. Дом не только торговал одеждой для альпинистов, но и располагал довольно высокими горами с покрытыми снегом вершинами.

«Дом — универсальный магазин. Здесь есть ВСЕ для мужчин», — вспыхнула надпись.

— Включая женщин, — добавила Люси с чрезмерно равнодушным видом, — любых женщин, ценой от пяти до пяти тысяч кредитов. Множество женщин из хороших семей, нуждающихся в деньгах, тоже тайно прибегают к этому средству.

Кейл понял, что она ждет, его ответа. Он поймал ее изучающий взгляд. Пришлось отвечать:

— Никогда бы не заплатил денег за женщину.

Это, кажется, удовлетворило ее, и они прошли к костюмам. Они размещались на тридцати этажах, различаясь по ценам. Люси провела его по нескольким этажам, показала разницу между провинциальной и городской одеждой и, наконец, привела его на 23-й этаж. Здесь за 32 кредита они выбрали костюм, галстук, рубашки и обувь.

— Выше подниматься не стоит, — практично сказала Люси.

Принять долг она отказалась:

— Вернешь позже. Их лучше положить в банк, про запас.

Это означало, что он увидит ее еще раз. Это означало, что она хочет еще раз увидеть его.

— Я подожду, — сказала Люси. Но когда они вышли из здания, она спохватилась:

— Ох, уже 3 часа, я опаздываю!

Потом обернулась к нему:

— Ты выглядишь прекрасно. Понимаешь? Но мне нужно спешить.

И Люси, попросившись, побежала к своему карплану. Он медленно проводил ее взглядом.

Пятый Межпланетный Банк вознес свою воздушную вершину на высоту 64 этажей. Несмотря на величину банка, пятьдесят кредитов Кейла были приняты без комментариев. Ему пришлось оставить отпечатки пальцев. Зато теперь он имел надежный счет. К тому же он был прекрасно одет, а все это много значит в избранной им на время карьере игрока.

Усаживаясь в карплан, он заметил рекламу одного из оружейных магазинов в парке возле банка. Он хотел было войти, но на дверях висела табличка:

ВСЕ ОРУЖЕЙНЫЕ МАГАЗИНЫ СТОЛИЦЫ
ВРЕМЕННО ЗАКРЫТЫ.
ОРУЖЕЙНЫЕ МАГАЗИНЫ В ПРОВИНЦИИ
РАБОТАЮТ КАК ОБЫЧНО

Этого он не ожидал. Весь его план полетел к черту. Тут не было ни срока, на который закрыт магазин, ни намек на открытие. Он в отчаянии толкнул дверь. Она не поддавалась, и Кейл вернулся на улицу.

Теперь все представлялось ему в черном цвете, даже разговор с Люси... Он не знал, на что решиться. Он был сбит с толку. Оружейный магазин был нужен ему прежде всего — он был недоступен для военных и служащих. Но выхода не было. Нужно было действовать.

Кейл сел в карплан и нажал клавишу Девятнадцатого района.

Карплан взлетел.

ГЛАВА 7

Штаб-квартира военного округа была выполнена в старинном стиле водопада. Это было в сущности небольшое для Империи здание, но Кейла впечатлило пятидесятиэтажное сооружение, набитое клерками и компьютерами. Он не думал, что старый алкаш имеет такую власть. Здание разделялось на военный и гражданский отделы. «Медлона следовало искать под рубрикой «Пентагон», — решил Кейл. Надпись у лифта любезно сообщала: «Справочная на 15 этаже».

В справочной ему пришлось пройти предварительное собеседование, прежде чем он попал в лапы внутренней служ-

бы. Первое, чем встретил его вошедший в комнату капитан средних лет, была фраза:

— Полковнику не нравятся молодые люди.

«Многообещающее начало», — подумал Кейл. Но он был уверен в своих силах. Долгий опыт общения с отцом не дал ему растеряться:

— Я познакомился с полковником по дороге в Столицу, и он хотел меня видеть. Будьте добры, сообщите ему о моем прибытии.

Капитан с полминуты задумчиво созерцал его, затем скользнул внутрь кабинета и, выйдя, сказал более дружелюбным тоном:

— Полковник не помнит вас, но примет через минуту. — И далее уже шепотом: — Он был под мухой?

Кейл кивнул, не потрудившись ответить более точно.

— Так расскажите ему, кто он такой. Ему уже дважды звонила одна Важная Персона, а его не было на месте. Вы ему пощекочете нервы. Он не любит вспоминать, что болтал под шэфэ. В Столице он и видеть спиртного не хочет...

Кейл прошел мимо, не обращая внимания на эту фигуру. Но едва он вошел в кабинет, как тут же утратил всякое чувство уверенности в себе. Стоило лишь бросить взгляд на человека, сидящего за огромным полированным столом, как ему захотелось испариться отсюда. Это был не наклюкавшийся полковник, которого он помнил по полету. Он словно вырос, а глаза, казалось, видели насквозь.

— Оставьте нас одних, капитан, — сухо произнес он.

Капитан испарился, но Кейл успел заметить в его глазах усмешку. Он сел.

— Припоминаю ваше лицо, — сказал Медлон, — извините, я был немного пьян. — Он рассмеялся.

«Пьян или не пьян, — подумал Кейл, — но того, что ты говорил об Императрице, достаточно, чтобы упечь тебя в тюрьму». Однако вслух он сказал:

— Ничего особенного я не заметил, сэр, хотя... вы иногда далеко заходили в разговоре. Вероятно, вследствие вашего положения, сэр.

Полковник промолчал. Но поздравлять себя с победой Кейлу было слишком рано. Будь этот человек глупцом или трусом, он не сидел бы здесь. — А-а-а... — протянул полковник, — и на чем же мы... м-м-м... сошлись?

— Кроме многого другого, сэр, вы сказали, что правительство нуждается в офицерах, и пригласили меня.

— Извините, но не могу повторить приглашения. Я не располагаю правом производства. Оно не в моих руках. И пока эти звания имеют цену, чиновники будут стремиться

погреть на этом руки. Например, звание лейтенанта стоит 5000 кредитов, и то при моем ходатайстве. Капитанство обойдется вам в 15000 кредитов. Для вас это, наверно, слишком дорого, и...

Кейл скривил лицо. Он-то думал, что достиг цели, что сумеет использовать против Медлона его слова.

— А сколько стоит полковник? — поинтересовался он.

— Мой мальчик, это не продается за деньги. Тут нужна еще и голова, — весело ответил тот. — Мне жаль, что я так отозвался о Ее Величестве, но таковы факты. Правда, я обещаю сделать все, что в моих силах, чтобы помочь тебе. Приноси 5 тысяч недели через две, и я гарантирую тебе звание. Ну что?

Человеку, имеющему чуть больше 10 кредитов, принять решение было трудно. Но если Императрица против взяток, то этот полковник — преступник. Это так. Но Императрица не всемогуща. Против нее не только оружейники. Сеть, опутавшая ее, куда прочнее. Масса людей, служащих ее воле, на деле охотнее выполняют свои желания, стремятся достичь собственных целей и делают это с куда большим рвением.

Полковник захлопнул досье. Разговор был окончен. Кейл уже собирался сказать кое-что напоследок, как внезапно позади полковника Медлона вспыхнул телеэкран. На нем появилась молодая женщина.

— Полковник, где вы шляетесь, когда я вам звоню? — резко произнесла она.

Офицер оцепенел. Потом медленно развернулся. Но Кейл и без того догадался, кто эта женщина.

Перед ним была Императрица Ишер.

ГЛАВА 8

Кейл вскочил на ноги. Это был условный рефлекс. Чувствуя себя самозванцем, он стал осторожно отступать к двери, но женщина уже заметила его.

— Полковник, благодарю вас за честь, — пробормотал он, не в состоянии закончить фразу. Он еще не верил, что это не сон.

Но полковник уже опомнился.

— Итак, мы договорились, мистер Кларк, — преувеличенно спокойно сказал он.

И этот тон вывел из растерянности Кейла. Он представил себе всю эту сцену со стороны, сравнивая себя и полковника.

Он инстинктивно поклонился, пожалуй, не испытывая благоговения перед Императрицей.

Конечно, она не была красивейшей женщиной Империи. Но длинное породистое лицо и яркие зеленые глаза выдавали ее принадлежность к сильным мира сего. Это были фамильные черты династии Ишер.

— Как вас зовут, молодой человек?

Но вместо него торопливо ответил Медлон:

— Это мой знакомый, Ваше Величество. — Он повернулся к Кейлу: — До свидания, мистер Кларк. Рад был вас повидать.

— Я спрашиваю, КАК ВАС ЗОВУТ. — Императрица игнорировала полковника.

Кейл ответил.

— Как вы тут очутились?

Кейл поймал взгляд Медлона, изо всех сил пытающегося обратить на себя внимание. Полковник явно чувствовал себя не слишком уютно.

Кейл вновь ощутил надежду.

— Я пришел сюда узнать, не могу ли я стать офицером армии Вашего Величества.

— Так я и думала.

Теперь она спросила Медлона:

— Ну, и что же вы ответили, полковник?

Полковник стоял навывтяжку, но в голосе его не было страха.

— Он будет произведен примерно через две недели, Ваше Величество! Небольшие формальности.

Кейл возносился все выше и выше. Перевес был на его стороне. Императрица оказалась совсем не такой, как он себе ее представлял. Она вела себя и проще и естественней, чем ее офицеры.

— Да, полковник, я понимаю. Формальности, конечно, должны быть соблюдены, — саркастически произнесла она. Сарказм сменился угрозой: — Те, кто добивались карьеры обычным путем, сейчас считают, что они остались в дураках. А я начинаю думать, что люди, скрывающие новые законы, действуют в пользу Оружейников!..

Ее глаза вспыхнули зеленым светом. В гневе она повернулась к Кейлу.

— Кейл Кларк, сколько с вас запросили за производство?

Кейл покосился на полковника. Тот встретил его умоляющим взглядом. Он был в его власти. И Кейл ответил:

— Ваше Величество, я повстречал полковника вчера во время полета, и он устроил мне производство без платы.

Полковник был спасен. Императрица улыбнулась.

— Ладно, полковник. Я рада, что все так обошлось. До свидания.

Экран погас. Полковник опустился в кресло.

— Рад был вас видеть, мой мальчик, но теперь мне надо работать. Надеюсь увидеть вас через две недели с деньгами. Прощайте.

Это был полный крах — такого Кейл не ожидал. Медлон явно веселился, наслаждаясь его замешательством.

— Императрице не понять, что значит отмена взяток. Лично я не могу этого сделать. Лучше повеситься. Человека, который попытается осуществить этот закон, сотрут в порошок. Пусть это послужит вам уроком. До свидания.

Затевать драку в военном учреждении было бессмысленно. Очутившись за решеткой, он уже точно не сведет счеты с полковником....

На Столицу опустился вечер. И звезды, проступающие сквозь сияние реклам, показались Кейлу ближе, чем вчера. Он осваивался в этом мире, нащупывал свой путь в его лабиринте. И надеялся пройти его до конца. Несмотря ни на что.

Первоначально он не хотел играть снова. Но деньги нужны были позарез. И еще он не мог забыть Люси.

Ждать целый день — слишком долго.

ГЛАВА 9

Кейл целеустремленно пробивался сквозь толпу народа, до отказа забившую Пенни Палас в этот вечер. В этой массе он казался щепочкой в бурном море.

Он не стал задерживаться около уже знакомых ему автоматов и направился туда, где надеялся получить все.

В новой игре выигрыш колебался от 1: 5 до 1: 100. Внешне игра была устроена просто, но Кейл, кое-что все-таки знавший о работе отца, понимал, что за этой простотой скрываются хитроумнейшие ядерные устройства. Внутри пластикового шара вращался небольшой, около дюйма в диаметре, стальной шарик, все быстрее и быстрее, и, наконец, набирал такую скорость, что пробивал стенку шара и вырывался наружу, подобно лучу света, свернутому неизвестным способом в кольцо, а потом вырвавшемуся на волю.

И тут, пролетев всего три фута, он останавливался и падал вниз, на дно, усеянное отверстиями каналов. Иллюзия была такова, что каждому игроку казалось, будто шарик летит в

его канал. Но это было не так. Выигрыш доставался лишь угадавшему.

Так Кейл впервые выиграл за одну партию 37 кредитов. Он был в восторге. Он поставил сразу на четыре канала, проиграл, но поставил еще раз и выиграл 90 кредитов. Так целый час он выигрывал в среднем один раз из пяти. Это было необычайно много даже для него. Теперь он ставил на канал по десять кредитов.

У него не было времени считать деньги. Время от времени он кидал накопившиеся монеты в разменный автомат и прятал полученные чеки во внутренний карман. И так много раз.

Временами он пытался остановиться. «У меня уже около 3000 кредитов. Хватит, не нужно больше выигрывать за один раз, — думал он, — я могу прийти еще несколько раз».

Но игра заорожила его. Каждый раз, когда он так думал, шарик вновь раскручивался, и он снова автоматически кидал деньги в каналы. Если он проигрывал, он хотел отыгаться.

Если же он выигрывал, то ему казалась чудовищной мысль уйти отсюда, когда ему так везет.

«Хорошо, вот проиграю десять раз подряд, десять... раз... подряд...» — думал он. И ощущал во внутреннем кармане пачку чеков тысяч на сорок. Теперь он кидал в каналы не монеты, а чеки. Он не считал, сколько. Да это и неважно. Машина играла честно.

Игра опьянила его. Иначе нельзя сказать. Он не чувствовал себя, играя, как в тумане. Кейл начал понимать, что другие игроки заметили, что ему везет, и ставят на те же каналы, что и он. Но это его не тревожило. Он уже не мог уйти. Бессмысленно стоял он, ожидая начала игры. Но однажды оно затянулось. Он не понимал, что причиной послужил он сам, пока к нему не подошел какой-то толстяк и не сказал, масляно улыбаясь:

— Поздравляю, молодой человек. Мы рады вас видеть. Сегодня вам везет, как никому. Но другим леди и джентльменам мы должны сообщить неприятную новость: правила нашего заведения, утвержденные нашим правительством и самой Императрицей, диктуют нам определенные требования к «счастливчикам», как мы их называем. Этот молодой человек — яркий пример. Поэтому все прочие играющие должны сделать свой выбор раньше, чем это сделает он. Машина сработает соответствующим образом. Не рекомендую подражать ему. Теперь это бесполезно. Желаю вам счастья, и в особенности вам, молодой человек.

Улыбаясь, он отошел. Машина закрутилась. Но после

третьей игры подсознание вновь просигнализировало ему, что он снова стал центром внимания, хотя не должен теперь быть им. Нужно убраться отсюда поскорее, решил он. Но едва он отвернулся от стола, как попал в объятия прелестной девушки, поцеловавшей его в губы.

— О, сделай меня такой же счастливой, ну, пожалуйста, сделай! — шептала она.

Он высвободился из ее объятий, но забыл свое намерение. Новоприбывшие игроки пропихивались к столу, расталкивая тех, кто пришел раньше. С сопротивлявшимися жестоко расправлялись.

Кейл уже забыл о своем решении. Вокруг толпились десятки женщин, тянувших к нему руки, целующих его, едва он поворачивал голову, кружащуюся от запаха духов.

Даже рукой он не мог пошевелить, чтобы не коснуться женской плоти....

Счастье не изменило ему. Он наслаждался и далее каждым выигрышем. Но независимо от того, проиграл он или выиграл, женщины заключали его в объятия, целуя сочувственно или вознаграждая.

И тут, когда он достиг вершины счастья, двери Пенни Паласа захлопнулись. К нему снова подошел толстяк и презрительно бросил:

— Хватит. Пора койчать с этой чепухой.

Кейл смотрел на него с чувством тревоги.

— Я думаю... — протянул он, — я пойду, пожалуй...

Кто-то ударил его по лицу, очень сильно.

— Еще, — сказал толстяк, — он еще не понял.

Второй удар был сильнее. Туман рассеялся, и Кейл понял, что ему угрожает смертельная опасность.

— Что случилось? — спросил он, запинаясь. Он бросил взгляд на окружающих, только что рукоплескавших ему. Они поддержат его...

Он бросился на толстяка. Но его сразу остановили, грубые руки выпотрошили его карманы.

— Не будьте дураком, — донесся откудатого голос толстяка. — Вы сами виноваты. Таким игрокам здесь нет места. Для подобных случаев специально наняты тысячи людей, за десять кредитов каждый. Это в десятки раз меньше, чем может потерять игорный дои. В другой раз будете осторожней. Если он у вас будет.

— Что вы хотите сделать?

— Увидите. Давай, ребята, волоките его в грузовик, и снова откроем заведение.

Кейла протащили через какой-то темный коридор, какую-то комнату... И снова не он решал свою судьбу.

ИНТЕРЛЮДИЯ

Макаллистер очнулся и обнаружил, что лежит на тротуаре. Он встал. Парк и город исчезли. Вместо них появилась длинная улица с магазинами в каждом доме. На него таращились какие-то люди. Чей-то голос сказал:

— Да это тот самый репортер, который вошел в оружейный магазин!

Он вернулся в свое время. Возможно, в тот же день. Он повернулся и пошел прочь, успев еще услышать, как тот же человек продолжал:

— Он явно не в себе, ребята. Сдается мне...

И все. Он усмехнулся:

— Не в себе. Они никогда не поймут, что случилось. Но должны найтись ученые, которые во всем разберутся. Главное, что я не взорвался...

Он пошел быстрее и скрылся из поля зрения толпы. Люди постепенно расходились, потеряв предмет интереса. Макаллистер завернул за угол и забыл о них.

— Нужно что-то делать.

Он не сразу понял, что это его собственные слова. Делать? Но что? Хорошо, он дома. Нужно найти ученого... Это все можно сделать. Но кого? Он вспомнил своего знакомого, старого физика, профессора городского колледжа. Он повернул к телефонной будке и автоматически пошарил в кармане в поисках монеты. Но тут же понял, что одет в спецкостюм, а деньги внутри. Он оглянулся и замер в недоумении. **ЧТО СЛУЧИЛОСЬ?**

Это был другой город, огромный и сияющий. Была ночь. Он стоял посреди проспекта, казалось, уходящего в бесконечность. Дома и сама улица излучали свет, потоки света.

«Значит, это снова эра Ишера? Может быть. Тогда это значит, что они снова забрали его. Они все-таки люди и постараются спасти его. Наверно, у них прошло уже несколько недель», — подумал он.

Он нашел оружейный магазин. Окликнул какого-то прохожего. Тот остановился было, но, словно передумав, пошел дальше, не замечая Макаллистера. Он не стал его догонять.

И тут он осознал, что кроме этого человека на улицах никого не было. Город был пуст. До рассвета оставался еще час. Но не это беспокоило его. То, что он посчитал оружейным магазином, вблизи оказалось совсем другим. Магазина же нигде не было.

Но скоро утро. Люди выйдут на улицы. Его осмотрят величайшие ученые этой эпохи, и не в спешке и в суете, а спокойно, в огромных лабораториях... И тут наступил **СКАЧОК**.

Он был в центре бурана, неистовый снежный вихрь бил ему в лицо. Но он остался спокоен.

Гигантский город исчез вместе с его сияющими домами и сверкающим проспектом. Вместо него был пустынный мир. Вдали, сквозь метель, просвечивали черные силуэты голых деревьев. Было утро. Он невольно двинулся к ним, но не смог преодолеть ураган. И зачем? Несколько минут он пробыл в далеком будущем, здесь пробудет еще несколько.

Костюм защищал его от холода и ветра. Бояться было нечего. И он спокойно спал.

Буран исчез. Исчезли и деревья. Он стоял на голом пляже, а перед ним расстилалось бескрайнее голубое море, омывающее белые остовы заброшенных зданий, тянувшихся от самого горизонта до ближних холмов, исчезая за ними. Это были развалины города. И в воздухе витал запах древности и смерти.

И снова СКАЧОК. Он был готов к нему, но все же немного испугался, очутившись посередине речного потока, как щепку швыряющего его вверх и вниз. Костюм, наполненный воздухом, поддерживал его на поверхности. Он начал пробиваться к берегу, поросшему деревьями в нескольких сотнях футов от него. Но тут же подумал: «Зачем?» И перестал бороться. Все было ясно. Он стал грузом на одном конце огромного маятника времени. И с каждым скачком его отбрасывало все дальше и дальше. Другого объяснения не было.

СКАЧОК. Он лежал ничком на зеленой траве. Поднявшись, он увидел неподалеку с полдюжины низких строений. Чужих строений. Нечеловеческих. Но это его не удивило. Теперь его занимал лишь вопрос: каков период скачка?

Он взглянул на часы. Два часа сорок минут. То же самое время, в которое он вышел из магазина. Больше его ничто не удивляло. Он не сопротивлялся. Не совершал лишних движений. Прошлое — будущее, прошлое — будущее...

Он размышлял. Он забыл какое-то решение, которое принял. И никак не мог вспомнить. Да, на другом конце была машина. Она двигает маятник. Вот о чем он должен думать.

ГЛАВА 10

16 июля 4784 года династии Ишер. В этот день Роберт Хедрук был вызван в Совет Организации. В полдень он покинул свой кабинет в Координационном Департаменте, располагавшемся в Королевском Отеле Столицы.

Хедрук вступил в Организацию меньше чем год назад. Он

объяснил свое решение тем, что желает быть на стороне Организации в назревающем конфликте между ней и правительством. Досье у него было в порядке. Пройдя проверку на ПП-машине, он обнаружил столь выдающиеся способности, что им заинтересовался Совет Организации. Он был в Организации на особом счету, и назначение в Координационный Департамент было лишь первым шагом на его головокружительном пути вверх.

Многие члены Совета и высшие чиновники считали его карьеру слишком уж скорой и, пожалуй, даже вредной для Организации, некоторые считали его одиозной личностью, хотя и не питали к нему вражды. Слишком был велик авторитет ПП-машины, чей приговор озадачил самого Хедрука. Но он уже понял, что даже скептики не смеют критиковать его решения.

Правда, он мог контролировать свой мозг и, как никто другой, разбирался в технических особенностях машины, ее реакции на биологические процессы. Но, главное, он симпатизировал Организации, а ПП-машина обладала особой чувствительностью к враждебному отношению к ней, так же как и двери оружейных магазинов, так же как бластеры Оружейников. Некоторые особенности этого изобретения не были новы для него, ибо были сделаны за дватри века до его вступления в Организацию. В его же интересах было поддерживать веру Совета в своего стража, так как она помогала ему продвигаться вверх.

Впрочем, это была наименее важная задача. Намного труднее было решить, что делать с Императрицей. Он мобилизовал все свои способности, предела которым не знал сам. Первая атака окончилась в пользу Императрицы: оружейные магазины были закрыты, по крайней мере, в городах. Но самой сложной была проблема маятника. Даже он не знал, как решить ее, но сделать это мог только он и никто другой. И он знал это....

Он подошел к двери с табличкой: «Только для членов Совета. Посторонним вход воспрещен». Хедрук вошел.

Он оказался в зале, пожалуй, среднем по величине для Ишера: куб со стороной в двести футов. Дверь высотой в сотню футов начиналась прямо посередине стены. За ней в воздухе парила платформа с парами изолирующей обуви на ней. Хедрук встал на одну из пар, зажимы охватили его ноги, и он шагнул на решетку энергополя.

В центре комнаты, на высоте ста футов, семеро членов Совета столпились вокруг странной машины в пластиковом ящике. Они почти не обратили внимания на прибытие

Хедрука. Тот почувствовал, что все чрезвычайно напряжены.

— Сейчас будет скачок, — сказал сзади Питер Кадрон.

Хедрук кивнул. Настроение членов Совета передалось ему, он так же пристально всматривался в механизм. Это был счетчик времени, карта переплетающихся линий, дрожащих и изменяющихся, как воздух в знойный день.

Теоретически линии шли из минус бесконечности в плюс бесконечность, но на самом деле все ограничивалось несколькими триллионами лет, дальше глаз не мог различить. В этом мареве проступали лишь два пятнышка — одно большое, около нулевой точки, другое, совсем маленькое, далеко от нее. Хедрук знал, что это увеличенное изображение реальных тел, которые в действительности были так малы, что дальнейшее увеличение было бесполезным.

И тут, едва Хедрук пристальной вгляделся в маленькое пятно, они переместились. Это движение не имело аналогов в микропространстве — зрение не могло уловить его. Тени как бы отдернулись. Отдернулись и появились снова, но в других местах. Где? Этого не мог сказать никто. Можно было дать лишь приблизительную оценку, более точную — для большого пятна.

Оно, бывшее прежде на 1 месяц и 3 дня в прошлом, оказалось на 1 месяц, 3 дня и несколько часов в будущем. Маленькое пятно, бывшее в 97 миллионах лет в будущем, переместилось на 106 миллионов лет в прошлое. Хедрук повернулся к Кадрону.

— Сколько у него энергии?

— Хватит, чтобы взорвать планету. Ее негде было высвободить!

Хедрук не встречался с Макаллистером. И вообще, это событие было ему знакомо лишь по отрывочным сведениям. Он и в Совет пришел для того, чтобы узнать обо всем подробнее.

Отведя в сторону Кадрона, Хедрук попросил его вкратце рассказать о случившемся, самую суть.

— Отлично, — ответил тот, — я расскажу. Суть в том, что нам стыдно.

— Вы поняли, что поступили неправильно?

— Нет, не совсем так. Давайте лучше по порядку. Дочь продавца Гринвейского магазина слышала, как кто-то вошел, и решила обслужить его. Покупатель был странный человек, одетый как иностранец. Оказалось, что это городской репортер из двадцатого века. Естественно, что он был растерян, поражен случившимся. Оружейный магазин внезапно

появился на улице маленького городка, где он жил. Представляю, какая это была сенсация. Хорошо, что его приняли за мираж, осязаемый мираж.

Полицейские не смогли войти в магазин. Тогда попробовал репортер, и это ему удалось. На него запрет не распространялся. При этом он ощутил какое-то напряжение, о чем и сказал девушке. Впоследствии стало ясно, что он стал первым человеком, получившим дозу энергии времени. Около 7000 лет. Отец девушки сразу понял, что дело нечисто, включил приборы, датчики охраны и выяснил, что магазин подвергся нападению, энергетической атаке. Он сообщил о случившемся Совету.

Когда мы явились, времени уже не оставалось, нужно было действовать. Макаллистер угрожал смертью целому городу, стоило ему выйти наружу. Атака продолжалась. Здание могло в любой момент спихнуть магазин во временной поток. Вероятно, и другие магазины подверглись нападению. Короче, нужна была передышка и отсрочка. И мы получили ее, подставив вместо себя Макаллистера. Мы одели его в изолирующий костюм, чтобы предотвратить взрыв.

Теперь он качается во времени как маятник. А на другом конце — имперское здание. А что еще мы могли сделать? Нас вынудили так поступить. Мы ничего не знали о новом оружии. Нам, в общем-то, повезло. Но все-таки... на душе кошки скребут.

— Он еще жив? — спросил Хедрук.

— Конечно. Костюм полностью автономен. Он проживет достаточно долго. Мы сказали ему, что постараемся его спасти...

— Понимаю, — ответил Хедрук. Он тоже был подавлен. Все произошло слишком быстро, чтобы он успел вмешаться.

— А теперь спасти журналиста не удастся. Тот попал в самое пекло. Взрыв может уничтожить пространство.

— А что здание? — спросил Хедрук.

— С ним все в порядке. Колебания в пределах допустимого отклонения. Мы успеем что-нибудь предпринять, прежде чем они за них выйдут.

— Но ученые смогут что-нибудь придумать?

— Исследователи зашли в тупик. Наука бессильна. Слава богу, что нам так повезло. Мы в состоянии высвободить энергию, в прошлом или в будущем. Но где? Когда?..

— Особенно — когда? — добавил за Кадрона какой-то член Совета.

ГЛАВА 11

Тени на карте времени не двигались. Время очередного скачка еще не наступило.

Постепенно общая напряженность смягчилась. Люди отошли от счетчика, кое-где вспыхивали споры.

Кто-то предлагал воспользоваться случаем и изучить возможность путешествия во времени. Советник Кендлон ответил, что вряд ли теперь кто-нибудь еще отважится на это. Наконец, пунктуальный Дресли объявил о начале заседания:

— Джентльмены, в прошлый раз мистер Хедрук сообщил нам некоторые административные аспекты контратаки Организации. Мы признали необходимость его участия в этой акции. Теперь он пришел сообщить нам свои мысли о средствах достижения цели. Пожалуйста, мистер Хедрук!

— С моего вступления в Организацию ею было открыто 1242 новых магазина, преимущественно в сельской местности, установлено 3809 новых — иногда весьма важных — контактов с имперскими военными и чиновниками.

Он коротко рассказал о системе классификации людей в группы на основе профессии, престижа, и что важнее всего, преданности Императрице.

— Несколько ученых, — продолжал Хедрук, — относящихся к Организации, как к неотъемлемой части Империи, сообщили нам все данные, известные и правительству, о машине времени. Кроме того, двое из четырех генералов, руководивших атакой, с самого начала были против этой авантюры, а после исчезновения здания к ним присоединился третий. К сожалению, четвертый, генерал Лукор, остался верен Императрице.

Из имперских вооруженных сил дезертировали тысячи офицеров. Член Имперского Совета принц дель Куртин открыто высказался против убийства Бантома Веккера. Принц покинул дворец и отказался возвращаться в него до окончания атаки. Наконец, Императрица.

Двадцатипятилетняя Иннельда, осиротевшая в 11 лет, в 18 уже была коронована. Сейчас она еще на полпути от человека животного к человеку разумному.

Советники были несколько озадачены перечислением известных им фактов. Но Роберту нужно было преподать им эти факты так, чтобы советники встали на его точку зрения, когда он изложит свою главную идею.

— В свои 25 лет Иннельда красива, эмоциональна, непостоянна в увлечениях, не желает стареть. Мне кажется, луч-

ший метод борьбы с подобной особой — подготовить ей приемлемые пути отступления.

В такой замаскированной форме его предложение нельзя было, конечно, отвергнуть.

— Я думаю, Совет одобрит разработанную мною тактику. Есть несколько вариантов, благоприятствующих окончанию войны. Императрица будет занята своими делами и забудет о войне.

Он сделал паузу, чтобы придать побольше весу своим словам:

— В настоящее время мой штаб внимательно изучает сложившуюся обстановку и немедленно известит вас о первом же представившемся случае. Есть ли у вас вопросы?

Несколько минут все молчали. Затем кто-то нерешительно спросил:

— Но вы имеете хотя бы приблизительное представление, что это может быть за случай?

— Трудно сказать о конкретных формах. Императрица сейчас открыта со многих сторон. У нее есть трудности с набором в армию. Против нее интригует партия стариков, не принимающих ее за самостоятельного человека и утаивающих от нее информацию. Она в старой ловушке — с уходом принца и его сторонников она отрезана от мира. Так или иначе, мы используем ее слабости.

— Это всего лишь метод.

— Да, только метод, — ответил Хедрук, — но верный метод.

— Неужели вы считаете себя мудрее ППмашины?

— Просто изучаю всю поступающую информацию.

— Но до сих пор только Совет мог принимать такого рода решения!

— Это всего лишь мое предложение. На решение я пока что не претендую.

Советник не ответил. Хедрук знал, что Совет очень чувствителен к посягательствам на его права. И не так-то просто будет убедить их принять то решение, которое ему нужно.

Заседание затянулось. Некоторые посматривали на часы, а иные опять подошли к счетчику времени.

Хедрук покинул зал и вернулся в свой кабинет. Тут же ему позвонила Люси.

— Им удалось вытолкать меня из игорного дома, несмотря на сопротивление. Я поняла, что происходит, только когда закрылись двери. Боюсь, что его увезли в один из Домов Иллюзий. Вы понимаете, что это значит?!

Хедрук кивнул. Он видел, что девушка расстроена.

— Кроме того, иллюзии вредно влияют на способности калледетиков. Его везение может уже не вернуться к нему.

Хедрук внимательно изучал Люси. Потом он сказал:

— Жаль, что Кларк так быстро поддался соблазнам города. Но ведь он всего лишь одна из наших возможностей, так что можно без труда отказаться от нее. А малейшее внешнее вмешательство в его судьбу может привести к нежелательному для нас результату.

Вы можете быть свободны, Люси. Скоро вы получите новое задание.

Он сделал паузу:

— В чем дело? Он вам понравился?

Ответ был очевиден, достаточно было взглянуть на нее.

— Когда вы это поняли?

— Когда... его целовали другие женщины. Не думайте, — поспешно добавила она, — что я ревновала. Но мне было неприятно...

— Да, конечно, вряд ли Дом Иллюзий пойдет ему на пользу, — задумчиво сказал Хедрук.

Этого было достаточно, чтобы заставить ее действовать. Не следовало слишком ускорять ход событий.

— Ну, пока, Люси, не расстраивайтесь, — ободряюще закончил он.

Экран погас.

Постепенно здание Координационного Центра пустело. Хедрук достал микросхему счетчика времени — точно такого, который он видел два часа назад. Он получил его из Информационного Центра Организации. Как глава Департамента, он имел доступ ко всем научным разработкам.

Впрочем, у него было подходящее объяснение: он рассчитывал, что чертежи могут натолкнуть его на решение задачи.

Положив пленку в карман, он покинул кабинет и спустился в собственно Королевский ОТЕЛЬ, не занятый учреждениями Организации. Там он нашел свой номер и запер за собой дверь. Потом сразу прошел в библиотеку, занимавшую огромную комнату — какую и полагалось иметь советнику Организации. Проверив отсутствие подслушивающих устройств, которых, как он и ожидал, не оказалось, Хедрук вложил одно из колец со своей руки в плафон освещения. Сверху отошла тонкая металлическая полоса. Хедрук дернул за нее и мгновенно перенесся на 1100 миль от Столицы, в одну из своих многочисленных тайных лабораторий, о которых и не подозревали члены Совета, так же как и о незарегистрированной установке в его номере.

Тут он был в полной безопасности. В сущности, Хедрук

хотел всего лишь иметь копию с микропленки. В обычных условиях на это ушло бы слишком много времени.

Копию Хедрук положил в специальную шкатулку, где уже хранились тысячи копий секретнейших документов, накопившихся тут за тысячи лет.

Через час Роберт Хедрук, бессмертный основатель Организации, владелец множества величайших секретов, неизвестных никому, кроме него, возвратился в свой номер Королевского Отеля. И прошел в свой кабинет.

ГЛАВА 12

Выключив приемник, Люси Ралл торопливо прошла через холл, задержавшись лишь перед зеркалом — поправить волосы.

То, что она увидела там, очень ей не понравилось. От ее красоты почти ничего не осталось: изможденное лицо, круги под глазами... «Может, Хедрук имел в виду именно это?»

Она вышла из игорного дома на Авеню, по-прежнему смеющуюся, расцвеченную огнями реклам. Однако толпа с наступлением дня рассеивалась, люди расходились по домам. Но Люси медлила уходить, она еще не решила, как ей быть. Вряд ли она могла сделать что-либо для Кейла. Но и бросить его не могла тоже. Так она бродила по улице почти два часа. Люси пыталась проанализировать свои чувства. Почему она так привязалась к Кейлу? Она всегда считала, что выйдет замуж только за члена Организации. Это было само собой разумеющимся. И в школе, и в колледже все прочие — обычные люди — были для нее аутсайдерами. Почему же она думает о Кейле?

Хорошо, пусть она даже найдет Дом Иллюзий, в котором он заключен. Что бы она смогла сделать? Разве она может войти в Дом Иллюзий? Сама мысль об этом была кошунственной, она внезапно испугалась, что ее исключат из Организации только за это.

Но она вспомнила устав, заученный ею давным-давно, так что она даже не думала о нем. Однако теперь она мысленно перелистала? Его страницы. И некоторые статьи предстали совсем в ином свете в той ситуации, в которой она очутилась....

Члены Организации могут вступать в брак по своему усмотрению... Организация не накладывает никаких ограничений на проведение ее членами своего свободного времени.....

Никто не будет вредить себе в глазах ПП-машины... как говорилось выше... периодические проверки ПП-машиной являются основой статуса члена Организации.....

Если статус члена Организации опустился ниже определенного уровня, то он автоматически исключается из нее, и в его памяти стираются все сведения, связанные с деятельностью Организации.....

Нижеследующие пороки и развлечения считаются неприемлемыми для члена Организации... для женщин особо опасен Дом Иллюзий...

Кажется, сноска к этой статье гласила, что опасность заключается не в иллюзии как таковой, а в подчинении человека хозяевам Дома, превращении в безвольную куклу.

Люси соединилась с Информационным Центром и получила адреса 2108 Домов Иллюзий Империи. Потом направилась к Пенни Паласу. Она, наконец, решила свою судьбу.

Внутри игорного дома все выглядело как обычно. Игра снова вошла в привычное русло, почти ничто не напоминало о случившемся здесь. Люси побрела по огромному залу, делая вид, что интересуется то одной, то другой игрой, и словно случайно подошла к пустому кабинету администратора.

Включив жестуктор, она вошла внутрь, не поднимая тревоги. Имперские защитные устройства не могли помешать ей. Внутри ее охраняло электронное устройство, сообщавшее о приближении к кабинету любого человека.

Люси подошла к информационной машине и набрала слово «иллюзия». Безрезультатно. Тогда она попробовала, реагирует ли машина на слово «дом». Экран остался чистым. Значит, в машине не было адреса дома. Скорее всего, этот Мартин — она прочла имя администратора в бумагах — помнит его наизусть.

Люси решила идти до конца. Она просмотрела все бумаги на столе, обыскала стол, но, ничего не найдя, села в кресло и стала ждать. Вскоре прибор-сторож подал сигнал тревоги. Она провела им подверям: сигнал исходил из той самой двери, через которую вошла и она. Кто-то шел в кабинет.

Дверь отворилась и на пороге появился толстяк с масляной физиономией, что-то бормочущий про себя. Люси он заметил не сразу, а заметив, некоторое время молча рассматривал своими небесно-голубыми глазами, особое внимание уделив бластеру в ее руках.

— А вы недурны, ей-богу, — наконец вымолвил он. Люси промолчала.

— Чем могу служить? — продолжал толстяк.

— Где мой муж?

Эта фраза лучше всего характеризовала создавшееся положение и освобождала Люси от объяснений. В самом деле, почему бы ей не быть миссис Кейл Кларк?

— Муж? — повторил, как эхо, толстяк. Он был удивлен.

— Он выиграл. Я ждала внизу, но меня вынесла толпа, а потом закрылись двери. Когда я снова вошла, его уже не было. Где она? — формировала Люси образ разгневанной и жаждущей мести жены. Нельзя было выдать Мартину, что Кейлом интересуется Организация. И Мартин поверил.

— А, вот оно что, — он усмехнулся, — весьма, весьма сожалею, леди, но мне пришлось вызвать скорую помощь. А откуда они, я понятия не имею.

— Вы знаете, что это за место. Так ведь?

Он задумался, как бы вспоминая что-то, потом сказал:

— Дом Иллюзий.

Это признание не было менее ценным от того, что она заранее знала ответ. Он мог и солгать.

— Я видела тут недалеко детектор лжи Ламбета. Принесите-ка его сюда.

Он подчинился.

— Видите, я не сопротивляюсь.

Люси не ответила. Она включила конус Ламбета и навела на толстяка.

— Как вас зовут?

— Хари Мартин. Это была правда.

— Бросьте вы эти шутки. Я и так все вам скажу. Учтите только, что Дома Иллюзий умеют прятать клиентов, когда к ним стучится полиция.

Его нервозность насторожила Люси.

— Что вы там задумали? Думаете поменяться со мной местами? Только попробуйте — и я вас прикончу.

— Этот бластер из оружейного магазина, — сказал он.

— Конечно, — ответила Люси, — так что стойте спокойно.

Мартин вздохнул:

— Ладно. Название фирмы — Лавери, Грузовые перевозки.

И это была правда. Люси направилась к выходу.

— Надеюсь, вы понимаете, что легко отделались.

Толстяк кивнул, поджав губы. Видно было, что его душила бессильная злоба.

Люси открыла дверь и выскользнула наружу. Через полминуты она была на улице.

Антон Лавери, рослый блондин, автоматически поднялся из кресла и глупо уставился на Люси, едва она переступила порог. Он не запирался.

— Да не знаю я, где он сейчас. Мое дело доставить груз на место. Водитель сам выбирает дом, а записей мы не ведем.

— Где водитель? — спросила Люси.

Оказалось, что тот уже сменился и выйдет на работу лишь через два дня.

— Это все работа профсоюзов, — объяснил Лавери. — Им бы только поменьше часов работы, да побольше денег и удовольствий.

— Где он живет?

Лавери не знал.

— Может быть, в профсоюзе знают. Они не дают нам адресов.

Однако даже названия профсоюза он не помнил. Люси растерялась. Три дня в Доме Иллюзий — сумеет ли Кейл выдержать?

— Черт возьми! — в ярости воскликнула она, — как только появится водитель, немедленно сообщите мне. Я позвоню вам через десять минут после этого, и попробуйте мне не ответить!

Перепуганный Лавери клялся, что непременно так и сделает.

Люси вышла на улицу. На часах было несколько минут пятого. Ей необходимо было отдохнуть.

Она вернулась домой, разделась и скользнула под одеяло. Последней ее мыслью было: «Три дня... как медленно потянется время...»

И заснула, как уставший ребенок.

ГЛАВА 13

Узнав адрес дома, Люси тотчас позвонила Хедруку. Он внимательно выслушал ее, затем сказал:

— Вы отлично поработали. Мы выделим вам в поддержку наш вооруженный катер, он вмещается, если вы не выйдете оттуда через назначенный срок. — Он сделал паузу. — Надеюсь, вы понимаете, что Кейл должен быть убежден, что все это было сделано лишь в ваших личных интересах. Только тогда наши действия могут быть оправданы. Вы готовы к этому?

Он мог бы и не задавать этот вопрос. Лицо Люси говорило за нее. Хедрук даже почувствовал жалость к ней, но это было не его дело. Его задачей было использовать ее состояние в интересах Организации, в том числе и самой Люси. Способности Кейла Кларка обещали сделать его весьма влиятельным

человеком в Империи. Если бы Кларк симпатизировал Организации, то это во многом могло бы решить исход войны, которую стремится развязать Императрица: «Нужно что-то сказать Люси», — вспомнил Хедрук. Он принял решение.

— Когда вы пойдете к нему? Сегодня вечером или завтра?

— Вечером, в половине одиннадцатого. Мне кажется, это лучшее время.

— Что вы сделаете, если он окажется там?

— Когда время иллюзии пройдет, они приступят к выбору партнеров. Я постараюсь вмешаться.

— Вы уверены, что Кларк узнает вас?

Она не поняла.

— Видите ли, после действия иллюзий остаются устойчивые пост-образы, мешающие зрительному восприятию.

— Я заставлю его узнать.

— Сразу видно, что вы никогда не были в подобном месте. Эти люди весьма подозрительны. Вы и сами будете не в состоянии сделать что-либо, пока вы во власти иллюзий. Пока действуют машины, вы им не опасны. Приготовьтесь к худшему.

— Он узнает меня, — уверенно повторила Люси.

Хедрук промолчал. Три дня в Доме Иллюзий — это слишком много. Мозг сильно одурманен и в нем не остается никаких воспоминаний, даже сил что-либо вспомнить.

— Я хорошо подготовилась, — сказала Люси. — До свидания, мистер Хедрук.

Хедрук не заметил, когда она отключилась. В дни кризиса он, как всегда, жил и работал в кабинете. Работа — только она одна существовала для него. Он связался с Главным Штабом и приказал выделить для Люси военное судно. Потом достал ее досье. Сперва шли ее данные:

«Способности — 110, горизонт — 118, доминирование — 151, эго — 120, эмоциональность — 150...»

Хедрук остановился. При норме 100 и среднем уровне 85 Люси была прекрасной девушкой, интеллигентной, эмоциональной. Именно поэтому при обнаружении Кейла Кларка, его гигантских калледетических способностей, контакт с ним решено было установить через Люси, ибо требовалась очень эмоциональная девушка.

Собственно, с самого начала было ясно, что Кларк привлечет Люси. Кроме того, обычному человеку, пожалуй, даже опасно было бы сотрудничать с подобным индивидуумом. Наконец, оба партнера были симпатичны друг другу — и это играло большую роль. По крайней мере на время, ибо в этом стремительно меняющемся мире нельзя было гарантировать постоянство.

Хедрук вздохнул. Все-таки ему было жаль Люси. Как правило, Организация не вмешивалась в личную жизнь своих людей. Лишь крайние обстоятельства заставили его пойти на это.

Хедрук вернул досье в хранилище — он вовремя вспомнил о крайних обстоятельствах. Включил приемник. На экране появился счетчик времени. Он нашел большое пятно — оно было в 43 днях в будущем. Маленькое найти было трудно. Оно парило где-то в сотнях миллионов лет в прошлом. Хедрук не мог представить такого отрезка времени.

Энергия, заключенная сейчас в Макаллистере, была слишком велика даже для планетарных масштабов. Эта проблема становилась его кошмаром.

Наконец, он выключил приемник. Решение так и не приходило к нему. Впервые он почувствовал себя бессильным.

Остаток дня он потратил на изучение рапортов агентов. Люси не знала, что находится под непрерывным наблюдением, что о каждом ее поступке немедленно докладывалось Хедруку. Конечно, это было незаконно, и, не дай бог, чтобы об этом узнал кто-либо из членов Совета.

И опять работа, работа, работа. Наконец, наступило время, когда Люси вошла в Дом Иллюзий. Он отвлекся и вызвал катер, парящий высоко над домом. С минуту он изучал с корабельного локатора местность, затем отключил экран и вновь с головой ушел в работу.

ГЛАВА 14

В воротах Люси обдал поток тепла. Она остановилась. Это было искусственно вызванное ощущение, первый шаг к тем наслаждениям, которые предлагал Дом Иллюзий. На этой территории она находилась под непрерывным контролем, манипулировавшим ее нервной системой.

Люси пошла вперед, преодолев нерешительность. С улицы дом был неразличим: его закрывала сплошная стена деревьев. Люси подошла ко входу, высотой примерно в 50 футов.

Дважды ей пришлось остановиться. В первый раз ей показалось, что чьи-то мягкие пальцы ласково коснулись ее лица. Во второй раз ощущение радости распространилось по всему телу. Она была счастлива, как невеста в день свадьбы.

Люси вошла и оказалась в комнате, полной зеркал. Люси решила, что это двери, но боялась ошибиться. Она стала ждать, что дверь откроется сама. Но когда этого не произош-

ло, попыталась открыть двери сама — нажала на одно зеркало, на другое...

Только на седьмом ей удалось добиться успеха. Она очутилась в узком коридорчике, чуть шире ее самой. Ей было немного не по себе в этом замкнутом пространстве, где можно было двигаться лишь вперед или назад.

Тем более, что она пришла сюда не с простой задачей. Она была врагом хозяев дома и намеревалась уничтожить по крайней мере часть этой организации. Но спрашивать, куда идти, не приходилось.

Однако основательно испугаться она не успела: коридор кончился. Она подошла к высокой двери и, толкнув ее, оказалась в маленькой, прекрасно обставленной комнате. За столом сидела женщина лет сорока, с классически красивым лицом, которое портили лишь маленькие острые глазки и тонкие губы, вытянутые в прямую линию.

— Садитесь, пожалуйста. Правила предписывают нам проводить беседу с каждым неофитом, — сказала женщина.

Люси села.

— Все, что вы сообщите мне, останется в тайне. Словом, — она сделала неудачную попытку улыбнуться, — все останется здесь. — Она прикоснулась наманикюренным пальцем ко лбу. — Я никогда не забываю того, что услышала хотя бы раз.

Люси молчала. Она и раньше встречала подобных людей, ново было лишь то, что в Доме Иллюзий не делают записей именно по этой причине.

— Конечно, наше учреждение не бесплатно. Каков ваш счет?

— 5000 кредитов.

— Где вы работаете?

Люси назвала известную столичную фирму, где формально числилась, как и все члены Организации, под чьим контролем было немало предприятий. Так что алиби ей было обеспечено.

— Сколько вы получаете?

— Сто кредитов в месяц.

— И сколько уходит на еду?

— О, примерно, 40-60.

Женщина задумалась, бормоча про себя:

— Транспорт — 10, одежда — 25, прочее — 10. Итак, остаток — максимум 1500 в год. Если желаете бывать здесь раз в неделю, вам придется уплатить 60 кредитов. Впрочем, мы сделаем вам скидку — 35 кредитов, пожалуйста.

Люси молча отсчитала деньги, пораженная безжалостностью расчетов. Конечно, на самом деле доход у нее был

намного больше — только на такси она тратила 1000 кредитов в год. Одежда стоила отнюдь не двадцать пять кредитов в месяц. И еще, и еще... Словом, Дом Иллюзий заставил бы ее солидно экономить на всем, если бы у нее действительно был такой доход, который она назвала. Ведь наверняка она бы не удовлетворилась одним посещением в неделю.

Женщина положила деньги в ящик и встала.

— Благодарю вас, дорогая. Надеюсь, мы расстанемся друзьями. Вам в эту дверь.

Миновав коридор, Люси оказалась в роскошной спальне. Что-то в ней показалось Люси подозрительным, и она вошла не сразу. «Это Дом Иллюзий, — говорила она себе. — Здесь мало что реально». Она вспомнила наставление Хедрука — как определить галлюцинацию. Посмотрев на спальню уголками глаз, она увидела, что все линии раздваиваются. Комната была куда больше, чем казалась на первый взгляд. Реально была лишь женщина посередине. Люси, улыбнувшись, прошла сквозь твердую на вид стену и очутилась в большой комнате с зеркальными стенами. Женщина устремила к ней.

— Извините, мисс. Мы не предполагали, что вам известно о наших чудесах. Где вы научились различать иллюзии: от друзей или вы уже посещали другие дома?..

«Важный вопрос. И на него нужно отвечать».

— Мне рассказывал мой знакомый, — ответила она.

Это вроде бы удовлетворило женщину. Она подвела Люси к новой зеркальной двери.

— Пожалуйста, переоденьтесь. А потом пройдите в левую дверь, — сказала она.

В комнате на вешалке было прекрасное белое платье. На полу стояла пара сандалий. И ничего больше. Люси медленно разделась. Лишь теперь она ощутила всю сложность задачи: если Кейл не узнает ее сразу, Дом сделает с ней что угодно.

Прикосновение к коже ткани платья наполнило ее ощущением блаженства. Это была какая-то специальная ткань, действующая на нервные окончания в коже. Наверняка один ярд стоил больше сотни кредитов.

Люси долго наслаждалась этим ощущением, пока внезапно оно не пропало. «Вероятно, дело было не только в платье», — подумала она.

Люси поколебалась у выхода, но затем решительно открыла дверь. Она очутилась на пороге длинного зала, где у одной стены за столиками сидели мужчины, а напротив, за такими же столиками — женщины. Зал освещался скрытыми цветными светильниками. В конце комнаты всю стену занимал огромный бар. Люси даже не беспокоилась, иллюзия это или

нет: она попала в конкурсную комнату. Здесь она сможет увидеть Кейла, пусть не сейчас, пусть на следующий день.

Слегка кокетничая, Люси прошла по комнате, презрительно оглядев сидящих за столиками женщин. Потом перенесла внимание на мужчин. Внезапно ей показалось, что здесь две комнаты, а не одна, и мужчин от женщин отделяет высокий барьер. Впрочем, это тоже могло оказаться иллюзией, или даже просто совмещением в пространстве двух изображений.

Люси обвела взглядом другую половину комнаты. С первого раза она не узнала Кейла, но возвращаться не стала из предосторожности. Затем подошла к одному из свободных столиков.

Возбуждение покинуло ее. Осталась лишь жалость к изможденному, страдающему Кларку, которого она увидела в этом притоне. Вряд ли он заметил ее. Она решила снова посмотреть в сторону лишь через минуту, а затем попытаться привлечь чем-нибудь его внимание.

Но минуты не прошло, как в комнате появился маленький стройный человечек и поднял руку, привлекая к себе внимание.

— Барьер опущен, дамы и господа. Можете знакомиться, — пропел он сладким голосом.

Большинство женщин осталось сидеть, но некоторые встали и прошли в другую половину зала. Люси, почувствовав, что Кейл идет к ней, осталась на месте. Он сел в кресло напротив и произнес:

— Вы мне нравитесь, мисс.

Она кивнула в знак того, что принимает его комплимент, но не ответила, не желая выдать себя. К ним подошел служитель.

— Вы не против, мисс? — поинтересовался он.

Люси снова кивнула.

— Тогда вам туда, — сказал служитель.

Она встала, подумав: «Чем скорее мы останемся одни, тем скорее попадем на корабль».

Внезапно в зал ворвалась женщина, допрашивавшая Люси, и что-то прошептала распорядителю. Загремел колокол. Люси обернулась, почувствовав, что теряет равновесие, и погрузилась во тьму....

В пять минут двенадцатого приемник Хедрука зазвонил. На экране появилась Люси.

— Не знаю, что случилось, — сказала она, — все вроде шло нормально. Кейл узнал меня, и мы были уже на пути в комнату, когда я потеряла сознание. Очнулась я дома.

— Одну секунду, — сказал Хедрук. Он связался с военным кораблем. Командир лишь покачал головой.

— Я сам хотел звонить вам. Прошел полицейский рейд. Они погрузили женщин в планы, а шестерых — в машину, и развезли по домам.

— А мужчин?

— В этом все и дело. Мужчин они погрузили в грузовик и увезли в неизвестном направлении.

— Понятно, — сказал Хедрук.

Проблема Кейла Кларка вновь осложнилась. Оставалось лишь предоставить событиям развиваться своим ходом.

— Отлично, — сказал он. — Возвращайтесь.

Он снова вызвал Люси и сообщил ей новости.

— Это выводит его из игры. Мы бессильны что-либо сделать, — закончил он.

— Что же делать мне? — спросила она.

— Ждите. Ждите.

Больше он ничего не мог сказать.

ГЛАВА 15

Фара между тем занимался своим обычным ремеслом. И скорее всего, думал он, ему придется делать это до конца дней своих. Какого же он сваял дурака, ожидая, что Кейл вернется и скажет:

— Папа, я все понял. Прости меня и обучи делу, а потом можешь уходить на заслуженный отдых.

26 августа, во время ленча, включился телестат.

— Платный вызов, — прошептал Фара. Он переглянулся с женой.

— Проклятый мальчишка, — сказал он.

Но тем не менее он почувствовал облегчение. Теперь-то Кейл поймет, что такое родители. Он включил визор.

На экране появился мужчина с увесистой челюстью и густыми широкими бровями.

— Я клерк Пертон из Пятнадцатого банка, — представился он. — Мы получили на ваше имя чек на 10 тысяч кредитов. С прочими расходами и налогом это составит 12100 кредитов. Будете платить сейчас или придете позже?

— Н-но... н-но-о... — простонал Фара. — К-кто?

Человек стал говорить что-то о деньгах, выплаченных Кейлу Кларку этим утром. Наконец, Фара вновь обрел голос.

— Но банк не имеет права выплачивать деньги без моего разрешения!..

Мужчина оборвал его:

— Следует ли мне информировать Центр, что деньги получены по фальшивому чеку? Тогда после ареста получателя он будет аннулирован.

— Подождите... подождите... — сказал Фара. Он нерешительно повернулся к Криль, стоявшей за его спиной.

— Пусть его, Фара, он порвал с нами. Пусть делают, что хотят — мы должны быть тверды.

Фара удивился. Она говорила не то, что думала.

— Я... не знаю... насчет уплаты... Может, вы повремените? — спросил он Пертона.

— Конечно, мы рады будем войти в дело. Мы проверили ваше положение и готовы доверить вам 11000 кредитов на неопределенное время под залог мастерской. У меня подготовлен договор, и если вы согласны, то мы сейчас закрепим сделку.

— Фара! Нет! — ахнула Криль.

— Остальные деньги уплатите наличными, — закончил клерк. — Вас это устроит?

— Да, да, конечно. Мои 2500... да, устроит, — ответил Фара.

Дело было покончено. Фара набросился на жену.

— Чего ты хотела? Сколько раз ты твердила мне, что я в ответе за него?! Мы не знаем, зачем ему понадобились деньги. Может, он попал в беду?

— Он разорил нас за один час. Он знал, что мы не поступим иначе.

— Я знаю, но нужно было спасти наше доброе имя.

Однако это чувство выполненного долга исчезло у него с приходом бейлифа после полудня.

— Чем обязан? — спросил Фара.

— Автоматические ремонтные мастерские выкупили ваш вексель у банка и погасили долг.

— Это нечестно! Я обращусь в суд!

«Если об этом узнает Императрица, — думал он в гневе, — она... она...»

...В большом сером здании суда, проходя длинными серыми коридорами, Фара чувствовал себя все ничтожнее и слабее. Все меньше он надеялся на то, что решение будет вынесено в его пользу лишь росчерком пера.

Тем не менее у него хватило сил связно изложить свое дело, начиная от незаконной выдачи денег и до передачи векселя РАМ.

— Надеюсь, сэр, Императрица не допустит подобных издевательств над честным гражданином, — закончил он.

— Как вы смеете, — холодно произнес человек, восседавший за столом, — использовать имя Ее Величества в своих низких целях?!

Фара содрогнулся, представив себе миллиарды жестоких и равнодушных людей, стоящих между Императрицей и ее верноподданными. Он больше не чувствовал себя членом одной большой семьи. «Но если бы Императрица узнала обо всем этом, то она... она... Что бы она сделала?...»

Подавив промелькнувшую мысль, он услышал голос судьи:

— Иск истца отклонен, и он приговаривается к уплате 700 кредитов, которые будут разделены между судом и адвокатом потерпевшего в отношении 5:2. Истец остается здесь вплоть до уплаты денег. Следующий!...

На следующий день Фара решил навестить тещу. Он позвонил в «Фермерский ресторан» на окраине поселка. Место было прибыльное — несмотря на ранний час зал был напловину полон. Но хозяйки здесь не было. Он позвонил в магазин, где она и оказалась.

Суровая старуха молча выслушала его рассказ, потом жестко сказала:

— Делать нечего, Фара. В дело я тебя взять не могу, иначе люди из РАМ придут и ко мне. Я не настолько глупа, чтобы доверить деньги человеку, воспитавшему дурного сына, разорившего его. Кроме того, я принципиально никого не беру в компаньоны. Пусть Криль переезжает ко мне и живет здесь. Впрочем, я пришлю за ней человека. Все.

Она вернулась к проверке счетов с клерком, оперировавшим на не слишком хорошо отлаженной счетной машинке. Это занятие то и дело прерывалось ее резким голосом, разносившимся по пыльному помещению:

— Здесь вы перевесили на целый грамм. Взгляните на эти цифры!

Хотя она и повернулась к нему спиной, Фара знал, что на этом дело не кончилось.

— Почему бы тебе не обратиться в оружейный магазин? Ты же не станешь терпеть это все?

Фара отключился. Зачем ему оружие? Застрелиться? Это вроде не подходило. Неужели теща могла посоветовать ему это? Какая чушь! Ему ведь нет и пятидесяти. С его золотыми руками работа в мире, набитом автоматами, ему обеспечена. Место человеку, умеющему работать, найдется всегда. Это было его жизненным кредо.

Дома была Криль, укладывающая чемоданы.

— Делать нечего, Фара. Сдадим дом в аренду, а сами переедем на квартиру.

Он передал ей разговор с ее матерью. Криль пожала плечами.
— Я еще вчера сказала ей «нет». Удивительно, что она повторила предложение.

Фара медленно подошел к окну, выходящему в сад. Можно ли представить этот сад без Криль? Криль в гостинице? Теперь он понял, что хотела сказать теща. Подождав, пока Криль уйдет наверх, он позвонил майору Дейлу. Тот внимательно выслушал его и сказал:

— Извини меня, но Совет не вправе одалживать деньги. Да, еще, ты прости меня, Фара, но у тебя отобрали лицензию на мастерскую.

— Ч-что?

— Ничего не поделаешь. Послушай, — сказал он шепотом, — сходи в оружейный магазин.

Они тебе помогут.

И экран отключился.

Это был приговор.

ГЛАВА 16

Два месяца жизни в номерах довели его до точки. Однажды вечером, когда улицы опустели, он прокрался к оружейному магазину. Дверь открылась сразу. Миновав полумрак прихожей, он попал в ярко освещенную комнату, где за столом сидел седой старик и читал книгу. Увидев Фару, он отложил ее и встал.

— Чем могу служить, мистер Кларк?

Фара слегка покраснел от того, что его узнали. Ему было стыдно за свое прошлое поведение. Кроме того, он не мог покончить с собой при помощи ножа, яда или пули. Криль бы пришлось нести слишком большие расходы. Никто не должен знать об этом.

— Мне нужен бластер, — сказал он, — такой, чтобы мог уничтожить тело в 6 футов длиной одной вспышкой. Что вы можете предложить?

Старик повернулся к витрине и вынул оттуда бластер, инкрустированный пластиком.

— Обратите внимание, как мало фланцы выступают над стволом. Идеальная модель для ношения под одеждой. Будучи настроена на владельца, сама прыгает в руку. Сейчас он настроен на меня. Я кладу его в кобуру и...

Старик шевельнул пальцами, и бластер очутился у него в руке, прыгнув через 4 фута. То есть даже намек на движение не было. Он очутился в руке мгновенно!

Фара, открывший, было, рот, чтобы сказать старику, что его интересует только одно качество бластера, захлопнул его. Он был потрясен. Ему приходилось иметь дело с армейскими бластерами, но они не шли ни в какое сравнение с этим. Наконец, он пришел в себя:

— А каков у него луч? — спросил он.

— Луч толщиной с карандаш прошьет любое тело, исключая некоторые сплавы, на расстоянии 400 ярдов. Установив луч на большую ширину, вы можете уничтожить шестифутовое тело на расстоянии 50 ярдов.

Он продемонстрировал, как это сделать.

— Я беру его, — сказал Фара, — сколько он стоит?

Старик задумчиво посмотрел на него и медленно произнес:

— Вы, конечно, помните наши требования к владельцам оружия.

— А, вот что вы имеете в виду... Нет. Мне он нужен для самоубийства.

— А, самоубийство! Это, конечно, ваше право. В мире, где права урезаются с каждым годом. Что же касается цены, то он стоит четыре кредита.

— Как?! Всего лишь четыре кредита? — воскликнул Фара. От удивления он даже привстал, забыв о самоубийстве. Одна только ручная отделка стоила 25 кредитов как минимум. Это было интересно.

— А теперь, если пожелаете, примерим кобуру, — продолжал старик как ни в чем не бывало.

Фара автоматически подчинился. Он был слегка разочарован. Неужели эти магазины так могучи, что... Эта мысль не давала ему покоя.

— Я думаю, вам следует выйти через боковую дверь. Это будет удобнее для вас, — сказал старик.

Фара подчинился. Старик нажал одну из кнопок — и в стене открылась дверь. Фара даже не заметил, как. Не говоря ни слова, он вышел.

ГЛАВА 17

Кругом была толпа. Фара повернулся, но магазина за ним не было. Глэй исчез.

Но даже не это занимало Фару. Он был потрясен оказавшейся перед ним машиной, цельнометаллической громадой, уходящей вершиной в голубое небо, в котором сияло яркое южное солнце. Пять ярусов металла, по 100 футов в каждом!

Это была машина, а не здание, так как вместо окон на

нижнем ярусе переливались белыми, зелеными, красными, изредка голубоватыми, желтыми цветами огни.

Следующий ярус светился лишь белыми и красными огнями. Третий — голубыми и желтыми. На четвертом же горела надпись:

БЕЛЫЕ — РОЖДЕНИЯ
КРАСНЫЕ — СМЕРТИ
ЗЕЛЕННЫЕ — ЖИЗНИ
ГОЛУБЫЕ — ИММИГРАЦИЯ НА ЗЕМЛЮ
ЖЕЛТЫЕ — ЭМИГРАЦИЯ С ЗЕМЛИ

На пятом ярусе значилось:

СОЛНЕЧНАЯ СИСТЕМА — 11, 474, 463, 747
ЗЕМЛЯ — 11, 193, 247, 361
МАРС — 97, 298, 604
ВЕНЕРА — 141, 053, 811
ЛУНА — 42, 863, 971

Числа менялись прямо на глазах, увеличиваясь или уменьшаясь. Жизнь идет своим чередом, говорили они.

— Вам лучше сойти на линию, — сказал кто-то сзади. — Там разберут ваше дело.

Фара обернулся. За ним стоял парень лет тридцати.

— Мое дело? Какое дело?

— Вам лучше знать, почему вы здесь очутились. Что же вам еще делать в Информационном Центре?

Фара сошел на быстро движущуюся линию, которая понесла его внутрь огромной машины, на деле все-таки оказавшейся зданием.

«Дело», — подумал он. А ведь у него и в самом деле есть дело. Неразрешимая и безнадежная проблема. Легче перевернуть весь мир, чем решить ее.

Линия внесла его в здание.

ГЛАВА 18

Внутри здания Фара неуверенно двинулся по широкому освещенному коридору. Идущий за ним молодой человек сказал, показав на пустой боковой коридор:

— Вам сюда.

Фара послушно свернул. В конце коридора оказался зал, где за столом сидела дюжина молодых женщин, о чем-то

беседовавших с посетителями. Он подошел к свободной девушке, вблизи оказавшейся старше, чем он думал. Она приветливо, но официально улыбнулась ему и спросила:

— Как вас зовут?

Фара назвалсЯ.

— Благодарю вас. Сейчас мы найдем ваше досье. Не хотите ли присесть?

Только тут он заметил кресло. Фара сел. Почему-то он поверил, что здесь и в самом деле смогут решить его дело, и от этого пришел в такое возбуждение, что не разбирал почти ничего из того, что говорила ему девушка:

— Информационный Центр... в сущности.. Бюро статистики. Регистрируются... рождение... образование... звезды... работа.. Все взаимосвязано... Имперское бюро статистики... наши агенты... каждая группа...

Фара понимал, что упускает что-то жизненно важное, постарался успокоиться, но не смог. Нервы его не слушались. Он пытался что-то сказать, но прежде чем успел совладать с языком, раздался щелчок, и перед женщиной появилась какая-то пластинка. Она внимательно изучила ее и сказала:

— Вероятно, вам интересно будет узнать, что ваш сын Кейл сейчас на Марсе.

— О? — только и смог сказать Фара, привстав с кресла.

Но женщина продолжала:

— Должна сказать вам, что Организация не предпринимает никаких действий против индивидуумов. Мы не читаем моралей. Человек должен измениться сам, а с ним и все человечество... А теперь сообщите мне ваше дело, я запишу его для суда.

Фара хотел узнать побольше о Кейле, но делать было нечего. Он стал рассказывать. Когда он закончил, девушка сказала:

— Вам следует пройти в зал имен. Когда появится ваше имя, идите в комнату 474. Запомните: 474...

Она улыбнулась на прощание. Фара встал, ничего не поняв. Он повернулся, чтобы задать вопрос, но на его месте уже сидел какой-то старик. Пришлось идти дальше по коридору, откуда доносились какие-то неясные звуки.

Он распахнул дверь, и шорох превратился в гром, ударивший по нему. Он замер, оглушенный.

Перед ним был огромный зал, в котором толпились тысячи людей, напряженно вглядывающихся в табло, расчерченное на квадраты, обозначенные буквами, и тянувшееся через всю стену.

Все это здорово походило на биржу во время бума. Все новые имена вспыхивали на табло, на 26 досках, люди вопи-

ли, как сумасшедшие, рев стоял неопиcуемый... Каждые несколько минут под табло вспыхивала надпись:

СЛЕДИТЕ ЗА СВОИМ ИМЕНЕМ!

Фара следил, хотя находиться здесь было нелегко. Внезапно все это показалось ему нелепой, дикой игрой. Он уже, было, встал, чтобы уйти, и тут на доске вспыхнуло:

КЛАРК, ФАРА. КЛАРК, ФАРА.

С воплем вскочил он на ноги.

— Меня, — закричал он, — это меня!

Но никто, конечно, не обернулся. Устыдившись, он направился к выходу. Тишина снаружи была еще оглушительней, чем рев внутри зала. Он едва сумел разыскать номер 474.

Комната была небольшой. В ней стояли два кресла и стол, на котором вокруг молочно-елого шара лежало семь стопок бумаги, каждая своего цвета. Шар внезапно вспыхнул, и мужской голос произнес:

— Фара Кларк!

— Я, — сказал Фара.

— Прежде чем выслушать приговор, возьмите лист из голубой стопки. На нем написано, что представляет собой Пятнадцатый Межпланетный Банк. Это многое объяснит вам.

На листе бумаги значилось около 500 компаний от А до Я. И ничего больше.

— Как было установлено, Банк совершил мошенничество. Он обвиняется в подлоге, обмане и других преступлениях. Банк противозаконно вступил в контакт с вашим сыном Кейлом, через посредство агента, разыскивающего сыновей богатых родителей, испытывающих финансовые затруднения, «мусорщика». Этот «мусорщик» получил в качестве комиссионных процент, выплачиваемый по закону должником, в данном случае вашим сыном. Банк обманул вас, заявив, что вашему сыну выплачено 10 тысяч кредитов, хотя он получил всего лишь тысячу, причем, без вашего разрешения. Банк повинен в шантаже, так как он угрожал арестовать вашего сына за подлог, не имея на это никакого права. Банк повинен в заговоре, ибо ваш вексель был передан конкуренту. В итоге сумма, полученная Банком, утроилась и составила 36300 кредитов. Мы не можем сообщить вам, в результате каких событий это произошло. Достаточно того, что Банк выплатил эту сумму. Половина ее принадлежит Организации Оружейных Магазинов, что же касается другой половины...

ШЛЕП! И на стол упала пачка банкнот....

— то она ваша, — закончил мужчина.

Фара дрожащей рукой засунул деньги в карман. Голос продолжал:

— Не думайте, однако, что все кончилось. Для восстановления вашей мастерской в Глэе потребуются отвага и мужество. Будьте храбры и честны — и вы выиграете. Не страшитесь применить оружие для защиты своих прав. Остальное вам разъяснят позже. А теперь пройдите через дверь прямо.

Фара встал, открыл дверь и вышел в знакомую комнату оружейного магазина! Старик встал ему навстречу.

Приключение кончилось. Он снова был в Глэе.

ГЛАВА 19

Фара с трудом пришел в себя, потрясенный мощью Организации, бросившей вызов самой могучей и безжалостной цивилизации Земли, которая за несколько дней превратила его в ничто.

— Судья, — сказал он, поколебавшись, прежде чем произнести это слово. — Судья вернул мне деньги...

— Прежде чем перейти к этому, — ответил старик, — изучите принесенный вами синий лист.

— Лист? — переспросил Фара. Теперь он вспомнил, что и в самом деле захватил в 474-й комнате лист бумаги.

Только тут он заметил в списке компаний Атомную Ремонтную Компанию.

— Не понимаю, — сказал он. — Вы боретесь против них? Старик улыбнулся и покачал головой.

— Нет. Это лишь часть шести миллионов компаний, имеющих в наших списках. Доходы этих компаний часто не имеют отношения к их официальному бизнесу. Но мы ставим своей целью дать им почувствовать разницу между нечестной и честной игрой. Единственное, что объединяет эти компании — то, что они целиком принадлежат Императрице Ишер. Конечно, вы можете не верить мне...

Но Фара поверил. Просто удивительно, как он мог не замечать этого раньше. А он-то обвинял самих разорившихся в их бедах!

— О, как я ошибался, — прошептал он, — я верил в Императрицу! Иначе я и жить не мог, мне не на что было бы опереться. Но если я выступлю против Императрицы, со мной покончат!

— Ни в коем случае! — сказал старик. — Вы не должны выступать против Ее Величества. Мы против этого и не помо-

гаем таким людям. Виновата не столько Императрица, сколько ее чиновники. Она лишь движется по течению. Но я не стану оправдывать ее. Сорок лет назад, в худший период отношений между Империей и Организацией, убирался каждый, кто получал от нас помощь. Кстати, так был убит ваш тесть.

— Мой тесть?! — воскликнул Фара. — Но ведь... говорили, что он скрылся с какой-то женщиной.

— Они всегда распространяют такие слухи. Но нам удалось остановить террор, убив троих высших чиновников не из императорской фамилии, наиболее виновных в этом. Теперь же мы не хотим становиться на этот путь. Однако и террор не должен повториться. Поймите, **МЫ НЕ ХОТИМ ВМЕШИВАТЬСЯ В РАЗВИТИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА.** Мы лишь устраняем несправедливость, служим барьером между людьми и самыми жестокими их эксплуататорами. В принципе, мы всегда помогали лишь честным людям. То есть мы помогали и другим — но лишь продажей оружия. Именно поэтому правительство зависит почти целиком от своего влияния на экономику.

Четыре тысячи лет назад великий гений Уолтер С. де Лани открыл вибрационный процесс, сделавший возможной Организацию, и заложил основы ее политической идеологии. Вот уже многие века мы наблюдаем за тем, как государство шло от демократии к конституционной монархии и, наконец, к самодержавию. Мы поняли: **ЛЮДИ ВСЕГДА ИМЕЮТ ТО ПРАВИТЕЛЬСТВО, КОТОРОЕ ЗАСЛУЖИВАЮТ.** Если они захотят изменить его, то они сделают это. Мы же остаемся неизменными и, основываясь на своей технике, на идеях гуманного идеализма, пытаемся излечить болезни, возникающие при любой форме правления.

Что касается лично вас, то тут все просто. Люди всегда боролись за свои права. Компания РАМ конфисковала ваше оборудование. Его перевезли в Ферд, а затем на военный склад, на побережье. Мы доставили его обратно.

Вы войдете туда и...

Фара выслушал инструкции и кивнул.

— Можете на меня положиться. Я добьюсь своего.

ГЛАВА 20

Конечно, полиция знала большинство Домов Иллюзий. Однако существовал неписанный закон, по которому хозяина предупреждали о налете. Но список заключенных всегда должен был лежать в одном из легко доступных мест. В течение нескольких дней создавался список заключенных в

Доме должников, преступников, отправляемых на Марс, Венеру и различные луны. Правительство нуждалось в рабочих руках на планетах. И Дома Иллюзий, часто посещаемые людьми, не желающими поднимать скандал, удовлетворяли этот спрос.

Обе стороны соблюдали золотое правило — мертвые молчат. И те, кто хотел жить, молчали.

Кейл шагнул из корабля на песок Марса и застыл от холода. Песок был твердым, как скала. Он оглядел расстилавшийся перед ним Шардл и задохнулся от ненависти.

— Пошевеливайся, эй, ты... — Один из солдат ударил его дубинкой по плечу. Другой, изрыгая ругательства, странно звучащие в разреженной атмосфере, руководил высадкой.

Кейл даже не повернул голову. Он молча занял свое место в цепочке и пошел по песку. Мороз все больше пробирал его. Легкие стыли. Люди впереди него, не выдержав, побежали. Остальные, тяжело дыша, потянулись следом. Но большинство из них не привыкли к пониженной гравитации и неуклюже подпрыгивали, пытаясь сохранить равновесие. Многие падали. Человеческая кровь окрасила ледяные пески Марса. Кейл же упрямо шел вперед, полный презрения к слабакам. Их еще на корабле предупреждали о гравитации.

Пластиковые здания города были в четверти мили от них, так что можно было потерпеть.

Под куполом было тепло. Кейл отошел к стоящему на пригорке зданию, откуда был виден почти весь город.

Шардл был шахтерским поселком. Он стоял на плоской равнине, кое-где поросшей зеленью, вероятно, от тепла ядерных реакторов. А дальше до горизонта тянулась пустыня.

На стене здания висело объявление. Кейл подошел поближе и прочитал: «СЧАСТЛИВЫЙ СЛУЧАЙ».

Текст под заголовком сообщал, что согласившимся проработать 15 лет на марсианских фермах Его Величество Иннелда Ишер предоставит полностью оборудованную атомную ферму с рассрочкой на 40 лет. Все кончалось намеком: «Немедленно приходите в Ланд-оффис и вы ни минуты не проработаете в шахтах».

Кейл уже слышал кое-что об этой системе колонизации Марса и Венеры, где каждый квадратный дюйм земли следовало обработать и выходить. Лишь через тысячелетие люди растопят ледяные пустыни Марса и охладят пылающие болота Венеры, сделают из этих планет болсеемее приемлемое подобие Земли. Теоретически это было верно. Но всю свою жизнь, изучая историю в школе и читая книги о колонизации,

— Все, что вы сообщите мне, останется в тайне. Он даже не мечтал о том, что окажется здесь, на Марсе, пойманный в

ловушку безжалостной цивилизацией. «Что толку ненавидеть отца, — думал он. — Такие бессловесные глупцы, как он, никогда не поймут того, что творится вокруг».

Что касается его, то он выбрал свой путь. Раньше он играл честно — теперь же нет. Чтобы выжить, нужно стать сильным — он усвоил эту идею. Он не отступит перед трудностями. И ничто не удержит его на Марсе. Ведь он свободен в передвижении.

— Кейл Кларк, уроженец Глэя? — произнес сзади лукавый голос. Кларк неспеша повернулся. Случай подвертывался что-то уж слишком быстро. Коротышка в дорогом костюме, стоявший за ним, явно прилетел не на последнем корабле, несмотря на свою осведомленность.

— Я местный... э-э... представитель Пятнадцатого Банка, — отрекомендовался он. — Может быть, мы сумеем помочь вам в данной ситуации?

Чем-то он был похож на жабу — такие же черные, поблескивающие зрачки. Кейла аж передернуло от отвращения. Впрочем, какая разница, с кем иметь дело.

— Деньги нужны? — спросило существо.

Кейл кивнул.

— Какого, вы говорите, банка?

Карикатура на человека улыбнулась с видом благодетельствованного нищего.

— Пятнадцатого. Вы сделали месяц назад взнос в наш банк. При составлении досье мы узнали, что вы очутились на Марсе в результате весьма... э-э... щекотливых обстоятельств. Мы можем предоставить вам кредит.

— Ясно, — ответил Кейл. Он снова внимательно изучил этого агента всемогущего банка. — Но каким же образом?

Человечек откашлялся.

— Вы ведь сын Фары и Криль Кларк?

Поколебавшись, Кейл кивнул.

— Хотите на Землю?

Тут уж Кейл не колебался.

— Да.

— Стоимость перелета — 600 кредитов. Длительность — 24 дня. Десять кредитов за каждый день после этого. Вам это известно?

Этого Кейл не знал. Но ясно было, что на имперские 25 кредитов в неделю домой скоро не вернешься.

— Пятнадцатый Банк, — величественно произнес коротышка, — предоставит вам 1000 кредитов при поручительстве вашего отца с обязательством уплатить 10000 кредитов впоследствии.

Кейл чуть не сел. Это был конец.

— Мой отец не поручится за долг в 10000 кредитов.

— Вашему отцу следует поручиться лишь за 1000 кредитов. Остальные выплатите впоследствии вы сами.

— Но как я получу деньги?

— Подпишите вексель, и получите деньги. А 1000 кредитов снимем со счета вашего отца. Он заплатит, не беспокойтесь...

— Меня интересует, будут ли деньги выплачены до того, как я распишусь, — оборвал его Кларк.

— Как хотите. Вижу, вы тертый калач. Пойдемте в контору, — согласился делец.

Кейл последовал за ним. Что-то слишком легко все учалось. Это ему не нравилось.

Впереди тянулась линия оффисов. В них входили каторжники в сопровождении хорошо одетых личностей.

«Итак, что же получается? Сначала объявление о наборе на ферму. Если этот трюк не проходит, то агент предлагает взять в долг за счет семьи. Деньги, следовательно, либо не выплачиваются, либо отбираются тут же. И таким образом, истощив все мыслимые ресурсы, вы остаетесь на Марсе навечно».

«Но должна быть пара свидетелей, — подумал он. — Здоровенные вооруженные парни, знающие, в чем дело».

Неплохой метод колонизации безжизненных планет для мира, где люди колонизацией не интересуются.

Он вошел в контору. Так и есть — двое хорошо одетых, приветливых мужчин. Один представился управляющим шахтой, другой — банковским клерком. Кларк представил себе, со сколькими простофилями они познакомились уже раньше. «Управляющий шахтой». Звучит солидно. Приятно дружески побеседовать со столь важной персоной, почувствовать себя человеком. Кейл пожал им руки и объяснил ситуацию. Деньги важно получить легально. Это значило подписать документ и его копию. Конечно, все это ерунда, но законность должна быть соблюдена.

Комната была небольшая, но хорошо обставленная. Вероятно, в другое время она в самом деле была конторой шахты. Дверей было две — через одну он вошел, через другую ему следовало выйти без денег и всякой возможности доказать истину. Кейл подошел к ней и приоткрыл. За ней, насколько хватало глаз, группами стояли солдаты. Да, в случае чего отсюда не выберешься с деньгами.

Кейл обнаружил, что дверь закрывалась снаружи, и незаметно закрыл ее. Потом с улыбкой вернулся в комнату, демонстративно вздрагивая.

— Ну и холодина снаружи. Поскорей бы уж вернуться. —

Троица рассмеялась, и жабовидный агент достал бумагу, на которой значилось 11000 кредитов. Кейл сосчитал деньги и сунул в карман. Затем прочел контракт, написанный, вероятно, специально для подозрительных чудаков. Копий было три — одна для банка, другая для Марса, третья для него. Оставалось лишь расписаться. Кларк сунул одну в карман, другую красиво, с росчерком, подписал, отступил на шаг и первым делом швырнул ручку в лицо управляющему.

Тот взвизгнул и прижал руки к пораненной щеке. Кейл же прыгнул к агенту и, что было силы, нанес ему удар в шею. Агент захрипел и обмяк. Тут он едва не ошибся. Клерк оказался вооружен, он уже сунул руку в карман костюма и схватил маленький сверкающий бластер, когда Кейл обрушился на него всем телом и вырвал у него оружие.

Обернувшись, он увидел «управляющего», тоже вытащившего бластер и мечущегося в поисках удобной позиции, чтобы не задеть «жабу». Кейл выстрелил ему в ногу. Комната наполнилась синим дымом и запахом паленого мяса. С воплем «управляющий» выронил бластер и рухнул на пол. Клерк неохотно поднял руки.

Кейл отнял у агента бластер и отшвырнул подальше.

Затем он коротко объяснил свои намерения. «Жаба» будет заложником. Они доберутся до Киммерийского моря, откуда отправляется рейсовый лайнер на Землю.

— И если хоть кто-нибудь пикнет, я сделаю из него решето, — закончил Кейл.

Никто не пикнул. Это было 26 августа 4784 года династии Ишер, через 2 месяца и 23 дня после начала атаки Императрицы на Организацию.

ГЛАВА 21

Дни шли своим чередом, а Кейл все обдумывал свой план. За бортом корабля по-прежнему была тьма, по одному борту прорезаемая солнцем, а по другую — Млечным Путем. Постепенно Кларк приходил к твердому решению. Терять ему было нечего.

Марс постепенно становился крошечной песчинкой в океане звезд. Земля же превращалась в сияющий шар, закрывающий полнеба, на котором уже можно было различить континенты. На ночной стороне сияли огни городов.

Но Кларк видел все это лишь урывками. На пятый день путешествия он наткнулся на покерный притон в трюме. Сначала он проигрывал, не все время, конечно, изредка удава-

лось отложить запас кредитов. Но на 80-й, предпоследний день путешествия стало ясно, что следует выходить из игры.

Денег осталось 81 кредит. Много денег ушло на уплату 8% комиссионных банку, бластер и покер. Но, по крайней мере, он возвращался в Столицу с большей суммой, чем в свой первый приезд.

Удивительно, но проигрыш не расстроил его. Кейл не думал снова играть. Он решил начать другую жизнь. Конечно, рисковать все равно придется, но не по мелочам. Хотя 5 тысяч кредитов придется выиграть. И именно в Пенни Паласе. Трудно, но он справится. Теперь он справится с чем угодно.

Затем он пойдет к Медлону. Тут у него есть выбор — платить или нет. Он еще не решил. Его не волновало, что будет с полковником — это лишь ступени на пути вверх в его грандиозном плане. У него была идея, до которой не додумался еще ни один карьерист в Империи. Иннелда Ишер не хочет стране зла. Она разгневана коррупцией государственного аппарата. Императрица честна — в маккиавеллиевском смысле. Кларк сомневался, что она лично повинна в казнях. Вероятней всего, что ей пришлось уступить давлению.

Императрица честна — следовательно, заинтересована в тех, кто под эгидой ее неограниченной власти очистит Империю от грязи. Он долго думал над тем разговором у полковника и теперь смог бы ответить достойно. И это ее упоминание об офицерах, обвиненных в поддержке Организации, внезапное закрытие оружейных магазинов. Тут есть, на чем сыграть.

Было, правда, одно условие. Прежде всего следовало найти Люси Ралл и сделать ей предложение. Это дело нельзя откладывать.

За несколько минут до полудня корабль приземлился на столичном космодроме. Через два часа его бумаги были в порядке, формальности соблюдены, и он вышел в город.

Не теряя времени, Кейл зашел в будку телестата и набрал номер Люси. На экране появился мужчина.

— Люси вышла на минутку. Я ее муж. Но тебе не стоит говорить с ней, — сказал он. — Присмотришься ко мне, и ты это поймешь.

Кларк присмотрелся. Но до него сейчас ничто не доходило.

— Ну, будь же внимательнее, — настаивал муж Люси.

— Я и не думал... — начал было Кейл.

И тут он узнал его. Он отшатнулся от экрана и оцепенел.

— Возьми себя в руки, — приказал мужчина, — и слушай. Завтра вечером встретимся у универмага. Ну, пока.

На экране был его двойник.

Кейл Кларк смотрел на Кейла Кларка.

Было 4 октября 4784 года династии Ишер.

ГЛАВА 22

Шестое октября 4784 года династии Ишер. Императрица проснулась поздно и в плохом настроении. Ей пришлось долго успокаиваться и только потом вызывать служанок. Массаж, душ, косметика, прическа — повторилась привычная процедура.

«Сегодня, наконец, я должна получить ответ — выиграем мы или проиграем. Эта война слишком затянулась», — решила она окончательно.

Одевшись, она велела позвать советников. Первым вошел Джеррит, мажордом дворца, потянув за собой кучу нудных и бессмысленных дел. Это была ее вина. Давным-давно она приказала лично докладывать ей о непорядках во дворце. Сейчас доминирующим фактором была наглость. Слуги открыто не повиновались начальству, и это во все возрастающем масштабе.

— Бога ради, если их не устраивает служба, пусть убираются. Никто не давал им права задирать нос, если они посвящены в мою личную жизнь, — негодовала она.

— Почему бы вам не доверить эти дела мне? — как обычно отпарировал он.

Собственно, это было не в его интересах: ни один старый консерватор не пожелал бы полностью контролировать огромный штат дворца. Просто он и ему подобные напрашивались на отставку.

Отослав его, Императрица вернулась к основной проблеме. Что делать? Продолжать атаки или же выждать? Неопределенность была хуже всего.

Вошел генерал Лукор, худощавый гигант со стальными глазами. Угловато откозыряв, он доложил:

— Ваше Величество, здание появилось прошлым вечером на 2 часа 40 минут, лишь на минуту запоздав против расчетного времени.

Иннельда кивнула. Все как обычно. Она приказала информировать ее о каждом появлении лишь для порядка.

«Ничего нельзя выпустить из-под контроля», — подумала она.

Иннельда сделала несколько колких замечаний о деловых способностях подчиненных генерала и перешла к основному вопросу. Лукор развел руками.

— Ваше Величество, атака исключена. Мы превосходим Оружейные Магазины во всех стратегических пунктах. Но за последние два с половиной месяца дезертировали 11 тысяч офицеров. Солдаты же не умеют обращаться с машинами.

— Так научите их. Это дело нескольких часов, — вспыхнула Императрица.

— Так точно, — ответил генерал, поджав губы. — Если Ваше Величество приказывает доверить подобную информацию простым солдатам, мне остается лишь подчиниться.

Иннелда от злости не могла вымолвить ни слова. Старик знал, что делал. Но нет, нельзя выходить из себя. Нужно сдерживаться. Пока.

— Мне кажется все-таки, что ваши так называемые простые солдаты более лояльны, чем их офицеры, и храбрее к тому же.

Генерал пожал плечами.

— Вы сами позволили продавать офицерские патенты. Конечно, вы получили образованных молодых людей, но кто же, спрашивается, станет платить несколько тысяч кредитов только за то, чтобы его ухлопали.

Ей нечего было ответить. Прошло всего лишь несколько недель с того времени, как началось обсуждение этой проблемы в армии. Неприятная тема навела ее на забытую мысль:

— Да, в последнее время мы говорили об этом вопросе, — сказала она, — вы можете осведомиться об этом у полковника Медлона и заодно узнать, что случилось с молодым человеком, желавшим вступить в армию, которого я видела у него. Не так уж часто я разговариваю с людьми столь низкого ранга. Я, похоже, окружена лишь сворой стариков, ничего не смыслящих в армии, — внезапно выпалила она. — А этот юноша... Полковник Медлон доложил мне, что он не явился в назначенный срок. Вероятно, передумал.

«Неправда, — подумала Императрица. — Не такой это человек. И к тому же я лично говорила с ним».

Она знала силу своего обаяния, впечатление, какое производила она на людей, и не поверила полковнику пьянице.

— Генерал, сообщите этому полковнику, что либо он сегодня же произведет этого юношу в офицеры, либо завтра пройдет проверку Ламбета.

Генерал склонился в знак повиновения, но с ехидной улыбкой произнес:

— Ваше Величество, боюсь, что если вы будете бороться с коррупцией, каждый раз убирая по одному человеку, вам не управиться и за всю жизнь.

Ей не понравился тон генерала.

— Когда-то надо же и начать. Не понимаю, чего вы хотите, генерал, вы же сами подсказали эту идею.

— Но не вам лично устраивать это дело. Императрица должна править, не действуя. — Он пожал плечами. — Я начинаю понимать Организацию, когда она утверждает, что

в наше время люди прибегают к коррупции, не находя выхода авантюрным наклонностям.

Зеленые глаза Императрицы вспыхнули.

— Я не интересуюсь философствованиями мятежников.

Как смел он при ней упомянуть Организацию!

— Ваше Величество, если я перестану интересоваться философией Империи, мне придется подать в отставку.

Она отклонила этот довод. Ведь это же почти признание Организации неотъемлемой частью Империи!

«До каких пор эти старики будут ездить на мне, — подумала она в который раз. — Они обращаются со мной, как с несмышленишем».

— И все-таки, генерал, я не нуждаюсь в моральных поучениях Организации, ответственной за все преступления в Солнечной Системе. Развитие экономики сделало нищету мифом. У преступности отнюдь не экономические корни. С ней можно бороться лишь изоляцией преступников. Но что же мы видим! Едва мы решаем схватить очередного психопата, он вооружается их бластером. Правда, они сговорились с полицией. Но если один человек вздумает обороняться, то нужно 30-тонное орудие, чтобы уничтожить его. Чудовищно! Как мы можем покончить с преступностью, если миллионы людей, вооруженных бластерами Организации, смеются над законом! Ладно бы они продавали его уважаемым, достойным гражданам, но когда каждый мерзавец покупает оружие...

— Оборонительное оружие, — вставил слово генерал. — Только оборонительное!

— Конечно. Ведь сначала он совершает преступление, а затем лишь обороняется от правосудия. А, что тут говорить! Генерал, у нас есть возможность навсегда уничтожить этих бунтовщиков. Мы не можем разделаться с ними самими, но мы можем разрушить их магазины. У вас есть армия. Можете вы организовать все для того, чтобы разрушить эти притоны в течение трех дней? Недели? Сколько вам надо времени, генерал?

— До Нового Года, Ваше Величество. Клянусь вам, армия слишком ослаблена.

— Вы поймали кого-нибудь из дезертиров?

— Так точно, — колебавшись, ответил он.

— Я желаю допросить одного завтра утром.

Генерал снова поклонился.

— Наконец, приведите в действие военную полицию. После устранения беспорядков я соберу особый трибунал, и мы покараем предателей.

— А если, — сказал генерал, — у них будут бластеры Организации?

Тут Императрица не выдержала.

— Генерал, если уж дело дошло до того, что какая-то Организация превращает в ничто армейскую дисциплину, то даже генералы должны понять, что с этим пора кончать! — выкрикнула она. — Сегодня вечером, генерал, я посету лабораторию на Олимпийских Полях. Посмотрим, как наши ученые продвинулись в изучении феномена исчезновений. Либо завтра. Да, и полковник Медлон должен произвести этого юношу. Если он этого не сделает, я сниму его продажную голову с плеч. Не думайте, что это прихоть. Пора начинать. С этого юноши. Сейчас же. Впрочем... идите, перевозчик Организации, не то мне еще что-нибудь придет в голову. Идите.

— Ваше Величество, — запротестовал генерал, — я верен Цому Ишеров.

— Я счастлива это слышать, — съязвила она.

Генерал вышел.

ГЛАВА 23

Войдя в столовую, она услышала облегченный вздох присутствующих. Императрица улыбнулась. Люди, имеющие честь завтракать с Императрицей, не могли приступить к еде без нее. Никого, впрочем, не заставляли приходить сюда. Но имеющие привилегию не пренебрегали этим правом. Она поздоровалась с присутствующими и села во главе своего стола. Затем отпила глоток воды из бокала — сигнал к началу завтрака. Почти всем присутствующим было за пятьдесят — седые мужчины и женщины, реликты регентства. За ее столом сидело всего с полдюжины молодых людей и два ее юных секретаря. Они были явно в меньшинстве — следствие ухода принца дель Куртина и его сторонников.

— Все ли хорошо спали сегодня? — нарушила молчание Императрица. Все поспешно уверили ее в этом.

— Прекрасно, — пробормотала она. И снова наступило молчание. Она и сама не знала, чего хотела от своих сотрапезников. Год назад один новичок спросил ее, девственница ли она. И поскольку она была таковой, инцидент ее расстроил.

Грубость, очевидно, исключена. Аморальность ее партии могла бросить тень на всю династию. Чего же она хочет? Верность принципам в сочетании с чувством юмора? Ее слишком переучили. Она чересчур серьезна. И она в отчаянии взмолилась своему богу: «Дай, Господи, хоть одного челове-

ка, знающего толк в делах и умеющего развеселить меня. Если бы дель Куртин был здесь!»

Ее кузен, дель Куртин, принц, не одобрял ее политику в отношении Организации. Она была поражена, впервые узнав это. И унижена, когда почти все юноши покинули дворец вслед за ним, отказавшись участвовать в аванюре. Она не сумела ни переубедить, ни — убийством Бантома Виккерса — запугать оппозицию. Она припомнила их последний разговор, его, великолепного в гневе, себя, растерянную, хотя и непримиримую.

— Когда вы излечитесь от этого безумия, Иннельда, можете позвать меня обратно, — сказал он тогда, предоставляя удобный случай ответить: «Никогда». Но она не осмелилась. Совсем как обиженная жена, она боялась зайти слишком далеко, чтобы муж не поймал ее на слове, — пришлось ей в голову.

Могла ли она выйти замуж за принца после этой войны? Неплохо было бы вернуть его после победы.

Императрица закончила завтрак. 9.30. Начался новый длинный и скучный день.

В половине одиннадцатого, освободившись от дел, она внезапно приказала привести дезертировавшего офицера. Ему было, по досье, 33 года. Майор. Родился в деревне. Имя — Джил Сандерс.

Ввели арестованного. На губах у него играла улыбка, но в глазах был страх. Иннельда мрачно оглядела его. По досье у него была любовница, и он был не последней фигурой в системе коррупции. Типичный случай. Но трудно понять, почему он, столь много имевший, так легко расстался со всем этим. Она спросила его об этом.

— И прошу не оскорблять меня своими предположениями о моральных причинах этой войны. Скажите прямо и откровенно, что привело вас к такому решению. Ведь вы превратили себя в ничто. В лучшем случае вас пошлют на Марс или Венеру. Дурак вы или трус, или то и другое вместе?

Он пожал плечами:

— Дурак, наверное...

Он явно не мог выдержать ее взгляда. Ответ ее не удовлетворил. Она попыталась найти другой подход.

— В вашем досье написано, что вы руководили строительством здания 800А, отпрапортовали об окончании строительства, а когда вам, в соответствии с вашим чином, сообщили о его назначении, вы, часом позже, сжегши личные бумаги, покинули свой оффис и скрылись в тайно купленном приморском коттедже. Вы думали, что тайно. Через неделю, когда

стало ясно, что добровольно вы не вернетесь, вас арестовали и заключили под стражу. Это все верно?

Офицер кивнул.

— В моей власти сделать с вами все, что угодно. Все. Казнь, ссылка, помилование... восстановление.

Сандерс вздрогнул.

— Я знаю. Я видел картину.

— Не понимаю. Вы же знали последствия своего поступка. Так может поступить лишь глупец.

— Картину, — продолжал он, будто не расслышав, — времени, которое рано или поздно — не обязательно при вас — но наступит, если власть будет неограниченной.

— Глупости, — воскликнула она. Она получила, что хотела. — Майор, мне жаль вас. Если бы вы хорошо изучили историю династии, то поняли бы, что почва для злоупотреблений отсутствует. Мир велик. Что я могу сделать с ним? Любой мой декрет утопает в комиссиях. Жесток он или мягок — в конечном счете неважно.

Но ее слова не поколебали его, к ее удивлению. Ведь это же было абсолютно ясно даже глупцу. Сдерживая гнев, она предприняла еще попытку.

— Майор, если мы устраним с пути Организацию, то никто не осмелится переступить справедливые законы. Все будут вынуждены подчиняться правосудию с правом апелляции к высшей инстанции.

— Конечно, — ответил Сандерс. И все. Он отвергал ее логику.

— Но если вы так верите в Организацию, почему же вы не купили их бластер?

— Я пытался.

Она была поражена.

— Так вот в чем дело! Вы испугались даже применить его!

— Нет, Ваше Величество. Я поступил так же, как и другие... э-э... дезертиры. Снял форму и пошел в оружейный магазин. Но двери не открылись — следовательно, я принадлежу к той части населения, которая из двух частей Империи считает более важной династию Ишер. Но у меня не было выбора. Я не могу повернуть. Я умру по вашему приказу без возможности защититься в открытом бою. Ваше Величество, дезертировавшие офицеры не трусы. Просто они не смогли изменить своим принципам. Вряд ли найдется поступок более храбрый, чем их.

Да, этот человек не понимал ее замыслов. Отослав его, она записала его имя в записную книжку с тем, чтобы ознакомиться впоследствии с приговором трибунала. И это помогло ей вспомнить имя юноши. Она полистала страницы и на-

шла его. «Кейл Кларк, — произнесла она вслух. — Вот кто!» Теперь остались хлопоты лишь с Департаментом Финансов — почему они не могут предоставить больше денег для ее нужд.

ГЛАВА 24

«**М**ы поженились, — написала в своем рапорте Координационному Департаменту Организации Люси, — незадолго до полудня пятницы, когда он вернулся с Марса. Не могу понять, как могло оказаться, что он физически не мог присутствовать в это время в городе, так как корабль приземлился в полдень. Я не спрашивала его об этом. Но лично мне не доставляет удовольствия предположение, что он женился на мне за час до прилета на Землю. Это меня вообще не интересует. Человек, за которого я вышла замуж — Кейл Кларк. Меня нельзя провести. Он не знает, что я пишу этот рапорт. Я же не знаю, правильно ли поступаю, что пишу его. Тем не менее, я постараюсь описать, как все было. Начну с момента, когда он позвонил, прилетев с Марса.

Время я помню — 10.30. Разговор был предельно краток. Он спросил, выйду ли я за него замуж. Я уверена, что мистер Хедрук не удивится тому, что я сразу же согласилась. Мы зарегистрировали брак за несколько минут до полудня. Затем мы поехали ко мне, где — за одним исключением — провели остаток дня. Исключение таково: в пятнадцать минут третьего он попросил меня оставить его одного, чтобы позвонить. Он не сказал, он ли позвонит или ему позвонят, но по моему возвращению на индикаторе был знак, что звонили ему.

Я не вижу в этом ничего криминального. В продолжение всего вечера он никуда не выходил, но рассказал мне все, что с ним случилось, начиная с последней нашей встречи в Доме Иллюзий. Может, по времени он ошибается, но события были достоверны. На следующий день он встал рано, сказав, что ему предстоит много работы. Мне же нужно было связаться с мистером Хедруком. Мы расстались. Меня удивляют донесения нашего агента, что к услугам Кейла оказался роскошный карплан, который увез его в неизвестном направлении. Ничего не могу сказать по этому поводу.

Больше Кейл домой не приезжал, но каждое утро звонит мне. Он говорит, что не может пока объяснить, чем занимается, но он меня любит. И я ему верю. Я не знала, что он капитан армии Ее Величества. Не имею понятия, каким образом он был произведен. Не знаю, чем он занимается. Могу

лишь гадать, как он оказался в свите Ее Величества, если это правда. Я прошу верить мне. Я не могу судить действия Кей-ла, но убеждена, что он не преследует корыстных целей.

Люси Ралл Кларк.

14 ноября 4784 года династии Ишер.»

ГЛАВА 25

Итак, это случилось. Целый месяц Хедрук ожидал счастливого случая. И дождался. Прочитав доклад, Хедрук принял решение. Он не знал, что произошло на самом деле, но было ясно, что это именно то, чего он ждал.

Он перечитал рапорт. Ему показалось, что Люси стала несколько отрицательно относиться к Организации. Она боялась, что ее неверно поймут. Это огорчало. Организация не удерживала своих членов — каждый мог выйти из нее, у него лишь стирались в памяти опасные сведения. Ему выдавали выходное пособие. Но Люси была в самом центре событий. Конфликт между ее принадлежностью к Организации и ее личными симпатиями был нежелателен для Организации, если бы зашел далеко...

Хедрук еще немного подумал, затем включил телестат:

— Я прочитал ваш доклад и весьма им доволен. Мы много думаем над создавшимся положением, — сказал он так важно, будто за ним стоял весь Совет, — и хочу предупредить вас, чтобы вы днем и ночью были готовы к нашему вызову. Мы сделаем все возможное, чтобы защитить вашего мужа в случае опасности.

Хедрук уже отдал приказ Отделу Защиты, хотя это было нелегко сделать. Люси никогда не понимала во всей полноте суть войны между Империей и Организацией, несмотря на весь свой ум и образование. В этой войне не было ни выстрелов, ни гибели людей, ни сражений.

Даже если бы Организация потерпела поражение, Люси не сразу смогла бы это определить, потому что жизнь ее, скорее всего, не изменилась бы. Хотя даже он, Хедрук, не мог предсказать, каков будет мир, если из него вынуть одну из составляющих. Но все же Люси еще не успокоилась.

— Миссис Кларк, мы обработали переданные вами результаты измерений калледетических способностей вашего мужа. Мы не можем сообщить вам результат, для вашего же спокойствия, но можем сказать, что вы были бы скорее удивлены, чем огорчены.

— Они велики? — спросила Люси.

— ВЕЛИКИ! — Хедрук не смог сразу подыскать подходящего определения. — Таких способностей еще не регистрировалось за всю историю Организации. Не знаю, сможет ли он играть, но они, несомненно, повлияют на всю нашу цивилизацию.

Правда, неприятность заключалась в том, что пока еще Кларк ничего не сделал. Но он был введен в свиту Императрицы, за ним следовала толпа шпииков. Ну и что? По его разговорам с Люси ничего определенного сказать было нельзя. Дважды, правда, ему удавалось ускользнуть из дворца, обманув агентов, но ничего еще не было известно.

Хедрук бросил пробный шар:

— Люси, не утаили ли вы что-нибудь? Это для нас — и для него — вопрос жизни и смерти.

Люси отрицательно покачала головой. Она не проходила специальной тренировки, и там, где Роберт Хедрук мог лгать, не изменяя выражения лица, она непременно выдала бы себя. Она не лгала.

Хедрук выключил экран. Теперь он был недоволен лишь собой. Что-то он проморгал. Где-то ошибся. Он слишком далек от действительности, решил Хедрук. Настало время проверить все лично.

ГЛАВА 26

Хедрук не спеша прогуливался по Авеню Счастья, наслаждаясь зрелищем. Он ведь даже не мог вспомнить, когда был здесь в последний раз. По крайней мере, лет сто уже не менялись строительные материалы и сплавы Империи. Поэтому улица тоже мало изменилась. Изменились лишь рекламы и вывески. Тут наука действительно шагнула вперед.

Он зашел в Пенни Палас, без определенной цели, просто из любви к неожиданным поступкам. В зале, кольцо на его пальце стало покалывать — его проверяли. Он прошел вперед, а потом неожиданно повернулся. В нужном направлении стояло двое вроде ничем не примечательных зевак. Агенты дома или независимые? Последнее было бы неприятно — при нем всегда было не менее 30000 кредитов. Он улыбнулся и подошел к ним.

— Как дела, ребята? — спросил он.

Старший из двоих сунул руку в карман.

— У вас нет бластера Оружейников. Вы вообще не вооружены.

— А зачем? — поинтересовался Хедрук. Тот отвел глаза.
— Пошли, Джей, нам тут нечего делать, — сказал он.
— Постойте же, — сказал Хедрук. — Вы здесь работаете?
— А что? — спросил старший.
— Мне нужен босс.
— Так я и думал. Ну что ж, дело ваше. — Он пошел к двери.

Хедрук не удивился. Уверенность — вот секрет власти над людьми. Вряд ли они раньше встречались с такой уверенностью, какую прочитали в его глазах. В мире не было столь же мощно вооруженного человека, как он....

Он вошел в кабинет, уже описанный Люси. Едва он закрыл дверь, как на него упала металлическая сеть, окутала его и приподняла над полом. Хедрук не пытался выпутаться. Это его не беспокоило. Но Хари Мартин явно стал осторожнее. Это уже кое-что.

В коридоре слышались шаги, открылась дверь и появилась толстяк. Он включил свет и стал рассматривать пленника.

— Ну? — сказал он, наконец, — и что же будем делать?

Но стоило ему встретиться глазами с Хедруком, как улыбку стерло с его губ.

— Кто вы? — заикаясь, выдавил он.

— Как-то октябрьским вечером, а именно 15-го, вас посетил один юноша, Кейл Кларк. Что случилось дальше?

— Вопросы буду задавать я, — заявил толстяк. Но, встретившись снова с его взглядом, жалобно прошептал:

— Скажите, КТО ВЫ?

Хедрук махнул рукой. Луч одного из колец рассек металл сети. Он спрыгнул на пол.

— Итак, начнем, друг мой. Я тороплюсь, — сказал он.

Не обращая внимания на Мартина, выхватившего бластер, он прошел к столу. Всего несколько минут ему потребовалось, чтобы убедить оператора дать нужные сведения.

— Ну, что ж, если вам нужна информация, то ладно, — сказал Мартин, — 15 октября к нам действительно пришел Кларк. С братом-близнецом.

Хедрук кивнул, ничего не сказав.

— Да, и более похожих близнецов я в жизни не видел. Они играли вместе. У одного была армейская выправка. Обучен он хорошо — только сделал я замечание, что не нужно забываться, как очутился на полу. А попытался ответить — он мне чуть не прострелил голову. — Мартин прикоснулся к проплешине на голове; Хедрук пригляделся к ней. Да, это сделано бластером. И бластером армейским.

— Он даже не поинтересовался, что со мной стало. Да,

жизнь пошла тяжелая. Никогда бы не подумал, что всякая защита стала бессильной...

На улице Хедрук сел в карплан. Существование двух Кларков было установлено. И один из них уже не первый месяц служил в армии. По крайней мере, к 15 октября. А к утру 16-го, в день вступления в армию, у него уже было 500000 кредитов.

Неплохо для честолюбивого юноши. Но и это еще не все. Надо учесть еще его способности. Хедрук звонил в этот день одному человеку — полковнику Медлону.

ГЛАВА 27

После полудня Хедрук просмотрел рапорты, поступившие за время его отсутствия. Потом переговорил с экономическим экспертом Информационного Центра. Затем позвонил членам Совета и потребовал немедленного созыва совещания.

На сбор потребовалось десять минут. Заседание открыл Дресли.

— Мне кажется, что у нашего Координатора есть чрезвычайные новости. Пожалуйста, мистер Хедрук.

Хедрук вышел вперед с улыбкой. Его более не угнетала карта времени, и Императрица, хотя эта проблема еще не была решена.

— Джентльмены, 27 ноября, через 12 дней, мы пошлем Императрице ультиматум, который не оставит ей иного выхода, как прекратить войну.

Он ожидал сенсации, и он получил ее. Эти люди знали, что он никогда не обещает зря.

— Разрешите мне продолжить. Как известно, 3 июня произошел инцидент с журналистом из 1951 года от Рождества Христова. Это было объявлением войны. Открытие особого вида атомной энергии, используемой Императрицей, знаменует собой новую эру в изучении понятия пространственно-временного континуума. Теоретически, атака из Гринвейского здания на наш оружейный магазин должна была мгновенно разрушить его. Но наши магазины сделаны не совсем из материи в обычном смысле. Результатом всего этого явился известный вам парадокс: возник Макаллистер.

Далее он пояснил с помощью формул теорию маятника времени.

— Казалось бы, такого произойти не могло. Ведь планеты и вся Солнечная Система движутся в пространстве с огромной

скоростью, а планеты вдобавок вращаются вокруг Солнца. Поэтому человек, очутившись в прошлом или будущем, не мог бы оказаться в той же точке Земли, откуда начал путешествие. Люди, думающие так, не понимают, что пространство есть всего лишь одно из проявлений единого пространства-времени, и, следовательно, движение в пространстве не влияет на движение во времени, совершающееся по своим законам.

Все это пустило в ход маятник. Макаллистер и здание все время возвращаются на одно и то же место в пространстве. Макаллистер начал со скачка в 7000 лет, здание — с 2-х секунд. Сейчас человек находится на расстоянии нескольких квадриллионов лет, здание же — трех месяцев. Период обращения его — 2 часа 40 минут. Точка опоры движется в обычном времени. Здание не уходит в прошлое далее 3 июня. Это очень важно.

Далее. Координационный Центр недавно обнаружил в Глэе юношу с огромными каллдетическими способностями. Мы легко могли управлять им. Мы думали, что он сумеет повлиять на действительность, но он игнорировал ее. Не буду вдаваться в подробности, но дело кончилось тем, что его отправили на Марс. Тем не менее, он сумел выбраться.

Далее он рассказал, как Люси Ралл вышла замуж за одного Кларка за несколько часов до того, как прибыл другой, о выигрыше 500000 кредитов, о Медлоне, к которому пришел один из Кларков. Визит был удачен для обоих. Кларка произвели в капитаны. На следующий же день, после обучения гипнотическими машинами, он был представлен Императрице.

Под его воздействием — ей это показалось прихотью — она взяла его в свою свиту, где он и состоит сейчас. Он принял участие в акции искоренения коррупции в армии, чем заслужил благосклонность Императрицы. Нет сомнений, что он далеко пойдет.

— В действительности же, джентльмены, историю с 15 августа делал не этот Кларк, а другой, скрывшийся. О таком вы никогда не слышали.

И он объяснил, в чем дело. Зал взволнованно загудел.

— Но почему Люси Ралл вышла замуж за Кларка? — спросил кто-то.

— Отчасти по любви, отчасти... — Хедрук заколебался. Он задавал этот вопрос Люси и получил ответ, — видите ли, Кларк стал очень осторожен. Он думает о будущем. Ему нужен наследник на случай, если с ним что-нибудь случится. Люси была единственной честной девушкой, которую он знал. Ведь Кларк, несмотря на уход из родительского дома,

прекрасно воспитанный юноша. В любом случае, Люси не проигрывала.

Встал Питер Кадрон.

— Джентльмены! Я хочу выразить от имени Организации благодарность Роберту Хедруку за его неоценимые заслуги.

Зал зааплодировал.

— Ему присваивается ранг пожизненного члена Организации.

Возражений не последовало. Хедрук поклонился. Это была большая честь. Как пожизненный член, он был подвластен лишь ПП-машине. Он пользовался неограниченной властью. Он был вне подозрений.

— А теперь пусть останутся члены Совета. Мы обсудим проблему маятника.

Хедрук вышел. Он на мгновение позабыл об оставшейся опасности.

ГЛАВА 28

26 ноября, за день до посылки ультиматума, ничего не подозревавшая Императрица решила осмотреть Здание и, возможно, поступить так, как советовал капитан Кларк. Она не боялась, но все-таки ей, Императрице, не пристало участвовать в сомнительных приключениях. Сначала пусть попробуют Кларк и ученые. Она вышла из машины и осмотрелась.

Местность вокруг была окутана клубами искусственного дыма, чтобы скрыть Здание от любопытных глаз. Императрица прошла вперед.

— Когда оно появится? — спросила она у Кларка.

— Через семь минут, Ваше Величество, — ответил юноша.

— У вас все готово?

Он объяснил ей ситуацию. Семь групп ученых вместе с инструментами будут находиться в Здании. Он лично проверил списки.

— Вы — настоящее сокровище, капитан! — воскликнула она.

Кейл промолчал. Императрица, владевшая буквально всем миром, не могла, конечно, ожидать, что люди будут преданы ей лишь изза нескольких комплиментов и армейской ставки. Он давно уже не ощущал чувства восторга при ее

виде, к тому же то, что предстояло, не располагало к такого рода эмоциям. Но назад пути не было.

Императрица подошла к яме из-под фундамента. Слева был Гринвейский оружейный магазин. Вид оружейного магазина с выключенной рекламой порадовал ее — окруженный деревьями, он казался отчужденным от этого мира.

«Если бы они все стали такими, — внезапно подумала она, — их бы забыли за одно поколение. Дети слушали бы рассказы о них, как сказки».

— Сделай так, Господи! — вырвалось у нее, — сделай так!

И как будто это было приказом, вместо огромной ямы перед ней возникло Здание.

— Точь-в-точь, — сказал капитан Кларк.

Иннельде уже приходилось видеть этот процесс на экране, но здесь он произвел на нее ошеломляющее впечатление. Масштабы были совсем другими. Кубическая конструкция со стороны в четверть мили внезапно и бесшумно возникла как бы из ничего.

Почти все Здание было набито машинами. Свободное пространство внутри можно было обойти за час.

— Ну что же, — сказала Иннельда, — кажется, все в порядке. А как крысы?

Крысы были оставлены в Здании с прошлого раза. Они были живы. Императрица прохаживалась в центральном зале, то и дело поглядывая на часы.

Ей не следовало нервничать. И тем не менее она ругала себя за то, что решила войти сюда. Люди, согласившиеся сопровождать ее, в мрачном молчании стояли поодаль. Послышались шаги, и в зал вошел Кейл Кларк. В руках у него была белая крыса.

— Взгляните, Ваше Величество, — сказал он, — свежа, как роза.

Он передал ей крысу. Она осмотрела ее и внезапно прижала ее пушистое теплое тельце к щеке:

— Что бы мы делали без таких, как ты? — прошептала она. Потом обратилась к Кларку: — Итак, что же думают ученые?

— Все чувствуют себя превосходно, — ответил он.

Иннельда кивнула. В момент начала атаки, при первом исчезновении, в Здании находились люди. Они немедленно покинули его после возвращения и ни за что не соглашались повторить это «путешествие». Но медицинское обследование показало, что никаких отклонений от нормы нет.

Она была в нерешительности. Отказ выглядел бы плохо, но следовало тщательно взвесить все обстоятельства. Если с ней что-либо случится, династия Ишер прекратит свое су-

ществование. У нее нет наследников. И выбор, скорее всего, падет на принца дель Куртина. Он достаточно популярен. Нелепая ситуация.

— Капитан, — сказала она наконец, — вы согласились совершить путешествие независимо от того, отправлюсь я или нет. Боюсь, однако, мне не следует делать этого. Как Императрица я не имею на это права, — она махнула рукой. — Благославляю Вас!

Спустя час она наблюдала за исчезновением Здания. Был сервирован ленч. Затем она прочла несколько государственных документов, и после этого оказалось, что Здание вот-вот появится.

Оно появилось. Из него вышли люди. Один из ученых подошел к ней.

— Ваше Величество, за это время никаких происшествий не случилось, за исключением исчезновения капитана Кларка. Он покинул Здание с исследовательскими целями. Мы получили от него сообщение, что снаружи 17 августа 4784 года. И более ничего мы о нем не слышали. Он не вернулся.

— Но... — начала Императрица и запнулась. — Но это значит, что с 17 августа по 26 ноября было два Кларка.

«Вот он, парадокс времени, — подумала она. — Может ли человек встретиться с самим собой?»

Вслух же она сказала:

— Но что же случилось со вторым?

ГЛАВА 29

День 17 августа был ясным. Легкий ветерок овеивал лицо Кларка, шагнувшего по улице прочь от Здания. Он был один. Часовые, взглянув на капитанскую форму с алым значком свиты Императрицы, беспрепятственно пропускали его, отдавая честь.

Через пять минут на городском карплане он прилетел в Центр. Впереди было два с половиной месяца, чтобы подготовить путешествие.

Несмотря на поздний вечер, ему удалось снять оффис. Ему обещали, что к 9 часам утра следующего дня у него будет секретарша и клерки. Кроме того, он снял комнату, где и переночевал.

Сразу после пробуждения он отправился в банк, чтобы обменять 500000 кредитов в акциях и ценных бумагах, данных ему «вторым» Кларком в количестве, в котором их можно было пронести, не привлекая внимания.

И машина завертелась: стенографистки писали, клерки обрабатывали его сделки, секретарша отправляла его письма, бухгалтер, произведенный в начальники конторы, нанимал новый персонал и расширял агентство.

Кларк действовал так, как вел бы себя бизнесмен, получивший из будущего точные сведения о биржевых операциях.

И таким образом, в течение августа он получил 90 миллиардов кредитов, контроль над четырьмя банками и 34 компаниями.

В сентябре у него было уже 330 миллиардов кредитов, он поглотил колоссальный Первый Имперский Банк, три межпланетных корпорации, 290 компаний. Он переехал в 100-этажный небоскреб, где работало семь тысяч служащих.

В ноябре у него был капитал в 3 биллиона кредитов. Он женился на Люси Ралл, ответил на свой звонок и встретился с самим собой.

Двое близнецов пришли в Пенни Палас и выколотили из Хари Мартина деньги. Деньги для них, конечно, ничего не значили, но дело быдо в принципе. На этом Кларки остановились. Первый из них отправился к Медлону и вступил в армию.

Эту историю Совету Организации поведал Хедрук. Это и заставило Императрицу прекратить войну, дабы не ввести в соблазн других офицеров, которые полностью подорвали бы стабильность экономики, пытаясь повторить карьеру Кларка.

ГЛАВА 30

Сначала Фару поразило, что снаружи вечер. Ведь он совершил путешествие в половину земного шара. Но пришлось примириться с действительностью.

Твердый металл замка легко поддался лучу бластера. Вспышка — и дверь распахнулась. Он вошел в мастерскую. Внутри было темно. Но Фара не спешил включать свет: сначала он открыл окно. И только после этого щелкнул выключателем. Его инструменты были на месте, готовые к работе.

Фара позвонил Криль, и вскоре она появилась в мастерской. Увидев его, она побледнела.

— О, Фара, я думала...

— Криль, я был в оружейном магазине. Ты сейчас переберешься к своей матери. Я буду жить в мастерской до тех пор, пока это будет нужно. Позже я приду домой поесть и

переодеться, но ты должна перебраться к этому времени. Ты поняла?

— Можешь не возвращаться, — ответила она, — я принесу все, что нужно, и даже кровать. Мы поселимся в кладовой.

Лишь в 10 часов утра открытую дверь пересекла человеческая тень. Вошел смущенный констебль Джор.

— Я должен тебя арестовать, Фара, — сказал он.

— Скажи тем, кто тебя послал, что я оказал вооруженное сопротивление, — ответил Фара и вытащил бластер. Констебль с минуту постоял, что-то соображая, затем сказал:

— У меня с собой предписание о твоей явке на суд в Ферд. Ты принимаешь его?

— Да.

— И будешь там?

— Я pošлю адвоката. Положи приказ на пол. Скажи, что я взял его.

Он вспомнил слова продавца: «Не делайте глупостей. Не критикуйте законы и власти. Просто игнорируйте их».

Джор вышел, явно удовлетворенный. Через час в мастерскую пришел майор Мел Дейл.

— Итак, Фара Кларк, вам не выйти отсюда. Вы не повинуетесь закону.

Было странно, как это майор решил рискнуть своей драгоценной тушей, явившись сюда. Но тут он прошептал:

— Отлично сработано, Фара. Я знал, что ты не подведешь. Люди за тебя. Я говорю тихо потому, что снаружи толпа, будь осторожен — сюда приехал управляющий РАМ со своими телохранителями.

Итак, наступал решающий момент.

«Пусть приходят, — сказал он себе, — пусть приходят».

Однако все прошло легче, чем он ожидал. Двое, вошедшие в мастерскую, побледнели, едва увидев бластер.

— Взгляните, — сказал главный, — вот ваш вексель на 12100 кредитов. Вы не отказываетесь от него?

— Я выкуплю его за 1000 кредитов, в действительности выплаченных моему сыну, — ответил Фара.

— Идет, — сказал управляющий....

Первым его посетителем стал Лэн Гаррис. Фара смотрел на старика и начинал понимать, почему Организация выбрала для магазина именно его участок. А через час появилась теща.

— Итак, — сказала она, — ты, наконец, решился? Извини, если я была резка с тобой, но играть в открытую было еще рано.

И все. Невероятно. Но все. Фара еще не мог поверить в это, думал, что все это ему снится. Воздух опьянял его. Маленький мирок Глэя снова превратился в застывший рай.

ГЛАВА 31

— **М**истер де Лани? — спросила Императрица. Хедрук поклонился.

Для небольшой страховки он назвался одним из своих многочисленных имен, которых уже никто не помнил.

— Вам необходимо со мной побеседовать?

— Именно так.

Она еще раз взглянула на карточку. Императрица была в снежно-белом платье, выгодно оттенявшем ее загар. Этот зал напоминал средиземноморский островок. Их окружала пышная растительность, а впереди были пляж и кусочек моря. Прохладный ветер дул ему в спину.

Иннелда внимательно осмотрела Хедрука. Перед ней был мужчина средних лет с властным и спокойным лицом. Он смотрел прямо в ее глаза. Она не ожидала столь решительного человека.

— Уолтер де Лани, — снова прочитала она, как бы пробуя это имя на вкус. Наконец, она спросила его:

— Но как вы здесь очутились? Я нашла ваше имя в записной книжке и решила принять вас, потому что камергер счел это нужным...

Хедрук промолчал. Как и многие придворные, камергер не прошел соответствующей тренировки. Нетрудно было уговорить его вписать имя в записную книжку Императрицы.

— Странно, — сказала Иннелда.

— Успокойтесь, Ваше Величество. Я пришел лишь за тем, чтобы просить вашего снисхождения для несчастного, невинного человека. Ваше Величество, вы можете совершить акт милосердия по отношению к человеку, находящемуся в 5 биллионах лет отсюда, переносимого из будущего в прошлое и обратно энергией вашего Здания.

Самое важное было сказано. Лишь ее близкие друзья или враги могли знать эту тайну. Она побледнела.

— Вы из Организации? — прошептала она и закричала: — Убирайтесь отсюда! Вон!

— Ваше Величество, возьмите себя в руки. Вам ничто не угрожает.

Он хотел сыграть на том, что она не станет давать волю

эмоциям в присутствии постороннего. Она сунула руку за вырез платья и выхватила маленький белый бластер.

— Если вы сейчас же не уберетесь, я буду стрелять!

Он поднял руки.

— Обычный бластер против оружейника? Ваше Величество, если вам не угодно выслушать меня...

— Я не веду дел с Оружейниками, — сказала Иннельда.

— Я удивлен необдуманностью ваших поступков, Ваше Величество. Вы не только имели дело с Организацией, но и приняли ее ультиматум. Вы окончили войну, вы не казнили дезертировавших офицеров, а лишь разжаловали их. Вы гарантировали неприкосновенность Кейлу Кларку.

Но и это не проняло ее.

— Как вы смеете говорить мне все это?!

Она подошла к креслу, не выпуская из рук оружия.

— Стоит мне нажать кнопку, и появится стража.

Хедрук вздрогнул. Он не хотел заходить далеко.

— А почему бы вам в самом деле не нажать ее? — спросил он.

— И нажму, — сказала Иннельда, нажимая кнопку. Но ответом было лишь молчание и шелест листьев. Через две минуты Иннельда подошла к одному из деревьев и прикоснулась к ветке. Но и этот сигнал не сработал. Она вернулась к креслу и села в него. Она пришла в себя.

— Вы убьете меня? — холодно и спокойно спросила она.

Хедрук лишь покачал головой. Ему было жаль, что пришлось заставить ее ощутить собственное бессилие, и, следовательно, она займется теперь охраной дворца. Сам он был в абсолютной безопасности. Даже ученые Организации были бы поражены имеющимися у него средствами защиты и нападения. На определенном расстоянии от него не могло стрелять ни одно оружие и не срабатывала сигнализация. Он был хорошо подготовлен к величайшему дню в истории Солнечной Системы.

— Что вам нужно? О ком вы говорили?

Хедрук рассказал ей о Макаллистере.

— Вы сошли с ума. Как он мог оказаться так далеко? Здание ушло лишь на 3 месяца!

— Все дело в массе.

— Но что же вы хотите от меня?

— Ваше Величество, этот человек нуждается в вашей жалости и милосердии. Он путешествует в мире, не виданном еще человеком. Он видел Землю и Солнце в их молодости и старости. Ему уже ничто не поможет. Мы должны исполнить свой последний долг.

Иннельда представила себе то, о чем он говорил.

— Но что вы предлагаете?

Хедрук был не совсем готов к этому вопросу. Он пришел к Императрице прежде всего потому, что она потерпела поражение, и его нужно было скрасить. Никто, кроме него, не мог сделать этого.

— Ваше Величество, не будем терять времени зря. Здание появится через час.

— Но разве Совет не может решить этот вопрос?

— Они могут принять неправильное решение.

— Какое же решение правильное?

И Хедрук объяснил ей.

Кейл Кларк включил автопилот на круговой полет вокруг плавающего в воздухе дома.

— О, боже! — воскликнула Люси. — Откуда этот дворец?..

Она взглянула вниз, на сады, раскинувшиеся под домом.

— Кейл, ты уверен, что мы можем позволить себе это?

— Дорогая, ведь я уже десятки раз объяснял тебе все, ну, сколько же можно?

— Я не так выразилась. Неужели Императрица позволит это?

Кейл улыбнулся.

— Мистер Хедрук дал мне бластер. Кроме того, у меня есть заслуги перед Ее Величеством — она сама сказала мне это сегодня и она мной довольна. Она хочет, чтобы я продолжал работать у нее.

— О! — только и смогла сказать Люси.

— Ничего. Ты же сама говорила мне, что думает Организация о правительстве. Они улучшаются вместе с миром. И поверь мне — я приложу к этому все усилия.

Он посадил карплан на крышу пятиэтажного особняка и ввел Люси внутрь, в мир роскошных зал, где он и она навсегда останутся вместе.

По крайней мере, в его двадцать два года это казалось очевидным.

ЭПИЛОГ

Макаллистер забыл, что он придумал. Да и трудно было думать в этой мгле. Он открыл глаза и обнаружил, что находится в кромешной тьме. Но Земли под ним не было. В этом времени планеты — да и сама Солнечная Система — еще не сформировались. Это событие еще только должно было произойти. Пространство ждало чего-то.

Ждало его.

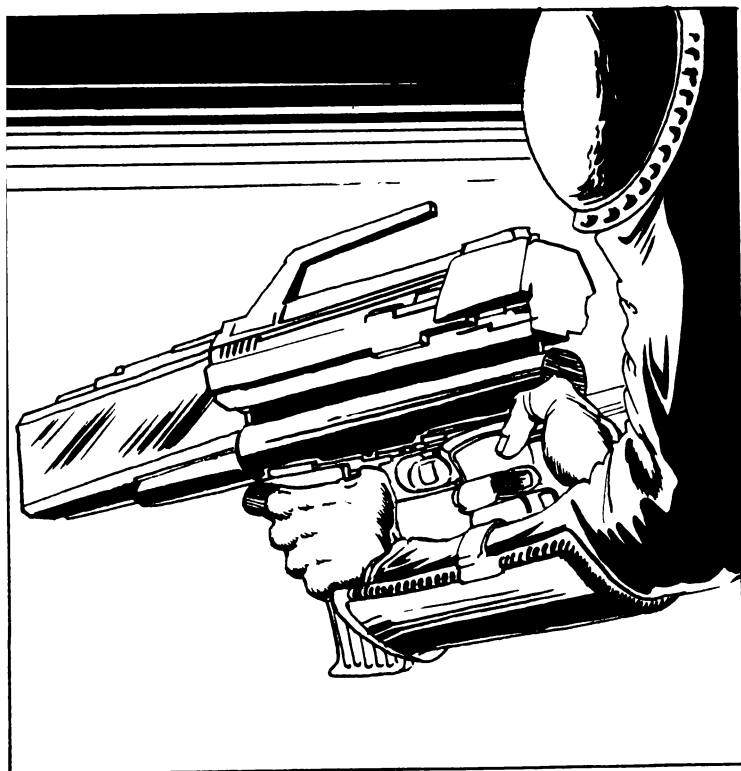
И он понял, что нужно сделать. Умереть. Как легко это осуществить! Он слишком устал. Он вспомнил, как давным-давно, в двадцатом веке, лежал на поле битвы, ожидая смерти.

Он не хотел умирать, потому что другие оставались жить. И теперь на него нахлынули те же чувства, что и тогда, на том поле...

Маятник остановился, в далеком прошлом высвободив всю свою гигантскую энергию.

Он не был свидетелем, но стал причиной появления Солнечной Системы.

ОРУЖЕЙНИКИ

ГЛАВА 1

Хедрук почти забыл о подсматривающем луче, который продолжал рисовать на экране картину императорской комнаты совещаний так же четко, как обычно. Там все еще находились люди, низко склонившиеся к руке молодой женщины с удлинённым холодным лицом, сидевшей на тронном кресле. Отчетливо были слышны звуки их голосов. Все было, как всегда.

У Хедрука, тем не менее, весь интерес к этой дворцовой комнате и этой придворной сцене пропал. Ледяные слова молодой женщины раздались снова, хотя уже прошло несколько минут после того, как она произнесла их.

— При данных обстоятельствах, — сказала она, — мы не можем дальше рисковать с этим рснегатом-перебежчиком от Оружейных Магазинов. То, что случилось, слишком важно. Поэтому, генерал Гролл, вы, исключительно в качестве меры предосторожности, арестуете капитана Хедрука через час после ленча и повесите его. Именно в этой последовательности, чтобы он, как обычно, сидел за моим столом во время ленча, а также потому, что я хочу присутствовать при казни.

— Хорошо, Ваше Величество.

Хедрук ходил взад и вперед перед своим подсматривающим устройством. В конце концов, он снова уставился на экран, который в своем развернутом состоянии занимал весь угол комнаты. Он увидел, что молодая женщина все еще была в комнате совещаний, теперь уже одна. Слабая улыбка едва заметно играла у нее на губах. Улыбка пропала, когда она коснулась механизма на своем кресле и начала диктовать ясным звонким голосом.

На мгновение Хедрук позволил списку рутинных дворцовых вопросов, которые она обсуждала, проникнуть в его мозг, затем он переключил свое внимание. В его мозгу была единственная цель — крепнущая решимость не соглашаться со своим провалом. Очень осторожно он начал регулировать устройство. Сцена, показывающая молодую Императрицу, пропала. Экран замелькал бесформенными пятнами и, наконец, показал лицо мужчины. Хедрук сказал:

— Объявите Высший Совет Оружейников.

— Это потребует много времени, — мрачно ответил человек на экране, — собрать всех советников к их аппаратам.

Хедрук кивнул. Он вдруг занервничал. Его голос был

достаточно устойчив, но у него было чувство, что он может вдруг задрожать. Он сознательно расслабился. Когда он снова взглянул на экран, на нем была дюжина членов Совета с решающими голосами. Хедрук тотчас стал рассказывать о смертном приговоре, вынесенном ему. Он закончил словами:

— Нет сомнения, что происходит что-то важное. Снова и снова в течение последних двух недель во время императорских совещаний меня отвлекали мелочными беседами со старшими офицерами, не давая мне вернуться в мои комнаты. Для меня, тем не менее, важен фактор времени, упомянутый в приказе. Заметьте, что я не должен быть арестован раньше часа после ленча, то есть через три часа от настоящего момента. И к тому же мне было позволено вернуться в свои апартаменты как раз вовремя, чтобы услышать вынесение приговора. Если они знают Оружейные Магазины, они должны понять, что, получив за три часа предупреждение, я буду иметь достаточно времени, чтобы убежать...

— Не собираетесь ли вы остаться? — резко прервал его советник Питер Кадрон.

Холодное жесткое чувство вернулось к Хедруку. Когда он снова заговорил, его голос чуть подрагивал, хотя сами слова были точными и, по сути своей, уверенными.

— Вспомните, Кадрон, что мы анализировали характер Императрицы. Аномальные социотехнические воздействия нашего века сделали ее такой же беспокойной и склонной к приключениям, как девятнадцать биллионов ее подданных. Она хочет перемен, возбуждения, новых впечатлений. Но сверх того она — это императорская власть, представитель консервативных сил, направленных против перемен. В результате — постоянное напряжение в мозгу, опасное состояние неуравновешенности, которое делает ее самым трудным противником Оружейных Магазинов за многие столетия.

— Повешение, без сомнения, — холодно произнес другой советник, — даст щелчок ее измученным нервам. На несколько мгновений, пока вы дергаетесь и подпрыгиваете в петле, ее жизнь будет казаться ей менее скучной.

— Что я хотел предложить, — сказал спокойно Хедрук, — это, чтобы один из наших А-людей обдумал различные факторы и ответил, существует ли возможность остаться.

— Мы проконсультируемся с Эдвардом Генишем, — сказал Кадрон. — Теперь, пожалуйста, потерпите, пока мы обсудим этот вопрос.

Они удалились, но не визуально, так как их лица остались на экране, и, хотя Хедрук мог видеть движение их губ, голосов не было слышно. Беседа продолжалась довольно долгое время, в ней был показавшийся ему бесконечным период, когда что-то объяснялось кому-то за экраном. Время тянулось так долго, что в конце концов Хедрук стоял с плотно сжатыми зубами и стиснутыми кулаками. Он вздохнул с облегчением, когда молчание кончилось, и Питер Кадрон обратился к нему:

— Мы должны с сожалением доложить, что А-человек Эдвард Гениш заявил, что здесь известных факторов недостаточно для его интуиции. Это оставляет нам только логику, и поэтому мы хотим задать один вопрос: с какого момента ваши шансы вырваться из дворца начнут резко падать? Можете ли вы остаться на ленч?

Хедрук держал себя в руках, стараясь изгнать из головы шок от сообщения о заключении интуициониста. Он и не предполагал, что будет так надеяться на этого высокотренированного гения интуиции в вопросе о его жизни или смерти. В одно мгновение ситуация стала неопределенной и опасной сверх всех его предварительных оценок. Наконец, он сказал:

— Нет, если я останусь на ленч, я обречен. Императрица любит играть в кошки-мышки, и она наверняка сообщит мне о приговоре во время еды. У меня есть план, учитывающий ее эмоциональные реакции и основанный на том факте, что она наверняка будет искать оправдания самой себе. — Он помолчал, хмуро глядя на экран. — Каково ваше заключение? Мне нужна любая возможная помощь.

Советник Кендлон, круглолицый спокойный мужчина, произнес:

— Как вы знаете, Хедрук, вы находитесь во дворце ради достижения двух целей: одна — защищать Оружейные Магазины от неожиданной атаки во время данного, всеми признанного опасным, периода для нашей цивилизации. Другой вашей целью является, конечно, ваш собственный любимый план установления дружеских связей между Оружейными Магазинами и Императрицей и Императорским Правительством. Следовательно, вы являетесь шпионом только в минимальном смысле. Любая другая информация, которую вы можете добыть, принадлежит только вам. Нам она не нужна. Но постарайтесь вспомнить: слышали ли вы что-нибудь, что может подтвердить вашу теорию о том, что готовится нечто ужасное?

Хедрук медленно покачал головой. Внезапно он почув-

ствовал себя полностью опустошенным. У него возникло странное ощущение физической отрешенности от происходящего. И когда он наконец заговорил, его голос прозвучал как бы из холодного далека — точно, ровно, утвердительно:

— Я вижу, джентльмены, что вы ничего не решили, хотя не отрицаете, что вам не хотелось бы лишиться меня. И нет сомнения в вашем желании узнать, что скрывает Императрица. К тому же, как вы сказали, имеется еще мой любимый план. Поэтому я решил остаться.

Они не сразу согласились. Станный и беспокойный характер Императрицы предполагал, что малейшее неправильное слово с его стороны может стать роковым. Детали — о, они обсуждали их с кропотливой дотошностью. Имело значение, главным образом, то, что он был первым в истории предателем Оружейных Магазинов, который, тем не менее, отказался дать какую-либо информацию любопытному правительству. Его впечатляющая внешность, блестящий ум и сильный характер уже очаровали Императрицу и продолжали очаровывать дальше. Следовательно, исключая возможность, что она занята чем-то секретным и важным, угроза повешения является лишь тестом, продуктом подозрений. Но надо быть осторожным. Если будет нужно, можно дать секретную информацию общего характера об Оружейных Магазинах, чтобы возбудить у нее аппетит для большего, и...

В этом месте звонок в дверь прервал беседу. Вздвогнувшись, Хедрук выключил связь. Затем, осознав, что он позволил себе излишнюю нервозность, он решительно снял обыкновенную золотую булавку со своего галстука и наклонился над столом. На нем лежало зеркало, небольшое, красивой формы. Его декоративная верхняя часть представляла собой точную копию устройства, формирующего подсматривающий луч, которое задействовалось в полную силу энергией от крошечного атомного источника внутри кольца. Быстрее было бы воспользоваться автоматическим рычажком, который был прикреплен к кольцу, но его собственное нервное состояние было более важно. Это была такая же деликатная задача, как вдевание нитки в иголку. Три раза его рука чуть дрогнула и пропустила почти невидимое углубление, которого нужно было коснуться. На четвертый раз он попал в него. Подсматривающее устройство исчезло, как вспышка света, и не осталось никаких следов, кроме пустого воздуха. Там, где оно стояло на столе, было только одеяло, которое он использовал, чтобы не оставить царапин на полированной поверхности.

Хедрук убрал одеяло назад в спальную комнату и постоял немного в нерешительности с кольцом в руке. Наконец он положил его в металлический ящик с тремя другими кольцами и установил контрольное устройство ящика на уничтожение колец в случае попытки открыть его. На его пальце осталось только одно боевое кольцо, когда он, наконец, спокойно пошел ответить на настойчивый звонок.

Хедрук узнал в высоком мужчине, который стоял в коридоре, одного из посыльных Императрицы. Мужчина кивком поприветствовал его и сказал:

— Капитан, Ее Величество просила меня сообщить вам, что ленч уже сервирован, так что не будете ли вы добры проследовать к столу?

На мгновение у Хедрука появилось отчетливое впечатление, что он является объектом явной шутки и что Императрица Иннельда уже играет свою маленькую возбуждающую игру. Не могло так быстро наступить время ленча. Он взглянул на ручные часы. Маленький циферблат показывал 12.35. С момента, когда он услышал смертный приговор, прошел час.

Фактически ему не надо было уже решать вопрос, остается ли он на ленч или нет. Его действительное положение стало ясным, пока он шел мимо отрядов солдат, которые стояли в каждом коридоре на его пути к королевскому обеденному залу. И эта действительность состояла именно в том, что он остается.

Это было настолько окончательным, что Хедрук постоял немного на пороге огромной комнаты, саркастически улыбаясь, и снова стал самим собой.

Спокойно, все еще с улыбкой, он прошел среди столов шумных придворных и опустился на свое место за пять кресел от Императрицы во главе стола.

ГЛАВА 2

Очередь коктейля и супа уже прошла. Хедрук сел, более спокойный теперь, когда он не двигался физически, ожидая, что будет дальше. Он рассматривал людей вокруг стола, молодых, сильных, высокомерных, умных, лет тридцати, которые образовывали личную свиту Ее Императорского Величества.

Он почувствовал легкое сожаление, что все это должно теперь прекратиться. Больше шести месяцев он наслаждал-

ся среди этого блестящего сблища. Ему интересно было снова наблюдать, как молодые люди вкушают плоды ошеломляющей власти, неукротимое наслаждение весельем, так напоминавшее его собственное далекое прошлое. Хедрук криво усмехнулся. Было в его бессмертии качество, которое он не должен был позволять себе — растущее пренебрежение риском во время кризиса, чувство беспечности по отношению к опасности. Он знал, конечно, что рано или поздно он встрянет в ситуацию сверх его тайного могущества. Сейчас, так же, как и в прошлом, только его высшая цель, совершенно отличающаяся от того, что думали о нем люди, была важнее всего.

Голос Императрицы первый раз возвысился над гулом разговоров и оборвал его раздумья.

— Вы, кажется, очень задумались, капитан Хедрук?

Хедрук медленно повернул голову в ее сторону. Он хотел бросить на нее более пристальный взгляд. Чем он позволял себе до этого. Но он все время чувствовал ее зеленые глаза, наблюдающие за ним с момента его прихода. У нее было впечатляющее, благородное выражение лица, высокие скулы и твердый подбородок знаменитого семейства Ишеров. Не было сомнений, что это был один из самих молодых, но отнюдь не последних членов звездной линии человечества. Своенравие и неограниченная власть исказили ее красивое лицо. Но было уже видно, что сумасбродная, ослепительная Иннельда, подобно всем замечательным мужчинам и женщинам, которые были ее предками, устоит перед коррупцией и интригами, несмотря на дефекты характера, и что выдающееся семейство Ишеров продлится еще не одно поколение.

«Самая важная вещь сейчас, — подумал Хедрук с резкой отчетливостью, — это заставить ее открыться при самых выгодных для него обстоятельствах». Он сказал:

— Я думаю, Иннельда, о вашей прабабушке, очаровательной Ганиэли, золотоволосой Императрице. Исключая ваши коричневые волосы, вы очень похожи на нее, какой она была в свои юные годы.

Зеленые глаза приобрели озадаченное выражение. Императрица сжала губы, а затем приоткрыла их, как бы пытаясь что-то сказать. Прежде, чем она заговорила, Хедрук продолжал:

— Оружейные Магазины имеют полное описание ее жизни. То, о чем я сейчас думаю, мысль, немного печальная, что когда-нибудь вы тоже будете только жизнеописанием в каком-нибудь Информационном Центре...

Это был сильный удар. Он знал, что эта молодая дама

не выносит даже мысли о старости или о смерти по отношению к себе самой. Гнев засверкал в ее глазах и проявил, как это было не раз в прошлом, все то, о чем она на самом деле думала.

— Вы, во всяком случае, — резко произнесла она дрогнувшим, но звонким голосом, — не проживете столь долго, чтобы увидеть какое бы то ни было описание моей жизни. Вам, может быть, интересно будет узнать, мой дорогой капитан, что ваша шпионская работа здесь была обнаружена, и вас должны повесить не далее, чем сегодня!

Эти слова ошеломили его. Одно дело — теоретизировать загодя, что здесь не будет ничего, кроме инквизиторски хитрой проверки, попытки заставить его раскрыться, и совсем другое — сидеть рядом с этой женщиной, которая может быть настолько жестокой и безжалостной, и каждый каприз которой — закон, и слышать, как она произносит твой собственный смертный приговор. Против этого тирана во плоти и крови вся логика была непрочной, все теории — нереальными и фантастическими.

Внезапно он перестал понимать причину, поставившую его в такое затруднительное положение. Он мог бы легко подождать еще однодва поколения, а если понадобится, то и больше, женщины в линии Ишеров. Конечно, это было наиболее биологически и исторически подходящее время. Он переборол мрачное настроение и заставил себя расслабиться и рассмеяться. В конце концов он вытянул эти слова из нее прежде, чем она сама захотела бы объявить приговор. В некотором роде это была психологическая победа. Еще несколько побед, вроде этой, и он подготовит ее к первому срыву.

В огромной обеденной комнате все еще продолжались разговоры, но не за королевским столом. Это заставило Хедрука оглядеться. Некоторые из молодых людей сидели, уставившись на Императрицу. Другие недоумевающе переводили взгляд то на Хедрука, то на Императрицу, то снова на Хедрука. Все были явно озадачены и казались неуверенными, была ли это лишь скверная шутка или одна из тех чертовски реальных жизненных драм, в которых Императрица участвовала время от времени, по-видимому, с единственной целью испортить всем пищеварение. «Сейчас важно, — четко подумал Хедрук, — что мне удалось овладеть полным вниманием людей, от которых я ожидал спасения».

Императрица первая нарушила тишину. Она произнесла с мягкой усмешкой:

— Штраф за ваши самые последние мысли, капитан.

Она не могла подыграть ему лучше. Хедрук подавил безумный смешок и сказал:

— Мое заявление все еще в силе. Вы очень похожи на милую, темпераментную, вспыльчивую Ганиэль. Основное различие в том, что она никогда не спала с живой змеей, когда ей было шестнадцать.

— Как это? — спросил придворный. — Иннельда спала со змеями? Это символически или буквально? Но посмотрите, она краснеет...

Это было так. Холодный взгляд Хедрука изучал малиново-рощекое смущение Императрицы с удивленным любопытством. Он не ожидал получить такую реакцию. Через мгновение, конечно, произойдет прилив холодного раздражения. Это, впрочем, не смутило бы большинство присутствующих за столом.

— Продолжайте, продолжайте, Хедрук, — сказал уса-тый принц дель Куртин. — Не собираетесь же вы придержать эту интересную новость для себя. Я полагаю, что ее источник находится также в хрониках Оружейных Магазинов.

Хедрук молчал. Его подтверждающая улыбка, казалось, была адресована принцу, кузену Императрицы, но на самом деле он почти не смотрел на него. Его взгляд и внимание были сконцентрированы на единственной персоне в комнате, которая имела для него значение. Императрица Ишер сидела молча, румянец на ее лице постепенно переходил в гнев. Когда она медленно встала, ее глаза опасно сверкали, но в голосе была только доля ярости, охватившей ее. Она зловеще сказала:

— Это очень умно, капитан Хедрук, изменить тему разговора, как это сделали вы, но я уверяю вас, что это ничуть не поможет вам. Ваша быстрая реакция просто подтвердила, что вы заранее знали о моем намерении. Вы — шпион, и мы не можем больше рисковать с вами.

— О, Иннельда, — вмешался один из придворных. — Не собираетесь же вы действительно сыграть жалкую шутку вроде этой?

— Поосторожней, мистер, — огрызнулась женщина. — Или вы присоединитесь к нему на эшафоте.

Люди за столом обменялись многозначительными взглядами. Некоторые покачали неодобрительно головами, а затем все принялись разговаривать друг с другом, игнорируя Императрицу.

Хедрук ждал. Это было то, ради чего он и старался, но сейчас, когда получилось, это казалось недостаточным. В прошлом остракизм людей, которых она ценила, оказывал

огромный эмоциональный эффект на правительницу. Дважды со времени своего прибытия он видел его разрушающее воздействие. Но не в этот раз. Он понял это окончательно, пока наблюдал за женщиной, опять опустившейся в свое кресло и сидящей там с иронической улыбкой на длинном красивом лице. Затем улыбка исчезла, она мрачно произнесла:

— Извините, джентльмены, за то, что я испортила вам настроение. Я сожалею о любых признаках гнева, которые могут быть истолкованы так, что мой приговор капитану Хедруку вызван личными причинами. Но я очень расстроена моим открытием, что он шпион. Это впечатляло и звучало убедительно. Частные беседы, которые замерли, пока она говорила, больше не возобновились. Хедрук откинулся назад в своем кресле, чувство поражения усиливалось в нем с каждой проходящей секундой. Стало ясно — то, что стояло за приговором — очень большое и слишком важное, чтобы можно было изменить его простой ловкостью. Решительное, опасное и смертельное действие требовалось для этого.

Он ненадолго сосредоточился на своих мыслях. Длинный стол, покрытый гладким белым шелком, золотые блюда, две дюжины красивых молодых людей отошли на задний план перед его мрачной перспективой. Ему нужны были слова, которые изменили бы целиком ситуацию, плюс действие, которое могло бы закрепить ее. Он осознал, что принц дель Куртин говорит в это время:

— Вы не можете только заявить, что человек шпион, и ожидать, что мы поверим этому. Мы знаем, что вы можете много и изобретательно лгать, когда это вам выгодно. Если бы я заподозрил, что готовится, я бы присутствовал на совещании кабинета этим утром. Как насчет маленького факта?

Хедрук почувствовал нетерпение. Люди уже смирились с приговором, хотя, казалось, не поняли этого. Чем быстрее они прекратят разговор, тем лучше. Но надо быть сейчас осторожнее. И ждать, пока Императрица не заговорит. Она сидела напряженно, с мрачным выражением, без улыбки. Затем спокойно сказала:

— Я боюсь, что должна буду просить вас довериться мне. Возникла очень серьезная ситуация. Она и была единственным предметом совещания сегодня. Я уверяю вас, что решение казнить капитана Хедрука было единодушным, и я лично удручена этой необходимостью. Хедрук сказал:

— Я, в самом деле, был лучшего мнения о вашем уме, Иннельда. Не планируете ли вы опять один из ваших тщет-

ных налетов на Оружейные Магазины и не думаете ли вы, что я могу обнаружить это и доложить Совету Организации?

Ее зеленые глаза сверкнули в его сторону, голос был подобен стали, когда она резко ответила:

— Я не скажу ничего, что может дать вам ключ. Я не знаю, какого рода система связи у вас со своим руководством, но я знаю, что она существует. Мои физики часто регистрировали на своих приборах мощные волны крайне высокого диапазона.

— Исходившие из моей комнаты? — мягко спросил Хедрук.

Она уставилась на него с сердито поджатыми губами, затем нехотя сказала:

— Вы никогда не осмелились бы прийти сюда, если бы все было так очевидно. Я сообщаю вам, сэр, что мне неинтересно продолжать эту беседу.

— Хотя вы и не понимаете этого, — спокойно произнес Хедрук, — я уже сказал вам все, что нужно, чтобы доказать свою невиновность, когда открыл вам, что я знаю, что в возрасте шестнадцати лет вы спали с живой змеей.

— А! — воскликнула Императрица. Ее тело затрепетало от триумфа. — Начинаете признание. Итак, вы ожидали, что нужно будет защищаться, и приготовили эту маленькую речь! Хедрук пожал плечами.

— Я знал, что что-то готовится для меня. Мои комнаты обыскивались каждый день в течение недели. Меня подвергали длинным скучным монологам со стороны главных болванов в штабе Армии. Я был бы простаком, если бы не подумал, что все это может значить.

— Чего я не понимаю, — сказал один из молодых людей, — так это случая со змеей. Почему вы думаете, что ваше знание о нем доказывает вашу невиновность? Это слишком глубоко для меня.

— Не будь таким ослом, Маддери, — сказал принц дель Куртин, — это просто означает, что Оружейные Магазины знали интимные детали жизни Иннельды задолго до того, как появился капитан Хедрук. Это показывает существование шпионской сети более опасной, чем все, что мы подозревали, и главное обвинение против капитана Хедрука — это то, что он не пожелал рассказать нам о существовании

этой сети.

Хедрук подумал: не сейчас, нет еще. Кризис должен прийти неожиданно, и тогда его действия должны быть быстры-

ми, точно рассчитанными и решительными. Вслух он холодно произнес:

— Почему вы должны беспокоиться? Три тысячи лет доказывают, что у Оружейных Магазинов нет намерения сбросить Императорское Правительство. Я знаю точно, что шпионские лучи используются с большой осторожностью. И никогда не применялись ночью, за исключением того случая, когда Ее Величество утащила змею из дворцового террариума. Любопытство принудило двух женщин-ученых, обслуживающих подсматривающую машину, продолжить наблюдение. История была, конечно, слишком занимательная, чтобы держать ее в папках, и вам, может быть, будет интересно, Ваше Величество, узнать, что об этом были написаны две статьи по психологии, одна из них — нашим величайшим из живущих А-человеком, Эдвардом Генишем.

Уголкем глаза Хедрук вдруг увидел, что изящное гибкое тело женщины наклонилось вперед, ее губы слегка приоткрылись, глаза расширились от интереса.

— Что, — прошептала она, — он сказал обо мне?

Неожиданно Хедрук понял, что наступил лучший момент. «Сейчас, — подумал он, — сейчас!»

Его нервы свело в сладкой истоме. Но он не обращал никакого внимания на свое физическое состояние, это было безразлично ему. Человек, которому угрожает смерть, должен быть возбужденным, иначе его будут считать человеком слишком холодным — и несимпатичным. Его голос поднялся над гулом болтовни с соседних столов резко и страдальчески. Но это тоже было хорошо для женщины, смотревшей на него широко раскрытыми глазами, женщины, которая наполовину была ребенком, наполовину гением, и которая жаждала всей своей эмоциональной натурой странного и необычного. Она сидела с сияющими глазами, пока Хедрук говорил.

— Вы, должно быть, сумасшедшие, все вы, или вы все время недооцениваете Оружейные Магазины и их специализированно развивающихся знаний. Что за мелкая идея, будто я пришел сюда как шпион, будто я любопытствую насчет маленьких правительственных секретов. Я здесь только с единственной целью, и Ее Величество отлично знает, с какой. Если она убьет меня, она намеренно уничтожит свою лучшую, более величественную часть, а если я знаю что-нибудь о линии Ишеров, то, в конечном счете, это то, что они отступают перед самоубийством.

Императрица выпрямилась, нахмурившись.

— Ваша самонадеянность, — резко ответила она, — равна вашей ловкости.

Хедрук не стал обращать внимания на эти слова, чтобы не потерять инициативу. Он продолжал:

— Очевидно, что вы все забыли свою историю или просто закрываете глаза на действительность. Оружейные Магазины были основаны несколько тысяч лет назад человеком, который решил, что непрерывная борьба за власть — это безумие, что гражданские и другие войны должны быть прекращены навсегда. Это было время, когда мир только что вышел из войны, в которой погибло более миллиарда людей, и этот человек нашел тысячи последователей, которые согласились идти за ним до самой смерти. Его идея была — не больше не меньше — что какое бы правительство не было у власти, оно не должно быть сброшено, но эта организация должна была установить такое положение вещей, при котором гарантировалось самое главное: что никакое правительство никогда не получит снова полную власть над своими людьми.

Человек, который почувствует, что ему причинено зло, должен иметь возможность пойти куда-нибудь и купить оружие для защиты. То, что сделало это возможным, — изобретение электронной и атомной системы контроля, которая позволила создать неуничтожимые Оружейные Магазины и производить оружие, которое могло быть использовано только для защиты. Последнее покончило с любой возможностью, чтобы оружие Оружейных Магазинов использовалось гангстерами и преступниками, и морально оправдывало передачу смертоносного инструмента в руки любого, кто нуждается в защите.

Сперва люди думали, что Магазины были своего рода антиправительственной Организацией, которая будет сама защищать их от зла. Но постепенно они поняли, что Магазины не вмешиваются в жизнь Империи. Это было частное дело каждой личности или группы личностей — спасать свою жизнь. Идея была такой, что личность должна научиться постоять за себя, и что, в конце концов, силы, которые попытаются поработить ее, будут сдержаны знанием, что человек или человечество могут быть подчинены только до определенных пределов. И таким образом был установлен великий баланс между теми, кто правит, и теми, которыми управляют.

Оказалось, что необходим следующий шаг: не защита от правительства, а борьба против хищных частных предприятий. Цивилизация стала настолько усложненной, что средняя личность не может защитить себя против хитроумных

способов тех, кто рвется к ее деньгам. Соответственно, была организована система судов Оружейных Магазинов, в которые люди должны были обращаться, когда почувствуют себя обиженными в этом отношении.

Уголкем глаза Хедрук увидел, что Императрица занервничала. Она не была почитательницей Оружейных Магазинов и, так как его целью было показать абсурдность ее подозрений, а не изменить ее основную позицию, он продолжал следующим образом:

— Что не понято ясно правительственными силами — это то, что Оружейные Магазины являются благодаря своим научным достижениям более сильными, чем само правительство. Они понимают, конечно, что если бы они были достаточно глупы, чтобы свергнуть Императрицу, они не получили бы необходимой поддержки населения и фактически сами нарушили бы стабильность, которая делает возможным их присутствие. Тем не менее, их превосходство является фактом. По этой единственной причине обвинение Императрицы против меня бессмысленно и должно иметь какое-то другое обоснование, чем то, которое она изложила.

Хедрук почувствовал, что здесь надо остановиться. Его основная точка зрения была изложена, но обстановка была такой напряженной, что ему нужно было отвлечь внимание на что-то, целиком находящееся на другом уровне и, тем не менее, являющееся частью целого.

Он продолжал:

— Чтобы дать вам какое-то представление о великих научных достижениях Оружейных Магазинов, я могу сказать вам, что у них имеется прибор, который может предсказать момент смерти любого человека. Прежде чем я пришел во дворец шесть месяцев назад, я из собственного любопытства узнал моменты смерти почти любого человека за этим столом, а также членов Императорского Совета.

Теперь он их заполучил. Он видел это по их напряженным лицам, которые смотрели на него с лихорадочным ожиданием. Но он все еще не мог позволить себе утратить контроль над разговором. С усилием он заставил себя поклониться побледневшей правительнице. Затем он поспешил сказать:

— Я счастлив объявить, Ваше Величество, что у вас длинная и почетная жизнь впереди. К несчастью, — его голос принял мрачный тон, когда он продолжил, — к несчастью, здесь присутствует джентльмен, который обречен умереть через несколько минут.

Он не стал ждать, чтобы увидеть, какой эффект произвели его слова, а развернулся в кресле по-тигриному быстрым движением, так как уже не было времени ждать. В любое мгновение его блеф мог быть разгадан, а эта сцена окончиться нелепым провалом. Его голос перекрыл пространство, отделяющее его от стола, где сидела дюжина мужчин в военной форме.

— Генерал Гролл!

— Э! — Офицер, который должен был выполнить приговор, повернулся кругом. Он изменился в лице, когда увидел, кто его звал.

Хедрука поразило, что его выкрик вызвал полную тишину в комнате. Люди за всеми столами перестали есть, прекратили разговаривать и смотрели на королевский стол и на него. Чувствуя на себе общее внимание, Хедрук напрягся, повысил голос и задал звенящий в

мертвой тишине вопрос:

— Генерал Гролл, если бы вы должны были умереть в данную минуту, то какова была бы причина?

Мужчина медленно встал.

— У меня отличное здоровье, — прорычал он. — О чем вы говорите, черт побери?

— С вашим сердцем все в порядке? — настаивал Хедрук.

— Абсолютно.

Хедрук отодвинул назад свое кресло и поднялся на ноги. Он не мог позволить произойти неудаче из-за неудобной позиции. Резким жестом он поднял руку и ткнул пальцем в сторону генерала.

— Вы — генерал Листер Гролл, не так ли?

— Правильно. А теперь, капитан Хедрук, объясните мне...

Хедрук прервал его:

— Генерал, с сожалением я заявляю, что согласно данным Оружейных Магазинов вы должны умереть сегодня точно в час пятнадцать от сердечного приступа. Сейчас именно этот час и эта минута.

Теперь останавливаться было нельзя. Единым точным движением Хедрук согнул палец, точно обхватил ладонью бластер, материализованный в невидимой плоскости кольцом на пальце.

Это не был обычный невидимый бластер, продающийся в розницу, а специальный, неограниченный, никогда не продаваемый на прилавках, никогда не выставаемый, никогда не используемый, кроме экстренных случаев. Он поражал мгновенно вибрационным лучом невидимо для человеческого

взгляда, и, как только мускулы генеральского сердца были охвачены парализующей силой, Хедрук разжал руку. Невидимый бластер дематериализовался.

В последовавшем затем вавилонском столпотворении Хедрук подошел к тронному креслу во главе королевского стола и склонился к Императрице.

Он не мог подавить порыв восхищения, так как она сумела сохранить абсолютное спокойствие. Она была эмоциональной, чувственной женщиной, но в момент истинного волнения, во время принятия жизненно важных решений вся огромная фундаментальная устойчивость, которая была ее наследием от Ишеров, выступала наверх. Это было то самое качество крайнего здравомыслия, к которому он взывал, и которое, подобно драгоценному камню, сияло перед ним в спокойных мерцающих глазах.

Наконец она сказала:

— Я полагаю, что вы понимаете, что фактически сознались во всем, убив генерала Гролла.

Он знал, что лучше ничего не отрицать перед той сверхличностью, какой она стала в этот момент.

Он сказал:

— Мне был вынесен смертный приговор, и кем-то он должен был быть приведен в исполнение.

— То есть, вы соглашаетесь с ним?

— Я принимаю все, что вы желаете, до тех пор, пока вы понимаете, что у меня в сердце лишь ваши важнейшие интересы!

Она посмотрела недоверчиво.

— Человек Оружейных Магазинов, которые противостоят мне на каждом шагу, говорит о моих интересах?

— Я не являюсь, никогда не был и никогда не буду человеком Оружейных Магазинов, — ответил подчеркнуто Хедрук.

В ее лице появился испуг.

— Я почти верю этому. Что-то есть странное и чуждое в вас, что я должна понять...

— Когда-нибудь я расскажу вам. Я обещаю.

— Вы, кажется, очень уверены, что у меня нет больше никого, чтобы повесить вас.

— Как я уже сказал раньше, Ишеры не совершают самоубийств.

— Опять вы на старую тему со своей невозможной амбицией. Но это уже не имеет значения. Я собираюсь позволить вам жить, но на время вы должны покинуть дворец. Вы не сможете убедить меня, что существует всеобъемлющая подматривающая система.

— Не смогу?

— У вас, может быть, была такая машина, шпионившая во дворце, когда мне было шестнадцать, но с тех пор весь дворец был оснащен защитными экранами. Они могут быть преодолены только двухсторонним связным устройством. Другими словами, здесь, внутри, должно быть такое же устройство, как и снаружи.

— Вы очень умны.

— Что касается претензии, — продолжала Императрица, — по поводу умения Оружейных Магазинов заглянуть в будущее, позвольте мне информировать вас, что мы знаем не меньше их о путешествиях во времени, а также об ограничениях, связанных с этим. Но опять-таки, это неважно. Я хочу, чтобы вас не было два месяца. Я могу позвать вас и раньше, в зависимости от обстоятельств. Между тем, вы можете передать это сообщение Совету Оружейных Магазинов: то, что я делаю, ни в малейшей степени не ущемляет Оружейные Магазины. Я клянусь в этом моей честью.

Несколько мгновений Хедрук пристально смотрел на нее. Наконец, он мягко сказал:

— Я собираюсь сделать очень важное заявление. Я не имею ни малейшего понятия, что вы делаете или собираетесь делать, но в вашей взрослой жизни я заметил одну вещь. Во всех ваших важнейших политических и экономических поступках вы руководствуетесь консервативными мотивами. Не делайте этого. Перемены должны наступить. Пусть они наступят. Не боритесь против них, направляйте их. Добавьте новые лавры престижа к знаменитому имени Ишеров.

— Благодарю вас за ваш совет, — холодно произнесла она.

Хедрук поклонился и сказал:

— Я буду ждать вести от вас через два месяца. До свидания.

Гул возобновившегося разговора остался позади него, когда он прошел через богато инкрустированную дверь в дальнем конце ком-наты. Затем, ускорив свой шаг, он достиг эскалаторов и торопливо шагнул на один из них, ведущий на крышу. Это было длинное путешествие. В нем росло напряжение — в любую минуту, в любую секунду настроение Императрицы могло измениться.

Он вышел на крышу и увидел группу мужчин. Они шагнули вперед и мгновенно окружили его. На них была обычная одежда, но сразу было понятно, что это полиция.

В следующее мгновение один из мужчин сказал:

— Капитан Хедрук, вы арестованы.

ГЛАВА 3

Он стоял на крыше дворца, недоуменно глядя на этих людей, и его ум, настроившийся на победу, не мог принять ужасающее поражение. Здесь было достаточно народу, чтобы справиться с любыми его попытками освободиться. Но это не могло остановить его. Исходя из самых худших предположений, Императрица должна была знать, когда она давала приказ перехватить его, что он будет бороться всей мощью, которая была в его распоряжении. Время для изображения оскорбленной невинности и хитрой игры прошло. Его глубокий баритон громко раздался в тишине.

— Что вы хотите?

В истории мира были великие моменты, когда его властный голос подавлял волю к действию лучших людей, чем стояли здесь перед ним. Сейчас такого эффекта не произошло.

Хедрук почувствовал удивление. Его мускулы, почти готовые к прорыву сквозь ряд мужчин, пока они стояли бы ошеломленные, напряглись. Большой карплан, который казался таким близким секундой раньше, дразнил его теперь всего в двадцати пяти футах. Его цель — добраться до него — отступила перед опасностью ситуации. Один человек с одним бластером против двадцати бластеров! Правда, его бластер был неограниченным и подобно всем видам оружия Оружейных Магазинов проецировал защитное поле, окружающее его владельца и достаточное, чтобы отразить огонь восьми обычных бластеров, но он никогда не переоценивал возможностей этого оружия.

Его мрачное взвешивание шансов собственного положения окончилось, когда крепко сложенный молодой мужчина, который перед этим объявил его арестованным, шагнул вперед и четко произнес:

— Не делайте ничего поспешного, мистер Джон-Оружейник. Лучше идите спокойно.

— Джон! — сказал Хедрук. Это слово вызвало шок, потом смягчило его, почти успокоило. Шок и облегчение. На мгновение брешь между его первоначальным предположением и действительностью казалась слишком огромной, чтобы преодолеть ее без какого-либо сверхчеловеческого усилия воли. В следующую секунду он овладел собой и напряжение прошло. Его взгляд скользнул по дворцовой охране, которая находилась за группой этих людей в простой одежде и представляла собой скорее заинтересованных зрителей, чем участни-

ков. И он вздохнул незаметно, так как их лица не выражали никакого подозрения.

Хедрук ответил:

— Я пойду спокойно.

Мужчины столпились вокруг него и проводили его в карплан. Машина поднялась с креном и почти мгновенно набрала максимальную скорость.

Хедрук опустился на сиденье рядом с мужчиной, который назвал ему пароль Оружейных Магазинов на этот день.

— Очень смело выполнено, — тепло произнес он через минуту. — Очень смело и эффектно. Я могу сказать это, хотя вы немного испугали меня.

Он засмеялся при воспоминании и хотел было продолжать говорить, когда странное обстоятельство, что его слушатель не улыбнулся ему дружески в ответ, поразило его. Его нервы, все еще неестественно чувствительные, отметили этот маленький дисгармонирующий факт. Он медленно сказал:

— Вы не возражаете, если я спрошу ваше имя?

— Пелди, — вежливо ответил тот.

— Кто догадался послать вас?

— Советник Питер Кадрон.

Хедрук кивнул.

— Я понял. Он подумал, что если я должен буду пробыть на крышу, мне понадобится помощь.

— Я не сомневаюсь, — ответил Пелди, — что это часть объяснения.

Он был сдержан, этот молодой человек. Холод его личности подействовал на Хедрука. Он мрачно уставился вниз сквозь прозрачный пол. Карплан, поднимаясь, направился в центр города. Напряжение беспредельной цели, требовавшей держать в тайне от всех людей его бессмертие, на мгновение стало труднопереносимым. Наконец, Хедрук собрался с силами и спросил:

— Куда вы меня везете?

— В Отель.

Хедрук задумался. Отель «Королева Ганиэль» был городской штаб-квартирой Оружейников. То, что его везли именно туда, означало, что произошло что-то серьезное.

Отелю «Королева Ганиэль» было уже почти двести лет. Он оценивался, если Хедрук помнил точно, в семьсот пятьдесят биллионов кредитов. Его массивное основание занимало четыре городских квартала. От него здание поднималось пирамидальными ярусами, спроектированными в соответст-

вии с архитектурным стилем своего века — стилем «падающей воды». На высоте тысячи двухсот футов оно выравнивалось в сад размером восемьсот футов, ограниченность которого была искусно сглажена различными иллюзиями. Хедрук построил его в память замечательной женщины, которая тоже была Императрицей Ишер, и в каждой комнате установил устройство, которое, будучи соответственно активировано, обеспечивало мгновенное исчезновение вибрационным методом.

Активирующим приспособлением, к сожалению, являлось одно из трех колец, которые он оставил во дворце.

Хедрук морщился от досады, пока направлялся вместе со всеми от карплана к ближайшему лифту. Были и другие кольца в секретных панелях в различных помещениях отеля, но он сомневался, чтобы у человека, сопровождаемого двадцатью охранниками в часть здания, занимаемую штаб-квартирой Оружейников, появилась возможность для посторонней прогулки.

Его размышления были прерваны, когда лифт остановился. Его вывели в широкий коридор к двери, на которой сияли буквы:

«МЕТЕОРИТНАЯ КОРПОРАЦИЯ»

— Главное управление.

Хедрук знал, что надпись только наполовину была фальшивой. Гигантский трест был подлинной фирмой, занимающейся обширным металлодобывающим и перерабатывающим бизнесом. Он также являлся свободным от подозрений филиалом Оружейных Магазинов, который был в стороне от основной деятельности, за исключением, как в настоящий момент, случаев, когда его многочисленные отделы служили ширмой, за которой грани мира Оружейных Магазинов сияли не встречающей помех активностью. Когда Хедрук прошел в огромный зал, из непрозрачной двери в пятидесяти футах от него вышел высокий, приятный, средних лет мужчина. Узнавание было почти мгновенным. Человек чуть поколебался, затем подошел с дружеской улыбкой.

— Ну, мистер Хедрук, — сказал он, — как поживает Императрица?

Хедрук напряженно улыбнулся. Колебание А-человека не ускользнуло от него. Он сказал:

— Я счастлив сообщить, что она в добром здравии, мистер Гениш.

Эдвард Гениш засмеялся сочным смехом.

— Я боюсь, что имеются тысячи людей, у которых всегда портится настроение, когда они слышат это. В настоящий момент, например, Совет пытается использовать мою интуицию, чтобы выведать секрет Императрицы. Я изучаю ПП-диаграммы известных и потенциально великих людей. Очень мало данных, менее десяти процентов того, что мне нужно. Хотя и добрался я еще только до буквы М, но пришел к некоторому выводу, к предварительному заключению. Если это изобретение, то относящееся к межзвездным путешествиям. Но это пока не совсем определено.

Хедрук нахмурился.

— Межзвездные путешествия! Она будет против этого... — Он остановился. Затем продолжал взволнованным голосом: — Вы правы! И кто изобретатель?

Гениш снова засмеялся.

— Не так быстро. Я должен просмотреть все данные. Мое внимание привлек ученый по имени Дерд Кершав, если вам интересно.

Его смеющиеся глаза вдруг помрачнели. А-человек смотрел, нахмурившись, на Хедрука.

— Какого дьявола, Хедрук? Что вы сделали?

Офицер секретной полиции Пелди быстро вышел вперед и сказал:

— В самом деле, мистер Гениш. Арестованный не может...

Гордое лицо А-человека повернулось к молодому человеку.

— Это уже сделано, — сказал он. — Отойдите назад, я хочу поговорить с мистером Хедруком наедине.

Пелди поклонился.

— Прошу прощения, сэр. Я забылся.

Он отступил назад и начал теснить своих людей подальше. Менее чем через минуту Хедрук был один на один с А-человеком. Первый шок перешел в пульсирующую боль в голове. Арестованный! Он знал это, конечно, в некотором смысле, но он старался думать о себе, как о человеке, находящемся только под подозрением, и надеялся, что если он притворится, что не знает об этом, то руководители Оружейных Магазинов могут не поставить вопрос в открытую.

Гениш быстро заговорил.

— Хуже всего, что они отказались слушать, когда я предлагал, чтобы все дело поручили только мне, чтобы разобраться с помощью моих способностей А-человека. Это плохо. Ты не можешь что-нибудь подсказать мне?

Хедрук покачал головой.

— Все, что я знаю, — это то, что два часа назад они беспокоились, что я могу быть убитым Императрицей. Они фактически послали мне помощь, но это обернулось моим арестом.

Гениш постоял, задумавшись.

— Если бы только ты мог осадить их каким-нибудь образом, — сказал он. — Я недостаточно знаю об индивидуальных психологических чертах советников или о самом обвинении, чтобы вывести одно из моих интуитивных мнений, но, если ты сможешь свести дело к обсуждению доводов и контрдоводов, это была бы уже частичная победа. Они ведь только представители власти, несмотря на их мнение, будто они от самого Бога.

Он пошел, нахмурившись, к дальней двери, а к Хедруку подошел Пелди.

— Этой дорогой, сэр, — сказал молодой человек. — Совет примет вас немедленно.

— Да, — ответил Хедрук. Чувство тепла от дружеского внимания А-человека пропало. — Вы имеете в виду, что Совет в местной палате?

Ответа не было, но он и не ожидал его. Держась прямо, он последовал за офицером секретной полиции к входу в палату Совета.

Люди, сидящие за U-образным столом, подняли глаза и уставились на него, как только он переступил порог. Дверь за ним закрылась со слабым щелчком. Странно было подумать, что два года назад он отказался бороться за место в Совете. Советники были разного возраста, начиная с замечательного тридцатилетнего исполнителя Ансила Каре до седоголового Бэйда Робертса. Не все лица были ему знакомы. Хедрук сосчитал их, думая о том, что сказал ему А-человек. «Преврати это в суд!» Это означало вывести их из самодовольного настроения. Он кончил подсчет и ужаснулся. Тридцать! Полный Совет Оружейников! Что они обнаружили про него, чтобы собрать их всех здесь? Он представил этих советников в их близких и дальних штаб-квартирах, которые считались достойными владельцев, всюду — на Марсе, Венере, на спутниках, — советников, входящих в местные вибрационные передатчики и мгновенно прибывающих сюда.

Все из-за него. Это снова и ужаснуло его и успокоило. Расправив плечи и думая о поколениях людей, таких, как эти, которые жили и умерли со времени его рождения, Хедрук нарушил тишину.

— В чем вы меня обвиняете? — звучно спросил он.

И в эти слова он вложил все свое искусство, огромную мощь своего тренированного голоса, своего обширного опыта в общении с любым типом и любой группой человеческих существ.

Вдоль сияющего стола возникло шевеление. Ноги зашаркали по полу. Люди повернулись, чтобы вопросительно посмотреть друг на друга. Человеком, который в конце концов поднялся на ноги, был Питер Кадрон.

— Меня попросили руководить заседанием, — спокойно произнес он. — Это я первый обвинил вас. — Он не стал ждать ответа, а медленно повернулся, чтобы посмотреть на людей за столом, а потом мрачно произнес: — Я уверен, что любой из присутствующих здесь почувствовал личность мистера Хедрука. Интересно отметить, как точно это проявление скрываемой силы подтверждает то, что мы обнаружили. Я должен признать, к иному собственному удивлению, ее очевидную мощь.

— Это также относится и ко мне, — прервал его Дим Лили. — До этой минуты я думал о Хедруке, как о мягкоговорящем, сдержанном человеке. Сейчас неожиданно он загнан в угол и сверкает огнем.

— Нет сомнения, — сказал юный Ансил Каре, — что мы открыли нечто замечательное. Мы будем бороться за тщательное выяснение.

Это было лишним. Весь его поступок в целом был понят не так, как он хотел, искажен надеждой, что он не является тем, кем показался.

— В чем вы меня обвиняете? — снова величественно спросил Хедрук.

Молчание. Затем Питер Кадрон сказал:

— Вы узнаете это в должное время. Но сперва, мистер Хедрук, где вы родились?

Итак, они докопались.

Он не чувствовал страха. Он стоял, немного опечаленный, полный удивления, что его вечные страхи, наконец, оправдались. Возможно, что он стал слишком неосторожным.

Он ответил:

— У вас есть мое дело. Я родился в Центральии, Средние Озерные Штаты.

— Вы слишком долго думали, прежде чем ответить на это, — резко возразил советник. После некоторого молчания он задал следующий вопрос.

— Как звали вашу мать?

Хедрук смотрел на их лица немного озадаченно. Вряд ли

они ожидали смутить его чем-нибудь настолько простым. Он ответил:

— Дельмира Марлтер.

— У нее были трое других детей?

Хедрук кивнул.

— Мои два брата и сестра умерли еще в детском возрасте.

— А когда умерли ваши отец и мать?

— Мой отец умер восемь лет назад. Мать — шесть.

Неожиданно ему стало не по себе. Трудно было использовать эти слова для двух приятных, среднего возраста людей, которых он никогда не видел, но о которых он заставил себя узнать как можно больше. Он увидел, что Кадрон с мрачным удовлетворением улыбается другим советникам.

— Итак, джентльмены, что мы имеем: человек, у которого нет живых родственников и который менее чем десять лет назад, после того как вся его семья умерла, вступил в Организацию Оружейных Магазинов самым обычным путем. И с помощью талантов, казавшихся необычными даже тогда, когда мы не знали, как много он скрывает о себе, быстро достиг положения и большого доверия. После этого он уговорил нас поручить ему его настоящее дело. Мы согласились на это потому, что стали опасаться, не причинит ли нам Императрица вред, если мы не будем наблюдать за ней более тщательно, чем прежде. Одним из важнейших факторов, который необходимо рассмотреть сейчас, является сомнение, что из всей нашей Организации с ее десятками тысяч выдающихся людей, может быть найдена личность, способная поддержать интерес Императрицы Иннелды целых шесть месяцев.

— И даже теперь, — прервал Хедрук, — я только временно изгнан из ее окружения. — Он закончил язвительно: — Может быть, вам интересно, но это было результатом суматохи сегодня во дворце. Упомянутое время, могу я добавить, — два месяца.

Питер Кадрон вежливо кивнул ему, затем повернулся к хранившим молчание людям за столом.

— Держите это в уме, пока я буду спрашивать мистера Хедрука о его образовании.

Его взгляд сверкнул на Хедрука.

— Ну? — спросил он.

— Моя мать, — ответил Хедрук, — была университетским профессором. Она обучала меня частным образом. Как вы знаете, это было обычной практикой в этой среде в течение сотен лет. Контролирующим фактором являлись периодичес-

кие экзамены. Вы найдете сведения о них в экзаменационных ведомостях, которые я представил вместе с моим заявлением о приеме в Организацию.

Мрачная улыбка снова появилась на лице Кадрона.

— Семья на бумаге, образование на бумаге, вся история жизни подтверждается только документами.

Это выглядело неважно. Хедруку не нужно было смотреть на лица советников, чтобы понять, насколько это плохо. Фактически, конечно, этого было не избежать. Не существовало альтернативного метода. Доверить живым людям истинные факты о своей личности во время кризиса было самоубийством. Люди, как бы дружески ни относились они к нему, всегда могли быть принуждены сказать правду. Но никто не мог даже заподозрить что-нибудь в хорошо выполненном документе. Он отказывался поверить, что они хоть немного догадывались о настоящем положении вещей.

— Подумайте! — сказал он. — Что вы пытаетесь доказать? Если я не Роберт Хедрук, тогда кто я? Он получил небольшое удовлетворение от озадаченного выражения, появившегося на лице Кадрона.

— Это, — резко ответил тот в конце концов, — и есть то, что мы пытаемся узнать. Тем не менее, еще один вопрос. После того, как ваши родители поженились, ваша мать не поддерживала контакта со своими университетскими друзьями или с бывшими коллегами?

Хедрук колебался, смотря прямо в глаза советника.

— Это подозрительно, не так ли, мистер Кадрон? — спросил он напряженным голосом. — Но вы правы. Мы жили в гостиницах. Работа отца заставляла нас переезжать каждые несколько месяцев. Сомнительно, чтобы вы могли найти кого-нибудь, кто мог бы вспомнить о встрече с ним или со мной. Мы действительно жили неприметно.

Кадрон произнес:

— Мы признаем, мистер Хедрук, что это не доказательство, но мы здесь и не для этого. Оружейные Магазины не устраивают судов в обычном смысле. Они только объявляют решения. И единственным критерием является не доказательство вины, а сомнение в невиновности. Если бы вы занимали менее высокое положение в Организации, наказание было бы очень простым. Вам дали бы амнезию и освободили бы от службы. Но вы знаете слишком много о нас, и, соответственно, кара должна быть очень суровой. Вы знаете, что в нашем положении мы не можем поступить иначе. К счастью, для нашего успокоения у нас имеется больше, чем подозре-

ние. Возможно, у вас есть что добавить к тому, что уже сказано?

Он стоял очень спокойно, давая уму вникнуть в ситуацию. Когда-то тайным нажимом он уговорил Метеоритную корпорацию разместить учреждения на крыше отеля «Королева Ганиэль», потому что, казалось ему, их столичная штаб-квартира будет в большей безопасности в его здании, чем где-нибудь еще. Из соображения осторожности он удалил из этой части здания все кольцевые активаторы и вибрационные устройства, в которых он сейчас так отчаянно нуждался. Если бы не эта его предусмотрительность, за той панелью теперь лежало бы кольцо.

Питер Кадрон продолжал говорить, излагая, наконец, обвинение. Хедруку трудно было сначала сосредоточиться на его словах.

— После принятия Советом решения психологи произвели быструю, но тщательную проверку его психологической карты. Именно эта проверка вскрыла необычный факт.

Питер Кадрон сделал паузу. Его взгляд остановился на лице Хедрука и на мгновение показалось, что он изучает черты его лица в поисках скрытой информации. Он веско продолжал:

— Имеется различие между вашим мужеством в действиях и психологическими данными о вашей потенциальной храбрости. Соответствуя ПП-диаграмме, вы никогда даже не задумались бы остаться на этот опасный ленч во дворце.

Кадрон остановился, и Хедрук ждал, когда он закончит. Шли секунды, и он с испугом заметил, что люди напряженно наклонились вперед, вперив в него взгляд. Они ждали его реакции. Все было окончено. Это было обвинение.

Техника ПП-записи! Хедрук пытался сосредоточиться на воспоминании, что он слышал об этой машине. Это было одно из оригинальных изобретений, сделанное много тысяч лет тому назад. Вначале оно было подобно Императорскому Умственному Контролю. Затем время от времени в него вносились усовершенствования — расширение диапазона, мощность оценки интеллекта, эмоциональной стабильности и другие вещи. Но это никогда не беспокоило его, потому что он мог частично контролировать деятельность мозга. Во время проверки он просто старался привести свои интеллектуальные данные в соответствие с характером, который будет лучше способствовать его цели среди Оружейников. Хедрук встряхнулся. К черту, он не верит, что у них что-нибудь есть.

— Итак, — сказал он, и его голос прозвучал хрипло и незнакомо, — итак, я оказался на пять процентов храбрее, чем должен быть. Я не верю в это. Храбрость зависит от обстоятельств. Трус становится львом при соответствующей побудительной причине.

Его голос сам по себе вдруг стал более убеждающим.

— Вы, — резко говорил он, — кажется, не воспринимаете то, что происходит. То, что случилось, не является просто капризом скучающей правительницы. Императрица — зрелая личность во всем, исключая незначительные мелочи, и нельзя забывать, что мы сейчас вступаем в пятый период Дома Ишеров. В любой час гибельные события могут извергнуться из подводных течений человеческой непоседливости. Двадцать миллиардов умов действуют, волнуются, мечутся. Новые рубежи науки и социальных отношений находятся за ближайшим горизонтом, и где-то из этой хаотической массы вырастает пятый кризис в истории цивилизации Ишеров. Только новое значительное достижение на высоком уровне могло принудить Императрицу к таким насильственным действиям на этой стадии ее карьеры. Она сказала, что через два месяца призовет меня обратно, и предположила, что это может случиться и раньше. Это будет раньше. По-моему, и я не могу не подчеркнуть этого, нам повезет, если у нас будет два месяца. Две недели — это крайний срок.

Он увидел, что Кадрон пытается что-то сказать, но продолжал, не обращая на него внимания. Его голос заполнил комнату.

— Все наличные силы Оружейных Магазинов должны быть сконцентрированы в Столице. На каждой улице должен быть свой наблюдатель. Флот должен находиться на расстоянии удара от города. Все это должно быть уже приведено в действие. Но что я нахожу вместо этого?

Он сделал паузу, затем закончил с горечью:

— Совет могучих Оружейных Магазинов тратит впустую свое время на какую-то темную дискуссию: должен или нет человек быть таким храбрым, каким он себя показал.

Он закончил, смутно сознавая, что не убедил их. Люди сидели, не улыбаясь, с холодными лицами. Питер Кадрон спокойно заговорил:

— Разница, — сказал он, — составляет семьдесят пять процентов, а не пять. Это очень много, и мы должны обсудить это.

Хедрук вздохнул, признавая свое поражение. И почувствовал себя лучше. С кривой усмешкой он понял, почему.

Против всех доводов у него была надежда. Теперь она исчезла. Налицо был кризис, продукт развития научных сил, которые он считал под контролем. А это оказалось не так. Его жизнь теперь зависела от развития ситуации. Он внимательно слушал, когда Кадрон заговорил снова.

— Я уверяю вас, мистер Хедрук, — начал советник со спокойной искренностью, — мы все подавлены долгом, который навалился на нас. Но факты безжалостны. Вот что случилось: когда психологи обнаружили различие, на ПП-машину были установлены две церебрально-геометрические диаграммы. Одна была основана на старой записи вашего мозга, другая с учетом семидесятипятипроцентного усиления каждой функции вашего мозга, каждой функции, повторяю я, не только мужества. Среди всего прочего это дает удивительную цифру вашего умственного коэффициента — двести семьдесят восемь...

Хедрук ответил:

— Вы говорите, каждую функцию? Включая идеализм и альтруизм, я полагаю?

Он увидел, что люди беспокойно посмотрели на него. Кадрон сказал:

— Мистер Хедрук, человек, у которого так много альтруизма, будет рассматривать Оружейные Магазины просто как отдельный фактор в большой игре. Оружейные Магазины не могут иметь таких широких взглядов, но позвольте мне продолжить. В обе церебрально-геометрические диаграммы, которые я упоминал, была механически введена диаграмма Императрицы и, поскольку требовалась скорость, возможное влияние других людей на ситуацию было сведено к константе высокого уровня, дополненной простой осциллирующей переменной...

Невольнo Хедрук почувствовал себя заинтересованным. Его убеждение, что он должен прерывать Кадрона настолько часто, насколько это психологически безопасно, уступило перед растущим впечатлением от науки, которая так полно раскрыла его способности даже по отношению к ней самой. Графики мозговых и эмоциональных реакций, удивительные математические конструкции, корни которых уходили глубоко в смутные импульсы человеческого мозга и тела. Он слушал и внимательно наблюдал, как Кадрон продолжал свою чертову речь.

— Проблема, как я сказал, заключалась в том, как рассчитывать, чтобы спасательная партия прибыла ко дворцу не слишком рано, но и не слишком поздно. Было определено, что график, основанный на вашей старой ПП-диаграмме, доказывает, что вы никогда не покинете дворец живым, если

только неизвестное третьего порядка не вмешается ради вас. Эта версия была мгновенно отброшена. Наука не может принимать в расчет возможность чуда. Вторая диаграмма дала цифру времени один час сорок минут с вероятной ошибкой в четыре минуты. Следовательно, приземление было совершенно в один час тридцать пять минут, а в один час тридцать девять минут вы вышли из лифта. Я думаю, что это убедительное доказательство.

Это было ужасно. Все эти годы, пока он жил и планировал, тщательно строя последовательность из своих надежд, он фактически уже вручил свою судьбу ПП-машине, возможно, величайшему изобретению в области человеческого мозга. Отвлечшись было, Хедрук понял, что говорит не Кадрон, а невысокий седоватый человек:

— Ввиду того факта, что это не криминальный случай в обычном смысле этого понятия, и особенно из-за прежних заслуг мистера Хедрука, я думаю, что он имеет право на гарантию, что мы принимаем всерьез то, чем занимается Императрица. Для вашего сведения, молодой человек, наш состав здесь увеличен в пять раз. Возможно, в вашем возбужденном состоянии вы в свое время не заметили, что лифт от аэроплощадки прошел вниз немного дольше, чем обычно. Мы заняли семь дополнительных этажей Отеля, и наша Организация находится в полной готовности. К несчастью, несмотря на ваш впечатляющий призыв, я должен согласиться с мистером Кадроном.

Оружейные Магазины, являясь тем, что они есть, должны управиться с таким случаем, как ваш, с жестокой решительностью. Я вынужден согласиться, что смерть — единственно возможный приговор.

Вдоль стола люди закивали, бормоча: «Да, смерть — смерть — немедленно...

— Минуточку! — Голос Хедрука резко прозвучал над смешанным обществом. — Вы сказали, что эта комната для совещаний находится теперь в части Отеля, занимаемой Метеоритной корпорацией?

Они недоуменно уставились на него, когда он, на дождавшись ответа, подбежал прямо к украшенной панели на тускло мерцающей стене справа от него.

Все оказалось гораздо проще, чем он думал. Никто не остановил его, никто даже не достал бластера. Как только он достиг панели, он точно ткнул в нее четыре пальца, повернул их, и кольцо выскользнуло из скрытого углубления к его указательному пальцу.

Одним непрерывным синхронным движением он вклю-

чил вибрационное устройство — и прошел через передатчик.

Хедрук не стал тратить времени, осматривая знакомую комнату, в которой он оказался. Она была расположена в подземном помещении в двадцати шести сотнях миль от Столицы, заполненном тихо шумящими машинами и сверкающими инструментами. Его рука сомкнулась на настенном рубильнике. Раздалось тихое жужжание, когда он замкнул его. В его уме возникла краткая картина всех исчезающих колец и устройств в Королевском Отеле. Они сослужили свою службу. Один впечатляющий побег — это все, на что он мог надеяться, имея дело с Оружейными Магазинами.

Он повернулся и прошел через дверь. Затем в последний момент увидел смертельную опасность и попытался отпрыгнуть назад. Слишком поздно! Двадцатифутовое чудовище прыгнуло на него. От удара огромных лап он отлетел к стене. Ошеломленный, полубессознательный, он попытался встать — и увидел, что к нему метнулась гигантская белая крыса с огромными зубами, обнаженными для убийства.

ГЛАВА 4

Хедрук выжидал до последнего возможного момента. А затем рев его голоса наполнил комнату угрожающим эхом. С гулким визгом крыса метнулась прочь в дальний угол. Она притаилась там. Он увидел, что стремительные движения ускорили и без того чрезмерно быстрые жизненные процессы крысы. Медленно она начала валиться на бок. Ее сверкающие глаза впились в Хедрука, когда он заковылял к крысиной загородке. Она не сделала попытки последовать за ним, и через мгновение он нажал рычаг, который управлял энергией, увеличивающей ее размеры.

Еще медленнее он потащился в большую комнату. Он уже заметил, что загородка была сломана, но не остановился, чтобы осмотреть пролом. Потребовалось полминуты, чтобы найти существо, не увеличенное теперь физически. Наконец, он увидел шестидюймовое грязно-белое пятно под сломанным стулом. Это была еще живая очень дряхлая крыса. Она слабо пошевелилась, когда он поднял ее и понес в лабораторию за крысиной загородкой. Чувство, которое возникло у него, имело мало общего с жалким существом, которое он поместил в обрабатывающую данные опытов ма-

шину. Это была жалость, но в широком масштабе, не к отдельному существу. Сострадание охватило его. Он почувствовал себя вдруг очень одиноким в мире, где люди и вещи жили и умирали с ужасной быстротой, — эфемерные тени, которые мелькали в сильном свете солнца и исчезали навечно. С усилием он преодолел мрачное настроение и пошел проверить крысиную загородку. С четырьмя крысиными домиками все было в порядке. В каждом был новый выводок молодых крыс, и по их размерам он понял, что они были рождены до того, как механический процесс был прерван крысой, сломавшей загородку.

Ремонт пролома в большой металлической загородке потребовал много времени, но в остальном процесс возобновился с автоматической точностью в тот момент, когда он вновь включил рычаг. Процесс был сама простота. Он начал его тысячу лет назад, поместив дюжину крыс — шесть самцов и шесть самок — в каждый из четырех специально сконструированных домиков. Пища поступала регулярно. Загородки содержались в чистоте простым автоматическим скребком.

У природы были свои законы, и каждое маленькое белое существо появлялось и росло, добавляя свой вес к чувствительному балансиру, который поддерживал пол. Как только вес крысы достигал определенной точки, открывалась маленькая дверь и рано или поздно крыса выходила в узкий коридорчик за ней. Дверь закрывалась, и ни одна дверь в любом из четырех домиков не открывалась, пока процесс не заканчивался.

В дальнем конце коридорчика была приманка, внутри которой находился крошечный увеличитель Оружейных Магазинов. Проглоченный крысой, он разогревался от тепла ее тела, и включал реле, которое открывало дверь в загородку в сорок футов длиной и такой же ширины. Пол в маленьком коридоре двигался, и, нравилось крысе или нет, она немедленно оказывалась на открытом месте. За ней закрывалась дверь, блокируя дорогу назад.

Дополнительная пища в центре загородки включала увеличитель. Внезапно крыса раздувалась, превращаясь в двадцатифутовое чудовище, жизненные функции которого ускорялись почти в прямой пропорции с увеличением размеров. В этом ускоренном мире смерть наступала быстро. И, как только труп остывал ниже определенной температуры, увеличитель отключался, пол наклонялся, и маленькое белое тело соскальзывало на транспортер, который относил его в обрабатывающую данные опыта машину, откуда оно попадало под луч излучателя и исчезало.

Затем процесс повторялся снова и снова. Он продолжался уже тысячу лет, и цель его была грандиозной. Где-то вдоль цепочки увеличивающие лучи вибратора намеренно сообщают крысе то, что они сделали случайно с Хедруком почти пятьдесят столетий назад. Крыса станет бессмертной и обеспечит ему бесценный объект для эксперимента. Когда-нибудь, если ему повезет в поисках, все люди будут бессмертными.

Карточка с данными крысы, которая чуть не убила его, оказалась в специальном отделении. Здесь было еще три карточки, но отличительным свойством их данных было функционирование некоторых органов после смерти. Давным-давно он исследовал подобные случаи до изнеможения. Четвертая карточка взволновала его: крыса, атаковавшая его, прожила эквивалент в девяносто пять лет! Неудивительно, что у нее было время вырваться. Она, должно быть, жила несколько часов как гигант.

Он успокоил себя, потому что не мог заниматься этим делом сейчас. Крыса попадет не в дезинтегратор, а в специальное хранилище, где будет ждать его исследований в будущем. Прямо сейчас имелись другие дела, жизненно важные для существования человеческой расы, и он, который так упорно трудился ради будущего, никогда еще не позволял **МОЖЕТ БЫТЬ** мешать в решающие моменты **СЕГОДНЯ**.

Существовали дела, которые должны были быть сделаны прежде, чем Совет Оружейных Магазинов сможет полностью ликвидировать его положение и власть в Организации.

Хедрук быстро надел один из своих «деловых» костюмов и вступил в передатчик.

Он прибыл в одно из секретных помещений в Столице и увидел по своим часам, что прошло десять минут со времени его бегства из отеля «Королева Ганиэль». Он был достаточно уверен, что десятки тысяч членов Организации Оружейных Магазинов еще не уведомлены о том, что он теперь считается предателем.

Хедрук уселся за пульт и вызвал Информационный Центр Оружейных Магазинов.

— Говорит Хедрук, — сказал он, когда ответил оператор. — Найдите мне адрес Дерда Кершава.

— Да, мистер Хедрук, — ответ был обычный и вежливый, без малейшего признака, что его имя является теперь анафемой для Магазинов.

После паузы он услышал знакомый щелчок на другом конце.

Женский голос произнес:

— У меня здесь дело мистера Кершава, сэр. Вы хотите, чтобы я послала его вам или прочитала для вас?

— Поднимите его, — сказал Хедрук. — Я скопирую информацию, которая мне нужна.

Лист из дела скользнул на экран. Он заметил внизу самый последний адрес Кершава: «1874, здание Треллиса». Остальная часть страницы была посвящена предыдущим адресам Кершава и сведениям о месте его рождения, родителях и начальном образовании, которое он получил.

На правом нижнем углу страницы была отштампована золотая звезда. Это был знак награды Оружейных Магазинов, который указывал, что Дерд Кершав рассматривался учеными Организации, как один из двух или трех величайших людей в своей отрасли физики.

— Все в порядке, — сказал Хедрук, — следующую страницу, пожалуйста.

Металлическая пластинка, во много раз тоньше, чем бумага равного веса, исчезла, затем вновь появилась.

Страница содержала историю жизни Кершава, начиная с того момента, которым заканчивалась первая. Обучение в подростковом возрасте, обучение в колледже, характер и оценки интеллекта, ранние достижения и, наконец, перечень научных открытий и изобретений.

Хедрук не стал задерживаться, чтобы прочесть перечень открытий Кершава. Он мог узнать детали позднее. Он получил имя Кершава от Эдварда Гениша, А-человека, а это была удача, которая не должна быть теперь испорчена медленными действиями, потому что от этой случайной встречи он получил информацию, по поводу которой, как он предполагал, никто еще ничего не предпринимал. Правда, Гениш не рассматривал свою догадку насчет Кершава и межзвездных путешествий как полностью обоснованную, но его слова обеспечивали, во всяком случае, рабочую гипотезу. Соответственно, следующие часы или даже целый день Роберт Хедрук мог следовать ей без помехи со стороны Организации.

— Покажите последнюю страницу, — быстро сказал он.

Страница возникла на экране. Взгляд Хедрука скользнул по перечню имен. Здесь находились имена людей, которые совсем недавно использовали досье. Там значились только два имени — Эдвард Гениш и, ниже, Дэн Нилан. Он остановил свой взгляд на втором. Из-за того, что он был весь собран и возбужден, он заметил то, что мог в обычное время упустить. Под именем Гениша был отштампован

крошечный символ. Он указывал, что А-человек использовал досье и вернул его в хранилище. После имени Нилана такого символа не было. Когда Нилан использовал это досье и кто он?

Девушка спокойно ответила на этот вопрос:

— Мистер Нилан еще не закончил работу с ним, сэр. По вашему требованию мы переслали досье из его секции сюда. Одну минуту, пожалуйста. Я соединю вас с оператором.

Она заговорила с кем-то, кого Хедрук не мог видеть, и он не уловил ее слов. Затем, после паузы, на экране появилось лицо другой девушки. Она кивнула в ответ на его вопросительный взгляд.

— Мистер Нилан, — сказала она, — ждет в данный момент в Оружейном Магазине на Линвудской авеню. Его первый запрос был по поводу его брата, Гила Нилана, который, кажется, исчез около года назад. Когда мы рассказали ему, что последний адрес брата был тот же самый, что у Дерда Кершава, он запросил информацию о Кершаве. Мы как раз искали эти сведения, когда пришел ваш вызов с более высоким приоритетом.

Хедрук на секунду замялся:

— Тогда Нилан все еще ждет в магазине?

— Да.

— Задержите его там, — сказал Хедрук, — пока я не доберусь до магазина. Я не могу сейчас использовать передатчик, поэтому это потребует минут пятнадцать.

Девушка ответила:

— Мы займем его на это время, дав ему нужные сведения.

— Благодарю вас, — сказал Хедрук и отключил связь.

С сожалением он быстро снял свой «деловой» костюм, хотя здесь не было выбора. Костюм, который действовал на том же энергетическом принципе, что и материалы, из которых сооружен оружейный магазин, был достаточно велик, чтобы вызвать энергетическое возмущение в любой части оружейного магазина и быть поврежденным ответной реакцией. Даже это не имело бы особого значения само по себе, но энергетические возмущения были опасны, когда происходили близко к коже. В оружейные магазины можно было вносить без болезненных эффектов только бластеры и кольца-излучатели, но «деловой» костюм был слишком большим для этого. Был и другой аргумент не входить в костюме в оружейные магазины.

Он вмонтировал в него устройства и изобретения, не известные Оружейникам. Возможность, что некоторые из его секретов могут быть обнаружены анализирующими детекторами, была сама по себе достаточной причиной, что-бы остаться в безопасном месте.

Когда он приблизился к Линвудскому магазину, все было спокойно. Его карплан был снабжен крайне чувствительными датчиками и, если там был боевой корабль Оружейных Магазинов, парящий вне видимости в голубой дымке где-нибудь над городом, они обнаружили бы его. Это давало ему, по его расчетам, промежуток времени около пяти минут, чтобы выйти из затруднительного положения, пока корабль разгоняется и тормозится в атмосфере около поверхности Земли.

Хедрук посадил свою машину за магазином и посмотрел на часы. Двадцать три минуты прошло с того момента, когда он отключил связь с Информационным Центром. А это означало, что минуло уже три четверти часа после его побега из комнаты совещаний Оружейников. Предупреждение относительно него должно было уже распространиться довольно широко через Организацию. Скоро наступит момент, когда будут также извещены и работники этого оружейного магазина. Это подгоняло его. Но, несмотря на потребность в быстрых действиях, Хедрук вышел из автомобиля без спешки и остановился, чтобы еще раз осмотреть магазин.

Над ним сияли обычные слова:

ЛУЧШЕЕ ОРУЖИЕ

Право купить оружие — это право
быть свободным

Подобно другим точно таким же вывескам, она, казалось, поворачивалась к нему, когда он шел к двери. Такие вывески были обычным явлением на больших улицах, и хотя пять сотен таких реклам могли составить несколько утомительное в своей головокругительности зрелище, это было приятное ощущение и без опасных побочных эффектов. На крайний случай имелись пилюли, которые могли быстро нормализовать зрительные центры.

Магазин стоял в окружении зеленой и цветущей растительности. Это придавало ему спокойный и даже идиллический характер. Все казалось нормальным, как раньше. Вывеска на окне была той же самой, что всегда. Буквы были меньше, чем на главной вывеске, но слова были такими же самоуверенными:

САМОЕ ЛУЧШЕЕ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЕ ОРУЖИЕ ВО ВСЕЙ ИЗВЕСТНОЙ ЧАСТИ ВСЕЛЕННОЙ

Хедрук знал, что это была правда. Он взглянул на сверкающее великолепие револьверов и ружей и на мгновение содрогнулся, осознав, что прошло более ста лет с тех пор, как он в последний раз посетил оружейный магазин. Это само по себе делало происходящее более интересным для него. Он мельком подумал, что за удивительная организация эти Оружейники и их магазины в десятках тысяч городов и селений обширной Империи Ишер, независимых, объявленных вне закона, неуничтожимых — альтруистическая оппозиция тирании. Иногда трудно было поверить, что каждый оружейный магазин является неприступной крепостью, — это доказали кровавые попытки, предпринятые правительством Ишера в далеком прошлом, чтобы сокрушить Организацию.

Хедрук быстро подошел к двери. Она не открылась, когда он потянул за нее. Он уставился на дверь в испуге. Затем он понял, в чем дело. Чувствительная дверь заклеимила его потому, что на поверхности его мышления было так много мыслей о действиях, предпринятых против него Советом Оружейных Магазинов.

Дверь управлялась именно мыслью, и ни один враг Магазинов, ни один слуга Империи никогда не будет впущен.

Он закрыл глаза и заставил себя расслабиться, чтобы все напряжение последнего часа ушло из него. Немного спустя он снова попытался открыть дверь.

Она открылась мягко, как цветок, расправляющий свои лепестки, только побыстрее. Она казалась невесомой под его пальцами, подобно некой сверхъестественно утонченной нематериальной конструкции, и когда он проходил, она двигалась за его пятками, не касаясь их, и беззвучно сомкнулась позади него, как ночь в космосе.

Хедрук энергично прошел через крохотный тамбур в большую комнату.

ГЛАВА 5

Внутри было тихо, ни звука не доносилось от полного дел дневного мира, из которого он пришел. Его глаза быстро привыкли к мягкому свету, отраженному от стен и потолка. Он быстро огляделся, и первым впечатлением было,

что никого здесь нет. Это обеспокоило его, так как, казалось, указывало на то, что они не смогли задержать Нилана.

Могло даже быть, что это была ловушка. Хедрук вздохнул и расслабился. Если это действительно была ловушка, его шансы выбраться зависели от того, сколькими людьми они готовы были пожертвовать; они должны знать, что он не даст так просто взять себя. С другой стороны, все это могло оказаться лишь напрасными страхами.

Он решил не беспокоиться, хотя бы временно, и с удивлением стал рассматривать выставочные стенды, расположенные вдоль стены. Хедрук подошел к одному из них и всмотрелся в четыре ружья, установленные внутри него. Их вид приятно взволновал его. Он много сделал для развития этого сложнейшего энергетического оружия. Некоторые виды оружия все еще носили старые имена. Их называли «револьверами» или «ружьями», но на этом сходство кончалось. Эти «ружья» не стреляли пулями, они излучали энергию в различных формах и количествах. Некоторые из них могли убивать или разрушать на расстоянии в тысячу миль, если это было нужно, и все же они контролировались теми же самыми чувствительными элементами, что и дверь оружейного магазина.

Так же, как дверь отказывалась открыться только что для него самого, для полицейских, императорских солдат или людей, недружелюбных к Магазинам, так и эти «ружья» были сконструированы, чтобы стрелять только при самозащите и против определенных животных во время разрешенного сезона.

Они также имели другие специальные устройства, в частности, для ускорения действий и для безопасности.

Хедрук обошел стенд и увидел высокого мужчину, сидящего в кресле, почти незаметного за другими стендами. Он предположил, что это Нилан, но прежде чем успел подойти и представиться, его прервали.

Открылась задняя дверь комнаты и появился пожилой грузный мужчина. Он подошел с извиняющейся улыбкой на лице.

— Прошу прощения, мистер Хедрук, — сказал он. — Я заметил, что открылась наружная дверь и догадался, что это вы. Но я был занят делом, которое никак нельзя было бросить.

С ним все еще обращались, как с важным лицом в Организации. Хедрук пристально взглянул на мужчину и решил, что тому еще не сообщили о лишении Роберта Хедрука всех привилегий Оружейных Магазинов.

Управляющий магазином повысил свой голос:

— Мистер Нилан, это джентльмен, о котором я говорил вам.

Незнакомец встал, когда Хедрук и управляющий подошли к нему.

— Мистер Нилан, я хочу, чтобы вы поговорили с Робертом Хедруком, должностным лицом Оружейных Магазинов.

Пока они пожимали друг другу руки, Хедрук чувствовал на себе испытующий взгляд твердых черных глаз.

Лицо Нилана было сильно загоревшим, и Хедрук догадался, что он прибыл с планеты или астероида, где было мало защиты от прямых солнечных лучей.

Он начал жалеть, что не потратил времени на то, чтобы узнать немного больше о Дэне Нилане и его пропавшем брате. Это было упущено из виду, и теперь важнейшей задачей было увести Нилана из магазина куда-нибудь, где они могли разговаривать в безопасности. Прежде чем он заговорил, управляющий сказал:

— Для вашего сведения, мистер Хедрук, мы организовали передачу почты мистера Нилана с его марсианского почтового адреса. У вас будет достаточно времени, чтобы поговорить с ним.

Хедрук не стал спорить. Слова прозвучали с роковым лязганьем. Но то, что произошло, было достаточно естественно. Женщина из Информационного Центра нашла простое решение проблемы, как задержать Нилана в магазине. Они предложили переслать его почту с Марса с помощью передатчика Оружейных Магазинов.

Они организовали небольшую задержку и добились своей цели. Возможно, что Нилана удалось бы выманить из магазина на короткое время. Но губы Нилана были упрямо поджаты, глаза немного сужены, как у человека, привыкшего быть настороже. Хедрук знал эту породу людей и считал неразумным давить на них. Предложение покинуть магазин могло подождать, но все же необходимо было спешить. Он повернулся к управляющему.

— Нам предстоит обсудить очень важные вопросы, поэтому я надеюсь, вы не сочтете меня невежливым, если я немедленно начну разговор с мистером Ниланом?

Пожилой мужчина улыбнулся.

— Я оставлю вас одних, — сказал он и удалился в заднюю коннату.

В ближайшем углу стояло еще одно кресло. Хедрук подтащил его, пригласил Нилана сесть и уселся сам. Он начал немедленно:

— Я собираюсь быть предельно искренним с вами, мистер Нилан. У Оружейных Магазинов есть причина верить, что Дерд Кершав и ваш брат изобрели межзвездный двигатель. Есть доказательства, что Императрица будет против раскрытия секрета такого изобретения. И, соответственно, Кершаву и вашему брату грозит серьезная опасность быть убитыми или заключенными в тюрьму. Поэтому жизненно важно выяснить, где они построили этот двигатель и что случилось с ними. — Он спокойно закончил: — Я надеюсь, что вы сможете рассказать мне все, что вы знаете об этом деле.

Нилан покачал головой. Его улыбка была ироничной, почти зловещей.

— Моему брату не грозит опасность быть убитым, — сказал он.

— Тогда вы знаете, где он? — облегченно спросил Хедрук.

Нилан поколебался. Когда он наконец заговорил, Хедрук почувствовал, что слова были не теми, которые он намеревался произнести сначала.

— Что вы хотите от меня?

— Ну, хотя бы, кто вы?

Напряженное лицо немного расслабилось.

— Мое имя — Даниэль Нилан. Я брат-близнец Гилберта Нилана. Мы родились в Лэйскайлде... Вы это имеете в виду?

Хедрук улыбнулся дружеской улыбкой.

— Продолжение этого. На вашем лице есть черты, которые указывают, что с тех пор много чего произошло.

— Прямо сейчас, — сказал Нилан, — меня можно назвать метеоритным шахтером. Последние десять лет я был далеко от Земли. Большую часть этого времени я провел как азартный игрок на Марсе, но два года назад я выиграл метеорит у подвыпившего парня по имени Карью. Я из жалости отдал ему половину и мы стали партнерами. Метеорит имеет три мили в диаметре и практически представляет собой глыбу бериллия. На бумаге он стоил миллиарды кредитов, но понадобилась еще пара лет разработок, прежде чем он стал окупаться. Около года назад у меня была очень веская причина думать, что что-то случилось с моим братом.

Он замолчал. На его лице было странное выражение. Наконец он сказал:

— Вы когда-нибудь слышали об экспериментах, проводимых Институтом Евгеники?

— Да, конечно, — ответил Хедрук, начиная догадывать—

ся. — Какая-то выдающаяся работа была проделана, в частности, с близнецами.

Нилан кивнул.

— Тогда будет легче рассказывать вам, что случилось.

Он снова замолчал, затем медленно продолжал.

Ученые взяли их в возрасте пяти лет, Даниэля и Гилберта Ниланов, идентичных близнецов, уже чувствительных друг к другу, и усилили их чувствительность до такой степени, что она представляла собой тесный взаимный поток жизненной энергии, мир двойного ощущения. Взаимосвязь настолько возрастала на близком расстоянии, что мысли передавались между ними с четкостью электронного потока в переговорном устройстве.

Эти ранние годы были чистой радостью близкой связи. А затем, в возрасте двенадцати лет, началась попытка сделать их различными без нарушения нервной коммуникации. Подобно ребенку, брошенному в глубокий омут, чтобы утонуть или вынырнуть, он был подвергнут полному давлению цивилизации Ишера, в то время как Гил был заботливо отгорожен от внешнего мира. После этих лет их умственная связь изменилась. Мысли, все еще могущие передаваться друг от друга, могли быть и оставлены при себе. У Нилана развилось удивительно сильное чувство старшего брата по отношению к Гилу, тогда как Гил...

Мужчина замолчал, взглянул на Хедрука, затем продолжал:

— Я догадался о другом пути, которым вырослел Гил, по тому, как он реагировал на мои отношения с женщинами. Это шокировало его, и я начал понимать, что у нас возникла проблема.

Он пожал плечами.

— Никогда не возникало вопроса, кто из нас должен покинуть Землю. В тот день, когда контракт с Институтом Евгеники закончился, я купил билет на Марс. Я отправился туда в надежде, что Гил получит свой шанс на жизнь, только, — закончил он мрачным голосом, — это обернулось смертью.

— Смертью? — епросил Хедрук.

— Смертью.

— Когда?..

— Год назад. Именно это привело меня на Землю. Я жил на метеорите, когда почувствовал, что он умер.

Хедрук сказал:

— Вам понадобилось много времени, чтобы добраться сюда.

Замечание прозвучало слишком резко, поэтому он быстро добавил:

— Поймите, пожалуйста, я только пытаюсь представить ясную картину.

Нилан нехотя ответил:

— Мы были на дальней стороне Солнца, и скорость метеорита почти сравнялась со скоростью Земли. Он только недавно зашел в положение, откуда мы могли рассчитать примерную орбиту для нашего грузовоза простого типа. Неделью назад Карью посадил меня на одном из дешевых северных космопортов. Он тотчас отбыл, но должен вернуться за мной примерно через шесть месяцев.

Хедрук кивнул. Ответ был удовлетворительный.

— Но что именно вы почувствовали, когда ваш брат умер? — спросил он.

Нилан пошевелился в своем кресле. Это была боль, объяснил он угрюмо. Гил умер в агонии, внезапно, не ожидая этого. Сильное страдание пересекло бездну между Землей и метеоритом и скрутило его нервы. Через мгновение наступил конец тому нервному давлению, которое поддерживало даже на таком расстоянии узы между ним и его братом. Он закончил:

— Я не чувствовал ни малейшего ощущения с тех пор.

В последовавшем молчании Хедрук вспомнил, что его время очень ограничено. Минуты необходимости сосредоточиться на словах Нилана изгнали напряжение срочности из его мозга. Теперь это напряжение восстановилось. Время! Нужно уходить сейчас же!

Ясно сознавая, что такое оружейный магазин, он не смел игнорировать импульс тревоги. И все же он откинулся в кресле и задумался, глядя на человека перед собой. Уходя, он хотел бы забрать с собой Нилана, а это означало, что не должно возникнуть никаких подозрений. Он проделал мысленные выкладки и медленно покачал головой.

— Я не вполне представляю это дело в состоянии кризиса почти год назад.

Черные глаза Нилана внезапно потеряли блеск, как потускневший металл.

— Я заметил, что смерть одного человека редко вызывает кризис, — сухо произнес он. — Мне неприятно говорить это в связи с моим собственным братом, но это правда.

— И все же, — сказал Хедрук, — что-то произошло, потому что Кершав тоже исчез. Он не ждал ответа, а встал на

ноги и подошел к контрольному пульту, который помешался на стене слева от него. Все эти минуты он ясно осознавал, что солдаты Оружейных Магазинов в любой момент могут хлынуть через передатчик. Он не мог допустить этого, пока не организует свой уход.

Хедрук встал ближе к пульту с его мигающими огоньками. Он хотел быть уверенным, что Нилан не сможет увидеть, что он делает. Он быстро включил одно из своих колец и прожег игольной величины отверстие в сложных цепях передатчика. Мгновенно крошечный огонек у края панели погас.

Хедрук отвернулся от пульта более спокойным, но он так же стремился к своей цели, как и раньше. Он защищал свой фланг, ничего более. В магазине был еще один передатчик, и он знал, что люди могут пройти и через него. А другие люди могут приблизиться в бронированном боевом корабле, чтобы отрезать его от карплана. Риск возрастал с каждым мгновением.

Он подошел к Нилану и сказал:

— У меня есть адрес вашего брата, который я хотел бы проверить прямо сейчас. И я хочу, чтобы вы пошли вместе со мной. — Он продолжал убедительно: — Я уверяю вас, что скорость очень важна. Вы можете рассказать остальное по дороге, а я завезу вас сюда потом, чтобы забрать вашу почту.

Нилан встал.

— Фактически осталось добавить немного, — сказал он. — Когда я прибыл в Столицу, я узнал старый адрес брата и...

— Постойте, — сказал Хедрук.

Он подошел к двери, которая вела в другую комнату, постучал по ней и окликнул:

— Я беру мистера Нилана с собой, но он вернется за своей почтой. Благодарю вас за помощь.

Он не стал ждать ответа, а повернулся к Нилану.

— Идемте, — энергично сказал он.

Нилан направился к выходу, говоря по дороге:

— Я обнаружил, что мой брат нанимал фальшивую квартиру.

Когда они выходили из двери, Хедрук сказал:

— Вы имеете в виду, что он не жил по своему зарегистрированному адресу?

— Хозяйка рассказала мне, — сказал Нилан, — что он не только не жил там, но даже разрешил ей сдавать комнату. Он проводил там один вечер в месяц, как требуется по закону, и поэтому ее совесть была спокойна.

Они шли к карплану. Хедрук знал, что Нилан продолжает говорить, но не слушал его. Все его внимание было приковано к небу. По нему скользили карпланы, но не было длинного темного силуэта торпедоподобной конструкции, мчащегося на крыльях атомной энергии...

Он открыл дверь своей маленькой машины для Нилана и полез после него сам. Мгновением позже он погрузился в кресло водителя и отсюда отметил, что вокруг магазина все еще не было никакого движения.

Пока карплан поднимался в воздух, Хедрук увидел, что Нилан внимательно изучает управление. В его действиях была уверенность, которая говорила о его опытности больше, чем слова. Нилан уловил его взгляд и сказал:

— Я вижу здесь пару новых вещей. Что это за приспособление? — Он показал на детекторную схему.

Это устройство было секретом Оружейных Магазинов, тем не менее оно не было особенно важным, поэтому Хедрук рискнул установить его в машину, которая, вполне возможно, могла попасть в руки людей, враждебных к Магазинам.

Императорское Правительство имело подобное устройство, но немного другой конструкции. Хедрук ответил на вопрос Нилана встречным вопросом:

— Я вижу, вы знакомы с техникой?

— Я специалист по атомной технике, — сказал Нилан и добавил легкой с усмешкой:

— Институт Евгеники много дает своим подопечным.

До этого времени Хедрук считал Нилана получившим военное образование. На него произвел впечатление стойкий характер этого человека, но за свою долгую карьеру он встречал так много крепких и способных людей, что само по себе это качество не представляло для него особого интереса. А вот степень специалиста по атомной технике изменила его отношение. Человек, который знал атомную энергетику во всем объеме, даваемом большим университетом, практически устанавливал свою собственную цену, когда приходил в промышленность. А если они когда-либо найдут межзвездный двигатель, этот человек будет неоценим. Поэтому, решив, что Ниланом стоит заняться, Хедрук начал тотчас же. Он вытащил из своего кармана лист бумаги, на котором был написан последний адрес Кершава. Он протянул его Нилану с замечанием: «Вот куда мы направляемся».

Нилан взял буиагу и громко прочитал:

— Комната 1874, здание Треллиса... Великий бог!

— В чем дело?

— Я был там три раза, — сказал Нилан. — Я нашел адрес в чемодане брата, который находился в зарегистрированной комнате.

Хедрук почувствовал, что его поиск зашел в тупик.

— Три раза? — спросил он.

— Эта комната была все время заперта, — сказал Нилан, — когда я приходил туда. Управляющий домом сообщил, что плата за нее получена на десять лет вперед, но что он никого не видел там со времени подписания контракта. Это было три года назад.

— Так что, вы не входили туда?

— Нет, он не позволил мне, а у меня не было желания угодить в тюрьму. Кроме того, не думаю, чтобы я вообще смог войти. Замок имел защиту.

Хедрук задумчиво кивнул. Он не собирался позволить кому-то замку остановить его. Но он мог оценить препятствие, каким являлось подобное устройство даже для самого решительного человека, не имевшего его приспособлений. Еще одна мысль не давала ему покоя. Где-то по пути он должен был попасть в одно из своих помещений и надеть «деловой» костюм. Было крайне важно защитить себя, хотя он не смел замедлять свои продвижения. Даже десять минут преимущества во времени в конечном итоге могли оказаться решающими. Нужно было идти на риск. Они прилетели в район, где на стоэтажном небоскребе горела вывеска: «Дом Треллиса».

Хедрук посадил карплан на крышу здания, и они оба спустились в лифте до восемнадцатого этажа.

Хедруку понадобился только один взгляд на двери комнаты 1874, чтобы понять, что она действительно была хорошо защищена. Дверь и рама были изготовлены из алюминиевого сплава стальной прочности. На замке была надпись, которая гласила: «При вскрытии этого замка включается сигнал тревоги у управляющего домом, в местном полицейском участке и на всех проходящих патрульных машинах».

Оружейные Магазины разработали дюжину устройств, чтобы перехитрить подобные электронные механизмы. Самое лучшее из них было одновременно самым простым. Оно было основано на удивительном свойстве материи и энергии. Если цепь разрывалась или замыкалась достаточно быстро — требуемая скорость была больше скорости света — ток в ней в первом случае продолжал бы течь, как если бы в щепи не было разрыва, а во втором он возник бы между отдаленными точками пространства, как если бы между ними не было расстояния. Этот феномен отнюдь не был незначительным на-

учным фактом. На нем был основан сложнейший передатчик материи, который сделал возможным само существование Оружейных Магазинов.

Хедрук отодвинул Нилана назад и подошел ближе к двери. На этот раз он использовал другое кольцо, и над замком вспыхнуло оранжевое пламя. Когда свечение угасло, он толкнул дверь. Она открылась со слабым скрипом давно не используемых петель. Хедрук перешагнул через порог в комнату двадцати футов длиной и десяти шириной. В конце ее находился стол, несколько стульев и небольшое бюро. В углу за столом находился пульт связи с пустым и безжизненным экраном.

Комната была настолько пустая, настолько нежилая и неиспользуемая, что Хедрук прошел немного вперед и остановился в некоторой растерянности. Потом оглянулся назад, на Нилана. Игрок задумчиво изучал замок, наклонившись к нему. Он посмотрел на Хедрука удивленно покачал головой.

— Как вы это сделали?

Хедрук не сразу понял, что Нилан говорит о способе, которым он открыл дверь. Он улыбнулся, затем ответил:

— Извините, но это секрет. — Потом добавил быстро: — Лучше войдите внутрь. Мы рискуем привлечь чье-нибудь внимание.

Нилан с готовностью выпрямился, прошел в комнату и закрыл за собой дверь.

Хедрук сказал:

— Вы возьмете на себя стол, а я проверю бюро. Чем мы быстрее сделаем это, тем лучше.

Его собственная работа была окончена менее чем за минуту. Бюро было пусто. Он задвинул последний ящик и подошел к столу. Нилан заглядывал в нижний ящик, и Хедрук сразу увидел, что он также пуст. Нилан вернул ящик на место и встал.

— Все, — сказал он. — Что теперь?

Хедрук не сразу ответил. Что-то все-таки можно было сделать. Возможно, новые нити обнаружились бы в условиях договора о найме комнаты. Можно было проверить компании, обслуживающие пульта связи. Какие выводы можно было сделать из содержимого этой комнаты? Будь время, он смог бы, вероятно, восстановить очень солидный след.

В этом-то и было все дело. Временем он не располагал. Он и так удивлялся, стоя здесь, что Оружейники не поймали его до сих пор. В дни, когда он был начальником Координационного Департамента, он имел бы данные о Кершаве через не-

сколько минут после первого сигнала. Казалось невероятным, что его преемник, способный, получивший интуиционистскую подготовку, Джон Хейл не действовал так же успешно. В чем бы ни заключалась задержка, она, вероятно, не продлится долго. Чем скорее он окажется подальше отсюда, тем лучше.

Он повернулся и пошел было к двери, но остановился. Если он уйдет сейчас, то куда? Внимательно осмотрел комнату снова. Возможно, его поиски не были достаточно тщательными. Возможно, в волнении он просмотрел что-нибудь очевидное. Он должен остановиться и найти это.

Сперва ничего не было. Пока его взгляд двигался от окна за столом, он отвергал каждый предмет по очереди: стол с пустыми ящиками, сама комната, пустая, за исключением минимума мебели и пульта связи. Он остановился. «Пульт связи, — сказал он громко. — Ну, конечно!»

Он шагнул было к нему, затем остановился, увидев глаза Нилана, вопросительно смотрящие на него.

— Быстро, — сказал он. — Встаньте к стене. — Он показал на место позади пульта связи. — Я не думаю, что он должен видеть вас.

— Кто? — спросил Нилан.

Но, должно быть, он понял, так как пошел к указанному месту.

Хедрук включил пульт. Он был рассержен на себя, что не сделал проверку сразу. Он прожил годы в секретном мире Оружейных Магазинов, среди пультов связи, соединенных в определенном порядке, пультов, которые не имели номерного диска. И, следовательно, его замедленное осознание возможностей этого пульта связи было почти самоубийственно.

Прошла минута, но экран оставался пустым. Две минуты — что это за звук? Он не был уверен, но казалось, что он доносится из динамика, приглушенное движение, как будто — так и есть — шаги! Они вдруг стихли, наступила тишина. Хедрук попытался представить человека, смотрящего неопределенно на экран, не решаясь ответить. Прошла третья минута. Чувство поражения начало давить на него, так как проходили бесценные минуты.

В конце пятой минуты хриплый мужской голос сказал:

— Да, в чем дело?

Трепет возбуждения пробежал по телу Хедрука. У него была приготовлена история, но прежде чем он смог начать, голос заговорил снова, более резко:

— Вы не по объявлению? Они сказали мне, что оно не

появится до завтра. Почему они не позвонили мне и не сказали, что они сделали его сегодня?

Голос звучал рассерженно и не стал дожидаться ответа.

— Вы атомный инженер? — спросил он.

— Да, — ответил Хедрук.

Собеседник так быстро пришел к неправильному заключению, что это позволило легко изменить историю, которую он сочинил. У него было намерение выдать себя за Дэна Нилана и объяснить, что он нашел адрес этой комнаты в личных вещах брата. Он хотел показать себя не столько расстроенным смертью брата, сколько заинтересованным в его наследстве.

Он подождал, но на этот раз недолго.

— Вы, должно быть, — произнес голос из пульта связи, — удивляетесь такому странному методу найма на работу?

Хедрук почувствовал смутное чувство сожаления к этому человеку. Тот был так уверен в необычности своих действий, что принимал как само собой разумеющееся, что любой другой будет так же воспринимать их. Лучший метод иметь дело с таким предположением — это подыгрывать ему.

— Я удивился, — сказал он, — но решил попробовать.

Мужчина засмеялся не слишком приятным смехом.

— Рад слышать это. У меня есть здесь работа, которая займет около двух месяцев, и я буду платить вам восемьсот кредитов в неделю и не буду задавать никаких вопросов. Согласны?

Хедрук размышлял, все более и более удивляясь. Наступил момент, когда осторожность показалась бы уместной. Он медленно сказал:

— Что вы хотите, чтобы я делал?

— Только то, что сказано в объявлении. Чинить атомные моторы. Ну, — властно добавил он, — что вы скажете?

Хедрук задал самый важный вопрос:

— Куда мне явиться?

Наступило молчание.

— Не так быстро, — наконец донесся ответ. — Я не собираюсь сообщать вам много информации, чтобы затем вы отказались от работы. Вы понимаете, что я плачу вдвое больше обычного? Вы заинтересованы?

— Как раз такую работу я и ищу, — сказал Хедрук.

Голос произнес:

— Пять кварталов к северу вдоль улицы 131. Затем около девяти кварталов на восток к дому 1997, Авеню 232. Центр. Это высокое узкое серое здание. Вы не пропустите его. Позвоните и ждите ответа. Поняли?

Хедрук быстро записал драгоценный адрес.

— Понял, — сказал он, наконец. — Когда мне идти?

— Прямо сейчас. — В голосе появилась угроза. — Поймите меня, я не хочу, чтобы вы ходили куда-то еще. Если вы хотите эту работу, вы доберетесь общественным карпланом, а я знаю, сколько это займет времени, поэтому не пытайтесь обмануть меня. Я жду вас здесь через десять минут.

Хедрук подумал: «Боже мой, я никак не попаду назад в свою лабораторию». И громко сказал:

— Я приеду.

Он подождал. Экран оставался пустым. Очевидно, собеседник не интересовался, как он выглядит. Вдруг раздался щелчок, и он понял, что связь отключена.

Разговор закончился.

Он быстро использовал одно из своих колец, чтобы быть уверенным, что пультом больше никто не воспользуется, и повернулся к Нилану, который вышел из-за пульта. Он улыбался, уверенный в себе мужчина, почти такой же высокий и стройный, как сам Хедрук.

— Хорошая работа, — сказал он. — Это было чисто сделано. Какой он называл адрес?

Но Хедрук лишь сказал:

— Идемте отсюда.

Его мозг быстро работал, пока они торопливо шли к лифту. Он размышлял, что ему делать с Ниланом. Это был ценный человек, и он мог оказаться чудесным союзником для такого одиночки, как он. Но еще слишком рано доверять ему. Кроме того, не было времени сочинять подробную историю, которая нужна, чтобы получить поддержку Нилана.

Пока лифт вез их к крыше, Хедрук сказал:

— Я думаю, что вам нужно вернуться назад в Линвудский магазин и забрать вашу почту, в то время как я пойду и посмотрю на неприятную личность, с которой разговаривал. Потом снимите комнату в гостинице «Ишер» — я позвоню вам туда. Таким образом, мы поделим работу.

На уме у него было больше, чем он сказал. Чем быстрее Нилан вернется в оружейный магазин, тем больше вероятность, что он будет там прежде, чем преследователи Хедрука. И если он будет ждать в гостинице, а не в своей комнате, его будет трудней обнаружить там. То, что он не запомнил адрес, подвергало его меньшей опасности.

Нилан ответил:

— Вы можете высадить меня на первой остановке общественного карплана. Но как насчет адреса?

— Я напишу его вам, как только мы сядем в мою машину, — сказал Хедрук.

Они были уже на крыше, и он на мгновение почувствовал ужасное напряжение, когда несколько карпланов повернуло и село на крышу. Но мужчины и женщины, которые выбрались из них, не обратили никакого внимания на двух человек, направляющихся к карплану у края площадки. Когда они были уже в воздухе, Хедрук заметил мигающий знак остановки общественного карплана. Он направился к ней и одновременно вытащил листок бумаги, на котором было написано «97 улица, 131».

Моментом позже они были на тротуаре. Он сложил листок бумаги и отдал его Нилану, когда тот выбрался из машины. Они пожали друг другу руки.

— Счастливо, — сказал Нилан.

— Не возвращайтесь в комнату брата, — сказал Хедрук.

Он закрыл дверь и направил машину вверх. На экране заднего обзора он видел Нилана, садящегося в общественный карплан. Невозможно было понять, догадался ли он, что ему дали неправильный адрес. Конечно, эксперты Оружейных Магазинов могли использовать ассоциативную технику, чтобы извлечь из него правильный адрес. Он, несомненно, помнит его на каком-то уровне подсознания. Но нужно будет время, чтобы уговорить его сотрудничать, и время, чтобы добиться нужных ассоциаций. У Хедрука, в общем-то, не было возражений, чтобы Магазины получили эту информацию. Пока он медленно направлял машину по адресу, данному ему голосом, он написал длинную записку с настоящим адресом в ней. Эту записку он поместил в конверт и написал: «Питеру Кардону, Метеоритная Корпорация, Королевский Отель. Передать дневной почтой 6-го». Это будет завтра.

При нормальных обстоятельствах он бы работал вместе с Магазинами. Их цели были в основном такими же, как и у него, но, к несчастью, целый Совет позволил себе испугаться одного человека, его самого. Они допустили, чтобы эмоции помешали их эффективности. Сама их медлительность в деле Кершава доказывала это. У Хедрука не было сомнений по поводу того, что он делает. Во время кризиса он доверял только себе. Другие люди тоже могли быть умелыми и храбрыми, но у них не было его огромного опыта и его готовности к бесконечному риску.

Возможно, что он был единственным, кто по-настоящему сознавал, что назревает большой кризис правления Иннельды Ишер. В конечном итоге несколько минут могут составить

все различие между успехом и неудачей. И никто лучше его не мог использовать эти минуты.

Его машина пересекла 232 Авеню. Хедрук быстро подошел к ближайшему углу и опустил свое письмо, затем, удовлетворенный, направился к своей цели.

Прошло, как он заметил по своим часам, ровно одиннадцать минут со времени разговора с будущим нанимателем. Не слишком много.

Вот это здание! Хедрук смотрел на него, нахмурившись. У него были неестественные пропорции, слишком большая высота для такой ширины. Подобно огромной серой тупой игле, оно втыкалось в небо на триста-четырееста футов — удивительно зловещее сооружение. Снаружи не было никаких признаков того, что происходит внутри. Просто единственная непримечательная дверь, которая выходила на улицу. Когда он звонил в дверной замок, он попытался представить себе Гилберта Нилана, шагающего в день своей смерти по этой улице, подходящего к двери и исчезающего навечно.

Он все еще думал об этом, когда уже знакомый хриплый голос из скрытого динамика над дверью произнес:

— Вы прибыли вовремя.

Хедрук спокойно ответил:

— Я шел прямо сюда.

Наступило короткое молчание. Хедрук представил мужчину, прикидывающего в уме расстояние от Дома Треллиса. Должно быть, результат оказался удовлетворительным, так как он заговорил снова:

— Подождите минуту.

Дверь начала открываться. Хедрук увидел широкий высокий проход, насколько высокий, он не мог видеть с того места, где стоял. Он забыл об этом, когда увидел, что перед ним еще одна толстая частично открытая дверь, сделанная из темного крапчатого металла. Вся внутренняя стена, в которой находилась эта дверь, была изготовлена из того же самого металла. Хедрук прошел через наружную дверь и остановился, когда понял, в чем дело. Вся внутренняя стена состояла из фуршинга, структурного стального сплава, который использовался исключительно для сверхпрочных корпусов космических кораблей.

Странное здание было ангаром для космического корабля. И в нем был корабль.

Корабль Кершава! Это была только догадка, но обстановка требовала, чтобы он действовал с такой скоростью, как если бы все его догадки и предположения были реальностью. Дополнительные мысли мелькнули у него в голо-

ве. Гил Нилан, брат Дэна, умер не на Земле, а в полете через космос. Это, казалось, должно было означать, что межзвездный двигатель испытывается уже целый год. Но тогда почему люди с корабля действовали таким образом? Наверняка, Кершав, изобретатель, не стал бы трусливо прятаться внутри, потому что он боится Императрицы или потому что кто-то погиб во время эксперимента. Он бы знал, что может получить помощь от Оружейных Магазинов. Всем выдающимся ученым было сообщено по секрету, что Магазины открыты для них. Иногда даже «закрытая» информация передавалась определенным, достойным доверия людям.

У Хедрука возникла мрачная мысль, что Кершав также мертв. Теперь надо было решить, как действовать дальше. Должен ли он попытаться войти внутрь, пока есть возможность? Или удалиться за драгоценным «деловым» костюмом?

Ответ на эти вопросы следовал сам собой. Если он уйдет сейчас, то возбудит подозрение человека, с которым разговаривал. Если он останется и захватит корабль, проблема двигателя будет решена.

— В чем дело? — раздался хриплый голос в этот момент. — Чего вы ждете? Дверь открыта.

Итак, он уже подозревает. Но в его голосе было также и возбуждение. Этот человек, кто бы он ни был, определенно очень хочет иметь атомного инженера на корабле. Это частично дает Хедруку контроль над ним и предоставляет возможность ответить правдоподобно:

— Я только что обнаружил, что это космический корабль. Я не хочу покидать Землю.

— О! — Наступила тишина. Затем голос сказал торопливо:

— Минутку, я сейчас выйду. Я докажу вам, что все в порядке. Корабль не может лететь, пока его двигатели не отремонтированы!

Хедрук ждал. У него мелькнула мысль, что для доказательства будет использован бластер. Вопрос был, насколько мощный. Не то, чтобы была какая-то разница: он собирался продолжать, даже если вначале у него не будет преимущества. Рано или поздно его кольца-излучатели предоставят ему подходящую возможность.

Внутренняя дверь, которая была частично открыта, широко распахнулась. Открылась третья дверь, и за ней, плывя в воздухе, оказался подвижный энергетический излучатель, смонтированный на антигравитационной платформе. Утолщенное дуло излучателя было направлено на

Хедрука. Из динамика раздался напряженный твердый голос:

— У вас, вероятно, есть оружие. Я надеюсь, что вы поняли его бесполезность против девяностотысячного зарядного оружия. Выкиньте ваш револьвер через дверь.

Хедрук, у которого не было обычного оружия, сказал:

— Я не вооружен.

— Распахните свою одежду.

Хедрук сделал это.

Наступило молчание, затем:

— Все в порядке, проходите.

Хедрук без слов прошел через обе внутренние двери, каждая из которых по очереди лязгнула позади него с безжалостной окончательностью.

ГЛАВА 6

Как только Хедрук подошел, орудие отодвинулось в сторону, и в нем возник вихрь быстро сменяющихся впечатлений. Он увидел, что находится в контрольном помещении космического корабля, и это было неожиданным. Контрольное помещение находилось обычно в центре корабля. Это означало, что ангар простирается на четыреста футов под землю, столько же, сколько вверх. Это был восьмисотфутовый космический корабль, настоящее чудовище.

— Ну, — голос врезался в его мысли, — что вы думаете об этом?

Медленно Хедрук повернулся к своему захватчику. Он увидел личность около тридцати пяти лет с худым бледным лицом. Мужчина передвинул подвижной бластер выше к потолку, сам он стоял за прозрачным энергетическим экраном. Он подозрительно рассматривал Хедрука внимательными коричневыми глазами.

Хедрук сказал:

— Я вижу, что здесь происходит что-то чертовски забавное. Но мне нужны деньги, поэтому я берусь за эту работу. Что вы скажете?

Он попал на правильную ноту. Мужчина явно почувствовал облегчение. Он слабо улыбнулся и, наконец, произнес с попыткой дружелюбия, которая не совсем у него получилась.

— Теперь поговорим. Я думал, что вы не собираетесь входить.

Хедрук ответил:

— Космический корабль, помещенный здесь, в центре города, ошеломил меня.

Это был пункт, как ему казалось, на который он должен был настойчиво указывать. Факт, что все это было для него странным и новым, должен был подчеркнуть, что у него не было предварительного знания о существовании космического корабля. Он продолжал:

— Пока мы понимаем друг друга, я думаю, мы сможем сотрудничать. Восемьсот кредитов в неделю, не так ли?

Мужчина кивнул.

— И чтобы было ясно, — сказал он, — я не оставлю вам шанса сбежать отсюда раньше времени.

— Что вы имеете в виду? — спросил Хедрук.

Мужчина саркастически улыбнулся. Казалось, ситуация доставляла ему удовольствие. Его голос прозвучал холодно и уверенно, когда он произнес:

— Вы будете жить на борту корабля, пока работа не будет закончена.

Хедрук не удивился. Но он запротестовал из принципа. Он сказал:

— Послушайте, я особенно не возражаю против того, чтобы остаться на корабле, но у вас слишком властная манера. Зачем? Все и так устраивает меня. Но каждую секунду вы преподносите что-нибудь новое. Ну, я думаю, у меня есть право на несколько общих вопросов-фактов?

— Ни черта у вас нет, — ответил мужчина.

Хедрук настаивал:

— Как ваше имя? Я не думаю, что вам повредит, если я узнаю, кто вы.

Возникла пауза. Вытянутое лицо мужчины нахмурилось. Наконец, он пожал плечами.

— Я думаю, что могу назвать вам мое имя. — Он улыбнулся с неожиданным ликованием. — Кроме всего, она знает его. Мое имя Рел Гриер.

Это ничего не значило, кроме того, что он не Кершав. Хедруку не нужно было объяснять, кто такая «она». Прежде, чем он заговорил, Гриер произнес вежливо:

— Пойдемте. Я хочу, чтобы вы сменили одежду. — Он, должно быть, заметил почти неуловимое колебание Хедрука. — Или, — фыркнул он, — вы слишком застенчивы и скромны, чтобы раздеваться при свидетелях?

— Я не стесняюсь, — ответил Хедрук.

Он прошел в указанное место и получил рабочую одежду, в которую он должен переодеться, думая в это время:

«Должен ли я попробовать оставить мои кольца? Или снять их?»

Он сказал громко:

— Я хотел бы проверить этот изолирующий костюм, прежде чем надеть его.

— Проверьте. Он будет вашим погребальным костюмом, если что-нибудь не в порядке.

— Точно так, — улыбнулся Хедрук.

Разговор, хотя и краткий, уже дал ему существенно важную информацию. Он взглянул один раз на костюм и понял, что тот недавно был в ремонте. Эти изолирующие костюмы для атомных работ обычно многократно использовались. Если что-нибудь было не в порядке, они теряли свой блеск. Этот костюм явно сверкал, и ответ Гриера на его предложение проверить костюм указывал, что тот ничего не знает о таких вещах. Значение этого факта было огромным. Пока Хедрук занимался костюмом, его мозг напряженно работал. Гриер говорил, что корабль не может летать. Если это было правдой, это могло только означать, что моторы были сняты и что в двигательном отсеке была слишком большая доза радиации. Чтобы принять решение, этот пункт нужно было проверить. Он спросил об этом.

Гриер кивнул, но в его глазах было осторожное выражение. Он сказал:

— Да, я снял их, а затем понял, что работы оказалось слишком много, чтобы я мог один управиться.

Это звучало достаточно правдоподобно, но Хедрук приотворился, что не понял.

— Работа достаточно простая.

Гриер пожал плечами.

— Я не хотел утомляться,

Хедрук заметил:

— Я никогда не слышал о колледже, выпустившем инженера по ремонту атомных двигателей, который не смог бы собрать их снова. Где вы учились?

Гриер нетерпеливо переступил ногами.

— Давайте, — сказал он ровно, — надевайте этот костюм.

Хедрук быстро разделся. Он не был удовлетворен результатом своей попытки узнать, насколько хорошим механиком является Гриер. Но краткий разговор дал толчок решению, которое он должен был принять. Если в двигательном отсеке была свободная радиация, тогда ему нельзя брать с собой кольца. Изоляционный костюм был достаточно эффективен, если только внутри него не было металла. Было намного безопаснее положить крошечное ору-

жие в карман его костюма, как если бы кольца были простым украшением. Еще будет возможность использовать их.

Потребовалось несколько секунд, чтобы сменить одежду. Теперь он шел впереди, спускаясь в недра корабля.

Они пришли в царство машин.

Он видел, что Гриеру доставляло удовольствие его изумление.

— Корабль — это новое изобретение, — сказал он хитро. — Я продаю его. Я веду переговоры уже несколько недель с самой Императрицей.

Его губы сжались, затем он продолжал:

— Я решил сообщить вам это по пути вниз. Это не ваше дело, но я не хочу, чтобы вы беспокоили этим свою голову и, может быть, подглядывали кругом. Вы знаете, где находитесь. Это ее идея, чтобы все было в секрете. И горе тому, кто станет ей поперек в чем-нибудь. Земля окажется тесной для такого глупца, если только он не из Оружейников. Итак, все ясно?

Все было намного яснее, чем думал Гриер. Великий ученый Кершав нанял Гриера, Ги́ла Нилана и других, чьи имена еще не упоминались, помочь ему в испытании его изобретения. Где-то в пути Гриер убил всех, кто был на борту, и захватил контроль над кораблем.

Хедрук поднялся из двигательного отсека в ремонтное отделение этажом выше. Он начал проверять инструменты под наблюдением Гриера. В свою очередь, но более незаметно, он наблюдал за Гриером. Еще раз он хотел проверить, что тот знает.

Наконец, Гриер снова заговорил:

— Я выбрал себе место в пустой комнате над этим ремонтным отделением. Я буду находиться там большую часть времени в течение следующих двух месяцев. Не то, чтобы я не доверял вам, но пока я нахожусь там, наверху, я буду знать, что вы не бродите по кораблю, высматривая его секреты.

Хедрук ничего не ответил. Он не хотел говорить из-за боязни, что скажет лишнее человеку, который и так уже раскрыл себя. Гриер, очевидно, не был ученым. И через несколько минут, как только он поднимется в комнату Гриера, проблема захвата корабля будет решена.

К его раздражению, Гриер не шел на следующий этаж прямо сейчас. У Хедрука была и другая причина желать этого ухода. Одним из удивительных моментов его разговоров с Гриером было то, что тот не спросил до сих пор его имя. Хедрук не хотел называться Даниэлем Ниланом, он собирал-

ся заявить, что вся ситуация в целом была слишком необычной для него, чтобы открыть свое имя. Но все-таки это могло привести к осложнениям и задержке.

Гриер прервал молчание:

— Как может человек с вашим образованием остаться без работы?

Это прозвучало как начало расспросов. Так как его не спрашивали про имя, Хедрук быстро ответил:

— Я зря потратил время на других планетах. Чертов глупец!

Гриер, казалось, задумался над этим, так как прошло несколько минут, пока он наконец сказал:

— Что привело вас назад?

Тут тоже не могло быть колебаний. Если Гриер поднимется в контрольное помещение и проверит его одежду, он обнаружит имя Даниэля Нилана, написанное в записной книжке. Такая возможность должна быть принята в расчет.

— Смерть моего брата, — ответил Хедрук.

— О, ваш брат умер?

— Да.

Это была история, которую он с самого начала намеревался рассказать. Сейчас он мог рассказать ее, не называя имен.

— Да, обычно он посылал мне деньги. Когда это прекратилось, я стал расспрашивать. Оказалось, что он пропал уже с год назад неизвестно куда. Потребуется около шести месяцев, чтобы получить наследство, но, как вы вероятно знаете, суд признает такое долгое отсутствие как доказательство смерти в эти времена, когда так много убийств.

— Я знаю, — было все, что сказал Гриер.

В наступившем молчании Хедрук подумал: «Пусть он поразмыслит над этим. Не будет никакого вреда, если он обнаружит запись о Нилане, чтобы Гриер поверил, что Дэн и Гил не питают сильных чувств друг к другу».

— Уже более десяти лет, — громко сказал Хедрук, — как я не видел его. Мне все равно, мертвый он или живой. Забавно.

Гриер спросил:

— Вы собираетесь назад, в космос?

Хедрук покачал головой.

— Нет, теперь Земля моя. Здесь больше удовольствий, смеха, развлечений.

— А я, — сказал Гриер, помолчав, — не сменял бы мой последний год в космосе на все удовольствия в Столице.

— У каждого свой вкус, — начал Хедрук и остановился. Его желание подняться с Гриером в его комнату отступило на второй план. Удивительно, как он не подумал об этом. «Мой последний год в космосе». Ну конечно, Кершав, Гил Нилан, Гриер и другие совершили на этом корабле пробное межзвездное путешествие. Они были у одной из ближайших звезд, вероятно, у Альфы Центавра, Сириуса или Прокциона — несмотря на всю свою долгую жизнь, Хедрук затрепетал от волнения, когда он перебирал в уме названия ближайших известных звездных систем. Медленно эмоциональное эхо слов Гриера затихло в нем. Картина происшедшего была далеко не ясна за исключением одного: Гриер добровольно сообщил новый факт. Он хотел говорить. Его можно было заставить рассказать больше. Хедрук сказал:

— Мне не нравится жить в космосе, разыскивая астероиды. Я уже занимался этим и знаю.

— Астероиды! — взорвался Гриер. — Вы сошли с ума! Не думаете ли вы, что Императрица Ишер заинтересовалась бы астероидами? Это дело сотни миллиардов кредитов. Слышите, вы? И она собирается заплатить их.

Он начал шагать взад и вперед, явно возбужденный. Неожиданно он повернулся к Хедруку.

— Вы знаете, где я был? — спросил он. — Я...

Он замолчал. Наконец, выдал мрачную улыбку.

— О, нет, — сказал он. — Вы не вытащите ничего из меня. Не то, чтобы это имело значение, но... — Он стоял и смотрел на Хедрука. Внезапно он повернулся, поднялся по лестнице и исчез из виду.

Хедрук смотрел ему вслед, думая, что пришло время действовать. Он проверил металл потолка на прозрачность и кивнул с удовлетворением. Толщина четыре дюйма. Обычный сплав свинца с бериллием. Проверка также показала точное место, где сидел Гриер — смутная фигура, листаящая книгу. Было невозможно разобрать, читает ли он.

Хедрук почувствовал себя спокойным, сосредоточенным. Его единственной эмоцией было смутное мрачное удовольствие от мысли, что Гриер сидит там, хитро воображая себя контролирующим ситуацию.

Он подкатил тяжелую громоздкую машину точно под то место, где сидел Гриер, и повернул ее зубчатую поверхность вверх, затем стал подсчитывать. Гриер весил примерно сто семьдесят фунтов. Две трети от этого составляло примерно сто сорок. Для безопасности нужен удар, который бы убил человека, весящего сотню фунтов. Гриер не выглядел физически очень крепким.

Конечно, надо было принять в расчет четырехдюймовый пол. К счастью, имелась формула, основанная на коэффициенте прочности. Он произвел необходимую регулировку и нажал кнопку управления.

Гриер рухнул. Хедрук поднялся наверх, где тот лежал рядом с раскладным креслом. Он проверил бесчувственное тело. Кости не сломаны, сердце бьется. Отлично. Мертвый человек не может отвечать на вопросы. А у него было много вопросов.

Потребовались значительные математические расчеты, чтобы спроектировать систему силовых линий, которые связали бы Гриера в достаточно удобном положении, позволив его рукам и ногам двигаться, а телу поворачиваться, и все-таки были бы способны удерживать его вечно, если нужно.

ГЛАВА 7

Хедрук провел следующие полчаса, осматривая корабль. Здесь было много закрытых дверей и заполненных складов, которые он пока пропустил. Он хотел получить общее представление о корабле, и как можно быстрее.

То, что он нашел при этом поверхностном осмотре, не удовлетворило его. Это был корабль, который не мог покинуть ангар, корабль, который к тому же опасно оставлять теперь, когда он получил контроль над ним.

Его могут охранять. То, что он не видел ни одного солдата Иннельды, ничего не доказывает. Императрица крайне не желала бы привлечь внимание наблюдателей Оружейных Магазинов концентрацией правительственных сил. И поэтому Роберт Хедрук прошел по явно пустынной улице и вошел в корабль прежде, чем командир защитных сил решился остановить его.

Если эта картина близка к действительности, тогда для него будет фактически невозможно уйти из корабля, не схваченным для допроса. Это был риск, на который он не смел пойти.

Он задумчиво спустился в комнату Гриера и увидел, что тот пришел в сознание. Мужчина смотрел на него с ненавистью и страхом.

— Я не думаю, что вы собираетесь сбежать с этим, — сказал он дрожащим голосом. — Когда Императрица узнает... она...

Хедрук оборвал его:

— Где находятся другие? — спросил он. — Где Кершав и... — он поколебался, — мой брат, Гил?

Коричневые глаза, которые смотрели на него, расширились. Гриер ощутимо содрогнулся, затем сказал:

— Идите к черту!

Но он был явно испуган.

Хедрук продолжал ровным голосом:

— Если бы я был на вашем месте, я стал бы беспокоиться, что случится со мной, если Императрица узнает обо всем.

Лицо Гриера побледнело. Он с трудом сглотнул, затем хрипло произнес:

— Не будьте глупцом! Здесь хватит на нас обоих. Мы оба разбогатеем, надо лишь быть осторожными — корабль окружен. Я считал, что они попытаются послать кого-нибудь внутрь корабля, поэтому и приветствовал вас тем девятидесяти тысячезарядным орудием — как раз на случай, если они попытаются войти тоже.

Хедрук сказал:

— Как насчет связи? Можно позвонить отсюда?

— Только через пульт связи в здании Треллиса.

— О! — сказал Хедрук и закусил губу в досаде. На этот раз он перехитрил себя самого. Казалось логичным сделать именно тот пульт бесполезным и таким образом устранить всех кандидатов на предлагаемую работу. Тогда он не ожидал, что след приведет на сам межзвездный корабль.

— Кто ответил на вызов пульта связи корабля?

— Парень по имени Зейдель, — мрачно ответил Гриер.

Хедруку потребовалось несколько секунд, чтобы вспомнить, где он слышал это имя прежде. За столом Императрицы, несколько месяцев назад. Один из мужчин на столе выразил отвращение к тому, что Иннелда могла использовать такое существо. Хедрук вспомнил ее ответ: «Бог создал крыс, — сказала она, — и Бог создал Зейделя. Мои ученые нашли применение крысам в своих лабораториях, а я нашла применение для Зейделя. Это отвечает на ваш вопрос, сэр?» — закончила она высокомерно.

Мужчина, который задал вопрос, был известен своим острым языком. Он сказал: «Я вижу, у вас есть человеческие существа в ваших лабораториях, которые ставят опыты на крысах, а теперь вы нашли крысу, чтобы ставить опыты на человеческих существах».

Замечание вызвало краску на щеках Иннелды, а для

мужчины — две недели отстранения от ее стола. Но сейчас стало видно, что она все же использовала Зейделя. Это было неудачно, так как исключало подкуп, этот важный придаток нынешнего этапа цивилизации Ишера.

Хедрук не считал поражение окончательным. Он погрузил Гриера вместе с системой силовых линий на антигравитационную платформу и откатил его наверх, в одну из спальных комнат верхней половины корабля. Затем начал второй осмотр корабля. На этот раз, хотя каждая минута была на учете — а кризис неминуем — это были не поверхностные поиски.

Он прошел через каждую комнату, используя мощную дрель для взлома замков. Личные комнаты, под контрольным помещением корабля, задержали его больше всего. Но Гриер бывал здесь перед ним. Не осталось ничего, что дало бы ему ключ к судьбе прежнего владельца. У Гриера было достаточно времени, чтобы уничтожить доказательства, и он использовал его хорошо. Здесь не оказалось ни писем, ни личных вещей, ничего, что могло когда-нибудь причинить неприятности убийце. Но на носу корабля Хедруку удалось сделать ценную находку.

Полностью оборудованное спасательное судно, приводимое в движение двумя копиями гигантских моторов основного двигателя. Маленькое судно — маленькое только по сравнению с самим кораблем, но оно было почти сто футов длиной — казалось, находилось в отличном состоянии и готово к полету.

Хедрук тщательно проверил управление и заметил с волнением, что рядом с обычными органами управления находится блестящий белый рычаг с напечатанными на нем буквами: «Бесконечный двигатель». Его присутствие, казалось, указывало на то, что даже спасательное судно имело межзвездный двигательный механизм, встроенный в него. Теоретически он мог сесть за управление, поднять судно в воздух и устремиться в космос на скорости, не сравнимой со скоростью преследующих кораблей. Он проверил спусковые устройства. Они были автоматическими. Спасательное судно просто соскальзывало со своего помоста с помощью обычного двигателя, и это движение приводило в действие электрически управляемый люк. Люк открывался с огромной скоростью, и судно проносилось через него. А люк закрывался за ним.

Без сомнения, он мог теперь бежать.

Хедрук выбрался из судна и вернулся в основное контрольное помещение на уровне земли. Он был в нерешительности. Через несколько часов после побега из императорс-

кого дворца он захватил межзвездный корабль. Он добился успеха там, где силы Императрицы и Оружейников потерпели неудачу. Настало время быть более осторожным, а это вызывало ряд проблем. Как он мог передать корабль Оружейникам, не рискуя собой и без того, чтобы не началась битва между войсками правительства и Оружейниками? Решающим фактором было то, что последние не получают его письмо с этим адресом раньше середины следующего дня.

При нормальных обстоятельствах это время могло пройти без осложнений, но, к несчастью, его видели, когда он прошел на корабль. Когда Зейдель доложит об этом, Императрица станет подозрительной. Она прикажет Гриеру связаться со своим агентом и объяснить событие. Она не будет ждать очень долго. Возможно, она уже сделала несколько попыток вызвать Гриера.

Хедрук уселся за пульт управления и стал наблюдать за экраном связи, обдумывая ситуацию.

Через четверть часа раздался щелчок и начала мигать лампочка вызова, а сирена издала низкое мелодичное жужжание. Вызов продолжался две минуты, затем прекратился. Хедрук ждал. Через тридцать минут снова раздался щелчок и процесс повторился. Схема стала ясной. Зейделю было приказано вызывать Гриера каждые пятнадцать минут. Наверняка, если ему не ответят, будут предприняты дальнейшие действия.

Хедрук вернулся в двигательный отсек и принялся восстанавливать двигатель. Казалось маловероятным, что ему дадут время собрать оба двигателя, которые были необходимы чтобы поднять огромный корабль, но стоило сделать попытку. Сперва он поднимался в контрольное помещение каждый час, чтобы убедиться, что вызовы продолжаются. Но в конце концов он установил переносной пульт связи в двигательном отсеке и соединил его с пультом в контрольном помещении. Теперь он мог слышать вызов, не прекращая работы.

Что Иннельда станет делать, когда кончится ее терпение, можно было только предполагать. Но Хедрук мог представить ее уже мобилизующей флот на случай, если межзвездный корабль попытается улететь. Мощные орудия боевых кораблей собьют его прежде, чем он наберет скорость. Тогда будет покончено с надеждой человечества достичь звезд. Он должен сдерживать силы Императрицы до тех пор, пока существует хоть малейшая вероятность успеха. Тогда и только тогда сделать все возможное для победы. Но ничего нельзя было делать до завтрашнего полудня.

В шесть часов вечера вызовы прекратились. Хедрук то-ропливо прошел в буфет, немного перекусил и снес бутерброды и кофе Гриеру. Он удалил одну из силовых линий, чтобы Гриер мог свободно двигать одной рукой.

В шесть двадцать девять Хедрук сел за пульт управления. Вызова снова не было. Или сейчас будет сделан следующий шаг, или Иннелда оставила все как есть на ночь. Но Хедрук не мог в данной ситуации полагаться на случай. Он включил только звуковую связь — видеозэкран остался темным — и набрал номер ближайшего полицейского участка. Он соби-рался притвориться, что ничего не знает о том, что происхо-дит. Знакомый щелчок сообщил, что связь установлена. Пре-жде чем человек на другом конце успел что-нибудь сказать, Хедрук громко прошептал:

— Это полицейский участок? Я нахожусь в плену на борту вроде бы какого-то космического корабля и я хочу, чтобы меня спасли.

Последовала долгая пауза, затем мужчина спросил ни-зким голосом:

— По какому адресу вы находитесь?

Хедрук назвал адрес и стал кратко объяснять, что он был нанят для ремонта атомных двигателей, но сейчас насильно задержан человеком по имени Рел Гриер. Его ответ был пре-рван вопросом:

— Где Гриер сейчас?

— Он лежит в своей комнате наверху.

— Подождите минуточку, — сказал мужской голос.

Последовала длительная пауза, затем Хедрук безошибоч-но узнал голос Императрицы:

— Как ваше имя?

— Даниэль Нилан, — ответил Хедрук. Он добавил нетер-пеливо: — Пожалуйста, поторопитесь. Гриер может прийти сюда с минуты на минуту. Я не хочу, чтобы он застал меня здесь.

— Почему вы не откроете двери и не уйдете?

У Хедрука на это также был ответ. Он объяснил, что Гриер снял с пульта управления устройство для открытия и закры-тия дверей.

— Он забрал его с собой в свою комнату, — закончил он.

— Ладно.

Наступила непродолжительная пауза. Хедрук предста-вил, как быстрый ум Императрицы оценивает ситуацию и ее возможности. Она, должно быть, пришла к какому-то реше-нию, так как сказала почти немедленно:

— Мистер Нилан, ваш звонок в полицейский участок был

переключен в отдел правительственной секретной службы. Причиной является то, что вы неосмотрительно попали в ситуацию, затрагивающую интересы правительства. — Она добавила быстро: — Не тревожьтесь.

Хедрук решил ничего не говорить.

Иннелда продолжала торопливо:

— Мистер Нилан, вы можете включить видеоэкран? Важно, чтобы вы увидели, с кем вы говорите.

— Я могу включить его, чтобы видеть вас, но та часть пульта, которая позволяет вам видеть меня, удалена.

В ее ответе появился язвительный тон:

— Мы знакомы с предосторожностями Гриера по поводу его внешности. Но теперь быстрее, я хочу, чтобы вы увидели меня.

Хедрук включил экран и смотрел, как образ Императрицы появляется на нем. Он колебался немного, затем прошептал:

— Ваше Величество!

— Вы узнали меня?

— Да, да, но...

Она прервала его:

— Мистер Нилан, вы заняли исключительное положение в великом деле. Ваше правительство, ваша Императрица требуют вашей лояльности и верной службы.

Хедрук сказал:

— Ваше Величество, простите меня, но, пожалуйста, поторопитесь.

— Я должна все сказать, вы должны понять. Сегодня днем, Дэн Нилан, когда мне сообщили, что незнакомый молодой человек — это были вы — вошел в корабль Гриера, я немедленно приказала казнить капитана Хедрука, шпиона Оружейных Магазинов, которого я раньше терпела во дворце.

Хедруку показалось, что она немного перепутала время, а также смешала правду с ложью. Но не ему поправлять ее. То, что заинтересовало его, это ее отказ торопиться. У Хедрука появилась мысль, что она рассматривает его, как неожиданную счастливую случайность, но ее не слишком беспокоит, что произойдет с Дэном Ниланом. Она, должно быть, считает само собой разумеющимся, что она всегда может вернуться к сделке с Гриером, и она, вероятно, права. Она продолжала, ее лицо было сосредоточенным, голос тихим, но твердым.

— Я говорю вам это, чтобы подчеркнуть полноту и масштаб предосторожностей, которые я приняла, чтобы быть уверенной в отсутствии помех моей воле. Считайте судьбу

капитана Хедрука символом того, что случится с каждым, кто посмеет встать мне поперек в этом деле, с тем, кто не справится со своей частью работы. Теперь — что вы должны сделать. С этого момента вы солдат правительственной службы. Вы будете продолжать притворяться, что чините двигатели корабля, и на самом деле проделаете достаточную работу, чтобы убедить Гриера, что вы выполняете свои обязанности. Но в каждый удобный момент, который у вас появится, вы будете разбирать те моторы, которые еще могут действовать. Я заверяю вас, что это возможно сделать таким образом, что только эксперт заметит что-нибудь неладное.

Теперь, пожалуйста, слушайте внимательно. Как только вы парализуете двигательную систему корабля, при первой же возможности сообщите это нам. Достаточно одного слова. Вы можете включить ваш пульт и сказать: «Сейчас», «Готово» или что-нибудь вроде этого, и мы ворвемся внутрь. У нас имеются в исходной позиции восьми-сотмиллионозарядные орудия. Таков план. Так должно быть. Через двадцать четыре часа после его успешного завершения вы получите великую награду за свою помощь.

Ее напряженный голос стих, тело расслабилось, из взора исчезло пламя. Неожиданно теплая и великодушная улыбка появилась на ее губах. Она сказала тихим голосом:

— Я надеюсь, Дэн Нилан, вам все ясно?

В этом не было сомнения. Несмотря на прежнее знакомство с ней, Хедрук был очарован. Он не ошибался, веря, что величественная Иннельда сыграет выдающуюся роль в любом кризисе этого неустойчивого периода.

Его мозг начал обдумывать смысл того, что она сказала, и он был потрясен. Голос Императрицы прервал его мысли.

— Зейдель, прошу!

Лицо, голова и плечи мужчины около сорока пяти лет заменили ее образ на экране. У Зейделя были тускло-серые глаза, тонкий клювообразный нос и губы, образующие длинную щель поперек лица. На его лице была слабая мрачная улыбка, но голос звучал ровно, когда он говорил:

— Вы слышали приказания нашей славной правительницы? Этот негодяй Гриер умышленно противопоставил себя короне. У него есть изобретения, которые угрожают государству и которые должны быть тщательно скрыты от масс.

Соответственно — слушайте внимательно — если это будет вызвано необходимостью или подвернется удобный случай, вам дается разрешение убить Гриера, как врага государства, именем Ее Императорского Величества Иннельды. А теперь, прежде чем я отключусь, у вас есть какие-нибудь вопросы?

Они считали его желание сотрудничать само собой разумеющимся. Хедрук понял, какой от него ожидали ответ.

— Нет вопросов, — прошептал он. — Я верный подданный Ее Величества. Я все понял.

— Отлично. Если мы не услышим вас до одиннадцати завтрашнего дня, мы атакуем. Может быть, вы окажетесь достойным доверия Императрицы.

Раздался щелчок. Хедрук отключил связь на своем конце и снова спустился в двигательный отсек. Его тревожил срок, который ему назначили. Ему казалось, что он должен был задержать нападение на час или даже больше.

Он принял пилюлю против сна и начал работать над двигателями.

Незадолго до полуночи он закончил регулировку одного из двигателей и, таким образом, обеспечил половину энергии, необходимой для подъема такого большого корабля, как этот, в воздух.

Часы шли быстро. В девять часов десять минут Хедрук неожиданно понял, как много прошло времени. Он прикинул, что ему нужно еще добрых два часа, чтобы закончить второй двигатель и что по одной этой причине нужна была какая-то задержка.

Он покормил Гриера, торопливо съел свой завтрак и затем трудился над двигателем до без двадцати одиннадцать.

В это время он, потный от усилий, но со все еще незаконченной работой, включил пульт и вызвал Зейделя. Лицо мужчины почти немедленно появилось на экране. Оно покраснело, губы подрагивали.

— Да? — выдохнул он.

— Нет, — ответил Хедрук. Он быстро заговорил: — Гриер только что вышел из контрольного помещения. Он был со мной все утро, поэтому только сейчас у меня появилась возможность разборки двигателей. Это займет время до двенадцати тридцати или до часу. Лучше до часу, чтобы быть абсолютно уверенным. Я...

Лицо Зейделя исчезло с экрана. Его заменило лицо Императрицы Иннельды. Ее зеленые глаза были сужены до щелочек, но голос звучал спокойно, когда она заговорила:

— Мы согласны на задержку, но только до двенадцати часов. Оставьте связь включенной — не экран, конечно, только голос — и парализуйте двигатели вовремя!

— Я попытаюсь, Ваше Величество, — прошептал Хедрук. Он заработал еще час.

Хедрук вернулся к требующей внимания регулировке атомных двигателей. Он видел свое потное лицо на сверкающей поверхности приспособлений, которыми он пользовался. У него уже не было уверенности, что работа, которую он делает, принесет какую-нибудь пользу. В небе над огромным городом будет превосходящий правительственный флот. И шансы на вмешательство Оружейников в последнюю минуту казались все более нереальными с каждым прошедшим мгновением. Он представлял, как придет дневная почта в Метеоритную корпорацию. Его письмо Питеру Кадрону с этим адресом будет передано быстро, но Кадрон может оказаться на совещании, он может уйти через передатчик на другую сторону Земли, он может быть на ленче. Кроме того, люди обычно не вскрывают свою почту так, как если бы от этого зависела жизнь. Соответственно, было очень вероятно, что советник Оружейных Магазинов прочитает письмо от Роберта Хедрука только в час или даже в два часа.

В одиннадцать тридцать Хедрук понял, что второй двигатель не будет готов вовремя. Он продолжал работать, потому что звуки работы должны были убедить Императрицу, что он выполняет распоряжение. Но он понял, что пришло время принять решение. Он должен был подняться к спасательному судну, которое представляло собой его единственную надежду на бегство. А так как оно имело межзвездный двигатель, оно само по себе было таким же ценным, как и большой корабль. Если его спасти, человек достигнет звезд. Если нет, если его собьют, тогда... Но не было смысла думать о неудаче.

Но как он мог пойти к судну, пока включен пульт связи? Если он прекратит свою шумную деятельность, она и Зейдель немедленно что-нибудь заподозрят. Ему нужно было, по его расчетам, пять минут, чтобы добраться до спасательного судна. Учитывая ситуацию, это было долгое время. Настолько долгое, что, казалось, стоило попробовать добиться еще одной отсрочки. Хедрук колебался, затем подошел к пульту связи.

— Ваше Величество, — сказал он громким шепотом.

— Да?

Ответ был настолько быстрым, что у него в уме возник образ Императрицы, сидящей перед рядом устройств связи,

державшей в руках все нити этого предприятия. Он произнес торопливо:

— Ваше Величество, для меня оказалось невозможным разобрать все двигатели ко времени, которое вы назначили мне. Здесь имеется семнадцать моторов, а я успел разобрать только девять. Вы не возражаете, если я сделаю предложение?

— Продолжайте. — Ее тон был уклончивым.

— Моя идея заключается в том, что я поднимусь наверх и попытаюсь вывести из строя Гриера. Я, возможно, застану его врасплох.

— Да. — В ее голосе была странная нотка. — Да, вы можете. — Она поколебалась, затем твердо продолжала: — Я могу сказать вам, Нилан, что мы начинаем подозревать вас.

— Я не понимаю, Ваше Величество...

Она, казалось, не слышала.

— Мы пытаемся со вчерашнего дня вызвать Гриера. Раньше он всегда отвечал в течение часа или около того. И это необычно, по меньшей мере, что он даже не удостоивает нас ответом на наши попытки теперь. А все, что он знает, это что мы готовы принять его чрезмерные условия и любое из его абсурдных требований.

— Я все же не вижу...

— Позвольте мне излагать, как есть, — сказала она холодно. — В этот последний час мы не хотим допускать случайностей. Вам разрешается подняться и захватить Гриера. А фактически я приказываю вам рискнуть, как солдату, и предотвратить вывод этого корабля из ангара. Тем не менее, на случай, если наше смутное подозрение на ваш счет имеет какое-нибудь основание, я сейчас, в этот момент, приказываю начать атаку. Если у вас есть какие-нибудь тайные планы, собственные, оставьте их и сотрудничайте с нами. Поднимайтесь наверх, пока идет атака, и сделайте все, что необходимо, против Гриера. Но вы должны торопиться.

Ее голос стал громче, было ясно, что она отдает приказы по другим каналам связи.

— Все силы в действие. Атакуйте!

Хедрук услышал эту команду, когда начал подниматься по лестнице. Ему пришлось помедлить, чтобы открыть защитную дверь, а затем он побежал вверх по ступеням, все еще надеясь, все еще убежденный, что он сможет подняться выше наземного уровня прежде, чем кто-нибудь остановит его.

Затем последовал первый удар. Он потряс весь корабль.

Он оказался неистовее всех самых диких предположений Хедрука. На мгновение у него потемнело в глазах, как от контузии. Он бежал вверх уже со страхом поражения в сердце. Второй титанический удар опрокинул его на пол, но он оправился и стал карабкаться снова.

От третьего удара из его носа брызнула кровь, теплые струйки закапали из ушей. Четвертый удар — он смутно осознал, что был еще на полдороге к контрольному помещению — снова сбил его с ног. Он прокатился вниз на целую секцию лестницы. Пятый удар застал его, когда он стоял, шатаясь.

Он понял, что проиграл, но продолжал двигать ногами и даже удивился, когда достиг следующего уровня. Шестой невыносимый взрыв послал его, вращающегося, как листок, гонимый бурей, вниз. Он тупо заметил, как огромная дверь поднялась со своих петель и лязгнула о пол. Это был седьмой удар.

Подобно животному, бегущему от боли, он заполз за какую-то дверь, закрыв ее инстинктивно за собой. Он сидел там, прислонившись к стене, бесконечно слабый, когда крики людей проникли в его ошеломленный мозг. «Голоса, — подумал он, — внутри корабля». Он недоверчиво покачал головой. Голоса приближались, а затем внезапно он все понял. Они вошли внутрь. Для этого потребовалось только семь выстрелов.

Кто-то властно закричал по другую сторону двери, за которой находился он:

— Быстрее! Захватите всех, кто находится на борту! Это приказ!

ГЛАВА 8

Хедрук начал отступать. Это было медленным делом, потому что его ум не мог сосредоточиться на одной мысли, и его рефлексы расстроились.

У него дрожали колени, когда он спускался по лестнице. Вниз, вниз — возникло чувство, что он спускается в свою могилу. Он прошел склады. Дальше должно быть ремонтное помещение, затем двигательный отсек, затем...

А затем...

Появилась надежда. Там был выход. Корабль был, конечно, потерян. А с ним мечты биллионов человеческих существ, которые могли бы пронести факел цивилизации к самым далеким звездам Вселенной. Но все же для них

здесь еще была надежда. Он добрался до двигательного отсека и забыл про все, кроме работы, которую нужно было сделать; драгоценная минута была потеряна, чтобы найти электрические выключатели, управляющие системой освещения и другими энергетическими функциями. В течение этой минуты стены сотрясались, когда очередная дверь выбивалась с отдаленным лязганьем. Крики людей раздавались все ближе.

Хедрук стал нажимать на выключатели. Он хотел выключить все верхнее освещение. Это задержит их еще на несколько минут. Он нашел шестифутовое сверло, которое ему было нужно, и покатил его на антигравитационной платформе вниз, в последнее помещение гигантского космического корабля. И здесь, несмотря на спешку, помимо своей воли Хедрук остановился и посмотрел на то, что представляло собой сам межзвездный корабль.

Здесь находилось сокровище, из-за которого шла вся борьба. Вчера — как давно это казалось — у него не было времени спуститься в это помещение. Хедрук отсоединил блок прозрачности от огромного сверла и сфокусировал его проникающий луч на тридцатифутовом стволе двигателя. Он увидел темный туман и понял свою неудачу — металл был слишком твердым и слишком толстым. Никакой луч прозрачности не смог бы достичь сердцевины этого двигателя.

Он повернулся и стал толкать сверло, которое хотя и ничего не весило, тем не менее, обладало массой, сопротивлявшейся его напряженным мускулам. Он прошел через новую дверь нижнего люка, затем вторую, затем третью и затем остановился, ошеломленный.

Он собрал все свои силы и волю для того, чтобы просверлить шестифутовую дыру в земле под крутым углом к поверхности. Все это оказалось ненужным. Проход уже был здесь. Цепочка тусклых ламп уходила вдаль с наклоном вверх.

Не время было размышлять, почему здесь оказался проход. Хедрук схватил блок прозрачности, протиснулся мимо ненужного теперь сверла и побегал вдоль туннеля.

Угол подъема был всего около двадцати градусов. Но большое расстояние было только к лучшему. Чем дальше он уйдет от корабля перед выходом на поверхность, тем безопаснее.

Он вдруг подошел к концу. Это была металлическая дверь. Используя блок прозрачности, он смог увидеть, что за ней находился пустой подвал. На двери был простой замок. Хедрук остановился посередине подвала и посмотрел на дверь.

Он считал само собой разумеющимся, что Гриер вернулся со звезд довольно давно. Но здесь было другое объяснение. Не Гриер, а Кершав и другие построили этот туннель. Они тоже были осторожны в своих контактах с внешним миром. Возможно, что Гриер даже не знал об этом туннеле. Конечно — Хедрук вдруг стал уверен, — он никогда не оставил бы его одного в двигательном отсеке вчера утром так близко к выходу, если бы знал о нем. С другой стороны, контакты через пульт связи были отданы под контроль Гриеру, как общему подручному этих замечательных простофиль. Кершав и Гил Нилан, которые подумали о всех предосторожностях от внешних помех, не сумели защитить себя от собственного помощника.

Это была интересная, но несколько академическая точка зрения на то, что произошло. Подавленный, Хедрук стал подниматься по лестнице из подвала. На полпути вверх лестница раздваивалась. Левый путь привел к украшенной двери, за которой блок прозрачности показал пустую кухню. Правый путь оказался тем, который он искал.

Хедрук положил блок прозрачности на ступеньки — он был больше ему не нужен — затем открыл вторую дверь и вышел на яркий солнечный свет. Он оказался на заднем дворе большого пустого дома. Здесь находился цветущий садик, зеленый газон, гараж для карплана — все это было окружено высокой изгородью с воротами. Ворота легко открывались изнутри. За ними Хедрук увидел широкую улицу.

Он заторопился вдоль нее, стараясь вспомнить ее название, чтобы оценить, как далеко он находится от космического корабля. Здание это могло подсказать ему, что он должен, что он может сделать дальше.

На углу стоял постовой со сверкающими зрительными окулярами. Он поманил Хедрука издалека.

— Как идут дела?

— Мы внутри, — крикнул в ответ Хедрук. — Смотри кругом внимательнее.

— Не беспокойтесь. Здесь нас целая цепь.

Хедрук повернул назад и поспешно пошел прочь. Он был в ловушке. Улицы были перекрыты, и в любую минуту вопящая толпа вышибет последнюю из дверей, поймет, что произошло, и начнутся его поиски.

Он перелез через высокую изгородь в другой задний двор. Перед этим домом стояла линия людей в шлемах. Но теперь он направлялся к кораблю, и никто не пытался остановить его. И после напряженной минуты он невольно улыбнулся психологии, которая позволяла любому чело-

веку идти к центру событий, а не от него. Он смело дошел до угла улицы, откуда был виден башнеобразный ангар. Через несколько секунд он добрался до корабля. Никто не пытался остановить его, когда он энергично забрался в рваную дыру, проделанную орудием, и попал в контрольное помещение.

Свет, который он выключил, снова горел. Преследователи добрались до двигательного отсека. Между тем, он должен был воспользоваться счастливой случайностью, которая у него появилась. Вокруг находилось несколько дюжин человек, одетых в стандартные изоляционные костюмы. Никто его не подозревал.

Для них он был еще одним членом секретной полиции, одетым в защитную одежду для радиоактивной зоны.

Бух! Звук донесся из самой глубины корабля, он подтолкнул Хедрука. Это, должно быть, была последняя дверь из двигательного отсека. Его побег только что раскрыт, и через несколько секунд будет объявлена тревога. Хедрук неторопливо подошел к лестнице, протолкнулся мимо нескольких человек, ждущих чего-то здесь, и начал подниматься вверх. Он добрался до спасательного судна без всяких помех и быстро осмотрел его. Оно было не тронуто. Со вздохом облегчения он уселся в кресло перед пультом управления и нажал рычаг спуска.

Подобно шару, катящемуся по стеклянному желобу, маленький корабль скользнул в воздух.

Старый чудесный город, видимый с высоты в полмили, сверкал в лучах солнца. Он казался очень близким, некоторые из зданий почти царапали дно его корабля во время полета. Хедрук сидел, почти ни о чем не думая.

Первое удивление, что боевые корабли не атаковали его, сменилось убеждением, что они ждали восьмисотфутовый космический корабль, а это крошечное суденышко издали напоминало общественный карплан или прогулочный катер.

У Хедрука было две цели. Первое — побег, если удастся, в одно из своих тайных убежищ. В случае неудачи он намеревался использовать специальный двигатель судна.

Темное пятно, появившееся на самом краю его экрана, испортило его оптимистическое настроение. Пятно стремительно снижалось из голубого неба, превращаясь в тысячефутовый крейсер. Одновременно ожил его канал связи. Суровый голос произнес:

— Вы что, не слышали приказа приземлиться? Продолжайте двигаться прямо вперед, оставаясь на прежней высоте,

пока не приблизитесь к военному аэроплану на востоке города. Садитесь там или будете сбиты.

Пальцы Хедрука, потянувшиеся было к белому рычагу, остановились на полпути. В команде не было подозрений — всего лишь обычная команда нарушителю приказа. Взгляд Хедрука скользнул по экранам, и он увидел, что кроме крейсера в воздухе никого не был. Все движение было прекращено. Хедрук, нахмурившись, снова взглянул на крейсер. Он нависал прямо над ним пугающе близко. Слишком близко. Его глаза сузились. Он понял правду, когда второй крейсер появился справа от него, а третий — слева. Первый корабль нависал над ним и скрыл приближение остальных. Во второй раз его рука потянулась к белому рычагу. Он схватил его, затем замер, когда вытянутое благородное лицо Императрицы появилось на экране общей связи.

— Нилан, — сказала она. — Я не понимаю. Наверняка, вы не настолько глупы, чтобы не подчиниться своему правительству.

Хедрук не ответил. Он слегка наклонил свой корабль кверху. Помимо всего, окончание его разговоров с Императрицей не могло больше проходить шепотом. Хедрук должен исказить свой голос, чего он не делал многие годы. Хедрук не хотел рисковать своими будущими отношениями с ней из-за неумелого притворства.

— Дэн Нилан, — голос Императрицы был тихим и настойчивым. — Подумайте, прежде чем вы совершите непоправимое. Мои предложения все еще в силе. Просто посадите это спасательное судно, как приказано, и...

Она продолжала говорить, но Хедрук сосредоточился на побеге. Ее вмешательство не позволило ему точнее отрегулировать свой курс, и его маленький корабль был наклонен сейчас к южному полушарию в общем направлении на Центавр. Это была приблизительная цель, так как он подозревал, что ускорение, необходимое ему, чтобы оторваться от боевых кораблей, выведет его из сознания на какое-то время, поэтому он должен был направиться в какое-нибудь известное ему место.

— ...я предлагаю вам один биллион кредитов...

Его пальцы были сжаты вокруг белого рычага, на котором были выгравированы слова:

«БЕСКОНЕЧНЫЙ ДВИГАТЕЛЬ».

Настало время использовать его. Движением руки Хедрук сдвинул рычаг на весь его ход.

Удар был, как от кузнечного молота.

ГЛАВА 9

Медленно тянулось время. Императрица расхаживала перед зеркалами, которые окружали все помещение — высокая, красивая, молодая женщина. Она мельком подумала: «Как измученно я выгляжу, подобно переработавшейся кухарке. Я начинаю чувствовать жалость к себе. Я становлюсь старой».

В десятый раз она включила один из экранов и смотрела на людей, работающих в двигательном отсеке космического корабля Гриера. У нее появилось бешеное желание закричать на них, заставить торопиться, торопиться. Неужели они не понимают, что в любой час, любую минуту Оружейные Магазины могут обнаружить, где спрятан корабль, и атаковать всей своей мощью!?

Много раз в течение этого долгого утра она думала: «Уничтожить этот корабль сейчас, иначе будет слишком поздно».

Нервным движением пальца она включила экран новостей и услышала заявление, которое оглушило ее:

«Оружейные Магазины обвиняют Императрицу в том, что она скрывает секрет межзвездных путешествий... Оружейные Магазины требуют, чтобы Императрица открыла людям секрет...»

Она включила экран и остановилась, на миг ошеломленная резкой тишиной. Спустя мгновение ей стало лучше. Они не знают! Оружейные Магазины не знают секрета. Правда, они как-то проникли в ее тайну. Но слишком поздно. Как только корабль будет уничтожен, — она почувствовала прилив возбуждения, — останется только один сомнительный пункт, один человек, непонятный Дэн Нилан.

Но Нилан, должно быть, мертв или потерян. В течение двух секунд его маленький корабль покинул диапазон радарных лучей крейсеров. Техники оценили ускорение намного выше того, которое человек может выдержать и остаться в сознании. А если беглец будет находиться в бессознательном состоянии, это ускорение будет продолжаться неопределенное время. Так что пусть Оружейные Магазины бушуют и произносят громкие слова. Дом Ишеров пережил большие бури, чем эта.

Непроизвольный взгляд на экран, который показывал корабль Гриера, напомнил ей о главной опасности. Она несколько минут смотрела на незавершенную работу, затем выключ-

чила экран. «Это кошмар, — подумала она, — такое ожидание».

Ранние дневные новости действовали, ее расстроенные нервы достаточно успокоились для встречи, которую она откладывала все утро. Допрос Гриера. Она сидела, холодная, как камень, пока этот испуганный негодяй излагал свою историю. Человек был почти вне себя от ужаса, и его язык непрерывно молил о пощаде. Пока она терпела это. В его истории была единственная нить к Кершаву, Нилану и...

Нилан!

Она вздохнула. Вот непоколебимая стена, на которую она натолкнулась. Родственные чувства, показалось ей, объясняют то неожиданное сопротивление, которое он оказал, хотя до сих пор было неясно, как ему удалось обнаружить корабль. Как бы то ни было, в течение нескольких часов он овладел кораблем. Его усилия привести двигатели в работоспособное состояние были поистине геркулесовыми, но шансы на успех не соответствовали огромности задачи. Она поймала себя на мысли, что это, пожалуй, была не вся правда, так как в конечном итоге она приказала начать атаку только из-за своей ужасной возбудимости. Логически она должна была принять его доводы для отсрочки атаки. Не было сомнений, что ей противостоял замечательный человек!

Она вышла из раздумий и мягко сказала Гриеру:

— И где вы оставили Кершава и других?

Гриер разразился невнятной болтовней, что-то вроде того, что в системе Альфа Центавра было семь пригодных для жизни планет, а три из них прекраснее, чем Земля. «...И я клянусь, я оставил их на одной из этих... С ними все в порядке. Первый же корабль может взять их обратно. Все, что я хотел, это вернуться сюда и продать изобретение. Но в эти времена каждый сам по себе».

Она знала, что он лжет. Холод и безжалостность были сейчас внутри нее. Люди, которые боялись, всегда вызывали такие чувства. Появилось даже чувство отвращения, будто что-то нечистое было перед ней. Фактически не имело значения, живы ли эти люди или мертвы. Но она колебалась, и потребовалась долгая секунда, чтобы понять, почему. Потому что — невероятно — она тоже была испугана. Не так, как он, не за себя. За свой Дом Ишеров.

— Уберите его назад, в камеру, — сказала она жестко. — Я позднее решу, что с ним делать.

Но она знала, что собирается позволить ему жить. В ней вспыхнуло презрение к своей слабости. Она уподобилась тол-

пе, которая бесилась на улицах, требуя секрет межзвездного двигателя.

Зажужжал звонок вызова. Она включила экран и ее глаза расширились, когда она увидела, что это адмирал Дири.

— Да, — с трудом выговорила она. — Я буду прямо сейчас.

Она вскочила с непривычным чувством торопливости. Космический корабль был подготовлен и ждал ее, чтобы раскрыть свои секреты. Но в деле, подобном этому, с противостоящими ей мощными Оружейниками, промедление в одну минуту могло оказаться роковым. Она побежала к двери.

Корабль Гриера — она продолжала именовать его так за неимением лучшего имени — казался крошечным в огромном военном ангаре. Но как только ее карплан в сопровождении машин охраны подлетел ближе, корабль начал обретать свои настоящие размеры. Над ней выросла длинная сигарообразная конструкция из крапчатого металла, лежащая горизонтально на подставке. Потребовалось немного времени, чтобы пройти четыреста футов через множество разбитых люков и переборок. Ее глаза изучали гигантскую шахту двигателя. Она заметила, что части корпуса были освобождены от креплений, но не разобраны. Императрица взглянула восторженно на офицера, который держался позади нее на почтительном расстоянии. Затянутый в форму мужчина поклонился.

— Как вы видите, Ваше Величество, ваш приказ выполнен с точностью до буквы. Ничего внутри двигателя не было тронуту, и рабочие, которые разбирали корпус, были выбраны вами лично. Ни у одного из них нет достаточных знаний, чтобы разобрать даже в обычном двигателе, не говоря о двигателе специального типа.

— Хорошо.

Она повернулась и увидела, что вошел отряд солдат, вытянувшихся при виде ее в струнку.

Они начали удалять части корпуса и двигателя. Через два часа все было закончено. Секрет двигателя был тщательно упрятан у нее в голове. В конце она встала за щит, чтобы наблюдать, как энергетическое орудие расплавляет сердцевину двигателя в бесформенную массу. Терпение ее было бесконечно. Она держалась, пока на полу не осталась лишь грязная куча металла, а затем, наконец, удовлетворенно вернулась в свой карплан.

Темные облака неслись по полуденному небу, когда она возвращалась во дворец.

ГЛАВА 10

Медленно Хедрук начал осознавать тишину вокруг себя, отсутствие ускорения, движения. Голова его немного прояснилась. Он выпрямился в кресле управления и взглянул на экраны. Вокруг него было только космическое пространство с мириадами звезд во всех направлениях. Ничего, кроме этих точек света, различающихся по яркости. И никакого давления от ускорения или гравитации. Это было знакомое ощущение, но в этот раз оно казалось другим. Хедрук взглянул на **БЕСКОНЕЧНЫЙ ДВИГАТЕЛЬ** — он был все еще включен. Это обеспокоило Хедрука. Спидометр показывал невероятные цифры, автоматический календарь указывал время на 28 августа 4791 года династии Ишер. Хедрук покачал головой. Он был без сознания двадцать два дня. В течение этого времени корабль двигался со скоростью более четырехсот миллионов миль в секунду. На такой скорости он преодолевал расстояние между Землей и Альфой Центавра каждые восемнадцать часов. Возникла проблема, как повернуть на обратный курс.

Задумчиво нажал он кнопку автоматического разворота. Звезды поплыли между глазами, затем снова застыли в неподвижности. Точный поворот в тысячу двести миллионов миль. При такой скорости он приблизится к Земле через двадцать два дня. Нет, погоди, не так все просто. Он не мог подвергнуть себя снова такому ускорению, которое держало его без сознания столь долго. После некоторых прикидок он установил рычаг двигателя в реверс на три четверти максимальной мощности и стал ждать. Вопрос был, на сколько времени он потеряет сознание в этом случае.

Прошло два часа, и ничего не случилось. Его голова начала клониться, глаза закрылись, но удара торможения не было.

В конце концов, устав от ожидания, Хедрук лег спать на одну из коек.

Раздался толчок, который встряхнул его до костей. Хедрук с испугом проснулся, но быстро успокоился, почувствовав ровное давление на свое тело. Давление было похоже на поток очень плотного воздуха. Ему очень хотелось вскочить и посмотреть на спидометр, но он сдержал себя.

Хедрук чувствовал покалывающее ощущение во всем теле — электронную, атомную, молекулярную, нервную, мус-

культурную перестройку. Прошло тридцать минут, прежде чем он решился двинуться с места.

Он подошел к пульту управления и посмотрел на экраны. Но там не на что было смотреть. Календарь показывал август, 29-е, скорость на спидометре снизилась до трехсот пятидесяти миллионов миль в секунду. При таком торможении спасательное судно остановится через тридцать два дня, самое большее.

Третий день показал снижение скорости немногим более чем на одиннадцать миллионов миль в секунду. Чувство тревоги начало медленно утихать в нем, когда он увидел, что величина торможения устойчиво растет от часа к часу.

Становилось все яснее, что за пределом трехсот пятидесяти миллионов миль в секунду повышение или понижение скорости подчиняется каким-то еще неизвестным законам.

По мере того, как проходили дни, Хедрук наблюдал, как спидометр опускался все ниже и ниже, пока не достиг нуля.

Он был затерян в темноте. Хедрук вернулся в контрольное кресло и едва успел сесть в него, когда раздался удар, который потряс каждую деталь спасательного судна. Маленький корабль завертелся, как щепка в водовороте. Именно кресло спасло Хедрука.

Легко, как перышко, оно вращалось с той же скоростью, что и корабль, держа его устойчиво в одном положении вместе с пультом управления.

Окружающее пространство кишело торпедообразными чудовищно огромными кораблями. Каждый экран показывал с дюжину кораблей в милю длиной, образующих длинную цепь, полностью окружавшую его маленькое судно. Из этой массы машин пришла Мысль. Она ворвалась в рубку управления подобно пузырю атомного газа и была настолько сильной, что на мгновение показалась бессвязной. Прошло несколько минут, прежде чем ошеломленный мозг Хедрука понял, что титаническая Мысль была не для него, а в нем.

«...!!! Разум типа девятьсот минут... Познавательная ценность Тензор равна... Не уничтожить ли его?»

Безумная мысль возникла у Хедрука, пока он сидел, судорожно вцепившись в кресло. Вся эта отчаянная борьба на Земле за межзвездный двигатель оказалась ни к чему. Слишком поздно. Более великие существа давным-давно захватили Вселенную, а остальным будет выделена небольшая часть в соответствии с их волей... Слишком поздно...

ГЛАВА 11

Хедрук не знал, сколько времени он провел, сидя в кресле. Когда в конце концов он стал воспринимать окружающее снова, у него было ощущение, как будто он вышел из темноты. Его воля и эмоции вылились в четкую схему действий. Взгляд Хедрука сосредоточился на экранах. Они были подобны окнам, через которые он вглядывался в скопище кораблей, окружавших его. Страх его был не за себя, а за человечество. Их было много, слишком много... Впечатление от их присутствия подавляло.

Но он был жив. Его пальцы метнулись к ручкам управления. Он нацелился в просвет между двумя огромными кораблями и решительно сдвинул белый рычаг до самого максимума.

Его мозг оцепенел, так как возникла темнота — пропасть физической, но не умственной пустоты. Хедрук выключил двигатель. Теперь вокруг не было ничего, ни кораблей, ни звезд. Совсем ничего. Экраны работали, но они показывали черноту. Спустя мгновение он коснулся кнопки на пульте управления. Почти немедленно вспыхнуло слово: металл.

Металл! Окружен металлом! Это означало, что он был внутри одного из огромных чужих кораблей. Как это было сделано, представляло загадку, но все Оружейники на Земле имели вибрационную передающую систему, с помощью которой материальный объект мог быть послан сквозь стены на большие расстояния, тогда поглощение его спасательного судна одним из этих сверхкораблей было в пределах возможного.

Он, очевидно, был пленником, и в свое время узнает свою судьбу. Они оставили его в живых, и это означало, что они нашли в нем какую-то ценность.

Хедрук оделся в скафандр. Его всего колотило от напряжения, но вместе с этим была в нем холодная решимость.

Наконец, подготовившись, он открыл люк и остановился на мгновение, подумав, насколько далеко он находится от Земли. Затем вышел из люка.

Здесь не было гравитации, и поэтому он поплыл вниз, оттолкнувшись от корпуса своего судна. Его фонарь посылал яркий луч, высвечивая плоскую металлическую поверхность стен, странной формы люки в них.

Картина была естественной, даже обыкновенной. Ему нужно было попробовать все люки, и если хоть один откро-

ется, пройти через него. Первый же люк открылся безо всяких усилий. Спустя мгновение его ошеломленное сознание восстановило нервные рефлексы и он почувствовал только сильное удивление.

Он смотрел на город с высоты около двух миль. Город сверкал и сиял от скрытых источников света и был окружен садами из цветущих деревьев и кустов. За ним простиралась сельская местность, полная зелени, лугов и искрящихся ручьев. Все в целом мягко закруглялось вверх и терялось в дымке расстояния. За исключением ограниченного горизонта, это напоминало Землю.

В следующий момент ошеломляющая мысль поразила Хедрука. «Город, — подумал он, — земной город на корабле!..» Его мозг не мог охватить этого. Космический корабль, который казался длиной в милю, фактически был по меньшей мере в пятьдесят миль и путешествовал через космос с несколькими сотнями таких же кораблей, каждый размером с планетоид, управляемый сверхсуществами.

Хедрук вспомнил о своей цели. Он сдерживал мысли на холодном практическом уровне, когда оценивал размеры самого большого люка. Ему показалось, что он достаточно велик. Он вернулся в спасательное судно. На мгновение у него возникли сомнения, разрешат ли ему загадочные существа двигаться. Все зависело от того, что они хотят от него. Его сомнения исчезли, когда маленькое судно мягко скользнуло вниз, прошло через дверь и приземлилось несколькими минутами позже на окраине города.

Благополучно приземлившись, он сидел, пока не утихла неприятная дрожь в нервах, понимая, что именно этого они ожидают от него. Не было сомнений, что над ним проводится какой-то непонятный эксперимент, и хотя все его предосторожности казались смешными, тем не менее ими нельзя было пренебрегать. Он проверил атмосферу. Воздушное давление было немногим больше четырнадцати футов, содержание кислорода — девятнадцать процентов, температура — семьдесят четыре по Фаренгейту, гравитационное протяжение — один «g».

На этом он остановился, так как цифры были те же самые, что и для Земли.

Хедрук снял свой космический костюм. Возможности сопротивления не существовало. Существа, которые могли походя, в несколько минут, создать для него земное окружение, были непобедимы. Он вышел из спасательного судна. Вокруг была тишина, перед ним простирались пустые улицы, покинутый город. Здесь не было ни ветерка, ни движения. Ближайшие деревья стояли в мертвом молчании, их ветки и

листья замерли в неподвижности. Картина походила на сцену под стеклом, сад в бутылке, с его собственной крошечной фигуркой, застывшей без движения. Только он не собирался стоять здесь.

Хедрук направился к белому сверкающему зданию, широкому и длинному, но не очень высокому.

Его стук отозвался гулким эхом, и спустя мгновение он попробовал открыть замок. Дверь открылась сразу в вестибюль или холл, небольшую металлическую комнату. Здесь был пульт управления, кресло и мужчина, сидевший в нем. Хедрук остановился, когда увидел, что это был он сам, сидящий там, и что это была копия кабины спасательного судна. Хедрук напряженно приблизился, ожидая, что тело исчезнет, когда он подойдет ближе. Но оно не исчезло. Он ожидал, что рука его пройдет насквозь через это фальшивое подобие его тела, но она не прошла. Ощущение одежды было безошибочным, а плоть лица была теплой, когда он коснулся ее пальцами. Хедрук, который был в кресле, не обращал на него внимания, а продолжал смотреть на главный экран пульта.

Хедрук последовал за этим внимательным взглядом и вздрогнул, когда увидел на экране серьезное лицо Императрицы. Итак, они воспроизводили последнее появление Иннельды без звукового сопровождения, хотя в этот момент ее звучный голос требовал от него посадить спасательное судно. Он стоял, ожидая, что будет следующим номером программы, но хотя прошло несколько минут, сцена не изменилась.

Наконец, его терпение иссякло, и он попятился назад к двери. Снаружи он остановился, осознав, в каком напряжении находился все эти несколько минут. «Это был вымысел — то, что я видел, — строго сказал он себе, — сцена из памяти, воспроизведенная каким-то образом. Но почему эта сцена? Почему не какая-нибудь другая?»

Он снова открыл дверь и всмотрелся внутрь. Комната была пуста. Он закрыл дверь и быстро пошел в город, чувствуя, как тишина окутывает его. Мысленно он расслабился, потому что должен был встретить лицом к лицу все, что его невидимые захватчики приготовили для него. Что-то в нем заинтересовало их, и он хотел задержать их внимание до тех пор, пока не откроет секрета их всевластия над ним.

Хедрук свернул к внушительному подъезду тридцатитажного мраморного небоскреба. Резная дверь так же легко открылась, как и в первом здании, но не в вестибюль, а прямо в комнату. Она была больше, чем первая, в ней стояли вы-

ставочные стенды, а в углу сидел мужчина, вскрывающий письмо. Хедрука снова охватило удивление. Это был Линвудский оружейный магазин, а мужчина в углу — Даниэль Нилан. Сцена разговора между ним и Ниланом была готова к воспроизведению.

Он шагнул вперед, чувствуя, что картина не вполне соответствует его памяти. Он вдруг понял, что именно неправильно. Нилан не читал письмо, когда они встретились в первый раз.

Возможно ли, что сцена воспроизводила случившееся после?

Когда он остановился позади Нилана и взглянул на письмо, которое тот держал, Хедрук вдруг понял, что это действительно возможно. На конверте была марка марсианской почты. Это была корреспонденция, которую Оружейные Магазины предложили переслать для Нилана, и это был Нилан после того, как они оба побывали в здании Треллиса.

Но как это было сделано? Одно дело воспроизвести сцену, которую они получили из его памяти, и совсем другое — сцену, в которой он не участвовал и которая имела место в бесчисленных световых годах отсюда и почти два месяца назад. Хотя должна быть причина, почему они совершили для него такой подвиг. Он решил, что его захватчики хотят, чтобы он прочитал письмо, которое получил Нилан.

Хедрук наклонился вперед, чтобы прочесть его, как вдруг в глазах замелькали пятна. Потом это прошло и он ощутил себя сидящим в кресле и держащим письмо. Перемена была такой внезапной, что Хедрук непроизвольно повернулся в кресле и взглянул назад.

Долгие мгновения он смотрел на свое тело, которое стояло там же, застывшее в небольшом наклоне вперед с неподвижными и немигающими глазами. Затем он медленно осмотрел себя — одежда Нилана, рука Нилана и тело Нилана. Он начал чувствовать различие и ощущать мысли Нилана — интенсивный эмоциональный интерес к письму.

Прежде чем Хедрук мог привыкнуть к тому, что каким-то образом его сознание было вложено в тело Нилана, тот начал читать письмо. Оно было от его брата Гила и в нем было написано:

«Дорогой Дэн.

Теперь я могу рассказать тебе о величайшем изобретении в истории человеческой расы.

Я должен был ждать до этого времени. Через несколько

часов мы отправляемся, так как мы не можем допустить риска, что письмо будет перехвачено. Мы хотим поставить мир перед свершившимся фактом. Когда мы вернемся, мы известим всех об этом, и у нас будут фильмы и другие записи для доказательства. Но перейдем к фактам.

Нас семеро, возглавляемых знаменитым ученым Дердом Кершавом. Шестеро — ученые-специалисты. Седьмой, по имени Гриер, — нечто вроде общего помощника, который ведет журнал и записи, включает автоматическую кухню и так далее. Кершав учит его управлять кораблем, чтобы остальные были свободны от этого».

Хедрук-Нилан помедлил в этом месте, чувствуя боль в душе. «Дети! — пробормотал он угрюмо. — Взрослые дети!». Затем он подумал: итак, Гриер был только подручным. Ничего удивительного, что он не знает техники.

На мгновение Хедрук высвободил свое «я» из сознания Нилана. Он подумал, почти недоуменно: но Нилан не знал о Гриере. Как он мог думать о нем? Больше он ничего не успел подумать, так как желание Нилана продолжать чтение письма пересилило его волю к раздельному мышлению. Они читали дальше:

«Я вошел в дело в результате моей статьи в Атомном журнале, которую заметил Кершав и в которой я описывал свои исследования точно вдоль линии, которая вела к его изобретению.

Сейчас я смело могу сказать, что шансы на такое же открытие у других исследователей были практически равны нулю. Оно охватывает в своей сущности слишком много специальных областей. Ты же знаешь, нас учили, что имеется более полумиллиона специальных разделов науки и что, несомненно, путем умелой координации могут быть получены бесчисленные новые изобретения, но ни одна известная образовательная методика не может охватить даже часть этих наук, не говоря обо всех сразу.

Я упоминаю это, чтобы еще раз подчеркнуть важность сохранности тайны. У нас с Кершавом состоялась беседа, и я был нанят на самых доверительных условиях.

Дэн, послушай, новость абсолютно потрясающая! Мы изготовили двигатель, быстрый, как мечта. Звезды теперь завоеваны для человечества! Как только я закончу это письмо, мы отправимся к Альфе Центавра. Я чувствую себя больным и потрясенным, мне холодно и жарко при одной мысли об этом. Это грандиозно. Вселенная откроется перед нами! Только подумай обо всех тех людях, которые были насильно све-

зены на Марс, Венеру, различные спутники, — это было необходимо, конечно, кто-то должен был жить там и добывать их богатства — но теперь есть надежда, шанс на новые, более лучшие миры.

Отныне человек будет распространяться без ограничений и навечно положит конец этим мелочным, ужасным сварам по поводу частной собственности. С этого времени всего будет более чем достаточно.

Причина, по которой мы должны быть так осторожны, в том, что Империя Ишер будет потрясена до основания невиданной эмиграцией, которая начнется немедленно. Императрица Иннельда первая поймет это и первая попытается нас уничтожить. Мы не уверены, что даже Оружейные Магазины одобряют такую перемену. Помимо всего, они являются неотъемлемой частью социальной структуры Ишера, они обеспечивают контроль и равновесие и, таким образом, содействуют созданию наиболее стабильной правительственной системы, когда-либо изобретенной нестабильным человечеством. Поэтому, до поры до времени, мы предпочитаем, чтобы им также не стало известно о нашем открытии.

Еще одна вещь. Кершав и я обсудили влияние расстояния во много световых лет на твою и мою экстрасенсорную связь. Он думает, что огромная скорость нашего удаления от Солнечной Системы создаст эффект внезапного разрыва ее и, конечно, будет сопровождаться страданиями от ускорения. Мы...»

Нилан остановился в этом месте. Именно это он почувствовал тогда — боль, а затем ощущение полного разрыва! Гил не был мертв. Или, скорее, — мелькнула у него мысль, — Гил не умер в тот день год назад. Где-то во время путешествия Гриер...

В этом месте Хедрук еще раз оторвал свое сознание от смешанной реакции. «Боже мой, — подумал он потрясенно, — мы части одного целого. Он испытывает эмоции, основанные на моей энергии, а я переживаю эти эмоции, как свои собственные. Они были бы понятны, если бы я был его братом, с которым он имел давнюю связь. Но я не его брат. Я посторонний человек, и мы встречались только один раз...»

Его мысли прервались. Возможно, для ученых чужой расы, которые манипулировали их умами и телами, не было различия между Ниланом и им самим. Кроме того, большинство нервных систем у людей структурно одинаково. Если оба Нилана могли «настроиться» друг на друга, тогда,

очевидно, это могли сделать любые другие два человеческих существа.

На этот раз Хедрук не стал оказывать сопротивления слиянию их личностей. Он ожидал, что закончит чтение письма Гила. Но вместо этого письмо исчезло, и Хедрук-Нилан зажмурил глаза, когда горячий мелкий песок хлестнул его в лицо.

Он увидел, что не находится больше в оружейном магазине, и призрачный город вокруг тоже исчез без следа. Он понял, что лежит посреди ровной красной пустыни под огромным палящим солнцем. Далеко слева сквозь плотную дымку пыли проглядывало другое солнце. Оно казалось намного дальше и меньше по размерам, но в этом мире пыли и песка оно светило красным светом. Рядом на песке лежали другие люди. Один из них с усилием повернулся — это был крупный, когда-то красивый мужчина, его запекшиеся губы двигались, но звука не было слышно.

Взгляд Нилана-Хедрука упал на металлические конструкции, упаковочные ящики и валяющийся в стороне пульт связи. Хедрук узнал машину для получения воды. Его наблюдения были прерваны.

— Гил! — вскрикнул он. — Иди скорее, — это была реакция Нилана. — Гил, Гил, ГИЛ!

— Дэн! — донеслось откуда-то издалека то, что показалось скорее шепотом мысли в его мозгу, чем звуком. Это был усталый вздох, который пересек великую темноту. А затем звук возник снова, — далекий, слабый, но ясный и направленный к Нилану.

— Дэн, старина, где ты? Дэн, как ты делаешь это? Я не чувствую связи... Дэн, я болен, я умираю... Мы находимся на уродливой планете, которая собирается подойти близко к одному из солнц Центавра. Буря приближается, воздух все горячее... Мы... о, боже!...

Разрыв был таким резким, что причинил боль, как ожог. Он был подобен удару перетянутой лопнувшей резины. Бесчисленные световые годы заполнили брешь. Хедрук понял, что «они» не присутствовали физически на той планете. Это была чувственная связь между двумя братьями, и картина этого кошмарного мира была передана через глаза Гила Нилана.

Кто бы ни проделал это, он достиг фантастического могущества и понимания природы человеческих существ. Прошло немало времени, прежде чем Хедрук понял, что он все еще находится в оружейном магазине и все еще сжимает в руках письмо. На его глазах были слезы, но

вскоре он снова различил строки письма и закончил его чтение:

«...Мы, вероятно, будем полностью разъединены в первый раз со времени нашего рождения. Неизбежно возникнет ощущение пустоты и одиночества. Я знаю, ты завидуешь мне, Дэн, когда читаешь это письмо. Когда я думаю, как долго человек мечтал добраться до звезд и как снова и снова оказывалось, что это невозможно сделать, я знаю точно, что ты чувствуешь. Особенно ты, в котором живет авантюрный дух нашей семьи.

Пожелай мне счастья, Дэн, и держи язык за зубами.

Твоя вторая половина

Гил.»

Когда произошла трансформация и в какой момент, Хедрук не заметил. Его первым чувством было ощущение, что он не находится больше в оружейном магазине. Это не встревожило его, так как его мозг был сосредоточен на мыслях о Гиле Нилане и том чуде, которое произошло. Каким-то образом эти могущественные сверхсущества усилили почти неощутимые узы между двумя братьями и создали чувственную связь через световые столетия — невероятную, мгновенную связь!..

И вместе с ними он участвовал в этом фантастическом путешествии.

Странно, вокруг было темно. Если он не был в оружейном магазине, то, логически, он должен был быть в городе или где-то на корабле, который захватил его.

Хедрук приподнялся и по этому движению понял, что он лежит лицом вниз. Как только он двинулся, его руки и ноги запутались в сети из переплетающихся веревок, подобно снасти на кораблях, которые плавали по земным морям в старинные времена, или подобно сети какого-нибудь кошмарных размеров паука. Его мысли остановились и холод побежал по спине. Подобно сети паука...

Смутный голубоватый свет возник вокруг него, и он увидел, что город действительно исчез. На его месте был неземной темно-голубой мир и паутина, мили и мили паутины. Она поднималась к далекому потолку и исчезала в сумраке. Нити простирались во всех направлениях, исчезая в полумраке как в некоем призрачном мире. И, к его облегчению, они сперва показались необитаемыми.

У Хедрука появилось время, чтобы собрать все мужество против самого ужасного потрясения, которое его высокотренированная структура когда-либо встречала лицом к лицу.

Он понял, что все это было внутренностью корабля и что здесь должны быть и его обитатели.

Высоко над ним вдруг что-то шевельнулось. Пауки. Он отчетливо увидел их — огромные существа со множеством ног — и застыл от горечи. Итак, племя паукообразных существ оказалось высшим разумом всех времен, подлинным властелином Вселенной...

Внезапно, как молния, его мозг потрясла волна чуждых мыслей:

«...Результаты негативные... Между теми существами не было физической связи... только энергия...»

«...Но напряжение было усилено энергией. Связь была установлена на... расстояние...»

«...Я обнаружил, что здесь не было физической связи... Не соответствует истине...»

«...Я просто выражал удивление, всемогущий... Здесь, несомненно, был феномен, близко связанный с посещением этой расы. Давай спросим его...»

«ЧЕЛОВЕК!!!»

Мозг Хедрука, и так изнемогающий под тяжестью этих титанических мыслей, застонал от нового страшного удара.

— Да? — наконец смог ответить он. Его голос произвел лишь слабый звук в этом темно-голубом пространстве и мгновенно угас в тишине.

«ЧЕЛОВЕК, ПОЧЕМУ ОДИН БРАТ ПРОДЕЛАЛ ДЛИННОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ, ЧТОБЫ УЗНАТЬ, ЧТО СЛУЧИЛОСЬ С ДРУГИМ БРАТОМ?»

На мгновение вопрос озадачил Хедрука. Казалось, что вопрос относится к тому факту, что Дэн Нилан вернулся с далекого астероида на Землю, чтобы выяснить, почему оборвалась чувственная связь с его братом Гилом. Вопрос казался бессмысленным, потому что ответ был очевиден. Они были братьями. Выросли вместе. У них было особенно близкое родство. Прежде чем Хедрук смог объяснить эти простейшие элементы человеческой природы, в его мозгу опять раздался раскаты титанического грома:

«ЧЕЛОВЕК, ПОЧЕМУ ТЫ РИСКНУЛ СВОЕЙ ЖИЗНЬЮ, ЧТОБЫ ДРУГИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ СУЩЕСТВА СМОГЛИ ОТПРАВИТЬСЯ К ЗВЕЗДАМ? И ПОЧЕМУ ТЫ ХОЧЕШЬ ОТДАТЬ ДРУГИМ СЕКРЕТ БЕССМЕРТИЯ?»

Несмотря на растерянное состояние мыслей Хедрука, в нем начало возникать понимание. Эти паукообразные существа пытались понять эмоциональную природу человека, сами будучи не способными к эмоциям. Подобно слепому, просящему объяснить ему, что такое цвет, или глу-

хонемому, пытающемуся понять, что такое звук. Суть была та же самая.

Теперь разъяснилось то, что они сделали: очевидно, бессмысленное воспроизведение сцены между ним и Императрицей было предназначено для наблюдения его эмоций, когда он рисковал своей жизнью ради альтруистической цели. Таким образом и по той же причине была установлена чувственная связь между Ниланом и им самим. Они хотели измерить и оценить эмоции в действии.

Поток мыслей извне прервал его:

«...К сожалению, один из братьев умер, разорвав связь...»

«Это не является препятствием, как нет необходимости в его брате на Земле теперь, когда мы установили прямую связь между нашим пленником и мертвым братом. Главный эксперимент можно начинать...»

«Что нужно сделать сначала?»

«Дать ему свободу, конечно...»

Возникла непродолжительная пауза, затем все вокруг заполнилось судорожным мельканием. Хедрук непроизвольно закрыл глаза. Когда он открыл их снова, то увидел, что находится в одной из своих секретных лабораторий на Земле, — в той, где гигантская крыса чуть было не убила его.

ГЛАВА 12

Хедрук вскочил на ноги и осмотрел себя. На нем все еще был изоляционный костюм, который ему дал Гриер и который он надел перед выходом из спасательного судна, чтобы прогуляться по «городу», созданному для него паукообразными существами. Он медленно оглядел комнату, ища мельчайшие несоответствия, указавшие бы ему, что это только очередная иллюзия.

Он не мог быть ни в чем уверенным, хотя когда они манипулировали им, чувствовал себя не так. Тогда кругом была атмосфера нереальности. Он был подобен человеку во сне. Сейчас он не чувствовал этого.

Он стоял, нахмурившись, вспоминая последние мысли, полученные от них. Одно из существ определенно указало, что ему должна быть дана свобода для следующей фазы их эксперимента. Хедрук не был уверен, что они подразумевают под свободой, потому что было ясно, что они все еще изучают его эмоциональное поведение. Но Хедрук так часто бывал в

опасности, что в конечном итоге он не позволил личному страху заслонить от него его цель. Тем не менее, он хотел проверить реальность своего окружения.

Хедрук подошел к пульту связи в одном из кабинетов и включил панель новостей. Комментатор говорил о каких-то новых законах, обсуждаемых в Императорском Парламенте. Не было никакого упоминания о межзвездном двигателе. Если и было какое-то волнение во время его исчезновения из корабля Кершава, оно, очевидно, уже утихло. Попытки заставить Императрицу выдать секрет, казалось, были прекращены.

Он выключил пульт и переоделся в «деловой» костюм. Затем тщательно выбрал четыре кольца-излучателя и, наконец, готовый к битве, прошел через передатчик в одно из своих помещений в Столице. Он начал чувствовать себя намного лучше. В глубине мозга у него были планы эксперимента, который он собирался провести, если паукообразные существа попытаются снова взять контроль над ним, но он все еще беспокоился по поводу точной природы «свободы», которая была предоставлена ему. Он торопливо подошел к большому окну. Несколько минут Хедрук пристально смотрел на знакомый вид громадного мегаполиса, затем, медленно повернувшись, подошел к пульту связи и вызвал Службу Общественных Новостей.

Служба Новостей была связана с Оружейными Магазинами и обеспечивала свободное распространение информации. Девушка, которая разговаривала с Хедруком, ответила на все его вопросы, не спрашивая его имени. От нее он узнал точно, что Императрица публично опровергла все слухи о межзвездном двигателе, и что Оружейные Магазины после двух недель интенсивной пропаганды внезапно прекратили свою кампанию.

Хедрук угрюмо выключил пульт.

Итак, Иннельда отбилась. Он мог понять, почему Оружейные Магазины прекратили оказывать давление на нее. Это привело бы к росту их непопулярности, так как у них не было никаких доказательств. Можно было считать само собой разумеющимся, что девяносто процентов населения давно потеряли интерес к этому вопросу. Из тех, кто остался, большинство не знает, что делать, даже если они поверили в существование двигателя. Как кто-нибудь мог принудить правительницу Солнечной Системы раскрыть секрет?

Хедрук, у которого были собственные идеи о том, как это можно сделать, стал еще мрачнее. У него было несколько проблем. Необходимо время, чтобы организовать свою кам-

панию, и начало его действий должно быть отложено до Дня Отдыха.

Что касается паукообразных существ, они являлись тем неизвестным фактором, который он не мог контролировать. Он просто должен был действовать, как будто они не существовали вообще.

«Давай, посмотрим сейчас, — пробормотал он сам себе, — сегодня первое октября, значит, завтра День Отдыха...»

Это потрясло его, так как означало, что у него есть всего один день, чтобы подготовиться к наиболее продолжительному физическому усилию в своей карьере. Его тревожило, что приготовления были слишком непростые. Но сейчас некогда было сожалеть, что сложилась именно такая ситуация.

Он вернулся в свою подземную лабораторию и начал детальное изучение большого пульта связи, который занимал весь угол его транспортной комнаты.

Пульт был усеян рядами сверкающих точек, немногим более полутора тысяч. Понадобилось время, чтобы набрать ряд индивидуальных номеров, с которыми он хотел соединиться. Семнадцать из них ответили зеленым светом. Три других мигнули красным, что означало, что троих нужных людей не было на месте. Семнадцать из двадцати — это было лучше, чем он ожидал. Хедрук вздохнул и выпрямился перед экраном.

— Хорошенько взгляните на меня, — сказал он. — Вы, возможно, встретитесь со мной сегодня.

Он помолчал, обдумывая следующие слова. Глупо было намекать, что он говорит более с одним человеком. Несомненно, некоторые из слушающих его догадываются, что они не одни, но было бы ни к чему подтверждать их подозрения.

Хедрук продолжал:

— Ваша фирма останется открытой до завтрашнего утра. Обеспечьте спальные помещения, отдых и пищу для персонала. Продолжайте нормальную деятельность до обычного часа или до дальнейшего указания. Служащим должна быть выплачена двадцатипроцентная надбавка. К вашему личному сведению — возникла аварийная ситуация, но если не будет дальнейших распоряжений до семи часов завтрашнего утра, считайте вопрос закрытым. Между тем, прочтите пункт 7 статуса вашей фирмы. Это все.

Он щелкнул выключателем пульта и криво усмехнулся, взглянув на часы. По крайней мере, должно было пройти тридцать минут между звонком и его физическим появлением. Другого пути не было. Невозможно было появиться лично через минуту после сообщения. Оно должно было вызвать

достаточно большую сумятицу и без дополнительных осложнений от его немедленного прибытия.

Кроме того, он должен был приготовить и проглотить увеличитель. Он стоял, обдумывая последствия только что сделанного звонка. Некоторые из исполнителей вряд ли подчинятся сразу. Он уже давно собирался принять меры к некоторым из них. Они слишком долго были большими боссами. Его политика позволять одной семье управлять фирмой целые поколения, просто делая взносы в центральный фонд при отсутствии дополнительного контроля, со временем ослабляла его авторитет. Этому нельзя было помочь. Полный контроль над таким множеством людей был практически невозможен.

Через полчаса, пройдя через передатчик, Хедрук оказался в сверкающем офисе. На двери, прямо перед ним, горела надпись:

ДЕЛОВАЯ КОРПОРАЦИЯ
Собственность — триллионы кредитов
Помещение Президента
И.Т.Тринера
Посторонним вход воспрещен

С помощью своего кольца Хедрук привел в действие секретный механизм двери. Он прошел внутрь мимо хорошенькой девушки за большим столом, которая попыталась остановить его. Лучи его кольца автоматически открыли вторую дверь.

Он вошел в большую комнату. Крупный мужчина с бледным лицом и бесцветными водянистыми глазами поднялся из-за огромного стола и уставился на него.

Хедрук не обращал на него никакого внимания. Одно из колец на его пальце громко зазвенело. Он медленно повел вокруг рукой. Когда звонок прекратился, камень кольца указывал прямо на стену позади стола.

«Хорошо замаскировано», — подумал восхищенно Хедрук. Ничто на стене не показывало, что за ней спрятан мощный излучатель; без своего кольца он никогда бы не обнаружил его.

У него мелькнула холодная и быстрая мысль, что данное открытие только подтверждает его мнение об этом человеке. Досье фирмы Тринера доказывало, что он был не просто эгоистичным и безжалостным — обычная черта в век гигантских монополий, и не просто аморальным — сотни тысяч граждан Ишера совершили так же много убийств, как и Тринер, но различие в их мотивах было подобно различию между прав-

дой и ложью. Тринер был похотливым негодяем, распутной дрянью, самым воплощением зла.

Мужчина прошел вперед с протянутой рукой и сердечной улыбкой на лице. Его голос, казалось, сочился радостью:

— Я не знаю, верить в вас или нет, но, во всяком случае, я хочу выслушать...

Хедрук пошел навстречу протянутой руке как бы для того, чтобы пожать ее. Но в последний момент шагнул мимо мужчины и в одно мгновение уселся в кресло за большим столом. Он смотрел на ошеломленного исполнителя, размышляя угрюмо: «Тринер хочет поговорить, не так ли? Но сперва пусть он получит урок бесцеремонности с подчеркиванием того, что в мире есть более жестокие люди, чем И.Т.Тринер».

Хедрук вежливо сказал:

— Прежде чем вы сядете в это кресло, мистер Тринер, прежде, чем мы поговорим, я хочу чтобы ваш персонал приступил к выполнению работы, которую вы собираетесь сделать для меня. Вы слушаете?

Насчет этого не было сомнений. Тринер был шокирован, рассержен и смущен. Он не выглядел трусом. Впрочем, Хедрук и не ожидал страха. Выражение лица Тринера показывало осторожность, смешанную с удивлением.

После секундного промедления он спросил:

— Что вы хотите, чтобы было сделано?

Хедрук вытащил сложенный листок бумаги из своего кармана.

— Здесь, — произнес он деловито, — названия пятидесяти городов. Я хочу, чтобы вся моя собственность в этих городах была перечислена с привязкой к улицам. Не имеет значения, в чем она заключается. Дайте только номера домов и улиц — два, четыре, шесть, восемь и так далее. Вы поняли?

— Да, но... — Тринер выглядел озадаченным.

Хедрук оборвал его.

— Отдайте приказ. — Он посмотрел на Президента сузившимися глазами, затем наклонился вперед. — Я надеюсь, Тринер, что вы перечитали пункт семь вашего статуса?

— Но, послушайте, этот пункт был учрежден почти тысячу лет назад. Вы не имеете в виду...

— Вы можете обеспечить этот список или нет?

Тринер вспотел.

— Я думаю, да, — сказал он в конце концов. — Не знаю, я посмотрю.

Он внезапно напрягся и добавил сквозь стиснутые зубы:

— Проклятие, вы не можете прийти сюда просто так и...

Хедрук понял, что он уже достаточно прижал Тринера.

— Отдайте приказ, — мягко сказал он. — Затем мы поговорим.

Тринер поколебался. Он был потрясен, но через некоторое время, должно быть, догадался, что может всегда отменить любые свои инструкции.

Он сказал:

— Я использую пульт за столом.

Хедрук кивнул и стал наблюдать, пока приказ не был передан помощнику шефа. После этого Тринер натянуто улыбнулся Хедруку.

— В чем дело? — спросил он доверительным тоном. — Зачем все это?

Хедрук сидел, холодно размышляя.

Итак, управление орудием было в столе, где-то рядом с креслом Тринера. Хедрук задумчиво изучал обстановку. Он сидел за столом спиной к орудию. Тринер был слева от него. Дверь, ведущая в приемную, была в пятидесяти футах, и за ней сидела секретарша. Стена и дверь защитят ее. Любой, кто входит, должен был бы держаться левее, предпочтительно позади и рядом с Тринером. Хедрук кивнул с удовлетворением. Его взгляд не отрывался от Тринера. Наконец, он произнес:

— Я собираюсь рассказать вам все, Тринер. — Это должно было разжечь любопытство Президента и сдержать его нетерпение. Хедрук продолжал:

— Но сперва я хочу, чтобы вы сделали еще одну вещь. У вас здесь есть помощник по имени Ройан. Попросите его явиться сюда. После того, как я поговорю с ним, у вас будет лучшее представление, оставлять его в фирме или нет.

Тринер озадаченно посмотрел на него. Он поколебался, затем отдал краткое распоряжение через пульт. Очень ясный, звучный голос пообещал немедленно прийти.

Тринер выключил пульт и наклонился вперед в кресле.

— Итак, вы человек, скрытый за этим таинственным настенным экраном, — выжидающе сказал он.

Он махнул рукой на экран за своей спиной, затем неожиданно произнес напряженным голосом:

— Не сама ли Императрица стоит за вами? Не Дом ли Ишеров подлинный владелец этой фирмы?

— Нет! — твердо ответил Хедрук.

Тринер выглядел разочарованным, но сказал:

— Я склонен поверить этому. Дом Ишеров постоянно слишком нуждается в деньгах, чтобы позволить сокровищу вроде этой фирмы произрастать так спокойно.

— Да, это не Ишер, — ответил Хедрук и увидел смутную

тень, промелькнувшую на лице Тринера. Подобно многим людям до него, Тринер не осмеливался выступить против тайного владельца фирмы до тех пор, пока существовала вероятность, что владельцем была императорская семья. Сейчас Хедрук обнаружил, что опровержение только увеличило сомнения честолобца.

Раздался стук в дверь и вошел человек около тридцати пяти лет, крупного телосложения и с энергичными манерами. Его глаза немного расширились, когда он увидел, как рассажены люди в этой комнате. Хедрук сказал:

— Вы Ройан?

— Да.

Молодой человек вопросительно посмотрел на Тринера, но тот даже не поднял головы.

Хедрук показал на настенный экран.

— Вас информировали раньше о значении этого пульта связи?

— Я читал статус корпорации, — начал Ройан, затем вдруг замолчал. Понимание забрезжило в его глазах. — Вы не тот...

— Давайте, — сказал Хедрук, — не будем устраивать представление! Я хочу задать вам вопрос, Ройан.

— Да?

— Сколько денег, — Хедрук произнес отчетливо, — изъят из фирмы Тринер за последний год?

Послышался шумный вздох Тринера, затем тишина. В конце концов, Ройан тихо засмеялся почти мальчишеским смехом и сказал:

— Пять миллиардов кредитов, сэр.

— Немного чересчур, не правда ли, — спокойно произнес Хедрук, — для жалования.

Ройан кивнул.

— Я не думаю, что мистер Тринер считает себя на жаловании, скорее, владельцем.

Хедрук увидел, что Тринер уставился на стол, а его правая рука незаметно движется к маленькой статуэтке.

Хедрук сказал:

— Идите сюда, Ройан.

Он показал рукой и подождал, пока молодой человек не занял позицию слева от Тринера, а затем включил кольцо, управляющее увеличителем. Увеличение было небольшим, всего на дюйм вокруг. Оно производило физический эффект в небольшом распухании грудной клетки. Что было важнее, увеличение изменяло атомную структуру «делового» костюма и его собственного тела, делая их фактически такими же неразрушимыми, как и Оружейные Магазины.

Все, что произошло с ним после его бегства от Оружейников, было результатом того, что он не смог надеть этот костюм, отправляясь в оружейный магазин.

Хедрук почувствовал жесткость своего тела и, когда он заговорил, то ощутил, как замедлился его голос.

— Я должен сказать, что жалование было слишком высоким. Оно должно быть снижено до пяти миллионов.

Тринер издал невнятный звук, но Хедрук продолжал говорить Ройану медленным металлическим голосом:

— Даже несмотря на свою подчиненную структуру, фирма приобрела незавидную репутацию за бесцеремонность и из-за привычки ее Президента хватать на улице хороших женщин и тащить их в секретные апартаменты...

Он увидел последнее движение, каким Тринер схватил статуэтку. Хедрук поднялся, когда Ройан предупреждающе вскрикнул.

Огонь, полыхнув из жерла орудия, уничтожил кресло, в котором сидел Хедрук, расплавил металл стола и опалил потолок. Но пламя не было настолько ярким, чтобы Хедрук не заметил вспышку бластера Ройана. Спустя мгновение последовательность событий стала ясной. Тринер, приведя в действие орудие, выстрелил в Хедрука, затем резко повернулся и вытащил свой внушительный бластер с намерением убить Ройана. Но Ройан, используя защитную модель Оружейных Магазинов, выстрелил первым.

Там, где был Тринер, сейчас осталась только искрящаяся пыль, которая на глазах редела, так как мощные насосы, автоматически включаемые вместе с орудием, продували свежий воздух через комнату настолько быстро, что объем воздуха в комнате сменялся около пяти раз в секунду.

В комнате стояла тишина.

— Я не пойму, — наконец сказал Ройан, — как вы остались живы?

Хедрук выключил свой увеличитель и торопливо произнес:

— Вы теперь новый Президент компании, Ройан. Ваше жалование — пять миллионов кредитов в год. Какое образование вы даете вашему сыну?

Ройан восстанавливал самообладание быстрее, чем ожидал Хедрук.

— Обычное, — ответил он.

— Измените курс. Оружейные Магазины недавно опубликовали подробности нового курса, который пока еще не очень популярен. Он включает усиление моральных качеств. Но теперь... Когда будет готов перечень, который Тринер приказал сделать для меня? Или вы не знаете об этом?

Смена темы разговора, казалось, опять ошеломила Ройана, но он справился с собой.

— Не раньше шести. Я...

Хедрук оборвал его.

— Вы испытаете некоторое потрясение завтра, Ройан, но перенесите его спокойно. Не теряйте головы. Мы вызвали гнев могущественной секретной организации. Нам будет дан урок. Произойдут большие разрушения нашей собственности, но ни при каких обстоятельствах не проговоритесь никому, что это наша собственность, и не начинайте восстановительных работ раньше, чем через месяц, или до дальнейшего указания.

Он мрачно закончил:

— Мы должны перенести наши потери молча. К счастью, завтра — День Отдыха. На заводах не будет людей. Но помните — ЭТОТ ЛИСТ ДОЛЖЕН БЫТЬ ГОТОВ К ШЕСТИ ЧАСАМ!

Он внезапно покинул комнату. Ссылка на секретную организацию годилась, как любая другая история, и, когда гигант начнет свои действия, все их несоответствия померкнут перед ужасающей действительностью. Но сперва, сейчас, еще несколько посещений, какие-нибудь из легких, затем поест, затем высокомерный Ненсен, затем другие необходимые действия.

Он убил Ненсена спустя час простым способом отражения энергии бластера Ненсена на него самого. Некогда неукротимый Лисли оказался безвредным старым человеком, который быстро покорился судьбе, когда увидел, что Хедрук не склонен затягивать беседу. У других людей препятствием, которое нужно было преодолеть, являлись лишь любопытство и умственная инерция.

В четверть седьмого следующего утра Хедрук принял стимулятор, витамины и лег на полчаса, чтобы дать им возможность взбодрить свое ослабевшее тело.

Он съел обильный завтрак и около восьми часов отрегулировал увеличитель своего «делового» костюма на полную мощность. День Гиганта настал.

ГЛАВА 13

За несколько минут перед докладом о первых новостях Иннельда холодно поинтересовалась:

— Почему вы всегда нуждаетесь в деньгах? Куда они идут? Наш годовой бюджет — астрономические суммы, а все, что я когда-либо видела, так это заявления, что такая-то

часть идет на одно ведомство, другая часть — на другое, и так далее без конца. Солнечная Система богата свыше любой оценки, годовой оборот денег составляет сотни миллиардов кредитов, и все-таки у правительства нет денег. В чем дело? Задержка в поступлении налогов?

Ответом была тишина. Министр финансов беспомощно оглядел длинный кабинетный стол. В конце концов, его взгляд остановился на лице принца дель Куртина. Глаза министра заблестели молчаливым призывом. Принц поколебался, затем сказал:

— Эти собрания кабинета становятся однообразными. Ваше Величество, все мы молчим, пока вы браните нас. В последние дни у вас вечно недовольный вид и тон жены, которая, растратив деньги своего мужа, ругает его за то, что у него нет больше.

До нее не сразу дошло значение этих слов. Она настолько привыкла к откровенному разговору с кузеном наедине, что не сразу осознала, что это замечание сделано во время официального собрания кабинета, так как была слишком сосредоточена на своих собственных словах. Она сердито продолжила:

— Я устала от разговоров, что у нас нет денег для обычных затрат правительства. Затраты Императорского Дома являются неизменными целые поколения. Любая частная собственность, которую я имею, содержится на свои прибыли. Мне говорили не раз, что наши налоги повышены до предела и что бизнесмены горько сетуют на их тяжесть. Если эти бизнесмены удосужатся проверить свои книги, они обнаружат, что имеется другая, менее очевидная утечка их ресурсов. Я ссылаюсь на контрибуции этой наглой незаконной организации — Оружейных Магазинов, которая облагает налогом эту страну столь же тяжело, как и законное правительство. Их притворство, что они только продают оружие, является одним из величайших обманов. Их подлый метод заключается в получении поддержки рвачей среди бездумных масс. Всем известно, что нужно просто выдвинуть обвинение, будто деловая фирма надула вас, и тайные суды Оружейных Магазинов вынесут решение в вашу пользу. Возникает вопрос: когда законная прибыль становится надувательством? Это чисто философская проблема, которая может обсуждаться бесконечно. Но эти суды Оружейников слишком легко определяют сумму штрафа — утраивая ущерб — отдавая половину денег обвинителю и оставляя другую половину себе. Я говорю вам, джентльмены, мы должны начать новую кампанию. Мы должны убедить бизнесменов, что Оружейные Магазины — большая

тяжесть для них, нежели правительство. Ханжеские Оружейники будут выставлены ворами, каковыми они, в сущности, и являются!

Она остановилась, перевела дыхание и вспомнил, что ей сказал ранее принц дель Куртин. Она нахмурилась.

— Итак, я кажусь сварливой женой, не так ли, кузен? Растратив все деньги любимого мужа, я...

Она резко замолчала, так как вдруг вспомнила выражение облегчения, которое появилось на лицах членов кабинета после замечания принца. В одно мгновение она осознала то, что ранее не дошло до нее, а именно, что она была лично обвинена перед всем кабинетом.

— Будь я проклята! — взорвалась она. — Итак, за все ответственна именно я. Я трачу государственные деньги, как безответственная женщина...

Еще раз она перевела дыхание и уже собралась продолжить, когда ожил экран позади ее кресла.

— Ваше Величество, срочное сообщение только что пришло со Среднего Запада. Гигантское человеческое существо в сто пятьдесят футов высотой разрушает деловые кварталы в городе Денар.

— Что?

— Если вы хотите, я включу трансляцию. Гигант медленно отступает перед атакой военных частей.

— Не нужно. — Ее голос был холоден и резок. Она закончила как можно вежливей: — Это, должно быть, какая-то роботоподобная машина, построенная сумасшедшим, и флот должен справиться с ней. Я не хочу уделять внимание этому вопросу в данный момент. Доложите позже.

— Хорошо.

Во время последовавшего общего молчания Императрица сидела, как статуя, с неподвижным лицом и горящими глазами. Наконец, она прошептала:

— Не может ли это быть какой-нибудь новой акцией Оружейных Магазинов?

Она поколебалась, затем решительно отодвинула в уме то, что случилось. Ее мысли вернулись к теме, о которой она говорила перед тем, как ее прервали. Ее слова содержали скрытое обвинение:

— Принц, я правильно поняла, что вы публично возлагаете на меня ответственность за финансовые затруднения правительства?

Принц холодно ответил:

— Ваше Величество, вы неправильно истолковали мои слова. Я только указал на то, что эти собрания кабинета стали ничем иным, как сварливыми вечеринками. Ответственность

перед парламентом несут министры, и нет никакой пользы в чрезмерном критицизме.

Императрица пристально посмотрела на него и поняла, что он не имеет намерения добавить что-либо к своему первоначальному заявлению. Она быстро произнесла:

— Значит, вы не учитываете мое предложение проинформировать бизнесменов о воровстве, о воровской тактике Оружейных Магазинов — вы не рассматриваете его, как конструктивное?

Принц так долго молчал, что она резко спросила:

— Ну, да или нет?

Он погладил подбородок, затем устремил на нее прямой взгляд:

— Нет! — ответил он.

Она уставилась на него широко открытыми глазами, так как это было сказано перед всем кабинетом.

— Почему нет? — поинтересовалась она наконец голосом, в который вложила максимум благоразумия. — Это могло бы по крайней мере уменьшить обвинения против нас, что налоги слишком высоки.

— Если это сделает вас счастливее, — с легкой усмешкой ответил принц дель Куртин, — вероятно, не будет вреда в том, чтобы начать такую пропагандистскую кампанию.

Иннелда снова стала холодной.

— Кампания не имеет ничего общего с моим счастьем, — резко сказала она. — Я думаю только о государстве.

Принц дель Куртин молчал, и она смотрела на него пристально, с растущей решимостью.

— Принц, — сказала она серьезно. — Вы и я кровно связаны. Мы хорошие друзья, но у нас имеются резкие разногласия по многим вопросам. Как бы то ни было, сейчас вы намекнули, что я позволяю своим частным интересам влиять на мою ответственность перед государством. Конечно, я всегда считала само собой разумеющимся, что у одного человека не может быть двух лиц, и что каждый его поступок отражает в некоторой степени его убеждения. Что заставило вас вдруг произнести заявление с такими намеками? Ну, я жду.

— Вдруг — не совсем точное слово, — сухо ответил принц. — Больше месяца я сижу здесь, выслушиваю с растущим удивлением ваши нетерпеливые тирады. И я задаю себе один вопрос. Хотите знать, какой?

Женщина заколебалась. Этот ответ начинал беспокоить ее. Она решила:

— Скажите.

— Вопрос, который я задал себе, — сказал принц Куртин, — был: что раздражает ее? К какому решению она пы-

тается прийти? Ответ на него не сразу очевиден. Мы все знаем о вашей одержимости Оружейными Магазинами. Вы всегда готовы потратить огромные суммы правительственных денег на какие-нибудь действия против них. Один такой случай произошел несколько лет назад и стоил столько денег, что за него расплатились только в прошлом году. Затем, несколько месяцев назад, вы начали делать мне загадочные намеки и в конце концов попросили кабинет утвердить большую сумму денег на предприятие, которое вы не назвали ни тогда, ни до сих пор. Внезапно флот был распущен и появилось обвинение Оружейников, что вы скрываете межзвездный двигатель. Мы финансировали контрпропаганду, и дело на этом закончилось, хотя потраченные суммы были колоссальны. Я все же хочу узнать, почему вы сочли необходимым создание стомиллионозарядных энергетических орудий стоимостью один миллиард восемьсот миллионов кредитов каждое? Пожалуйста, поймите меня правильно. Я прошу вас объяснить это. Я заключил из некоторых ваших замечаний, что инцидент благополучно завершился. Остается все же вопрос: почему же вы не удовлетворены? Что было не так? Я решил, что проблема является не внешней, а внутренней, личной, а не политической.

Чувство пустоты возникло внутри Императрицы. Но все-таки она не догадывалась; к чему он ведет. Она поколебалась, но промолчала.

Принц продолжал:

— Иннелда, вам тридцать два года. И вы не замужем. Ходят слухи — простите за упоминание — что вы имеете любовников сотнями, но я знаю достоверно, что эти слухи ложные. Соответственно, говоря прямо, сейчас для вас чертовски подходящее время выйти замуж.

— Не хотите ли вы предложить, — сказала она немного неестественным голосом, — чтобы я созвала всех молодых людей страны, чтобы они совершили подвиги отчаянной храбрости, а я выйду замуж за того, кто сделает лучший сливовый пудинг?

— Это не требуется, — ответил принц спокойно. — Вы уже полюбили.

За столом возникло движение. Улыбки. Дружеские лица.

— Ваше Величество, — начал один из придворных, — это самая лучшая новость, какую я слышал. — Он, должно быть, заметил выражение ее лица, потому что запнулся и замолчал.

Она сказала:

— Принц, я удивлена. И кто же этот счастливый молодой человек?

— Возможно, один из самых ужасных людей, каких я встречал, но очаровывающий своей жизненной силой и вполне достойный вашей руки. Он пришел во дворец около восьми месяцев назад, и вы сразу увлеклись им, но, к несчастью, из-за его прошлой жизни, в политическом смысле, в вашем сознании возник конфликт между естественными желаниями и вашей одержимостью.

Она догадалась теперь, о ком он говорит, и попыталась опередить его:

— Конечно, вы не имеете в виду молодого человека, которого я приказала повесить два месяца назад, но потом помиловала!..

Принц дель Куртин улыбнулся.

— Я признаюсь, что ваши горячие слова немного озадачили меня, но в действительности они просто еще одна грань вашего внутреннего конфликта.

Иннельда холодно ответила:

— Я, кажется, припоминаю, что вы не очень возражали против приговора.

— Я был в замешательстве и, так как я внутренне все же расположен к вашей персоне, ваши аргументы подействовали на меня. Только впоследствии я понял, что к чему.

— Не думаете ли вы, что я была неискренна, отдавая приказ?

Принц пожал плечами и ответил:

— В этом мире люди постоянно уничтожают тех, кого любят. Изредка они даже совершают самоубийства, уничтожая таким образом того, кого они любят больше всего.

— И что это имеет общего с конфликтом, который происходит в моем сознании и из-за которого я стала сама не своя?

— Два месяца назад вы говорили мне, что сообщили капитану Хедруку... — Она непроизвольно напряглась, когда впервые было упомянуто это имя, — ... что вы пригласите его назад во дворец через два месяца. Время прошло, а вы не можете позволить себе сделать это.

— Вы подразумеваете, что моя любовь потускнела?

— Нет, — он был терпелив. — Вы неожиданно поняли, что это приглашение будет поступком более значительным, чем вы представляли себе, когда в первый раз назвали этот срок. Для вас это будет равносильно признанию, что ситуация является именно такой, как я изложил.

Иннельда встала.

— Джентльмены, — сказала она со слабой терпеливой улыбкой. — Все это явилось открытием для меня. Я уверена, что мой кузен желает мне добра, и некоторым образом замужество может явиться очень подходящим для меня. Но я

сознаюсь, что никогда не думала о капитане Хедруке, как о том, кто должен будет слушать мое ворчание весь остаток своей жизни. К несчастью, имеется и другая причина, по которой я не решаюсь выходить замуж, и, таким образом, третий конфликт должен быть добавлен к двум, упомянутым принцем. Я...

— Ваше Величество, Совет Оружейников только что опубликовал заявление в связи с гигантом.

Иннельда села. Она почувствовала смутное потрясение от мысли, что совершенно забыла о безумном титане с его бессмысленной программой уничтожения. Она судорожно ухватилась за край длинного стола.

— Я получу копию позже. В чем суть?

После паузы другой, более низкий голос произнес с пульта связи:

— Только что Советом Оружейников было опубликовано специальное заявление, осуждающее действия стопятидесятифутового гиганта, разрушающего в настоящее время деловые районы городов Денар и Лентон. Оружейники заявляют, что слух о том, будто гигант является машиной Оружейных Магазинов — абсолютно ложный, и они подчеркивают, что сделают все, чтобы помочь пленить гиганта. Как было доложено ранее, гигант...

Она выключила экран быстрым движением пальцев.

— Джентльмены, — сказала она, — я думаю, что вам всем лучше вернуться в свои министерства и оставаться там. Государство в опасности, и на этот раз, — она посмотрела на кузена, — ситуация не является продуктом каких-либо действий с моей стороны. — Она встала. — Всего хорошего, джентльмены.

Как было принято, члены кабинета оставались на своих местах до тех пор, пока она не покинула зал совещаний.

Вернувшись в свои апартаменты, она подождала несколько минут, а затем позвонила принцу дель Куртину. Его лицо появилось на экране почти немедленно, глаза смотрели восторженно.

— Сумасшедший? — спросил он.

— Конечно, нет. Вы лучше знаете. — Внезапно у нее вырвались слова: — Дель, есть какая-нибудь информация о том, чего хочет гигант?

— Он хочет получить межзвездный двигатель.

— О! Тогда это Магазины.

Принц покачал головой.

— Я не думаю так, Иннельда, — сказал он серьезно. — Они опубликовали заявление несколько минут назад, очевидно, решив, что их пропаганда шестью неделями ранее

будет связана с гигантом. Они снова повторили свое требование, чтобы вы отдали двигатель, но отрицают всякую связь с гигантом и еще раз предлагают помочь пленить его.

— Их отрицание кажется смехотворным.

— Иннелда, если этот гигант продолжит разрушение, вы должны будете предпринять что-нибудь еще, кроме обвинений в адрес Оружейных Магазинов.

— Вы придете на завтрак? — спросила она.

— Нет, я собираюсь в Денар.

Она с волнением посмотрела на него.

— Будь осторожен, Дель.

— О, меньше всего я собираюсь быть убитым.

Она внезапно рассмеялась.

— Я уверена в этом. Вы скажете мне потом, что заставило вас отправиться туда.

— Это не секрет. Меня пригласил флот. Я думаю, что они хотят иметь ответственного свидетеля усилий, которые они предпринимают, чтобы их впоследствии не обвинили в недостаточном старании. — Он закончил: — Пока.

— До свидания, — сказала Иннелда и выключила экран.

Она чувствовала себя усталой и поэтому прилегла на часок. И, должно быть, заснула, так как очнулась от звука своего личного пульта связи. Это был принц дель Куртин, выглядевший очень встревоженным.

— Иннелда, ты продолжаешь следить за действиями гиганта?

Она почувствовала внезапную опустошенность. Ей все еще трудно было понять, как такая угроза возникла из ничего, только этим утром, и теперь угрожала самой природе вещей Ишера. Она произнесла наконец:

— Имеется что-то особенное? Я была занята.

— Тридцать четыре города, Иннелда. Хотя только один человек был убит, и то случайно. Но послушай об этом. Это не шутка, это серьезно. Континент начинает закипать, как разворощенный муравейник. Он уничтожает только маленькие предприятия, оставляя нетронутыми большие компании. Волна слухов ходит по этому поводу, и я не думаю, что какая-либо пропаганда поможет. — Он закончил: — Что ты скажешь по поводу спрятанного межзвездного двигателя? Есть в этом какая-нибудь правда?

Она поколебалась:

— Почему ты об этом спрашиваешь?

— Потому, — сказал он мрачно, — что если это правда и если именно поэтому появился гигант, тогда ты лучше начни думать серьезно об официальном раскрытии секрета со всей

возможной любезностью. Ты не сможешь выстоять еще один День Гиганта.

— Мой дорогой, — холодно и решительно произнесла она. — Мы выдержим сотню дней, если понадобится. Если межзвездный двигатель будет создан, Дом Ишеров будет бороться против него!

— Почему?

— Потому, — с убежденной силой сказала она, — что наше население разлетится по всем направлениям. Через двести лет возникнут тысячи новых королевских фамилий и независимых правительств, правящих сотнями планет, объявляя войны, как короли и диктаторы старых времен. И из всех людей они будут сильнее всего ненавидеть древний Дом Ишеров, чье живое присутствие будет делать их громкие претензии смехотворными. Жизнь на Земле станет одной длинной серией войн против других звездных систем. — Она продолжала напряженно: — Может показаться глупым думать о ситуации, которая возникнет лишь через двести лет, но семья, подобная нашей, которая правит непрерывно более сорока семи веков, научилась мыслить в масштабах столетий. Когда-нибудь, когда будет разработан административный метод контроля звездной эмиграции, мы сможем одобрить изобретение такого двигателя. До тех же пор... — Она остановилась, потому что дель Куртин кивал с задумчивым видом.

— Ты права, конечно. Эта мысль не пришла мне в голову. Нельзя допустить такой хаос. Но наше положение становится серьезным, серьезнее с каждым часом, Иннелда. Позволь мне сделать предложение?

— Да.

— Оно может тебя шокировать.

Крошечная морщинка появилась на ее лбу.

— Продолжай.

— Ладно, слушай. Оружейным Магазином на руку деятельность гиганта, и в то же самое время они осуждают гиганта. Давай, используем это.

— Что ты имеешь в виду?

— Позволь мне вступить в контакт с ними. Мы должны обнаружить людей, стоящих за этим гигантом.

— Ты подразумеваешь, работать вместе с ними? — Она почти кричала. — После трех тысяч лет вражды Императрица Ишер просит помощи Оружейников? Никогда!

— Иннелда, гигант в данный момент уничтожает город Лэйксиди.

— О!

Она замолчала. В первый раз она почувствовала испуг.

Великолепный Лэйксиди, второй после Столицы город по красоте и богатству. Она попыталась представить сверкающего гиганта, сокрушающего прекрасный город. И медленно кивнула в знак согласия. Больше не было никаких сомнений — за один короткий день гигант стал наиболее важным фактором в развороченном муравейнике Империи.

Затем она заколебалась.

— Принц!

— Да?

— Капитан Хедрук оставил мне адрес. Попробуйте связаться с ним и попросите его явиться во дворец вечером, если возможно.

Кузен долго смотрел на нее, потом сказал просто:

— Какой адрес?

Она дала адрес, затем села, заставив себя расслабиться. Она вдруг поняла, что приняла два важных решения.

Было без пяти минут пять, когда автоматически перетранслированное сообщение от Императрицы достигло Хедрука. Просьба, чтобы он явился во дворец, испугала его. Трудно было поверить, что Иннельда уже запаниковала насчет будущего Дома Ишеров.

Он закончил свою разрушительную кампанию и вернулся в тайную лабораторию. Прибыв туда, он настроился на секретную волну Совета Оружейников или, скорее, на волну, которую они считали секретной, и, изменив голос, сказал:

— Члены Совета Оружейников, я уверен, что вы уже поняли, какое большое преимущество для ваших собственных целей дает то, что делают гиганты...

Хедруку казалось, что он должен подчеркнуть существование более чем одного гиганта. Оружейные Магазины слишком хорошо знали, что нормальное человеческое существо платит пятью годами жизни за каждые тридцать минут в увеличенном состоянии. Он продолжал настойчиво:

— Гигантам нужна немедленная помощь. Оружейники должны продолжить дело, послав добровольцев играть роль гиганта по пятнадцать минут или полчаса. Они не должны разрушать, но их присутствие даст эффект непрерывности. Также важно, чтобы Магазины возобновили в полную силу пропаганду с целью заставить Императрицу выдать секрет межзвездного двигателя. Важно, чтобы первый гигант появился уже этим вечером. Ради всего человечества, не отказывайтесь!..

Он все еще был в своем укрытии, когда появился первый из гигантов, настолько быстрым был отклик. Даже слишком быстрым. У Оружейников уже имелись частные планы, и у Хедрука не было сомнений, что эти планы включают раск-

рытие личности, которой удалось узнать их секреты. Он даже готов был поверить, что они знают, кто это.

Соответственно, настала необходимость использовать одно из его тайных изобретений. Следующие двенадцать часов будут решающими, и самым главным вопросом было, позволят ли ему паукообразные существа использовать это время.

ГЛАВА 14

Бесконечная улица, знаменитая Авеню Счастья мерцала, как огромная драгоценность, когда Гениш проходил по ней. Миля за милей драгоценностей, расплывающихся в отдалении в разноцветную дымку. Вывески зазывали сияющим светом реклам:

ПОБЕДИ ФОРТУНУ
придешь с десятью кредитами
— уйдешь с миллионами

ДВОРЕЦ АЛМАЗОВ
10000 алмазов в сверкающем интерьере
ИСПЫТАЙ СВОЕ СЧАСТЬЕ СРЕДИ АЛМАЗОВ

И множество других таких же вывесок, пока Гениш шел дальше:

РУБИНОВЫЙ ДВОРЕЦ —
ЗОЛОТОЙ ДВОРЕЦ —
ИЗУМРУДНЫЙ ДВОРЕЦ —

Среди менее красочных сооружений. Наконец, он пришел к своей цели:

ИМПЕРИЯ СЧАСТЬЯ
ставки хоть пять пенни
без ограничений

А-человек помедлил, мрачно улыбаясь. Хорошо, что Императрица выбрала для свидания место, где развлекалась масса народа. Он должен узнать от нее, где находится Хедрук, вытянуть эту информацию из нее и сохранить при этом свою жизнь.

Гениш рассматривал толпы молодых людей, которые входили и выходили из грохочущего здания. Их смех, звонкие молодые голоса усиливали великолепие сверкающей ночи.

Все казалось нормальным, но он стоял с привычным терпением, приглядываясь к лицам, которые двигались мимо, оценивая характеры праздношатающихся по выражению их лиц, и вскоре разобрался в ситуации. Тротуары кишели агентами Императорского Правительства.

Гениш постоял угрюмо. Совет Оружейников настаивал, чтобы место встречи были публичным. Конечно, понятно, что правительственной секретной полицией будут приняты все меры предосторожности и что Ее Величество не слишком желает, чтобы стало известно о ее контактах с Оружейными Магазинами — через такое короткое время после появления гиганта. Встреча была назначена на 20.30. Сейчас было — Гениш взглянул на часы — ровно 19.55.

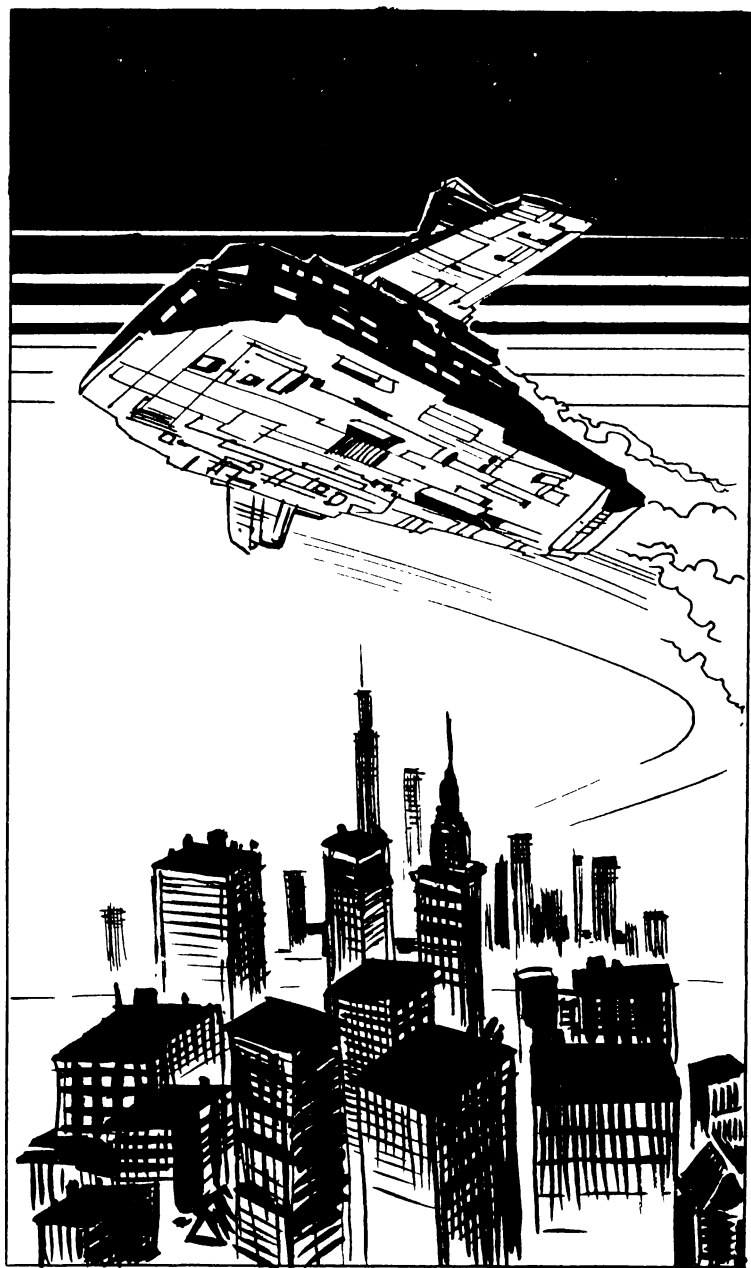
Он остановился, где был, с растущим чувством тяжести на душе из-за того, что его долгом было попытаться поймать в ловушку Хедрука. Судя по его сообщению, именно он был человеком, стоящим за гигантом. Это выглядело абсолютно убедительно и, как казалось Генишу, полностью оправдывало страхи Совета. Хедрук показал своими действиями, что он очень опасен, и поскольку он не сделал никаких попыток объяснить свои цели, когда для этого была возможность, он должен был считаться виновным согласно приговору.

Было немыслимо, чтобы человеку, обладающему основными секретами Оружейных Магазинов, можно было позволить оставаться на свободе. И если, как считал Совет, Императрица знает, где он находится, эта информация должна быть хитроумно извлечена во время встречи, которую она сама же предложила. Его друг Хедрук должен умереть. А пока он лучше зайдет внутрь и оглядится.

Внутренние помещения здания искрились садами, фонтанами и механическими играми. Оно казалось больше, чем выглядело снаружи и было заполнено тысячами мужчин и женщин. Многие женщины были в масках. Гениш кивнул сам себе с пониманием. Императрица будет просто еще одной женщиной в маске. Он остановился перед игрой, которая казалась вся объятай пламенем. Струя неистово сверкающих чисел окружала бархатную черноту широкого стола.

А-человек задумчиво пронаблюдал несколько розыгрышей, пытаясь каждый раз проникнуть в общую структуру игры сверхтренированными способностями своего мозга. Наконец, он поставил на десять кредитов на три номера. Огонь замедлил свое вращение и стал сверкающей колонкой цифр, одна над другой. Крупье объявил: 74, 29, 86.

Пока Гениш собирал свои пятьсот десять кредитов, крупье пристально смотрел на него.

— Скажу, — произнес он удивленным голосом, — что только второй раз с тех пор, как я за этим столом, кто-то выиграл на все три номера!

А-человек улыбнулся.

— Не обращайтесь внимания, — мягко сказал он и разочарованно пошел дальше. Он чувствовал удивленный взгляд крупье, сверливший его спину.

Гениш хотел найти игру, исход которой он не смог бы предугадать своими специфическими способностями. И только почти через двадцать пять минут он нашел такую. Он подошел к огромной машине с шарами и рядом колес. Шестидесят шаров, все пронумерованные, начинали скатываться с верхнего колеса и по мере того, как колеса вращались, опускались постепенно вниз, с колеса на колесо; чем дальше спускался шар, тем больше он оценивался, но только немногие достигали самого конца.

Наиболее притягательным свойством этой игры, решил Гениш, было напряжение при наблюдении за спуском своего шара все ниже и ниже — с неостывающим интересом и надеждой до самой последней секунды. Но игра оказалась очень простой. Шар Гениша опустился ниже всех четыре раза подряд. Гениш сложил в карман выигрыш и подошел, наконец, к игре, представляющей из себя шар из секторов черного и белого цвета. Два цвета сливались в один вращающийся луч, который выходил или весь белый, или весь черный. Требовалось угадать, какого цвета луч появится из шара.

Ни разу Гениш не был полностью уверен. Наконец, он сделал первую ставку на рискованное предположение, что белый цвет является символом чистоты. Белый проиграл. Он посмотрел, как исчезли его монеты, и решил забыть про чистоту. Черный проиграл.

Позади него прозвенел мелодичный женский смех.

— Я надеюсь, мистер Гениш, что с гигантом у вас получится лучше, чем с этим. Но, пожалуйста, пройдем в частную комнату.

Гениш обернулся. За ним стояли трое мужчин и женщина. Одним из мужчин был принц дель Куртин. Лицо женщины даже под маской казалось удлинненным, а сам рот безошибочно выдавал принадлежность Ишерам. Ее глаза через щели маски мерцали зеленым светом, а знакомый золотой голос завершил процесс узнавания.

А-человек низко поклонился и сказал:

— Конечно, я готов.

Они прошли в молчании в роскошно обставленную задранированную комнату и сели. Гениш начал первым — с во-

просов, которые он хотел задать. Было странно, что случайное упоминание Хедрука не получило никакого отклика. Это удивило. Гениш откинулся назад, изучая лица трех мужчин и женщины, внутренне встревоженный. Наконец, он сказал очень осторожно:

— У меня такое чувство, что вы утаиваете информацию.

Он подумал, что вряд ли они делали это сознательно. И они, вероятно, не подозревали, что Хедрук сделал попытку отрицания.

— Я заверяю вас, мистер Гениш, что вы ошибаетесь. Мы четверо обладаем всей информацией, касающейся гиганта. И конечно, любой ключ, который может обернуться указанием на его личность, находится, вероятно, где-то в наших умах. Вам нужно только задавать соответствующие вопросы, и мы ответим.

Это убеждало, и, хотя он все еще раздумывал, появилась возможность, несмотря на опасность, раскрыть все карты. Гениш произнес медленно:

— Вы ошибаетесь, считая себя единственными надежными источниками информации. Существует человек, возможно, величайший из живущих, экстраординарные способности которого мы, Оружейники, только начали оценивать. Я говорю о Роберте Хедруке, капитане армии Вашего Величества.

К удивлению Гениша Императрица наклонилась вперед, к нему. Ее взгляд был пристальным, глаза блестели, губы приоткрылись.

— Вы имеете в виду, — прошептала она, — что Оружейные Магазины считают Роберта — капитана Хедрука — одним из самых великих людей в мире?

Не ожидая ответа, она повернулась к принцу дель Куртину.

— Вы видите, — сказала она, — вы видите!

— Спокойнее, Ваше Величество, мое мнение о капитане Хедруке всегда было высоким.

Женщина, снова взглянув на Гениша, произнесла странно официальным тоном:

— Я прослежу, чтобы капитану Хедруку было сообщено о вашем срочном желании поговорить с ним.

Она знала! Он понял это. Что касается остального — Гениш с сожалением откинулся на спинку своего кресла. Она сообщит Хедруку, не так ли? Он мог представить Хедрука, с усмешкой получающего это сообщение.

Гениш медленно выпрямился. Его положение становилось

отчаянным. Весь мир Оружейных Магазинов ждал результатов этой встречи. А он пока ничего не добился.

Не было сомнений, что эти люди хотят избавиться от гиганта, в то время как Оружейные Магазины должны были схватить Хедрука. Ирония положения заключалась в том, что смерть Хедрука одновременно разрешила бы обе проблемы. Гениш с усилием выдавил улыбку и сказал:

— Вы, кажется, знаете что-то, касающееся Хедрука. Могу я спросить, что?

К его удивлению, этот вопрос вызвал недоумение на лице принца дель Куртина.

— Я думал, — ответил он вежливо, — что вы с вашим умом способны сложить два и два вместе. Неужели из всех людей Солнечной Системы ВЫ один не знаете, что случилось сегодня вечером? Где вы были в 15.45?

Гениш недоумевал. Желая, чтобы его мозг отдохнул перед встречей, он рано прибыл в Столицу. В 15.35 он зашел в маленький ресторанчик. Выйдя оттуда через полтора часа, он посетил спектакль, который закончился в 18.53. С этого времени он бродил по улицам, игнорируя новости. Он ничего не знал. Невероятно, половина мира могла быть уничтожена, а он не знал об этом.

Принц дель Куртин снова заговорил:

— Правда, личность человека в таких ситуациях по традиции скрывается, но...

— Принц!

Это был голос Императрицы. Мужчины посмотрели на нее. Она продолжала более сурово:

— Не говорите больше ничего. Здесь что-то не так. Все эти вопросы о капитане Хедруке имеют скрытый смысл. Они только частично касаются гиганта.

Она, должно быть, поняла, что ее предупреждение опоздало. Императрица замолчала и посмотрела на Гениша. И в ее глазах он прочитал жалость.

До этого момента он никогда не рассматривал Императрицу Ишер, как человека. Гениш резко поднял руку к своему рту, загнул рукав и громко произнес в крошечный передатчик, который был прикреплен там:

— Капитан Хедрук находится в личных апартаментах Императрицы...

Они оказались быстрыми, эти трое мужчин. Они навалились на него одним согласованным порывом. Но Гениш не оказывал сопротивления, спокойно подчинившись аресту. Спустя мгновение он почувствовал облегчение от того, что он, принужденный долгом предать своего друга, тоже теперь должен умереть.

ГЛАВА 15

Разрушения состояли из пролома в основной коридор дворца и из зияющих дыр от ударов энергии вдоль коридора, где происходила битва.

За спиной Императрицы принц дель Куртин с волнением заметил:

— Вам нужно пойти немного поспать, Ваше Величество. Уже четыре часа ночи, и, так как Оружейники не ответили на наши повторные вызовы, больше ничего нельзя сделать сегодня для вашего мужа, капитана Хедрука.

Она безразлично махнула рукой, в ее голове была одна мысль, хотя настолько резкая, что, казалось, обладала физической тяжестью, так болезненно было ее присутствие. Она должна вернуть его, неважно какой ценой, она должна вернуть Хедрука назад!

Когда Хедрук объявился вчера в шесть часов утра, ее разум уже успокоился. Она думала о своем решении, как о чисто логическом следствии необходимости позаботиться о наследнике Ишеров. Фактически, конечно, она не думала ни о ком, кроме Хедрука, как о будущем отце ее ребенка. При первой встрече восемь месяцев назад он спокойно заявил, что пришел во дворец с единственной целью — жениться на ней. Это удивило, затем рассердило и даже разгневало ее, но поставило Хедрука в особую категорию, как единственного мужчину, который когда-либо просил ее руки. Причина была ясна, и она иногда остро чувствовала несправедливость ситуации для других мужчин, которые могли иметь такие же чувства или желания. Придворный этикет запрещал подобное. По традиции она должна была первой затронуть этот вопрос. Но она никогда не делала этого.

В конечном итоге она все время думала только о мужчине, который сам сделал ей предложение, и вчера он пришел в ответ на ее срочный вызов и немедленно согласился жениться. Церемония была простой, но публичной. Публичной в том смысле, что она произнесла свои клятвы перед экраном, чтобы весь мир мог видеть ее и слышать ее слова. Имя Хедрука не упоминалось, и он не появился рядом с ней. Его представили просто как «выдающегося офицера, заслужившего признание Ее Величества». Он был только супругом-консортом и, как таковой, должен был оставаться в тени.

Только Ишеры имели значение — мужчины и женщины, с которыми они связывали судьбу, оставались частными персонами. Это был закон, и она никогда не считала его в чем-нибудь неправильным. Так же, как и сейчас, — но

уже почти десять часов она была женой, и ее мозг и метаболизм перестроились. Мысли, которые возникали у нее, никогда раньше не появлялись. Удивительные мысли о том, что она должна теперь выносить ребенка избранного мужчины, воспитать его, и как должен быть перестроен дворец, чтобы ребенок смог здесь жить. Сегодня вечером она рассказала мужу о назначенной встрече с Эдвардом Генишем и ушла с памятью о странном выражении, появившемся в его глазах. И теперь эти разрушения, только усиливающие чувство, что Хедрука нет, что он вырван из самого сердца Империи старыми врагами. Она слышала, как придворный канцлер перечислял список предосторожностей, которые были приняты, чтобы предотвратить утечку информации о нападении на дворец.

Запрещено было публиковать любую информацию, с каждого свидетеля была взята клятва молчания под страхом строгого наказания. На рассвете ремонтные работы будут закончены, поэтому любая появившаяся история будет казаться голословным слухом и будет осмеяна.

«Все правильно, — подумала она. — Иначе престижу Дома Ишеров может быть нанесен сокрушительный удар. Успех цензуры я вознагражу потом, но сейчас главное для меня — вернуть Хедрука назад».

Медленно она оправилась от своего мрачного настроения. Ее разум очнулся от погружения в свои мысли и стал более внимательным к окружающему. Она подумала: «Самое важное — установить, что именно случилось, а потом — действовать». Нахмурившись, она осмотрела изуродованные стены коридора. Ее зеленые глаза вспыхнули, когда она сказала с оттенком привычной иронии:

— Судя по наклонам лучевых ударов, все эти повреждения сделаны нашей стороной, за исключением первоначального пролома в стене.

Один из офицеров мрачно кивнул.

— Они пришли только за капитаном Хедруком. Они использовали особые парализующие лучи, которые опрокинули наших солдат, как кегли. Люди затем очнулись без всяких вредных последствий, как и генерал Гролл после того, как капитан Хедрук заставил его, казалось, умереть от сердечного приступа на ленче два месяца назад.

— Но что произошло? — потребовала она резко. — Приведите мне кого-нибудь, кто хоть что-то видел. Капитан Хедрук спал, когда началась атака?

— Нет, — осторожно ответил офицер. — Нет, Ваше Величество, он был внизу, в подвале дворца.

— Где?

Офицер неуверенно продолжал:

— Ваше Величество, как только вы покинули дворец, капитан Хедрук... ваш супруг...

Она сказала нетерпеливо:

— Зовите его принцем Хедруком, пожалуйста.

— Да, Ваше Величество. Принц Хедрук спустился вниз, в подвалы одного из старых зданий, удалил часть стены...

— Что он сделал? Нет, продолжайте!

— Хорошо, Ваше Величество. Естественно, учитывая его новое положение, наша охрана оказала ему всяческую помощь в удалении секции металлической стены и переноске ее к лифту и далее, в этот коридор.

— Правильно, естественно.

— Солдаты сказали мне, что секция стены не имела веса, но оказывала сопротивление движению. Она была около двух футов шириной и шести с половиной футов длиной, и когда принц Хедрук вступил внутрь ее, он исчез, но затем появился снова.

— Когда он что?.. Полковник, о чем вы говорите?

Офицер поклонился.

— Простите мою сбивчивость мадам. Я не видел всего этого, но я сложил различные рапорты. Мой разум, конечно, настаивает на том, что самым важным является то, что я сам видел. Я реально видел его входящим в ту секцию стены, исчезновение и возвращение минуту спустя...

Императрица стояла растерянно. Она была уверена, что в конце концов узнает всю историю, но сейчас она казалась непостижимой, похороненной в мешанине фраз, не имеющих смысла. Капитан Хедрук спустился в подвал глубоко под дворцом, удалил секцию стены, а что потом?

Она резко встала и задала этот вопрос. Полковник ответил:

— А затем, Ваше Величество, он вернулся во дворец и стоял, ожидая.

— Это было перед первой атакой?

Офицер покачал головой.

— Во время ее. Он был еще в подвалах, когда стена была проломлена огнем боевого корабля Оружейных Магазинов. Я лично предупредил его, как начальник дворцовой охраны, что случилось, предупреждение только заставило его потопиться наверх, где его и схватили.

На короткое время она опять почувствовала себя беспомощной. Описание казалось достаточно ясным. Но оно не имело смысла. Хедрук должен был знать, что что-то произойдет, так как он намеренно пошел в подвал после ее отъезда на встречу с Эдвардом Генишем. В этой части все было пра-

вильно и указывало на какой-то план. Станным было то, что он поднялся наверх прямо перед глазами вооруженных сил Оружейных Магазинов и дворцовой охраны, использовал секцию стены, чтобы переправить себя куда-то, что, как было известно, могут делать Оружейники. Но вместо того, чтобы остаться там, он вернулся и позволил взять себя в плен. Наконец, она спросила растерянно:

— А что случилось со... стеной?

— Эта секция сгорела сразу после того, как принц Хедрук предупредил советника Оружейных Магазинов Питера Кадрона, который возглавлял атакующих.

— Предупредил... — Императрица повернулась к принцу дель Куртину. — Принц, возможно, вы сможете узнать что-нибудь более осмысленное?

Принц ответил спокойно:

— Мы все устали, Ваше Величество. Полковник Низон был на ногах всю ночь.

Он подошел к покрасневшему полковнику.

— Полковник, как я понял, орудия Оружейников сделали пролом во внешней стене в конце коридора. Затем один из кораблей подлетел ближе и высадил людей в коридор, людей, нечувствительных к огню наших войск — правильно?

— Абсолютно, сэр.

— Они возглавлялись Питером Кадронам из Совета Оружейников, и когда они достигли определенной точки коридора, там стоял, ожидая их, принц Хедрук. Он и принес с собой своего рода электронный щит размером шесть на два фута из тайника в подвалах. Он стоял позади него, дожидаясь, пока все не смогут видеть его действия, затем ступил внутрь экрана и исчез. Экран продолжал оставаться на месте, очевидно, удерживаемый скрытым механизмом. Через минуту после своего исчезновения принц Хедрук вышел назад из щита и, обернувшись к людям Оружейных Магазинов, предупредил Питера Кадрона.

— Это правильно, сэр.

Офицер произнес ровно:

— Он спросил советника Кадрона, помнит ли тот законы Оружейных Магазинов, запрещающие любое вторжение, независимо от причин, в место расположения Императорского Правительства, и предупредил, что Совет Оружейников, весь в целом, пожалеет о своем своевольном поступке и что их надо научить помнить о том, что они являются только одной из двух граней цивилизации Ишер.

— Он сказал это! — Ее голос прозвучал страстно, глаза вспыхнули. Она повернулась к дель Куртину. — Принц, вы слышали это?

Принц поклонился, затем обернулся снова к полковнику Низону.

— Мой последний вопрос. По вашему мнению, дал принц Хедрук какое-нибудь доказательство, что он способен выполнить свою угрозу против Оружейников?

— Нет, сэр. Я мог сам застрелить его с того места, где я стоял. Физически он был, и я признаю это, совершенно в их власти.

— Благодарю вас, — сказал принц, — это все.

Таким образом, оставался факт, что она должна спасти капитана Хедрука. Она ходила взад и вперед. Наступил рассвет, серый свет проник через огромное окно ее апартаментов. Она заметила, что принц дель Куртин с волнением наблюдает за ней, и замедлила шаги:

— Я не могу поверить в это. Я не могу поверить, что капитан Хедрук может сказать такие вещи из пустой бравады. Возможно, что существует какая-нибудь организация, о которой мы ничего не знаем. В самом деле... — Она посмотрела на него. — Принц, — произнесла она напряженным голосом. — Он говорил, мне, что никогда не был и никогда не будет человеком Оружейных Магазинов!

Дель Куртин нахмурился.

— Иннельда, — сказал он сочувственно, — ты напрасно взвинчиваешь себя. Вряд ли что-нибудь в этом роде действительно существует. Человеческие существа, какими бы они ни были, рано или поздно демонстрирует власть, которой могут обладать. Это закон — такой же точный, как закон гравитации. Если бы такая организация существовала, мы узнали бы об этом.

— Мы, наверное, что-нибудь упускаем. Подумайте об этом. — Ее голос дрожал. — Он пришел, чтобы жениться на мне, и он победил. Это показывает масштаб организации. А эта секция стены, которую он удалил из подвала — как она попала туда? Объясните это.

— Но, — бесстрастно сказал принц, — Ишеры совершенно естественно являются смертельными врагами любой секретной организации, которая может существовать!

— Ишеры, — ответила женщина ледяным тоном, — научились считать себя человеческими существами и узнали, что мир слишком велик, чтобы один разум или даже несколько могли понять его во всей полноте.

Они смотрели друг на друга, два человека с натянутыми как струна нервами. Императрица заговорила первая:

— Кажется достоверным, принц, что вы и я, будучи почти братом и сестрой, чуть не поссорились. Я сожалею.

Она шагнула вперед и дотронулась до его руки. Он взял

се руку в свои и, склонившись к ней, поцеловал. На его глазах были слезы, когда он вновь поднял голову.

— Ваше Величество, — хрипло произнес он, — я прошу вашего прощения. Я должен был помнить об испытании, которому вы подверглись. Вам нужно только приказать. Мы сильны. Биллион людей встанут в строй по вашей команде. Мы можем пригрозить Оружейным Магазинам глобальной войной. Мы можем уничтожить всех, кто имеет с ними дело. Мы можем...

Она безнадежно покачала головой.

— Мой дорогой, вы не понимаете, что говорите. Мы живем в то время, которое в других условиях было бы революционным. Повсюду развелось зло: эгоистичная администрация, продажные суды и хищная промышленность. Каждый класс имеет свои собственные аморальные черты, которые не в состоянии контролировать никакая личность. Жизнь сама правит миром, мы только свидетели. До сих пор наша чудесная наука, сложная система законов и... — Она поколебалась, затем нехотя продолжила: — ...существование Оружейников, как стабилизирующий фактор, предотвращали открытый взрыв. Но еще, по крайней мере, поколения мы не должны раскачивать лодку. Я рассчитываю, в частности, на новый метод интеллектуального воспитания, недавно опубликованный Оружейными Магазинами, который усиливает моральные качества наряду со всеми достоинствами других методов. Как только мы освободимся от угрозы организации, стоящей за гигантами, мы...

Она замолчала, испуганная выражением, появившимся на худошавом лице принца. Она прошептала, широко раскрыв глаза:

— Это невозможно. Он... он не может быть... гигантом. Подождите... подождите, ничего не делайте. Мы можем доказать это...

Императрица быстро подошла к своему личному пульту связи и произнесла усталым ровным голосом:

— Приведите заключенного Эдварда Гениша ко мне.

Пять минут он стояла, не двигаясь, пока дверь не открылась и не ввели Гениша. Стража удалилась по ее команде. Она уже достаточно успокоилась, чтобы задавать вопросы.

А-человек охотно отвечал ей.

— Я не понимаю природы электронного щита, через который, как вы говорите, он исчез, но да, Ваше Величество, капитан Хедрук является одним из гигантов или, — он поколебался, затем добавил медленно, — или же — эта мысль только что появилась у меня — единственным гигантом.

Значение колебания не ускользнуло от нее. Она спросила:

— Но почему тогда он хотел жениться на женщине, чью Империю он пытается разрушить.

— Мадам, — спокойно ответил Гениш, — мы сами только два месяца назад обнаружили, что капитан Хедрук обманывает Оружейные Магазины. Это произошло благодаря случайному открытию сверхисключительного уровня его интеллекта, показавшего, что он — человек, для которого династия Ишер и Оружейники представляют только средства для достижения цели. Что это за цель, я только начинаю подозревать. Если вы ответите мне на несколько вопросов, я буду способен рассказать, кто такой капитан Хедрук, или, скорее, кем он был! Я говорю «был» из необходимости. Я с сожалением сообщаю, что Оружейники намеревались допросить его в специально сконструированном помещении и немедленно казнить.

В комнате воцарилась тишина. Способность ее разума к потрясениям иссякла. Она стояла холодная и немая. Наконец, она заметила рассеянно, что А-человек представлял собой крайне яркую внешне личность. Она изучала его некоторое время, затем забыла о его внешности, когда он снова заговорил:

— Я имею, конечно, всю информацию о капитане Хедруке, которая известна Оружейникам. Мои поиски привели к удивительным проблемам. Но если подобные темные пятна действительно существуют в анналах Ишера, то я думаю, что секция стены, которую Хедрук удалил в подвале, является окончательным доказательством. Но позвольте мне сперва спросить: имеется ли какая-нибудь картина или фильм... любая физическая запись, относящаяся к супругу Императрицы Ганиэли?

— Нет! — Ее разум был ошеломлен почти до головокружения невероятной догадкой. Она произнесла сбивчиво: — Мистер Гениш, он говорил мне, что за исключением моих темных волос, я напоминаю ему о Ганиэли...

А-человек мрачно поклонился.

— Ваше Величество, я вижу, что вы уже почти допустили существование невозможного. Я хочу, чтобы вы припомнили как можно дальше вглубь прошлого историю вашей династии и вспомнили — чьи исторические записи утеряны, мужей Императриц или Императоров?

— Это, в основном, мужья Императриц, — задумавшись, сказала она. — Именно так началась традиция, что супруг должен оставаться в неизвестности. — Она нахмурилась. — Насколько я знаю, был только один Император, изображение которого, портрет или фильм, отсутствует. Это можно понять. Как первый в династии, он...

Она остановилась, уставившись на Гениша.

— Вы сошли с ума? — слабо прошептала она. — Вы сошли с ума?

А-человек покачал головой.

— Вы можете считать теперь это интуитивным решением задачи. Вам известны мои способности. Я беру факт там, факт здесь, и как только я наберу приблизительно десять процентов необходимых данных, ответ приходит сам собой. Они называют это интуицией, но фактически это просто способность мозга сопоставлять десятки тысяч фактов в одно мгновение и заполнять логикой любую брешь, которая может существовать.

Одним из фактов в данном случае является то, что зарегистрировано не менее двадцати семи важнейших исторических записей, пропущенных в хрониках Оружейных Магазинов. Я сосредоточил свое внимание на косвенных описаниях: в числе прочего полностью совпадала степень интеллекта. — Он закончил: — Вы, может быть, не знаете этого, но так же, как первый и величайший из Ишеров — одно лишь имя, так и наш основатель — Уолтер С. де Лани — это только имя без лица.

— Но кто он? — спросил принц Дель Куртин недоуменно. — Очевидно, где-то в роду этого человека возникло бессмертие?

— Нет, он получил его искусственно. Если бы оно возникло естественно, то повторилось бы много раз за эти столетия. И, должно быть, это было чистой случайностью и больше не повторялось, так как все, что этот человек когда-нибудь говорил и делал, показывает неизменную и терпеливую заботу о благополучии человеческой расы.

— Но, — сказал принц, — что он пытается сделать? Почему он женился на Иннельде?

На мгновение Гениш замолчал. Он пристально посмотрел на женщину. Она — на него, щеки ее покраснели. Наконец, она кивнула, и Гениш сказал:

— Ну, он пытался поддержать Ишер настоящими Ишерами. Он верит в свою собственную кровь и он прав, как доказывает история. Например, вы оба только отдаленно напоминаете Ишеров. Ваша кровь так разбавлена, что ваше родство капитану Хедруку вряд ли может считаться родством. Хедрук заметил мне как-то, что Императоры Ишер склонны жениться на ярких и немного неуравновешенных женщинах и что это периодически ставило под угрозу династию. Именно Императрицы всегда спасали семью, выходя замуж за уравновешенных, трезвых и способных мужчин.

— Предположим... — произнесла женщина задумчи-

во, — предположим, мы сделаем предложение обменять вас на него...

Гениш пожал плечами.

— Вы, вероятно, получите его труп.

Ее бросало то в жар, то в холод, но краткая лихорадка немного успокоила ее, сделала более отстраненной от эмоций.

— Предположим, я предложу межзвездный двигатель?

Ее настойчивость, казалось, удивила Гениша. Он отступил на шаг и уставился на нее.

— Мадам, — сказал он, — я не могу предоставить вам ни того или иного интуитивного решения, ни даже какой-либо логически оправданной надежды. Я могу признаться, что озадачен электронным щитом, но я абсолютно не догадываюсь, что бы это могло быть или чем это могло бы помочь ему. Что бы он ни сделал в те минуты, когда скрылся внутри щита, это, насколько я знаю, не поможет ему ускользнуть через непроницаемую броню боевого крейсера Оружейных Магазинов или стены металлической комнаты, куда он будет помещен. Вся наука Оружейников и Империи Ишер против него.

— Предположим, он расскажет им правду?... — сказал принц дель Куртин.

— Никогда! — вспыхнула женщина. — Это было бы унижением. Ни один Ишер не подумает о такой вещи!

Гениш вздохнул:

— Ее Величество права, но это не единственная причина. Я не буду объяснять, но даже вероятности признания не существует.

Она почти не слышала его слов, когда, повернувшись к своему кузену, выпрямилась с высоко поднятой головой. Она сказала ясно и твердо:

— Продолжайте попытки связаться с Оружейниками. Предложите им Гениша, межзвездный двигатель и легально признание, включая систему, при которой сосуществуют вместе их суды и наши — все это в обмен на капитана Хедрука. Они будут безумцами, если откажутся.

Затем она заметила, что А-человек продолжает угрюмо смотреть на нее.

— Мадам, — произнес он печально, — вы, очевидно, не обратили внимание на мое предыдущее заявление. Совет Оружейников намеревался убить его в течение максимум одного часа. Учитывая его предыдущий побег, это намерение должно быть выполнено неукоснительно. Величайшая в истории человеческая биография закончена. И, мадам...

А-человек снова внимательно взглянул на нее.

— Для вас это тоже к лучшему. Вы знаете так же хорошо, как и я, что не можете иметь детей.

— Молчите! — Ее голос был хриплым от сдерживаемой ярости. — Принц, верните этого человека в его камеру. Он становится нестерпимым, и я запрещаю вам обсуждать своего правителя с ним.

Принц поклонился.

— Как Ваше Величество прикажет, — холодно ответил он и повернулся. — Идемте, мистер Гениш.

Она подумала, может ли ее потрясти еще что-нибудь. Она стояла посреди своего разрушенного мира, в котором было только одно — одиночество. Прошли долгие минуты, прежде чем она поняла, что сон сможет облегчить ее боль.

ГЛАВА 16

Комната, куда поместили Хедрука, напоминала скорее металлическую пещеру.

Он стоял посередине с иронической улыбкой на лице, а Питер Кадрон наблюдал за ним.

Пусть они удивляются и сомневаются. Однажды они застали его врасплох неожиданным арестом. На этот раз он хорошо подготовился к нему. Его взгляд смело блуждал по лицам двадцати девяти человек, рассеявшихся вокруг U-образного стола, который Совет Оружейников использовал при своих собраниях. Он молча ждал, пока начальник охраны не доложил, что пленник лишен всех колец, что его одежда заменена, а его тело подвергнуто просвечиванию и найдено нормальным, что скрытого оружия не обнаружено.

Изложив это, командир и охрана удалились, но Хедрук все еще ждал. Он улыбнулся, когда Питер Кадрон объяснил причину предосторожностей, а затем медленно, спокойно шагнул вперед и встал перед открытым концом U-образного стола. Он видел, что глаза всех присутствующих направлены на него. Некоторые глядели удивленно, некоторые ожидающе, некоторые просто враждебно. И все, казалось, ждали, когда он заговорит.

— Джентльмены, — произнес Хедрук своим звонким голосом, — я собираюсь задать один вопрос. Знает ли кто-нибудь из присутствующих, где я был, когда прошел через тот щит? Думаю, нет, иначе я был бы сразу же освобожден.

Наступило молчание. Мужчины смотрели друг на друга.

— Я скажу, — произнес молодой Ансил Каре, — что чем скорее будет произведена казнь, тем лучше. Сейчас его горло

может быть перерезано, он может быть задушен, пуля может раздробить ему голову, бластер может распылить его на молекулы. Его тело не защищено — если нужно, мы можем даже забить его до смерти. Мы знаем, что все это может быть сделано в данный момент, но мы не уверены, учитывая его странное заявление, что это может быть сделано через десять минут. — Молодой советник встал. — Джентльмены, давайте действовать сейчас!

Аплодисменты Хедрука прервали тишину, последовавшую за этими словами.

— Браво, — сказал он, — bravo. Такой хороший совет заслуживает, чтобы его выполнили. Доставайте ваши бластеры и стреляйте, поднимите свои кресла и обрушьте их на меня, прикажите принести ножи и пригвоздите меня к стене. Не имеет значения, что вы сделаете, джентльмены, ибо вы будете потрясены. — Его глаза похолодели. — И заслуженно, к тому же.

— Подождите! — Его громоподобный голос прервал попытку Дима Лили что-то сказать. — Я говорю! Это суд над Советом, не надо мной. Он все еще может заслужить снисхождение за свои преступные действия в Императорском дворце, если признает сейчас, не усугубляя вины, что нарушил свои собственные законы.

— В самом деле, — вмешался наконец один из советников. — Это сверх всякого терпения!

— Пусть он говорит, — сказал Питер Кадрон. — Мы можем многое узнать о мотивах его поступков.

Хедрук мрачно поклонился.

— Несомненно, узнаете, мистер Кадрон. Мои мотивы всецело касаются действий этого Совета, приказавшего атаковать дворец.

— Я могу понять, — усмехнулся Кадрон, — ваше раздражение, что Совет не посчитался с правилом более чем трехтысячелетней давности, когда вы, очевидно, рассчитывали на него. И соответственно, чувствовали себя в безопасности.

Хедрук ответил ровно, не повышая голоса:

— Я не рассчитывал на правило. Мои коллеги и я... — он счел полезным еще раз упомянуть, что он был не один, — ...заметили с сожалением растущее самодовольство и надменность этого Совета, а также его убежденность в неподотчетности своих действий и, следовательно, в том, что он может безнаказанно насмехаться над своей собственной конституцией.

— Наша конституция, — сказал Бэйд Робертс, самый старший из советников, — требует, чтобы мы предпринимали любые действия, необходимые для сохранения нашей пози-

ции. Условие, чтобы это делалось без нападения на персону или резиденцию правящего Ишера, не имеет смысла. Вы заметили, что мы обеспечили отсутствие Ее Величества во время атаки?

— Я должен вмешаться, — это был председатель Совета. — Невероятно, пленник направляет беседу в соответствии с собственными желаниями. Я могу понять, что у нас всех есть чувство вины из-за атаки на дворец, но мы не нуждаемся в оправдании наших действий перед пленными. — Он произнес в микрофон: — Командир охраны, зайдите сюда и накиньте мешок на голову пленника.

Хедрук спокойно улыбался, когда стража в количестве десяти человек вошла в комнату. Он сказал:

— Сейчас вы будете потрясены.

Он стоял совершенно спокойно, когда эти люди схватили его. Мешок поднялся и...

Это случилось.

Когда Хедрук во дворце полчаса назад вступил в секцию стены, которую доставил наверх из подвала, он оказался в сумрачном мире. Он долго стоял, позволяя своему телу привыкнуть и надеясь, что никто не сделает попытки последовать за ним через это электронно-силовое поле. Он беспокоился не за себя. Вибрационный щит был настроен только на его тело, и в течение всех лет, когда он был частью стены в подземельях дворца, единственной опасностью было, что кто-нибудь нечаянно вступит в него и пострадает при этом.

Хедрук часто раздумывал, что случится с таким неудачником. Несколько животных, которых он протолкнул через экспериментальную модель, были отброшены на десятки тысяч миль. Некоторые никогда не были возвращены, несмотря на прикрепленную бирку с обещанием высокого вознаграждения.

Теперь, когда он сам был внутри, можно было не торопиться. Законы нормального времени и пространства ничего не значили в этом царстве сумрака. Он был нигде и он был всюду. Это было место, где можно скорее всего сойти с ума. Он установил, что шестичасовое пребывание здесь представляло серьезную угрозу его рассудку. Его теперешнее вторжение не должно продолжаться более четырех часов, предпочтительно три, а еще лучше — два, после чего он не должен подходить к этому разрушающему мозг устройству в течение нескольких месяцев. Идея изобретения была изложена ему во время одного из его пребываний на посту председателя Совета Оружейников, предоставляющем огромную власть, которая позволила ему назначить целую лабораторию физи-

ков для помощи способному молодому человеку, предложившему эту идею. Простыми словами, проблема заключалась в следующем: вибрационный передатчик Оружейных Магазинов заполнял пространственную брешь между двумя точками межпланетного пространства. Почему бы тогда, излагал изобретатель, не перевернуть процесс и не создать иллюзию пространства там, где его не существовало? Исследования увенчались успехом. Изобретатель доложил все подробности Хедруку, который обдумал это и информировал того, что Совет решил засекретить изобретение. Самому Совету он сделал отрицательное сообщение об изобретении. И все получилось, как он хотел. Вопрос, раз исследованный, считался теперь закрытым и вошел в архивы Информационного Центра для предотвращения будущих попыток повторить изобретение. Соответственно, он никогда не должен был стать вновь предметом исследований Оружейных Магазинов. Когда-нибудь Хедрук откроет его секрет людям.

Не первый раз, размышлял Хедрук, изобретение скрывается от общества. Свое собственное изобретение, вибрационный увеличитель, он держал в секрете двадцать столетий, прежде чем, в конце концов, использовал его для основания Оружейных Магазинов как противовес Императорам Ишер. У него оставалось все же еще несколько других изобретений, и его основным критерием для сохранения тайны было: будет ли раскрытие ее полезным для поступательного движения человеческого духа. Или власть, которую предоставляло изобретение, просто поможет определенным группам усилить свою тиранию? Более чем достаточно опасных изобретений уже было сделано учеными, которые никогда не задумывались, какие реальные последствия могут они иметь.

Проклятье, почему биллионы людей должны умирать из-за того, что некоторые изобретатели имеют мозги, неспособные заглянуть даже на дюйм в человеческую природу?

Конечно, были люди, которые рассматривали изобретения с точки зрения своего или своей группы благополучия. Если они скрывали изобретение, как Императрица скрывала межзвездный двигатель, то их нужно было всеми силами и средствами принудить к раскрытию секрета. Иногда решение давалось тяжело, но кто еще имел такую власть и опыт, чтобы решать? Плохим или хорошим, судьей был именно он.

Он чувствовал, как напряжение постепенно уходит. Его тело было готово — наступило время действовать. Хедрук осторожно двинулся сквозь туман. Он мог видеть людей во дворце, застывших подобно резким фигуркам, как в поздних сумерках. Его время по отношению к ним не двигалось. Он не обращал никакого внимания на них, даже когда они ока-

зывались на его пути, — он ступал сквозь их тела, как сквозь облака газа. Стены тоже уступали его натиску, но здесь нужна была осторожность. Было легко, очень легко, уйти в пол и далее в землю. Лабораторный эксперимент изобретателя и его помощников привел к одному такому несчастному случаю и повторение было нежелательно. Чтобы избежать катастрофы, исследовательский коллектив в конце концов пришел к решению, что первоначальное создание нового пространства должно осуществляться только в небольшом объеме. Было создано кольцо, которое могло увеличивать или сжимать этот объем по желанию — например, когда нужно было проникать сквозь твердые материалы.

Кольцо это, одно из двух — другое имело иную цель — было использовано Хедруком, когда он подошел к стене. Сначала, после касания активатора кольца, последовал легкий прыжок, так как его ноги не опирались больше на пол, затем быстрое выключение активатора и мягкое приземление. Почва подалась под его ногами, как густая грязь. Это было легкое упражнение для мускулов, так хорошо скоординированных, как у него. Он оказался в тайнике с машинами, которые он очень давно перенес в это пространство и спрятал во дворце.

Здесь был маленький космический корабль, подъемное устройство, дюжина небольших роботов, несущих различное оружие, и, конечно, каждый механизм, каждый инструмент имел свой собственный эквивалент активаторов, необходимых при работе с ними.

Второе кольцо и соответствующие активаторы на машинах заключали в себе вторую ценную функцию изобретения. С помощью второго кольца становилось возможным двигаться назад и вперед во времени на небольшие расстояния. Теоретически сдвиг времени мог достигать нескольких лет, но на самом деле разрушающее воздействие этого пространства на человеческий мозг ограничивало путешествие на несколько часов назад или вперед. Хедрук обнаружил, что, продвинувшись на девять часов назад и на девять часов вперед, всего на восемнадцать, тело биологически проживает те шесть нормальных часов, что оно могло вынести без последствий. Три за один. Этот метод путешествия во времени не имел отношения к колебанию системы, случайно изобретенной физиками Императрицы семь лет назад, в которой в теле человека концентрировалась несбалансированная энергия времени, в результате чего путешественник во времени погибал. В этом пространстве не было времени, был только метод синхронизации его с необходимым моментом времени в нормальном мире.

Хедрук поднялся в маленьком космическом корабле туда,

где находился крейсер Оружейных Магазинов, рядом с проломом в стене дворца. Он направил свою машину сквозь твердый коридор крейсера, затем выключил двигатель и включил регулятор времени. Он напряженно ждал, наблюдая за датчиком.

Ожидание заняло несколько минут, огоньки датчиков вспыхнули и синхронизатор мгновенно переключился на нормальную скорость времени. Одновременно Хедрук почувствовал движение. Огромный крейсер Оружейных Магазинов поднимался, а вместе с ним он и его маленькая машина, точно сравнившись с ним в ходе времени и достаточно несинхронно со специальным пространством, чтобы не провалиться сквозь стены крейсера. Если он был прав, в крейсере сейчас находилось два Хедрука — он сам в сумеречном мире и он же, вернувшийся во дворец из своего тайного путешествия, ставший пленником Оружейников и приведенный на борт крейсера.

Но неразумно принимать такое предположение, как само собой разумеющееся. Одна из трудностей передвижения во времени заключалась в определении местоположения людей, в прослеживании их в толпе. Он однажды зря потратил весь шестичасовой период, разыскивая индивидуума, спокойно удалившегося в театр. Соответственно, даже сейчас лучше удостовериться наверняка. Он всмотрелся в экраны. Да, он был здесь, окруженный охраной. Хедрук, который находился там, уже вернулся из путешествия во времени и знал, что случилось.

Крейсер приземлился. Пленник и охрана вышли из корабля и прошли в здание, в котором была сооружена металлическая комната с толстыми стенами. Хедрук преодолел их в своем корабле и занялся делом. Сперва он включил звуковой коллектор и, слушая разговор в комнате, выгрузил некоторые из своих машин.

Когда в комнату ворвалась стража с мешком, который был простейшим устройством, способным заставить человека замолчать, он продолжал ждать момента, пока его чуть не надели на голову пленника, потом опустил механическую руку и рванул мешок в свое пространство. Затем он, держа пальцы на синхронизаторе времени, стал ждать развития событий.

В комнате повисла напряженная тишина, наполненная испуганными взглядами.

Хедрук-пленник стоял спокойно, с иронической улыбкой на губах, не делая усилий вырваться из рук охраны, которая по-прежнему держала его. Он не чувствовал жалости. Была работа, которую необходимо было сделать, и он собирался выполнить ее как можно тщательнее. Он произнес ледяным голосом:

— Я не буду тратить времени на словесный сор. Намерение этой организации уничтожить меня во что бы то ни стало, несмотря на то, что ПП-машина доказала мой альтруизм и добрую волю, выявляет загнанный в угол консерватизм, который всегда пытается уничтожить то, чего совершенно не понимает. Такой консерватизм должен быть наказан превосходящей силой, существующей в виде организации, способной справиться даже с могущественными Оружейниками.

Питер Кадрон сказал спокойно:

— Оружейные Магазины не признают никакой тайной организации. Стража, уничтожьте его!

В другом пространстве его более раннее «Я» просто включило синхронизатор времени, в результате чего все в комнате замерло. Без спешки его раннее «Я» освободило охрану от оружия, затем продолжило разоружение каждого члена Совета, включая удаление колец с их пальцев и устройств связи с их рук и кресел. Затем он надел наручники на их руки и сцепил их вместе в длинный ряд вокруг стола. Охрану он выставил в коридор, затем закрыл и запер дверь. Вся работа не заняла несколько времени в обычном смысле этого слова.

Он вернулся к пульту управления, отрегулировал свою временную скорость от нуля до нормальной и стал слушать возмущенный рев людей, открывших свое положение.

Воцарилась неразбериха. Цепи лязгали, люди вскрикивали в удивлении и тревоге, затем оседали в креслах, бледные и испуганные. Хедрук знал, что здесь было мало персонального страха за себя. Было ясно, что каждый из присутствующих с ужасом представляет конец Оружейных Магазинов.

Он подождал, пока их внимание не вернулось к нему, затем заговорил быстро:

— Джентльмены, успокойтесь. Ваша великая Организация вне опасности. Эта ситуация никогда бы не возникла, если бы вы не преследовали меня с такой настойчивостью. К вашему сведению, именно ваш собственный основатель Уолтер С. де Лани, предвидя опасность для государства от невидимого могущества Оружейников, установил группу дружественных наблюдателей над Магазинами. Это все, что я скажу, за исключением того, что еще раз хочу подчеркнуть нашу дружелюбность, нашу добрую волю, наше невмешательство, пока Оружейники живут в соответствии со своей конституцией. Именно конституция была сегодня нарушена в одном из своих пунктов.

Он помолчал, его взгляд скользнул по их лицам, но в уме он холодно оценивал свои слова. Это была достаточно хорошая история, отсутствие деталей было ее самой безопасной чертой. Все, что ему было нужно, это скрыть факт, что бес-

смертный человек был единственным наблюдателем. Он увидел, что некоторые из людей эсправились настолько, чтобы начать говорить, но он оборвал их.

— Вот что нужно сделать. Первое, сохранить в тайне то, что вы узнали сегодня. Наблюдатели не хотят, чтобы было известно об их существовании. Второе, весь этот Совет должен уйти в отставку. Вы можете быть переизбраны, но не на следующий срок, а впоследствии. Массовая отставка послужит напоминанием всей Организации Магазинов, что существует конституция и что ее следует уважать. Наконец, не должно быть больше попыток досаждать мне. Завтра известите Императрицу, что вы освободили меня, и потребуете от нее отдать межзвездный двигатель. Сам я думаю, что двигатель будет предложен еще раньше, без всяких требований, но дайте ей шанс быть великодушной.

Когда он закончил, раздались сердитые восклицания, затем последовало молчание, снова — более тихий — шум, и опять молчание. Хедрук заметил, что только трое или четверо советников, и среди них Питер Кадрон, никак не выразили своих чувств.

Именно к Кадрону Хедрук адресовал свои слова:

— Я уверен, что мистер Кадрон может говорить как председатель. Я давно считаю, что один из самых лучших членов Совета именно он.

Кадрон, крепкий мужчина лет сорока, медленно встал.

— Да, — хрипло сказал он. — Я думаю, что могу говорить как председатель, выразив мнение большинства, что мы принимаем ваши условия.

Никто не возразил. Хедрук поклонился и громко произнес:

— Все в порядке. Номер Один, забирай меня отсюда.

Он, должно быть, исчез мгновенно. Они не пытались разговаривать, эти два Хедрука, которые ненадолго оказались вместе в этом туманном полупространстве. Человеческий мозг и так слишком страдал от перемещений во времени. Многочисленные эксперименты доказали это давным-давно. Хедрук сидел за пультом управления маленького корабля, направляя его назад во времени и к императорскому дворцу в пространстве. Другой стоял позади него, хмуро глядя вниз.

Он сделал все, что мог. В результате дальнейший ход событий был настолько ясным, что конечный итог не вызывал сомнений; возможно, что Иннельда не отдаст межзвездный двигатель, но это уже не имеет значения. Победа была очевидной.

Его беспокоило, что высшие существа освободили его лишь для того, чтобы посмотреть, что он будет делать. Где-то в пространстве огромный флот, управляемый паукообразной

расой, остановился, чтобы изучить человека и его поступки. Захватив его в плен, они мгновенно установили его родную планету и управляли им, как если бы расстояния не существовали для них. Пронаблюдав, как он добился своей первоначальной цели, и поняв, что будет мало проку в дальнейшем наблюдении, они, несомненно, возобновят и контроль над ним.

Теоретически им могут просто наскучить человеческие существа и они уничтожат Солнечную Систему и всех ее излишне эмоциональных обитателей. Это уничтожение будет обычным инцидентом в их холодном интеллектуальном существовании.

Когда он достиг этого пункта своих размышлений, Хедрук увидел, что они прилетели ко дворцу. Щит маячил в темных сумерках дворца светящимся пятном прямоугольной формы. Оба Хедрука старались не создавать парадокса. Его более раннее «Я» ступило через щит и стало еще одной туманной фигурой в коридоре дворца.

Хедрук опрыскал щит липким взрывчатым порошком и воспламенил его. Он подождал, пока тот сгорел, затем послал свой маленький корабль через темный город к одному из своих тайных убежищ. Здесь он синхронизировал корабль с нормальной скоростью времени, сфокусировал пространственное кольцо на самом себе и вышел из корабля в помещение. Он направился к комфортабельному креслу, уселся в него и громко воскликнул:

— Все в порядке, мои паукообразные друзья. Если у вас есть дальнейшие планы, лучше начните выполнять их сейчас.

Великая борьба была еще впереди.

ГЛАВА 17

Его первым ощущением от присутствия чужаков была мысль, не направленная к нему, но предназначенная для того, чтобы он понял ее. Мысль была по-прежнему титанически сильной, настолько неистовой, что его мозг содрогнулся от удара:

«ИНТЕРЕСНЫЙ ПРИМЕР ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО ИМПУЛЬСА, ПРОДОЛЖАЮЩЕГО ДЕЙСТВОВАТЬ, КАК ЕСЛИ БЫ НИКАКИХ ВЫСШИХ СИЛ НЕ БЫЛО ПРИЛОЖЕНО...»

«НЕТ! — ответ был холоден. — ЧЕЛОВЕК ЗНАЕТ О НАС. ЦЕЛЬ, ДВИЖУЩАЯ ИМ, БЫЛА ДОСТИГНУТА, НЕ-

СМОТЯ НА ЕГО ЗНАНИЕ О НАС, О НАШЕМ ПРИСУТСТВИИ».

«ТОГДА ОН ДЕЙСТВОВАЛ НЕЛОГИЧНО».

«ВОЗМОЖНО, НО ДАВАЙ ДОСТАВИМ ЕГО НАЗАД, СЮДА...»

Хедрук понял, что наступил критический момент. Много раз он думал о том, что будет делать, когда вернется туда вновь, и уже более минуты он делал это.

Его глаза были закрыты, тело спокойно, мозг расслаблен. Это не было крайним состоянием, которое древние индусы называли Нирваной, но это было глубоким расслаблением, и уже целое тысячелетие большие институты, изучающие мозг, использовали его для любого умственного тренинга. Сидя в кресле, Хедрук почувствовал устойчивую и сильную пульсацию, которая сотрясала громом его мозг. Это было биение его сердца с сопутствующим ему шорохом потока крови и всех десятков тысяч мускульных напряжений с их собственными крошечными звуками — но и эта физическая фаза скоро прошла. Он был наедине со всем миром, полным спокойствия.

Его первые впечатления были: он сидит в кресле, но в кресле своей комнаты. Через несколько секунд он понял, что кресло находится в спасательном судне, которое, в свою очередь, было внутри одного из огромных космических кораблей чужаков.

Хедрук вздохнул и открыл свои глаза. Итак, его сопротивление потерпело неудачу. Это было очень плохо, но, конечно, он не так уж и рассчитывал на успех. Хедрук продолжал сидеть в многофункциональном кресле управления, потому что расслабление было его единственным способом сопротивления, и он намеревался продолжать его.

Хедрук подавил возникшее возбуждение, когда понял, что случилось. Процесс расслабления все же частично сработал. Паукообразные существа доставили его обратно в его спасательное судно, но их воздействие на его мозг было частично сломлено, и некоторые из иллюзий исчезли.

Первой из них было, что здесь находится более одного корабля. Сейчас, свободный от их контроля, он мог видеть, что здесь был только один. Вторая иллюзия — что его спасательное судно находится внутри их корабля. Теперь он видел, что это не так.

Его мысли прервались.

«Человек, не вынуждай нас уничтожить тебя».

Он ожидал мысленного вмешательства, инстинктивно съеживаясь в предчувствии титанического удара. Воздействие оказалось отличным от ожидаемого. Мысль чужака утратила силу. Она оказалась далекой, слабой. Хедрук почув-

ствовал удивление, затем изумленное понимание. Это было реальностью. Раньше они, должно быть, установили с его мозгом мгновенную и полную связь. Теперь их мыслям приходилось достигать его снаружи. Его положение постепенно улучшалось. Паукообразные существа, которые казались настолько превосходящими его, теперь с каждым мгновением теряли свою значимость. Четыреста кораблей стали одним. Кажущийся прежде непостижимым контроль над мозгом ослаб теперь до приемлемых размеров. У него не было сомнения, что их угроза уничтожить его была на физическом уровне. Они имели в виду, что используют против него энергетические лучи.

Но все же ситуация оставалась такой же опасной, как и раньше. Он должен играть свою роль осторожно и ждать удобного случая. Он ждал, и вскоре пришла мысль, направленная к нему:

«Это правда, что ты успешно освободился от нашего ментального контроля и обнаружил, что здесь только один корабль. Тем не менее, мы намерены еще раз использовать тебя и, следовательно, ты должен сотрудничать с нами под угрозой немедленного уничтожения в случае отказа».

«Конечно, — подумал Хедрук, — я сделаю все, что требуется, если только не имеется в виду такой вид сотрудничества, как предоставление своего тела для расчленения».

«Мы намерены, — пришел быстрый ответ, — продолжить изучение близнецов Ниланов. Так как вы были подключены к их родственной связи, когда находились под нашим контролем, мы можем обойтись без близнеца на Земле и работать прямо через вас. Это не причинит вам боли, но вы должны уступить себя для исследований».

Хедрук запротестовал:

«Я слышал, как один из вас сказал, что Гил Нилан умер. Это было прежде, чем меня вернули на Землю. Как я могу работать с мертвым человеком?»

Ответ был ледяным:

«Пожалуйста, позвольте нам самим справиться с проблемой восстановления клеток. Вы подчиняетесь нам?»

Хедрук заколебался:

«А вы собираетесь оставить меня живым — потом?»

«Конечно, нет».

Он ожидал этого ответа, но, тем не менее, это было потрясением.

«Я не понимаю, с какой стати вы ожидаете от меня сотрудничества на такой основе?»

«Мы сообщим вам о моменте смерти. Это даст вам эмоци-

ональное возбуждение, которого вы жаждете, и таким образом, будет соответствовать вашим потребностям».

Хедрук ничего не отвечал некоторое время. Он был очарован. Эти чудовища думали, что доставят удовольствие человеку, рассказав ему, когда он должен будет умереть. Так вот насколько они продвинулись в исследовании эмоциональной человеческой природы! Казалось невероятным, что кто-нибудь мог так заблуждаться. Интеллектуальное отношение этих существ к жизни и смерти, должно быть, представляло собой крайний стоицизм. Вместо того, чтобы попытаться укусить руку, которая тянулась уничтожить его, каждый паук, вероятно, проверял все способы побега и, не найдя подходящего, принимал смерть без борьбы.

Наконец, Хедрук сказал со сдержанной яростью:

— Вы, кажется, чрезмерно хорошего мнения о себе. Вы находитесь в корабле размером с маленькую луну. Вы, очевидно, пришли от сверхразвитой интеллектуально цивилизации. Мне хотелось бы увидеть планету, которая произвела вас, ее промышленность, ее общество. Это было бы интересно. Вне сомнения, ваша система логики хорошо подходит для вас, но вы ничего не поняли в человеке, если думаете, что все, в чем я заинтересован, это узнать, когда меня убьют.

«А что вам еще хотелось бы знать?»

В вопрошающей мысли чувствовался интерес.

Хедрук ответил устало:

— Все в порядке, вы победили. Мне хотелось бы узнать, когда я смогу что-нибудь поесть.

«Пища! — Его собеседник взволновался. — Ты слышишь это, ...»

«Что интереснее всего, — пришла другая мысль, — в критический момент потребность в пище возрастает. Это кажется значительным».

Хедрук сказал:

— Что вы хотите, чтобы я сделал?

«Уступил».

— Как?

«Подчинился. Думая о мертвом теле».

Он вдруг подумал: бедный Гил, безжизненно лежащий посреди бескрайнего моря песка, его клетки уже съжились от повышающейся температуры по мере того, как планета движется все ближе к ближнему из своих двух солнц. Страдания кончились. Теперь это тело не чувствовало боли от жары, раздражающих укусов песчинок, не чувствовало жажды и голода, не испытывало страха и беспочвенных надежд. Смерть пришла к Гилберту Нилану, как и ко всем его спутникам. Боже, благослови его...

Хедрук намеренно остановил эту интенсивную эмоциональную реакцию.

— Постойте, — сказал он, удивленный, — я начинаю чувствовать так, как если бы я был его братом.

«Это, — пришла мысль, — одна из удивительных особенностей человеческих существ, — то, что одна нервная система отвечает на импульс другой системы. Сенсорный аппарат, участвующий в этом, не имеет аналогов в мире разума. Но теперь сядь и осмотришься кругом».

Хедрук взглянул на экран. Он увидел, что сцена изменилась. Огромный корабль, пленником которого он был, поднялся выше, его исполинский корпус заполнял передний и задний экраны и был виден также на верхних правом и левом экранах. Там, где он находился прежде, теперь была пропасть пространства, и в этой бездне плыли два белых солнца. Сперва они были крошечными, немногим ярче звезд, но они росли. И далеко слева появилось еще одно крошечное солнце. Две большие звезды достигли уже шести дюймов в диаметре. Они казались сначала совсем рядом друг с другом, затем раздвинулись дальше. Одна из них придвигалась все ближе и увеличивалась в размерах. Второе солнце отходило все дальше и дальше влево. Приборы показывали, что оно находится на расстоянии трех миллиардов миль.

Дальнейшие измерения показали, что угловой диаметр обоих солнц системы был больше, чем у Солнца, хотя только одно из них было ярче. Третье солнце было просто пятнышком света вдаль. Хедрук нахмурился. Он искал и нашел вскоре красную точку вдаль, четвертое солнце этой системы. Он почувствовал возбуждение, когда мозг чужака снова направил на него свой холодный импульс:

«Да, человек, ты прав. Это солнца системы, которую ты называешь Альфа Центавра. Два ближайших — Альфа-А и Альфа-В. Третье солнце — это Альфа-С, а красная точка является, конечно, незначительной Проксимой Центавра, известной как ближайшая к Солнечной Системе звезда. Эта планета, описывая восьмерку, вращается по очереди вокруг звезд Центавра — Альфы-А и Альфы-В. Она совершает этот путь с необычной скоростью в три тысячи миль в секунду. В этой эксцентричной орбите она проходит очень близко от каждой звезды. Сейчас она подходит к Альфе-А, и мы должны работать, если хотим оживить мертвое тело...»

— Если хотим что? — спросил он. Ответа не было, но Хедрук и не нуждался в нем. Он откинулся в своем кресле и подумал: ну конечно, это было очевидно с самого начала. Я

принял как само собой разумеющееся, что они собираются установить некую чувственную связь между живым и мертвым телом, но это предположение основывалось лишь на моем убеждении, что человек, который был мертв два дня, не только мертв, но и начал разлагаться.

Он почувствовал искреннее благоговение. Тысячи лет он старался продлить жизнь живых людей до некоторого приближения к бессмертию, которого он достиг случайно. Сейчас здесь были существа, которые могли, несомненно, не только разрешить эту проблему, но могли также воскресить мертвого.

Удивительно, это открытие заслонило его надежду, что ему удастся как-нибудь выжить, несмотря на их решение уничтожить его. Он пытался вообразить какие-нибудь способы перехитрить их, способы, основанные на крайне логичном отношении этой расы к действительности. Это все еще казалось единственно возможным выходом, но шансы на успех были очень слабыми. Научные достижения паукообразных тварей делали результат крайне сомнительным.

«Сейчас ты должен, — донесся до него мысленный импульс, — подчиниться следующей фазе эксперимента».

Он лежал под ярким светом. Где он действительно находился, или где они внушали ему, что он находится, у него не было понятия. Его тело лежало на чем-то мягком. Он лежал спокойно, полный решимости осуществить свои собственные намерения, и безразлично смотрел на свет. Он сиял из черноты над ним или — его мысль сделала причудливый оборот — может быть, он смотрит вниз на него? Это не имело значения. Здесь был только свет, сияющий из темноты, сияющий, сияющий... Это не был, заметил он через некоторое время, белый свет, — казалось, это сияние не имело определенного цвета. И оно не было ни ярким, ни теплым. Хедрук вздрогнул. Это сделала мысль о тепле, принесшая сознание, каким холодным был свет. Свет был ледяным.

Открытие было подобно сигналу.

«Эмоция, — сообщил издали импульс мозга паука, — это проявление энергии. Она действует мгновенно на любом расстоянии. Причиной, почему связь между близнецами уменьшилась по интенсивности, является только их взаимное ожидание, что она должна так уменьшиться. Ожидание было почти неосознанным. Их нервные системы естественно почувствовали увеличение расстояния, когда один из них отправился к Центавру. Инстинктивно они отказались от связи,

хотя эмоциональное отношение между ними оставалось таким же сильным, как и прежде. А теперь, так как вы стали частью этой связи... возобновляем ее».

Казалось, все произошло мгновенно. Хедрук увидел, что он лежит на травянистом берегу рядом с ручьем. Вода журчала на камнях. Мягкий теплый ветерок дул ему в лицо, и сквозь деревья слева от него поднималось над горизонтом величественное солнце. Вокруг него на земле были ящики и упаковочные коробки, несколько машин и несколько спящих мужчин. Ближайшим из лежащих был Гил Нилан. Хедрук попытался снова вернуть контроль над своим мозгом, убеждая себя отчаянно: «Успокойся, ты, глупец, это только образ, вещь, которую они вложили в твой мозг. Гил находился на песке на той жуткой планете, направляющейся в ад. Это придуманный мир. Земля в свое самое лучшее летнее время».

Прошло несколько секунд, тело Гила Нилана спало с покрасневшим лицом, шумно дыша, как если бы не могло надыхаться. Слабая мысль пришла в мозг Хедрука.

— Вода, — сказал он. — О, Боже, вода!

Хедрук не думал дальше. Он буквально швырнул себя в поток. Его сложенные руки так дрожали, что драгоценная влага проливалась на зеленую траву. Наконец, пришло благоразумие и он поискал в одном из ящиков и нашел банку. Он держал ее, давая воде течь струйкой в рот Гила Нилана. Несколько секунд изнуренное тело содрогалось от ужасного кашля. Но это тоже было к лучшему. Мертвые мускулы возвращались к жизни. Хедрук мог чувствовать медленное бие сердца Гила, мог видеть все мысленные картины, которые возникали у него в мозгу. Это была чувственная связь, которая до сих пор принадлежала исключительно двум братьям. Гил зашевелился.

«Э, Дэн, — в мыслях Гила было огромное удивление, — старый дьявол! Откуда ты взялся?»

— С Земли, — громко произнес Хедрук. Позднее он объяснит ему, что он не Дэн.

Ответ, казалось, был единственным, в чем нуждался Гил. Он вздохнул, улыбнулся и, повернувшись набок, погрузился в глубокий сон. Хедрук начал шарить в ящиках, ища питательные таблетки. Отыскав пакет быстроусваиваемых концентратов, он протолкнул несколько таблеток в рот Гила. Они, подумал он, постепенно растворятся. Удовлетворенный, что сделал все, что мог в данный момент, он повернулся к другим людям. Он напоил водой по очереди каждого из них, а затем дал питательные таблетки. Хедрук только закончил эту работу, как мысль паука коснулась его.

«Ты видишь, он помогает другим тоже! Проявляемая эмоция не является только взаимным сочувствием близнецов».

Больше ничего, только это замечание. Но оно остановило Хедрука в его действиях. Не то, чтобы он забыл про пауков, но память о них была отодвинута назад срочностью других событий. А теперь действительность вернулась. Он смотрел в голубое небо, на это величественное желто-белое солнце и ненавидел паучий народ. Но он понял, что похож на дикарей старых времен, потрясающих своими кулаками и выкрикивающих проклятия злым демонам, притаившимся в небесах.

Он успокоился и снова накормил своих подопечных, на этот раз жидкостью, изготовленной из высокопитательного фруктового концентрата, разбавленного водой. Один из мужчин уже ожил достаточно, чтобы недоуменно улыбнуться ему, но не задал никаких вопросов, и Хедрук не стал ничего говорить. Когда пациенты снова заснули, Хедрук забрался на ближайшее самое высокое дерево и осмотрел окрестности. Но кругом были только деревья и холмы, а далеко-далеко, почти теряющаяся в дымке, широко сверкала вода. Что заинтересовало его больше всего, так это пятна желтого цвета на дереве в четверти мили вдоль ручья. Он опустился на землю и пошел в некотором возбуждении вдоль ручья. Дерево оказалось дальше, чем он думал, потому что когда он вернулся назад с полным контейнером фруктов, солнце уже прошло зенит.

Но прогулка пошла ему на пользу, он почувствовал себя лучше, живее, и к нему пришла мысль: Гил и Кершав, должно быть, посетили эту планету. Они, наверное, пробовали эти фрукты и, как только они достаточно оправятся, смогут сказать ему, съедобны ли эти желтые плоды. Здесь, может быть, даже есть портативный анализатор в одном из упаковочных ящиков.

Если он и был, Хедрук не смог найти его. Но он обнаружил множество инструментов, включая устройство для коммуникационных дисков, используемое для исследования и пометки мест приземления. Они, вероятно, оставили множество таких дисков в различных точках своих приземлений. Солнце опустилось ниже к горизонту. Вскоре второе солнце появилось на небе, крошечный бледный шар. Ненадолго стало теплее, но воздух остыл, когда большое солнце окончательно скрылось за горизонтом и наступила «ночь».

Она была похожа на пасмурный день на Земле с признаком солнца, проглядывающего сквозь тяжелые облака, только небо здесь было безоблачным, и не было влажности пасмурного дня. Дул мягкий ветерок. Появилось третье солнце, но его тусклый свет, казалось, ничего не прибавил. Показалось не-

сколько тусклых звезд. Светлый сумрак начал действовать Хедруку на нервы. Он ходил вдоль берега ручья и размышлял: как, в конце концов, долго будет это... это исследование продолжаться? И почему они хотят убить его?

Он не намеревался направлять эту мысль, как вопрос, своим захватчикам, но, к его удивлению, тотчас получил ответ. Казалось, он приплыл к нему из тусклого безоблачного неба, точный и совершенно бездушный.

«Мы являемся не совсем тем, чем кажемся, — сказал паук. — Наша раса не представляет собой один из успехов Природы. В этом корабле лишь остатки нашего народа. Все присутствующие здесь бессмертны, победители в борьбе за существование на нашей планете. Каждый из нас является наилучшим в какой-либо одной области, что устраняет всякую конкуренцию. Мы намерены оставаться живыми, и наше существование должно остаться неизвестным всем другим расам во Вселенной. Поэтому любой, кто узнал о нас, должен умереть. Это ясно?»

Хедрук не ответил, так как здесь, наконец, была полностью понятная логика. Он должен быть убит, потому что знает слишком много.

«Нашим намерением, — сообщил ему холодный ум, — является проведение последнего исследования сенсорного аппарата человека на основе того, что мы получили через вас. Затем мы покинем эту часть пространства навечно. Исследование займет некоторое время. Вы, пожалуйста, потерпите. В это время не будет ответов на ваши мелочные вопросы. Ведите себя соответственно».

Это тоже было ясно. Хедрук медленно вернулся в лагерь. Высокий, выглядевший устало мужчина, который улыбнулся ему ранее, уже сидел.

— Хелло, — сказал он жизнерадостно, — мое имя Кершав. Благодарю за спасение наших жизней.

— Вы благодарите меня слишком рано, — резко ответил Хедрук.

Но сам звук человеческого голоса взволновал его. У него появилась надежда, и теперь когда его действия обрели цель и смысл, он работал как одержимый.

И каждое мгновение он ждал смерти. Сама по себе работа была достаточно проста. С помощью бластера Гила он нарезал ствол дерева на маленькие диски около дюйма толщиной. Диски он складывал в исследовательскую машину, которая печатала на одной из сторон каждого диска сообщение, объясняющее местонахождение Хедрука и его товарищей и описывающее паучий народ и угрозу, которую он представлял. Этим диском он сообщал антигравитационный импульс и на-

блюдал, как они плывут вверх, в небо, поднимаясь на десять футов, двадцать, пятьдесят, до того уровня, для которого были отрегулированы их атомы. Их разносило случайными потоками воздуха. Некоторые висели неподалеку, заставляя его сердиться на медлительность, с которой они рассеивались. Некоторые исчезали из вида с удивительной быстротой. Многие из них будут задержаны склонами холмов, другие будут парить годами, возможно, столетиями, являясь добычей любого ветерка, и с каждым прошедшим часом их будет все труднее найти. Паучьему племени потребуется чертовски много времени, чтобы помешать распространению сведений о своем существовании.

Проходили дни, и скоро не осталось сомнения, что прошло достаточно времени, чтобы диски широко рассеялись.

Его пациенты выздоравливали медленно. Было очевидно, что их тела не способны усваивать как следует пищу, которую он давал им, и они нуждаются в медицинской помощи. Кершав первым достиг удовлетворительного состояния и захотел узнать, что произошло. Хедрук показал ему текст на одном из дисков, которые он в течение трех недель периодически продолжал посылать. Кершав прочитал его, затем задумался.

— Итак, вот кто против нас, — сказал он медленно. — Почему вы думаете, что диски могут помочь?

Хедрук ответил:

— Пауки — логичные негодяи. Они примут свершившееся как факт. Проблема заключается в том, когда распространение дисков достигнет точки, где они поймут, что не смогут найти их все. Иногда я раздумываю, насколько сложным должно быть распространение, прежде чем это станет для них решающим. Причина, по которой они не трогают нас до сих пор, заключается в том, что они сейчас находятся около Земли, изучая эмоциональную структуру человека. По крайней мере, таким было их намерение, и они мне говорили, что не будут со мной разговаривать некоторое время. Я думаю, что они слишком далеко отсюда для их способа телепатии.

— Но что они сделают потом? — спросил Кершав.

Было трудно объяснить, чему научило его собственное общение с пауками, но Хедрук сделал попытку. Он старался не касаться своей деятельности на Земле и закончил словами:

— Я могу избавиться от их контроля в любое время, так что единственной угрозой для меня является физическая сила.

— Как вы объясняете их способность переместить вас назад, в спасательное судно, несмотря на ваше сопротивление?

— Я могу только предполагать, что нервная система инерционна. Я оказался в спасательном судне прежде, чем мой

метод борьбы вступил в действие. Когда он стал помогать, они поняли, что случилось, и просто пригрозили уничтожить меня, если я не буду сотрудничать с ними.

— Как вы думаете, удалась ли им попытка понять эмоциональную природу человека?

Хедрук покачал головой.

— Тысячи лет человек пытался овладеть своими эмоциональными импульсами с намерением, конечно, не исключить эмоции из жизни, а направить их туда, где они послужат здоровью и разуму: секс, любовь, добрая воля, энтузиазм, индивидуальность и так далее. Очевидно, имеются аспекты существования, которые, возможно, по самой их природе неизвестны паукообразным существам. Я не вижу, как они смогут когда-либо что-нибудь понять, особенно потому, что у них нет метода определения различия между человеком, который желает рискнуть своей жизнью по какой-нибудь причине, и человеком, который рискует ради заработка. Неспособность понять разнообразие человеческой натуры является основным их недостатком и вечно будет препятствовать настоящему пониманию.

Кершав задумался. Наконец, он сказал:

— Каковы наши шансы на спасение?

Хедрук ответил хмуро:

— Достаточно хорошие. Пауки сказали, что они определенно покидают эту часть космического пространства, особенно, если у них будет причина верить, что скоро большие корабли с Земли установят регулярные полеты к Центавру. По-моему, Императрица отдаст межзвездный двигатель, и в наши дни сверхразвитой промышленности появятся сотни двигателей, установленных на космических кораблях в течение нескольких недель. А само по себе путешествие сюда может быть совершенно меньше, чем за два дня, если нужно.

— Я думаю, — сказал Кершав, — нам лучше заняться делом. Вы уже выпустили множество дисков, но еще несколько тысяч не повредит. Вы режете деревья и изготавливаете диски, а я буду кормить ими машину.

Он замолчал и сделал странное движение. Его дикий взгляд метнулся поверх головы Хедрука. Хедрук резко повернулся и уставился в небо. Он увидел корабль. На мгновение он подумал, что это корабль пауков. А затем большие буквы на корпусе привлекли его внимание. Буквы гласили:

СОЛНЦЕ — ЦЕНТАВР — 719

Корабль был недалеко от них и медленно снижался. Он проплыл над ними на высоте в полмили, затем медленно

повернул назад, к ним, в ответ на сигнал их пульта связи. Он доставил их на Землю через сорок один час полета. Хедрук принял предосторожности, чтобы Кершав и Гил Нилан представляли его, как брата Ги́ла, и таким образом, он приземлился без происшествий в Столице и проследовал в одно из своих убежищ.

Через несколько минут Хедрук подсоединил свой пульт связи к системе передатчиков. Таким окольным путем он вызвал Оружейников.

ГЛАВА 18

На экране появилось лицо Питера Кадрона. Он сидел вполоборота к экрану и с воодушевлением разговаривал с кем-то, кто находился вне поля зрения Хедрука. Звуча не было, и Хедрук не стал гадать, с кем говорит бывший советник. У него оказалось время снова подумать, как Кадрон отнесется к нему.

Почти месяц прошел с той ночи, когда он был вынужден действовать против Оружейников — с целью самозащиты. Несмотря на его личное уважение к большинству советников, он не жалел ни о чем. Единственный бессмертный человек Земли мог считать свою жизнь достаточно ценной для ее спасения. Плохой или хороший, но он был самим собой, и весь мир должен считаться с ним, пока он может защитить себя.

Кадрон повернулся к экрану и замер, когда увидел, кто перед ним. Затем он торопливо включил звук.

— Хедрук, — сказал он, — это вы! — Улыбка удовольствия появилась у него на лице. Его глаза сияли. — Хедрук, где вы были? Мы пытались связаться с вами всеми средствами!..

Хедрук ответил:

— Каков мой статус по отношению к Оружейникам?

Кадрон выпрямился.

— Меня уполномочили, — произнес он, — извиниться перед вами за наши истерические действия против вас. Мы можем только полагать, что были просто охвачены паникой. Я приношу личные извинения за то, что произошло.

— Благодарю. Это означает, что больше, вне всяких сомнений, не будет никаких интриг?

— Наше слово чести, — воскликнул Кадрон. — Хедрук, послушайте, мы сидим, как на иголках, ожидая, когда вы позвоните. Императрица, как вы знаете, отдала межзвездный двигатель без всяких условий на следующее утро после атаки!

Хедрук узнал об этом на корабле по пути на Землю.

— Продолжайте.

Кадрон был возбужден.

— Мы получили от нее самое замечательное предложение. Признание Магазинов и участие в правительстве. Это капитуляция по первому разряду.

Хедрук сказал:

— Вы отказались, конечно?

— Э? — Кадрон непонимающе уставился на него.

Хедрук продолжал твердо:

— Вы не имеете, конечно, в виду, что Совет решил принять предложение? Вы должны понимать, что никогда не может быть достигнуто согласие между двумя такими диаметрально противоположными силами.

— Но, — запротестовал Кадрон, — это одна из вещей, которую вы предложили сами, как причину для вашего визита во дворец.

Хедрук сказал:

— Это заблуждение. Во время кризиса цивилизации мы должны иметь кого-то одновременно и в Магазилах, и во дворце. Подождите!

Он продолжал звонким голосом:

— Оружейные Магазины представляют постоянную оппозицию. Недостатком оппозиции в старые времена всегда было то, что она строила планы прихода к власти, слишком часто их критицизм был нечестным, их намерения злыми, они жаждали власти. Оружейные Магазины никогда не должны позволить таких эмоций у своих сторонников. Пускай Императрица перестраивает свой собственный хаос. Я не говорю, что она ответственна за разваленное состояние Империи, но для нее пришло время предпринять энергичную чистку. В течение всего этого времени Оружейные Магазины должны оставаться в стороне, заинтересованные, но поддерживающие повсюду, сквозь всю галактику, свои великие принципы защиты тех, кто угнетен. Изготовители оружия должны только продавать свое оружие и оставаться вне политики.

Кадрон сказал медленно:

— Вы хотите, чтобы мы...

— Продолжали свой обычный бизнес, не более, не менее. А теперь, Кадрон, — Хедрук улыбнулся, — передайте мои лучшие пожелания бывшему Совету. Я намерен отправиться во дворец через час, и никто из вас не услышит от меня больше ни слова. Прощайте все вы и всего хорошего.

Он выключил пульт резким движением и остался наедине со своей старой-старой болью. Еще раз он отстранялся от всего... Наконец, он подавил гнетущее чувство одиночества

и привел свой карплан во дворец точно через час. Он уже звонил Иннельде и был тотчас допущен в ее апартаменты.

Хедрук смотрел на нее через полуприкрытые веки, когда они говорили. Она напряженно сидела возле него, высокая, изящная женщина с удлинённым лицом, чьи зеленые глаза надежно скрывали ее мысли. Они сидели под пальмой в саду, который был залом для приемов на тридцать четвертом этаже. Мягкий ветерок обдувал их. Он дважды поцеловал ее и понял, что ее скованность имеет внутренние мотивы, которые он должен узнать. Она приняла поцелуи с пассивностью рабыни.

Хедрук выпрямился.

— Иннельда, в чем дело?

Она молчала, и он настойчиво продолжал:

— Первое, что я увидел, когда вернулся, было то, что принц дель Куртин, который был буквально твоей правой рукой, изгнан из дворца. Почему?

Слова, казалось, вернули ее из какой-то глубины.

— Мой кузен имел безрассудство критиковать меня и выступать против моего проекта. Меня не должны травить даже те, кого я люблю.

— Травить тебя? Он? Это не похоже на принца.

Молчание. Хедрук посмотрел на нее искоса, затем настойчиво произнес:

— Ты практически махнула рукой на межзвездный двигатель, и сейчас, когда я с тобой, я не чувствую, что это хоть что-нибудь для тебя значит.

В течение следовавшего долгого молчания к нему впервые пришла мысль о причине ее скованности. Возможно ли, что она узнала правду о нем? Прежде чем он заговорил, раздался ее тихий голос:

— Возможно, все, что мне нужно действительно сказать, Роберт, это то, что здесь будет наследник Ишерое.

Упоминание о ребенке почти не задело его. Она узнала, вот что имело значение. Хедрук вздохнул.

— Я забыл. Ты захватила Гениша, не так ли.

— Да, я захватила его, и ему не понадобилось намного больше информации, чем он уже имел. Несколько слов, и интуиция сработала.

— Что ты собираешься делать?

Она ответила отстраненным голосом:

— Женщина не может любить бессмертного человека. Такая связь уничтожит ее душу, ее разум. — Она продолжала: — Я поняла сейчас, что никогда не любила тебя. Ты очаровал меня и, возможно, пробуждал во мне какое-то противоестественное любопытство. Хотя я и горжусь, что избрала

тебя, не зная ни о чем. Это говорит об огромном жизненном инстинкте нашей линии. Роберт!

— Да?

— Те, другие Императрицы... на что была похожа твоя жизнь с ними?

Хедрук покачал головой.

— Я не скажу тебе. Я хочу, чтобы ты не думала о них.

Она усмехнулась:

— Ты думаешь, я ревную? Нет... совсем нет. — Она добавила отстраненно: — С этого момента я — семейная женщина, которая намерена заслужить уважение и привязанность своего ребенка. Императрица Ишер не может жить по-другому. Но в глубине души я всегда буду осуждать тебя. — Ее глаза потемнели. Она сказала с неожиданной суровостью: — Я должна все это обдумать. Оставь меня сейчас, слышишь?

Иннельда протянула руку, и, когда он склонился над ней, та показалась ему под его губами мягкой и безвольной. Хедрук, нахмурившись, прошел в свои апартаменты. И здесь, в одиночестве, он вспомнил о Генише. Он сделал вызов через Информационный Центр Оружейников и попросил А-человека прийти во дворец.

Часом позже двое мужчин сидели друг перед другом.

— Я понял, — сказал Гениш, — что мне не следует ожидать никаких объяснений.

— Позже, — сказал Хедрук. — Что вы собираетесь делать? Или, скорее, что вы уже сделали?

— Ничего.

— Вы имеете в виду...

— Ничего. Я понял, что это знание может сделать со средним или даже высшим человеческим существом. Я никогда не скажу ни слова Совету и никому другому.

Хедрук почувствовал облегчение. Он слишком хорошо знал этого выдающегося человека. За этим обещанием не было страха, просто абсолютная честность мировоззрения. Он увидел, что глаза Гениша внимательно изучают его. А-человек сказал:

— С моими способностями я, вполне естественно, не нуждался в реальной проверке воздействия эффекта бессмертия на человека. Но вы сделали это, не так ли? Где это было? Когда?

Хедрук с трудом сглотнул. Память обжигала, как огонь.

— Это было на Венере, — сказал он ровным голосом, — в самом начале эры межпланетных путешествий. Я организовал изолированную колонию ученых, рассказал им всю правду и посадил их работать, чтобы помочь мне открыть секрет бессмертия. Это было ужасно... — В его голосе звучало

смятение. — Они не могли спокойно наблюдать мою вечную молодость, в то время как сами старели. Этого никогда не должно повториться.

Он содрогнулся, и А-человек быстро сказал:

— Как будет с вашей женой?

Хедрук молчал несколько минут. Потом он сказал:

— Императрицы Ишер в прошлом всегда гордились связью с бессмертным человеком. И ради детей мирились со мной. Больше я ничего не могу сказать. — Его мрачность усилилась. — Я иногда думаю, что должен жениться чаще. И, может быть, бессмертие повторится. Это всего лишь моя тридцатая женитьба. У меня как-то не хватает решимости, хотя — он поднял голову, — я разработал отличный метод старения моей внешности, достаточный, чтобы производить психологический эффект на тех, кто на самом деле знает правду.

Выражение лица Гениша заставило Хедрука спросить:

— В чем дело?

А-человек сказал:

— Она любит вас, я думаю, и это ухудшает дело. Видите ли, она не может иметь ребенка.

Хедрук встал из своего кресла и шагнул к А-человеку, как если бы намеревался столкнуться с ним.

— Вы серьезно? Почему же она сказала мне...

Гениш был бледен.

— Мы, Оружейники, изучаем Императрицу с детства. Сведения о ней, конечно, доступны только трем А-людям и членам Совета. В этом нет сомнения.

Взгляд А-человека был прикован к Хедруку.

— Я знаю, это разрушает ваши планы, но не воспринимайте этого так серьезно. Принц дель Куртин — следующий в семейной линии и может продолжить ее. Я думаю, что появится другая Императрица через несколько поколений, и вы сможете жениться на ней.

Хедрук вернулся в кресло.

— Не будьте таким черствым, — сказал он, — я думаю не о себе, а о женщинах Ишеров. Их черты не видны ясно в Иннельде, но они в ней есть. Она не отдаст ребенка, и это именно то, о чем я беспокоюсь. — Он повернулся к А-человеку. — Вы абсолютно уверены? Не играйте со мной, Гениш.

А-человек сказал твердо:

— Хедрук, я не играю. Императрица Ишер умрет при рождении ребенка и... — Он остановился, его глаза были прикованы к точке за спиной Хедрука.

Хедрук медленно повернулся и увидел женщину, которая стояла там. Женщина сказала холодным голосом:

— Капитан Хедрук, вы возьмете вашего друга, мистера Гениша, и покинете дворец в течение часа, чтобы не возвращаться до тех пор, пока...

Она остановилась и стояла мгновение как статуя. Затем закончила поспешно:

— Никогда не приходите сюда, я не могу этого выдержать. Прощайте!

— Подожди, — резко воскликнул Хедрук. — Иннельда, ты не должна иметь этого ребенка!

Он говорил перед закрытой дверью.

ГЛАВА 19

Именно дель Куртин вызвал Хедрука во дворец в последний день.

— Мы хотим, — прошептал принц, — послать кого-нибудь к ней. Она должна послушаться здравого смысла. Мои друзья собираются посоветовать ее новому доктору Телингеру допустить вас к ней. Оставайтесь в своих комнатах, пока вас не позовут.

Ожидание было тягостным. Хедрук расхаживал по ковру, покрывающему пол, думая о месяцах, прошедших со времени его изгнания из дворца. Фактически, хуже всего были последние дни. Слухи широко распространились кругом. Никаких официальных известий не было, и как это стало известно, невозможно было сказать определенно. Он слышал их, идя в ресторан, который посещал иногда. Он слышал их, проходя по тихим улицам. Они разносились слабым ветерком и возникали едва слышно над гулом разговоров в карпанах. Они не были злыми. Слухи просто сообщали, что скоро появится наследник Ишеров, и возбужденный мир ждал объявления. Они не знали, что этот день настал. Кризис начался в десять часов вечера. Сообщение от доктора Телингера привело Хедрука в королевские апартаменты.

Телингер был человеком среднего роста, с тонким лицом, которое сморщилось от неудовольствия, когда он приветствовал посетителей. Хедрук знал, что доктор Телингер не виноват ни в чем, кроме беспомощности. Он был доставлен во дворец на смену доктору Сноу, которого удалили после тридцатилетней службы придворным врачом. Хедрук вспомнил, как однажды за обеденным столом Иннельда ругала доктора Сноу, называя его «устаревшим практиком, который все еще представляет себя доктором на основании того, что помог мне появиться на свет».

Не было сомнения, что старый доктор Сноу точно обрисовал ей ситуацию. И Иннельде не понравилось это. И также не было сомнений, как понял Хедрук, слушая доктора Теллингера, что новому доктору ни разу не позволили слишком тщательного осмотра. Она хорошо выбрала. Он выглядел человеком, который слишком благоговел перед ней, чтобы преодолеть сопротивление коронованного пациента.

— Я только что обнаружил правду, — лепетал он Хедруку. — Она находится под воздействием обезболивания. Принц Хедрук, вы должны уговорить ее. Или ребенок, или она, а ее убеждение, что она останется жить, крайне необоснованно. Она угрожает мне, — закончил он растерянно, — смертью, если ребенок не выживет.

Хедрук сказал:

— Разрешите мне поговорить с ней.

Она лежала в постели, неподвижная и бледная. Ее дыхание было настолько незаметным, что она казалась уже мертвой. Доктор поместил маску с микрофоном над ее спокойным, но внимательным лицом. «Бедный тиран, — подумал Хедрук. — Бедный несчастный тиран, сломленный внутренними силами, слишком огромными, чтобы она могла справиться с ними».

Она сказала нежно:

— Иннельда...

— Это... ты... Роберт... — произнесла она медленно. — Я говорила... им... не... разрешать... тебе... приходиться...

— Твои друзья любят тебя. Они хотят сохранить тебя.

— Они... любят... меня... Они думают, что я... дура... Но я докажу им. Я останусь жить, но и ребенок должен жить тоже...

— Принц дель Куртин женат на чудесной и красивой женщине. У них будут замечательные дети, будущие наследники.

— Никакой ребенок, кроме моего... и твоего... не будет править Ишером... Разве ты не видишь, что только прямая линия имеет значение. Здесь никогда не было разрыва. Его не должно быть и теперь. Разве ты не понимаешь?

Хедрук стоял, опечаленный. Он видел это даже более ясно, чем она. В древние времена, когда под различными вымышленными именами он уговаривал Императоров Ишер жениться на женщинах, которые были жизненно важными для династии, казалось невероятным, что черты характера Ишеров станут настолько сильными. И эта несчастная женщина не понимала, что ее ссылки на «линию» были только предлогом. Она хотела своего собственного ребенка. Такова была простая правда.

— Роберт... ты останешься... и поддержишь мою руку?

Он остался и наблюдал, как убывают ее жизненные силы. Ждал, пока смерть не пришла к ее холодеющему телу, а младенец не начал раздражать его своим хриплым плачем.

На расстоянии в половину светового года летел корабль в несколько миль длиной. И внутри него мысли его обитателей передавались от мозга к мозгу:

«...Второе исследование почти так же тщетно по своим результатам, как и первое. Мы знаем некоторые законы, но почему этот правитель, который обладал целым миром, отдал свою жизнь за ребенка? Ее доводы, что именно она должна продолжить свою линию, логически необоснованы. Это только вопрос незначительной разницы в атомной структуре. Многие мужчины и женщины могли бы сохранить ее племенную прогрессию».

«Может быть, вернуть ее к жизни и сделать запись эмоциональной реакции на ее окружение...»

«...исследовал нашего бывшего пленника Хедрука и оказалось, что тот гениальным методом аннулировал логику, которая требовала его уничтожения. Соответственно, мы должны покинуть галактику в течение одного периода...»

«Все, что мы узнали... это то, что это раса, которая будет править Вселенной».

ЧУДОВИЩЕ

На высоте четверти мили огромный звездолет повис над одним из городов. Внизу все носило следы космического опустошения. Медленно опускаясь в энергетической гондолосфере, Инэш заметил, что здания уже начинали разваливаться от времени.

— Никаких следов военных действий. Никаких следов... — ежеминутно повторял бесплотный механический голос.

Инэш перевел настройку.

Достигнув поверхности, он отключил поле своей гондолы и оказался на окруженном стенами заросшем участке. Нескольких скелетов лежало в высокой траве перед зданием с обтекаемыми стремительными линиями. Это были скелеты длинных двуруких и двуногих созданий; череп каждого держался на верхнем конце тонкого спинного хребта. Все костяки явно принадлежали взрослым особям и казались прекрасно сохранившимися, но когда Инэш нагнулся и тронул один из них, целый сустав рассыпался в прах. Выпрямившись, он увидел, как Йоал приземляется поблизости. Подождав, пока историк выберется из своей энергетической сферы, Инэш спросил:

— Как, по-вашему, стоит попробовать наш метод оживления?

Йоал казался озабоченным.

— Я расспрашивал всех, кто уже спускался сюда в звездолете, — ответил он. — Что-то здесь не так. На этой планете не осталось живых существ, не осталось даже насекомых. Прежде чем начинать какую-либо колонизацию, мы должны выяснить, что здесь произошло.

Инэш промолчал. Подул слабый ветерок, зашелестел листвой в кронах рощицы неподалеку от них. Инэш взглянул на деревья. Йоал кивнул.

Да, растительность не пострадала, однако растения, как правило, реагируют совсем иначе, чем активные формы жизни.

Их прервали. Из приемника прозвучал голос:

— Примерно в центре города обнаружен музей. На его крыше — красный маяк.

— Я пойду с вами, Йоал, — сказал Инэш. — Там, возможно, сохранились скелеты животных и разумных существ на различных стадиях эволюции. Кстати, вы не ответили мне. Собираетесь ли вы оживать эти существа?

— Я представляю вопрос на обсуждение совета, — медленно проговорил Йоал, — но мне кажется, ответ не вызывает сомнений. Мы обязаны знать причину этой катастрофы. — Он описал неопределенный полукруг одним из своих щупа-

лец и как бы про себя добавил: — Разумеется, действовать надо осторожно, начиная с самых ранних ступеней эволюции. Отсутствие детских скелетов указывает, что эти существа, повидимому, достигли индивидуального бессмертия.

Совет собрался для осмотра экспонатов. Инэш знал — это пустая формальность. Решение принято — они будут оживать. Помимо всего прочего, они были заинтригованы. Вселенная безгранична, полеты сквозь космос долги и тоскливы, поэтому, спускаясь на неведомые планеты, они всегда с волнением ожидали встречи с новыми формами жизни, которые можно увидеть своими глазами, изучить.

Музей походил на все музеи. Высокие сводчатые потолки, обширные залы. Пластмассовые фигуры странных зверей, множество предметов — их было слишком много, чтобы все осмотреть и понять за столь короткое время. Эволюция неведомой расы была представлена последовательными группами реликвий. Инэш вместе со всеми прошел по залам. Он облегченно вздохнул, когда они наконец добрались до ряда скелетов и мумий. Укрывшись за силовым экраном, наблюдал, как специалисты-биологи извлекают мумию из каменного саркофага. Тело мумии было перебинтовано полосами материи в несколько слоев, но биологи не стали разворачивать истлевшую ткань. Раздвинув пелены, они, как обычно делалось в таких случаях, взяли пинцетом только обломок черепной коробки. Для оживления годится любая часть скелета, однако лучшие результаты, наиболее совершенную реконструкцию дают некоторые участки черепа.

Главный биолог Хамар объяснил, почему они выбрали именно эту мумию:

— Для сохранения тела они применили химические вещества, которые свидетельствуют о зачаточном состоянии химии. Резьба же на саркофаге говорит о примитивной цивилизации, незнакомой с машинами. На этой стадии потенциальные возможности нервной системы вряд ли были особенно развитыми. Наши специалисты по языкам проанализировали записи говорящих машин, установленных во всех разделах музея, и, хотя языков оказалось очень много — здесь есть запись разговорной речи даже той эпохи, когда это существо было живо, — они без труда расшифровали все понятия. Сейчас универсальный переводчик настроен ими так, что переведет любой наш вопрос на языке оживленного существа. То же самое, разумеется, и с обратным переводом. Но, простите, я вижу, первое тело уже подготовлено!

Инэш вместе с остальными членам совета пристально следил за биологами: те закрепили зажимами крышку воскресителя и процесс пластического восстановления начался. Он

почувствовал, как все внутри него напряглось. Он знал, что сейчас произойдет. Знал наверняка. Пройдет несколько минут, и древний обитатель этой планеты поднимется из воскресителя и встанет перед ними лицом к лицу. Научный метод воскрешения прост и безотказен.

Жизнь возникает из тьмы бесконечно малых величин, на грани, где все начинается и все кончается, на грани жизни, и не жизни, в той сумеречной области, где вибрирующая материя легко переходит из старого состояния в новое, из органической в неорганическую и обратно. Электроны не бывают живыми или неживыми, атомы ничего не знают об одушевленности или неодушевленности. Но когда атомы соединяются в молекулы, на этой стадии достаточно одного шага, ничтожно малого шага к жизни, если только жизни суждено зародиться. Один шаг, а за ним темнота. Или жизнь.

Камень или живая клетка. Крупица золота или травинка. Морской песок или столь же бесчисленные крохотные живые существа, населяющие бездонные глубины рыбьего царства. Разница между ними возникает в сумеречной области зарождения материи. Там каждая живая клетка обретает присущую ей форму. Если у краба оторвать ногу, вместо нее вырастает такая же новая. Червь вытягивается и вскоре разделяется на двух червей, на две одинаковые желудочные системы, такие же прожорливые, совершенные и ничуть не поврежденные этим разделением. Каждая клетка «помнит» это целое в таких мельчайших и сложных подробностях, что для их описания просто не хватит сил.

Но вот что парадоксально — нельзя считать память органической! Обыкновенный восковой валик запоминает звуки. Магнитная лента легко воспроизводит голоса, умолкшие столетия назад. Память — это филологический отпечаток, следы, оставленные на материи, изменившие строение молекул; и, если ее пробудить, молекулы воспроизведут те же образы в том же ритме.

Квадрильоны и квинтильоны пробужденных образований устремились из черепа мумии в воскреситель. Память, как всегда, не подвела.

Ресницы воскресенного дрогнули, и он открыл глаза.

— Значит, это правда, — сказал он громко, и машина сразу же перевела его слова на язык гэнейцев. — Значит, смерть — только переход в иной мир. Но где же все мои приближенные?

Последнюю фразу он произнес растерянным, жалобным тоном.

Воскрешенный сел, потом выбрался из аппарата, крышка которого автоматически поднялась, когда он ожил. Увидев

гэнейцев, он задрожал, но это длилось какой-то миг. Воскресший был горд и обладал своеобразным высокомерным мужеством, которое сейчас ему пригодилось. Неохотно опустил он на колени, простерся ниц, но тут сомнения одолели его.

— Вы боги Египта? — спросил он и снова встал. — Что за уроды! Я не поклоняюсь неведомым демонам.

— Убейте его! — сказал капитан Горсид.

Двуногое чудовище судорожно дернулось и растаяло в пламени лучевого ружья.

Второй воскрешенный поднялся, дрожа и бледнея от ужаса.

— Господи, боже мой, чтобы я еще когда-нибудь прикоснулся к проклятому зелью! Подумать только, допился до розовых слонов...

— Это что за «зелье», о котором ты упомянул, воскрешенный? — с любопытством спросил Йоал.

— Первач, сивуха, отравы во фляжке из заднего кармана, молоко от бешеной коровки, — чем только не поят в этом притоне, о господи, боже мой!

Капитан Горсид вопросительно посмотрел на Йоала.

— Стоит ли продолжать?

Йоал, помедлив, ответил:

— Подождите, это любопытно.

Потом снова обратился к воскрешенному:

— Как бы ты реагировал, если бы я тебе сказал, что мы прилетели с другой звезды?

Человек уставился на него. Он был явно заинтересован, но страх оказался сильнее.

— Послушайте, — сказал он. — Я ехал по своим делам. Положим, я опрокинул пару лишних рюмок, но во всем виновата эта пакость, которой сейчас торгуют. Клянусь, я не видел другой машины, и, если это новый способ наказывать тех, кто пьет за рулем, я сдаюсь. Ваша взяла. Клянусь, до конца своих дней больше не выпью ни капли, только отпустите меня.

— Он водит «машину», но он о ней совершенно не думает, — проговорил Йоал. — Никаких таких «машин» мы не видели. Они не позаботились сохранить их в своем музее.

Инэш заметил, что все ждут, когда кто-нибудь еще задаст вопрос. Почувствовав, что если он сам не заговорит, круг молчания замкнется, Инэш сказал:

— Попросите его описать «машину». Как она действует?

— Вот это другое дело! — обрадовался человек. — Скажите, куда вы клоните, и я отвечу на любой вопрос. Я могу накачаться так, что в глазах задвоится, но все равно машину

поведу. Как она действует? Просто. Включаешь стартер и ногой даешь газ...

— Газ, — вмешался техник-лейтенант Виид. — Мотор внутреннего сгорания. Все ясно.

Капитан Горсид подал знак стражу с лучевым ружьем.

Третий человек сел и некоторое время внимательно смотрел на них.

— Со звезд? — наконец спросил он. — У вас есть система или вы попали к нам по чистой случайности?

Гэнейские советники, собравшиеся под куполом зала, неловко заерзали в своих гнутых креслах. Инэш встретился глазами с Йоалом. Историк был потрясен, и это встревожило метеоролога. Он подумал: «Двуногое чудовище обладает ненормальной быстрой приспособляемостью к новым условиям и слишком острым чувством действительности. Ни одни гэнеец не может сравниться с ним по скорости реакций».

— Быстрота мысли не всегда является признаком превосходства, — проговорил главный биолог Хамар. — Существа с медленным, обстоятельным мышлением занимают в ряду мыслящих особей почетные места.

«Дело не в скорости, — невольно подумал Инэш, — а в правильности и точности мысли». Он попробовал представить себя на месте воскрешенного. Сумел бы он вот так же сразу понять, что вокруг него чужие существа с далеких звезд? Вряд ли.

Все это мгновенно вылетело у него из головы, когда человек встал. Инэш и остальные советники не спускали с него глаз. Человек быстро подошел к окну, выглянул наружу. Один короткий взгляд, и он повернулся к ним.

— Везде то же самое?

Снова гэнейцев поразила быстрота, с которой он все понял.

Наконец Йоал решил ответить:

— Да. Опустошение. Смерть. Развалины. Вы знаете, что здесь произошло?

Человек подошел и остановился перед силовым экраном, за которым сидели гэнейцы.

— Могу я осмотреть музей? Я должен прикинуть, в какой я эпохе. Когда я был жив, мы обладали некоторыми средствами разрушения. Какое из них было применено — зависит от количества истекшего времени.

Советники смотрели на капитана Горсида. Тот замялся, потом приказал стражу с лучевым ружьем:

— Следи за ним!

Потом взглянул человеку в глаза.

— Нам ясны ваши намерения. Вам хочется воспользоваться-

ся положением и обеспечить свою безопасность. Хочу вас предупредить: ни одного лишнего движения, и тогда все кончится для вас хорошо.

Неизвестно, поверил человек в эту ложь или нет. Ни единым взглядом, ни единым жестом не показал он, что заметил оплавленный пол там, где лучевое ружье сожгло и обратило в ничто двух его предшественников. С любопытством приблизился он к ближайшей двери, внимательно взглянул на следившего за ним второго стража и быстро направился дальше. Следом прошел страж, за ним двинулся силовой экран, и, наконец, все советники один за другим.

Инэш переступил порог третьим. В этом зале были выставлены модели животных. Следующий представлял эпоху, которую Инэш для простоты назвал про себя «цивилизованной». Здесь хранилось множество аппаратов одного периода. Все они говорили о довольно высоком уровне развития. Когда гэнейцы проходили здесь в первый раз, Инэш подумал: «Атомная энергия». Это же поняли и другие. Капитан Горсид из-за его спины обратился к человеку:

— Ничего не трогать. Один ложный шаг — и страж сожжет вас.

Человек спокойно остановился посреди зала. Несмотря на чувство тревожного любопытства, Инэш залюбовался его самообладанием. Он должен был понимать, какая судьба его ожидает, и все-таки он стоит перед ними, о чем-то глубоко задумавшись.... Наконец человек уверенно заговорил:

— Дальше идти незачем. Может быть, вам удастся определить точнее, какой промежуток времени лежит между днем моего рождения и вот этими машинами. Вот аппарат, который, если судить по таблице, считает взрывающиеся атомы. Когда их число достигает предела, автоматически выделяется определенное количество энергии. Периоды рассчитаны так, чтобы предотвратить цепную реакцию. В мое время существовали тысячи грубых приспособлений для замедления атомной реакции, но для того, чтобы создать такой аппарат, понадобились две тысячи лет с начала атомной эры. Вы можете сделать сравнительный расчет?

Советники выжидательно смотрели на Вииду. Инженер был в растерянности. Наконец он решился и заговорил:

— Девять тысяч лет назад мы знали множество способов предотвращать атомные взрывы. Но, — прибавил он уже медленнее, — я никогда не слышал о приборе, который отсчитывает для этого атомы.

— И все же они погибли, — пробормотал чуть слышно астроном Шюри.

Воцарилось молчание. Его прервал капитан Горсид:

— Убей чудовище! — приказал он ближайшему стражу.

В то же мгновение объятый пламенем страж рухнул на пол. И не страж, а стражи! Все одновременно были сметены и поглощены голубым вихрем. Пламя лизнуло силовой экран, отпрянуло, рванулось еще яростней и снова отпрянуло, разгораясь все ярче. Сквозь огненную завесу Инэш увидел, как человек отступил к дальней двери. Аппарат, считающий атомы, светился от напряжения, окутанный синими молниями.

— Закройте все выходы! — пролаял в микрофон капитан Горсид. — Поставить охрану с лучевыми ружьями! Подвести боевые ракеты ближе и расстрелять чудовище из тяжелых орудий!

Кто-то сказал:

— Мысленный контроль. Какая-то система управления мыслью на расстоянии. Зачем только мы в это впутались!

Они отступали. Синее пламя полыхало до потолка, пытаясь пробиться сквозь силовой экран. Инэш последний раз взглянул на аппарат. Должно быть, он все еще продолжал отсчитывать атомы, потому что вокруг него клубились адские синие вихри.

Вместе с остальными советниками Инэш добрался до зала, где стоял воскреситель. Здесь их укрыл второй силовой экран. С облегчением спрятались они в индивидуальные гондолы, вылетели наружу и поспешно поднялись в звездолет. Когда огромный корабль взмыл ввысь, от него отделилась атомная бомба. Огненная бездна разверзлась внизу над музеем и над всем городом.

— А ведь мы так и не узнали, от чего погибла раса этих существ, — прошептал Йоал на ухо Инэшу, когда раскаты взрыва замерли в отдалении.

Бледно-желтое солнце поднялось над горизонтом на третье утро после взрыва бомбы. Пошел восьмой день их пребывания на этой планете. Инэш вместе с остальными спустился в новый город. Он решил воспротивиться любой попытке производить воскрешения.

— Как метеоролог, — сказал он, — я объявляю, что эта планета вполне безопасна и пригодна для гэнейской колонизации. Не вижу никакой необходимости еще раз подвергаться риску. Эти существа проникли в тайны своей нервной системы, и мы не можем допустить...

Его прервали. Биолог Хамар насмешливо сказал:

— Если они знали так много, почему же не переселились на другую звездную систему и не спаслись?

— Полагаю, — ответил Инэш, — они не открыли наш метод определения звезд с планетами.

Он обвел хмурым взглядом круг друзей.

— Мы все знаем, что это было уникальное, случайное открытие. Дело тут не в мудрости, — нам просто повезло.

По выражению лиц он понял: они мысленно отвергают его довод. Инэш чувствовал свое бессилие предотвратить неизбежную катастрофу. Он представил себе, как эта великая раса встретила смерть. Должно быть, она наступила быстро, но не столь быстро, чтобы они не успели понять. Слишком много скелетов лежало на открытых местах, в садах великолепных домов. Казалось, мужья вышли с женами наружу, чтобы встретить гибель своего народа под открытым небом. Инэш пытался описать советникам их последний день много-много лет назад, когда эти существа спокойно смотрели в лицо смерти. Однако вызванные им зрительные образы не достигли сознания его соплеменников. Советники нетерпеливо задвигались в креслах за несколькими рядами защитных силовых экранов, а капитан Горсид спросил:

— Объясните, Инэш, что именно вызвало у вас такую эмоциональную реакцию?

Вопрос заставил Инэша умолкнуть. Он не думал, что эта была эмоция. Он не отдавал себе отчета в природе наваждения — так незаметно оно овладевало им. И только теперь он вдруг понял.

— Что именно? — медленно проговорил он. — Знаю. Это был третий воскрешенный. Я видел его сквозь завесу энергетического пламени. Он стоял там, у дальней двери, и смотрел на нас, пока мы не обратились в бегство. Смотрел с любопытством. Его мужество, спокойствие, ловкость, с которой он нас одурачил, — в этом все дело...

— И все это привело его к гибели, — сказал Хамар. Все захохотали.

— Послушайте, Инэш! — добродушно обратился к нему Мэйард, помощник капитана. — Не станете же вы утверждать, что эти существа храбрее нас с вами или что даже теперь, приняв все меры предосторожности, нам всем следует опасаться одного воскрешенного нами чудовища?

Инэш промолчал. Он чувствовал себя глупо. Его совершенно убило открытие, что у него могут быть эмоции. К тому же не хотелось выглядеть упрямым. Тем не менее он сделал последнюю попытку.

— Я хочу сказать только одно, — сердито пробурчал он. — Стремление выяснить, что случилось с погибшей расой, кажется мне не таким уж обязательным.

Капитан Горсид подал знак биологу.

— Приступайте к оживлению! — приказал он.

И, обращаясь к Инэшу, проговорил:

— Разве мы можем вот так, не закончив всего, вернуться

на Гэйну и посоветовать массовое переселение? Представьте себе, что мы чего-то не выяснили здесь до конца. Нет, мой друг, это невозможно.

Довод был старый, но сейчас Инэш почему-то с ним сразу согласился. Он хотел что-то добавить, но забыл обо всем, ибо четвертый человек поднялся в воскресителе.

Он сел и исчез.

Наступила мертвая тишина, полная ужаса и изумления. Капитан Горсид хрипло проговорил:

— Он не мог отсюда уйти. Мы это знаем. Он где-то здесь.

Гэнейцы вокруг Инэша, встав с кресел, всматривались в пустоту под энергетическим колпаком. Стражи стояли, безвольно опустив щупальца с лучевыми ружьями. Боковым зрением Инэш увидел, как один из техников, обслуживающих защитные экраны, что-то шепнул Вииду, который сразу последовал за ним. Вернулся он, заметно помрачнев.

— Мне сказали, — проговорил Виид, — что, когда воскрешенный исчез, стрелки приборов прыгнули на десять делений. Это уровень внутридерных процессов.

— Во имя первого гэнейца! — прошептал Шюри. — Это то, чего мы всегда боялись.

— Уничтожить все локаторы на звездолете! — кричал капитан Горсид в микрофон. — Уничтожить все, вы слышите?

Он повернулся, сверкая глазами, к астроному.

— Шюри, они, кажется, меня не поняли. Прикажите своим подчиненным действовать! Все локаторы и воскресители должны быть немедленно уничтожены.

— Скорее, скорее! — жалобно подтвердил Шюри.

Когда это было сделано, они перевели дух. На лицах появились угрюмые усмешки. Все чувствовали мрачное удовлетворение. Помощник капитана Мэйард проговорил:

— Во всяком случае, теперь он не найдет нашу Гэйну. Великая система определения звезд с планетами останется нашей тайной. Мы можем не опасаться возмездия...

Он остановился и уже медленно закончил:

— О чем это я говорю?.. Мы ничего не сделали. Разве мы виноваты в том, что случилось с жителями этой планеты?

Но Инэш знал, о чем он подумал. Чувство вины всегда возникало у них в подобные моменты. Призраки всех истребленных гэнейцами рас: беспощадная воля, которая вдохновляла их, когда они впервые приземлялись; решимость уничтожить здесь все, что им помешает; темные бездны безмолвного ужаса и ненависти, разверзающиеся за ними повсюду; дни страшного суда, когда они безжалостно облучали ничего не подозревавших обитателей мирных планет смертоносной радиацией, — вот что скрывалось за словами Мэйарда.

— Я все же не верю, что он мог сбежать, — заговорил капитан Горсид. — Он здесь, в здании, он ждет, когда мы снимем защитные экраны, и тогда он сумеет уйти. Путь ждет. Мы этого не сделаем.

Снова воцарилось молчание. Они выжидательно смотрели на пустой купол энергетической защиты. Только сверкающий воскреситель стоял там на своих металлических подставках. Кроме этого аппарата, там не было ничего — ни одного постороннего блика, ни одной тени. Желтые солнечные лучи проникали всюду, освещая площадку с такой яркостью, что укрыться на ней было просто невыносимо.

— Стража! — приказал капитан Горсид. — Уничтожьте воскреситель. Я думаю, он вернется, чтобы его осмотреть, поэтому не следует рисковать.

Аппарат исчез в волнах белого пламени. Вместе с ним исчезла и последняя надежда Инэша, который все еще верил, что смертоносная энергия заставит двуногое чудовище появиться. Надеться больше было не на что.

— Но куда он мог деться? — спросил Йоал.

Инэш повернулся к историку, собираясь обсудить в нем этот вопрос. Уже заканчивая полуоборот, он увидел — чудовище стоит чуть поодаль под деревом и внимательно их разглядывает. Должно быть, оно появилось именно в этот миг, потому что все советники одновременно открыли рты и отпрянули. Один из техников, проявляя величайшую находчивость, мгновенно установил между гэнейцами и чудовищем силовой экран. Существо медленно приблизилось, оно было хрупким и несло голову, слегка откинув назад. Глаза его сияли, будто освещенные внутренним огнем.

Подойдя к экрану, человек вытянул руку и коснулся его пальцами. Экран ослепительно вспыхнул, потом затуманился переливами красок. Волна красок перешла на человека: цвета стали ярче и в мгновение разлились по всему его телу, с головы до ног. Радужный туман рассеялся. Очертания стали незримы. Еще миг — и человек прошел сквозь экран.

Он засмеялся — звук был странно мягким — и сразу серьезнел.

— Когда я пробудился, ситуация меня позабавила, — сказал он. — Я подумал: «Что мне теперь с вами делать?»

Для Инэша его слова прозвучали в утреннем воздухе мертвой планеты приговором судьбы. Молчание нарушил голос, настолько сдавленный и неестественный голос, что Инэшу понадобилось время, чтобы узнать голос капитана Горсида.

— Убейте его!

Когда взрывы пламени опали, обессиленные, неуязвимое

существо по-прежнему стояло перед ними. Оно медленно двинулось вперед и остановилось шагах в шести от ближайшего гэнейца. Инэш оказался позади всех. Человек неторопливо заговорил:

— Напрашиваются два решения: одно — основанное на благодарности за мое воскрешение, второе — на действительном положении вещей. Я знаю, кто вы и что вам нужно. Да, я вас знаю — в этом ваше несчастье. Тут трудно быть милосердным. Но попробую. Предположим, — продолжал он, — вы откроете тайну локатора. Теперь, поскольку система существует, мы больше никогда не попадемся так глупо, как в тот раз.

Инэш весь напрягся. Его мозг работал так лихорадочно, пытаясь охватить возможные последствия катастрофы, что казалось, в нем не осталось места ни для чего другого. И тем не менее какая-то часть сознания была отвлечена.

— Что же произошло? — спросил он.

Человек потемнел. Воспоминания о том далеком дне сделали его голос хриплым.

— Атомная буря, — проговорил он. — Она пришла из иного звездного мира, захватив весь этот край нашей галактики. Атомный циклон в диаметре около девяноста световых лет, гораздо больше того, что нам было доступно. Спасения не было. Мы не нуждались до этого в звездолетах и ничего не успели построить. К тому же Кастор, единственная известная нам звезда с планетами, тоже был задет бурей.

Он умолк. Затем вернулся к прерванной мысли.

— Итак, секрет локатора... В чем он?

Советники вокруг Инэша вздохнули с облегчением. Теперь они не боялись, что их раса будет уничтожена. Инэш с гордостью отметил, что, когда самое страшное осталось позади, никто из гэнейцев даже не подумал о себе.

— Значит, вы не знаете тайны? — вкрадчиво проговорил Йоал. — Вы достигли очень высокого развития, однако завоевать галактику сможем только мы.

С заговорщицкой улыбкой он обвел глазами всех остальных и добавил:

— Господа, мы можем по праву гордиться великими открытиями гэнейцев. Предлагаю вернуться на звездолет. На этой планете нам больше нечего делать.

Еще какой-то момент, пока они не скрылись в своих сферических гондолах, Инэш с тревогой думал, что двуногое существо попытается их задержать. Но, оглянувшись, он увидел, что человек повернулся к ним спиной и неторопливо идет вдоль улицы.

Этот образ остался в памяти Инэша, когда звездолет начал

набирать высоту. И еще одно он запомнил: атомные бомбы, сброшенные на город одна за другой, не взорвались.

— Так просто мы не откажемся от этой планеты, — сказал капитан Горсид. — Я предлагаю еще раз переговорить с чудищем.

Они решили снова спуститься в город — Инэш, Йоал, Виид и командир корабля. Голос капитана Горсида прозвучал в их приемниках:

— Мне кажется... — Взгляд Инэша улавливал сквозь утренний туман блеск прозрачных гондол, которые опускались вокруг него. — Мне кажется, мы принимаем это создание совсем не за то, что оно собой представляет в действительности. Вспомните, например — оно пробудилось и сразу исчезло. А почему?.. Потому что испугалось. Ну конечно же! Оно не было хозяином положения. Оно само не считает себя всесильным.

Это звучало убедительно. Инэшу доводы капитана пришли по душе. И ему вдруг показалось непонятным, чего это он так легко поддался панике! Теперь опасность предстала перед ним в ином свете. На всей планете всего один человек. Если они действительно решатся, можно будет начать переселение колонистов, словно его вообще нет. Он вспомнил, так уже делалось в прошлом неоднократно. На многих планетах небольшие группки исконных обитателей избежали действия смертоносной радиации и укрылись в отдаленных областях. Почти всюду колонисты постепенно выловили их и уничтожили. Однако в двух случаях, насколько он помнит, туземцы еще удерживали за собой небольшие части своих планет. В обоих случаях было решено не истреблять их радиацией — это могло повредить самим гэнейцам. Там колонисты примирились с уцелевшими автохтонами. А тут и подавно — всего один обитатель, он не займет много места!

Когда они его отыскивали, человек деловито подметал нижний этаж небольшого особняка. Он отложил веник и вышел к ним на террасу. На нем были теперь сандалии и свободная развевающаяся туника из какой-то ослепительно сверкающей материи. Он лениво посмотрел на них и не сказал ни слова.

Переговоры начал капитан Горсид. Инэш только диву давался, слушая, что тот говорит механическому переводчику. Командир звездолета был предельно откровенен: так решили заранее. Он подчеркнул, что гэнейцы не собираются оживать других мертвецов этой планеты. Подобный альтруизм был бы противоестествен, ибо все возрастающие орды гэнейцев постоянно нуждаются в новых мирах. И каждое новое значительное увеличение населения выдвигало одну и ту же

проблему, которую можно разрешить только одним путем. Но в данном случае колонисты добровольно обязуются не посягать на права единственного уцелевшего обитателя планеты.

В этом месте человек прервал капитана Горсида:

— Какова же была цель такой бесконечной экспансии?

Казалось, он был искренне заинтересован.

— Предположим, вы заселите все планеты нашей галактики. А что дальше?

Капитан Горсид обменялся недоуменным взглядом с Йоалом, затем с Инэшем и Виидом. Инэш отрицательно покачал туловищем из стороны в сторону. Он почувствовал жалость к этому созданию. Человек не понимал и, наверное, никогда не поймет. Старая история! Две расы, жизнеспособная и угасающая, держались противоположных точек зрения: одна стремилась к звездам, а другая склонялась перед неотвратимостью судьбы.

— Почему бы вам не установить контроль над своими инкубаторами? — настаивал человек.

— И вызвать падение правительства? — сыронизировал Йоал.

Он проговорил это снисходительно, но Инэш увидел, как все остальные тоже улыбаются наивности человека. Он почувствовал, как интеллектуальная пропасть между ними становится все шире. Это существо не понимало природы жизненных сил, управляющих миром.

— Хорошо, — снова заговорил человек. — Если вы не способны ограничить свое размножение, это сделаем за вас мы.

Наступило молчание.

Гэнейцы начали окостеневать от ярости. Инэш чувствовал это сам и видел те же признаки у других. Его взгляд переходил с лица на лицо и возвращался к двуногому созданию, по-прежнему стоявшему в дверях. Уже не в первый раз Инэш подумал, что их противник выглядит совершенно беззащитным.

«Сейчас, — подумал он, — я могу обхватить его щупальцами и раздавить!»

Умственный контроль над внутриядерными процессами и гравитационными полями, сочетается ли он со способностью отражать чисто механическое, макрокосмическое нападение? Инэш думал, что сочетается. Сила, проявление которой они видели два часа назад, конечно, должна была иметь какие-то пределы. Но они этих пределов не знали. И тем не менее все это теперь не имело значения. Сильнее они или слабее — неважно. Роковые слова были произнесены: «Если вы не способны ограничить, это сделаем за вас мы!»

Эти слова еще звучали в ушах Инэша, и, по мере того как

их смысл все глубже проникал в его сознание, он чувствовал себя все менее изолированным и отчужденным. До сих пор он считал себя только зрителем. Даже протестуя против дальнейших воскрешений, Инэш действовал как незаинтересованное лицо, наблюдавшее за драмой со стороны, но не участвующее в ней. Только сейчас он с предельной ясностью понял, почему он всегда уступал и в конечном счете соглашался с другими. Возвращаясь в прошлое, к самым отдаленным дням, теперь он видел, что никогда по-настоящему не считал себя участником захвата новых планет и уничтожения чуждых рас. Он просто присутствовал при сем, размышлял, рассуждал о жизни, не имевшей для него значения. Теперь это понятие конкретизировалось. Он больше не мог, не хотел противиться могучей волне страстей, которые его захлестнули. Сейчас он мыслил и чувствовал заодно с необъятной массой гэнейцев. Все силы и все желания расы бушевали в его крови.

— Слушай, двуногий! — прорычал он. — Если ты надеешься оживить свое мертвое племя — оставь эту надежду!

Человек посмотрел на него, но промолчал.

— Если бы ты мог нас всех уничтожить, — продолжал Инэш, — то давно уничтожил бы. Но все дело в том, что у тебя не хватит сил. Наш корабль построен так, что на нем невозможна никакая цепная реакция. Любой частице потенциально активной материи противостоит античастица, не допускающая образования критических масс. Ты можешь произвести взрывы в наших двигателях, но эти взрывы останутся тоже изолированными, и их энергия будет обращена на то, для чего двигатели предназначены, — превратится в движение.

Инэш почувствовал прикосновение Йоала.

— Поостерегись! — шепнул историк. — В запальчивости ты можешь выболтать один из наших секретов.

Инэш стряхнул его щупальце и сердито огрызнулся:

— Хватит наивничать! Этому чудовищу достаточно было взглянуть на наши тела, чтобы разгадать почти все тайны нашей расы. Нужно быть дураком, чтобы воображать, будто оно еще не взвесило свои и наши возможности в данной ситуации!

— Инэш! — рявкнул капитан Горсид.

Услышав металлические нотки в его голове, Инэш отступил и ответил:

— Слушаюсь.

Его ярость остыла так же быстро, как вспыхнула.

— Мне кажется, — продолжал капитан Горсид, — я догадываюсь, что вы намеревались сказать. Я целиком с вами

согласен, но в качестве высшего представителя власти Гэйны считаю своим долгом предъявить ультиматум.

Он повернулся. Его рогатое тело нависло над человеком.

— Ты осмелился произнести слова, которым нет прощения. Ты сказал, что вы попытаетесь ограничить движение великого духа Гэйны.

— Не духа, — прервал его человек. Он тихонько рассмеялся. — Вовсе не духа!

Капитан Горсид пренебрег его словами.

— Поэтому, — продолжал он, — у нас нет выбора. Мы полагаем, что со временем, собрав необходимые материалы и изготовив соответствующие инструменты, ты сумеешь построить воскреситель. По нашим расчетам, на это понадобится самое меньшее два года, даже если ты знаешь все. Это необычайно сложный аппарат, и собрать его единственному представителю расы, которая отказалась от машин за тысячелетие до того, как была уничтожена, будет очень и очень не просто.

Ты не успеешь построить звездолет. И мы не дадим тебе времени собрать воскреситель. Возможно, ты сумеешь предотвратить взрывы на каком-то расстоянии вокруг себя. Тогда мы полетим к другим материкам. Если ты помешаешь и там, значит, нам понадобится помощь. Через шесть месяцев полета с наивысшим ускорением мы достигнем точки, откуда ближайшие колонизированные гэнейцами планеты услышат наш призыв. Они пошлют огромный флот: ему не смогут противостоять все твои силы. Сбрасывая по сотне или по тысяче бомб в минуту, мы уничтожим все города, так что от скелетов твоего народа не останется даже праха.

Таков наш план. И так оно и будет. А теперь делай с нами что хочешь — мы в твоей власти.

Человек покачал головой.

— Пока я ничего не стану делать, — сказал он и подчеркнул: — Пока ничего.

Помолчав, добавил задумчиво:

— Вы рассуждаете логично. Очень. Разумеется, я не всемогущ, но, мне кажется, вы забыли одну маленькую деталь. Какую, не скажу. А теперь прощайте. Возвращайтесь на свой корабль и летите, куда хотите. У меня еще много дел.

Инэш стоял неподвижно, чувствуя, как ярость снова разгорается в нем. Потом, зашипев, он прыгнул, растопырив щупальца. Они уже почти касались нежного тела, как вдруг что — то отшвырнуло его...

Очнулся Инэш на звездолете.

Он не помнил, как очутился в нем, он не был ранен, не испытывал никакого потрясения. Он беспокоился только о

капитане Горсиде, Вииде, Йоале, но все трое стояли рядом с ним такие же изумленные. Инэш лежал неподвижно и думал о том, что сказал человек: «Вы забыли одну маленькую деталь...» Забыли? Значит, они ее знали! Что же это такое? Он все еще раздумывал над этим, когда Йоал сказал:

— Глупо надеяться, что наши бомбы хоть что-нибудь сделают!

Он оказался прав.

Когда звездолет удалился от Земли на сорок световых лет, Инэша вызвали в зал совета. Вместо приветствия Йоал уныло сказал:

— Чудовище на корабле.

Его слова как гром поразили Инэша, но вместе с их раскатами на него снизошло внезапное озарение.

— Так вот о чем мы забыли! — удивленно и громко проговорил он наконец. — Мы забыли, что он при желании может передвигаться в космическом пространстве в пределах... как это он сказал?.. в пределах девяности световых лет.

Инэш понял. Гэнейцы, которым приходилось пользоваться звездолетами, разумеется, не вспомнили о такой возможности. И удивляться тут было нечему. Постепенно действительность начала утрачивать для него значение. Теперь, когда все свершилось, он снова почувствовал себя измученным и старым, он снова был отчаянно одинок.

Для того чтобы ввести его в курс дела, понадобилось всего несколько минут. Один из физиков-ассистентов по дороге в кладовую заметил человека в нижнем коридоре. Странно только, что никто из многочисленной команды звездолета не обнаружил чудовище раньше.

«Но мы ведь, в конце концов, не собираемся спускаться или приближаться к нашим планетам, — подумал Инэш. — Таким образом, он сможет нами воспользоваться, только если мы включим видео?..»

Инэш остановился. Ну, конечно, в этом все дело! Им придется включить направленный видеолуч, и, едва контакт будет установлен, человек сможет определить нужное направление.

Решение Инэш прочел в глазах своих соплеменников — единственное возможное в данных условиях решение. И все же ему казалось, что они что-то упустили, что-то очень важное. Он медленно подошел к большому видеоэкрану, установленному в конце зала. Картина, изображенная на нем, была так ярка, так величественна и прекрасна, что непривычный разум содрогался перед ней, как от вспышки молнии. Даже Инэша, хотя он видел это неоднократно, охватывало

ощепенение перед немыслимой, невообразимой бездной космоса. Это было изображение части Млечного Пути. Четыреста миллионов звезд сияли, словно в окуляре гигантского телескопа, способного улавливать даже мерцание красных карликов, удаленных на расстояние в тридцать тысяч световых лет. Видеоэкран был диаметром в двадцать пять ярдов — таких телескопов просто не существовало нигде, и к тому же в других галактиках не было стольких звезд.

И только одна из каждых двухсот тысяч сияющих звезд имела пригодные для заселения планеты.

Именно этот факт колоссального значения заставил их принять роковое решение. Инэш устало обвел всех глазами. Когда он заговорил, голос его был спокоен:

— Чудовище рассчитало прекрасно. Если мы полетим дальше, оно полетит вместе с нами, овладеет воскресителем и вернется доступным ему способом на свою планету. Если мы воспользуемся направленным лучом, оно устремится вдоль луча, захватит воскреситель и тоже вернется к себе раньше нас. В любом случае, прежде чем наши корабли долетят до планеты, двуногий успеет оживить достаточное количество своих соплеменников, и тогда мы будем бессильны.

Он содрогнулся всем телом. Рассуждал он правильно, и все же ему казалось, что где-то в его мыслях есть пробел. Инэш медленно продолжал:

— Сейчас у нас только одно преимущество. Какое бы решение мы ни приняли, без машины-переводчика он его не узнает. Мы можем выработать план, который останется для него тайной. Он знает, что ни мы, ни он не можем взорвать корабль. Нам остается единственный выход. Единственный.

Капитан Горсид прервал наступившую тишину:

— Итак, я вижу, вы знаете все. Мы включим двигатели, взорвем приборы управления и погибнем вместе с чудовищем.

Они обменялись взглядами, и в глазах у всех была гордость за свою расу. Инэш по очереди коснулся щупальцами каждого.

Час спустя, когда температура в звездолете ощутимо поднялась, Инэшу пришла в голову мысль, которая заставила его устремиться к микрофону и вызвать астронома Шюри.

— Шюри! — крикнул он. — Вспомни, Шюри, когда чудовище пробудилось и исчезло... Ты помнишь? Капитан Горсид не мог сразу заставить твоих помощников уничтожить локаторы. Мы так и не спросили их, почему они медлили. Спроси их! Спроси их!

Последовало молчание, потом голос Шюри слабо донесся сквозь грохот помех:

— Они.. Не могли... проникнуть... отсека... Дверь... была заперта.

Инэш мешком осел на пол. Вот оно! Значит, они упустили не только одну деталь! Человек очнулся, все понял, стал невидимым и сразу устремился на звездолет. Он открыл тайну локатора и тайну воскресителя, если только не осмотрел его в первую очередь. Когда он появился снова, он уже взял от них все, что хотел. А все остальное понадобилось чудовищу только для того, чтобы толкнуть их на этот акт отчаяния, на самоубийство.

Сейчас, через несколько мгновений он покинет корабль в твердой уверенности, что вскоре ни одно чужое существо не будет знать о его планете, и в такой же твердой уверенности, что его раса возродится, будет жить снова и отныне уже никогда не погибнет.

Потрясенный, Инэш зашатался, цепляясь за рычащий приемник, и начал выкрикивать в микрофон последнее, что он понял. Ответа не было. Все заглушал рев невероятной, уже неуправляемой энергии. Жар начал размягчать его бронированный панцирь, когда Инэш, запинаясь, попробовал дотронуться до силового регулятора. Навстречу ему рванулось багровое пламя. Визжа и всхлипывая, он бросился обратно к передатчику.

Несколько минут спустя он все еще что-то пищал в микрофон, когда могучий звездолет нырнул в чудовищное горнило бело-синего солнца.

СОДЕРЖАНИЕ

Война против рулл	<i>пер. В.Курганова</i>	5
Оружейные магазины Ишера	<i>пер. В.Курганова</i>	101
Оружейники	<i>пер. В.Курганова</i>	199
Чудовище	<i>пер. В.Курганова</i>	347

**В 12 Чудовище. Пер. с английского —
М.: РИПОЛ, Джокер, 1993.—
368 с. (Сборник фантастических произведений)**

ISBN 5-87012-024-4

Ответственный за выпуск
Чепурных О. В.

**Подписано в печать 2.02.93 г. Формат 84х108/32. Бумага газетная.
Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Физ. п. л. 11,5.
Усл. п. л. 19, 32. Переплет 7Б. Цена договорная.
Тираж 100 тыс. экз. Заказ № 2819.**

**Издательства РИПОЛ, «Джокер»
123000 Москва, а/я 21**

**Отпечатано в АП «Курск»
305007 г. Курск, ул. Энгельса, 109**

Произведения фантаста Альфреда Ван Вогта, получившего заслуженное признание во всем мире, отличаются увлекательными сюжетами, в которых есть все: захватывающие поединки между представителями разных миров, удивительные приключения на малоисследованных планетах, предательство, разоблачение и взаимовыручка. Словом, трудно оторваться от книги, тем более когда рассказывается о легкой борьбе землян с враждебными цивилизациями.

АЛЬФРЕД ВАН ВОГТ

